

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. А. Вигасин, А. М. Самозванцев

«АРТХАШАСТРА»

проблемы
социальной
структуры
и права

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

Книга содержит перевод одной из частей древнеиндийского трактата об искусстве политики, снабженный обширным комментарием и источниковедческим введением. На материале «Артхашастры» и с привлечением других санскритских текстов рассматриваются основные проблемы социального строя древней Индии, суда и права.

В $\frac{0504010000-113}{013(02)-84}$ 96-84

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди дошедших до нас произведений древнеиндийской литературы особое место занимает «Артхашастра» — трактат об искусстве политики и управления государством. Традиция приписывает его составление Каутилье — советнику царя Чандрагупты (конец IV в. до н. э.), основателя династии Маурьев.

Сохранившиеся от далекого прошлого литературные тексты имеют большей частью религиозно-философское или ритуальное содержание, источников документального характера от древности почти не осталось. Значение обширного трактата, посвященного вопросам дипломатии и военного искусства, описывающего придворную жизнь, систему администрации и финансов, организацию суда и следствия и т. п., поистине трудно переоценить. Практически нет исследований по истории древней Индии (в особенности по ее экономике, социальной и политической структуре), в которых не использовались бы сведения «Артхашастры» Каутильи (далее — КА). Сочинение это переведено на несколько языков (английский, немецкий, русский, японский, хинди, бенгали и др.), о нем написаны десятки монографий и сотни статей.

Другие древнеиндийские сочинения аналогичной тематики и жанра современной науке неизвестны, и это не только увеличивает интерес к памятнику, но и порождает значительные сложности. До сих пор понимание отдельных частей текста остается спорным или предположительным. Не вполне ясно место, занимаемое им в истории санскритской литературы, дискусионен ряд связанных с трактатом источниковедческих проблем. Длительные споры ведутся о его датировке (предлагаются даты от IV в. до н. э. до IV в. н. э.), а также о том, является ли он творением одного гениального политика (Каутильи) или же сводом, созданным на основе трудов поколений мудрецов. По-разному решается вопрос об идейных истоках трактата: некоторые авторы считают возможным говорить о нем как о светском произведении и сближают идеи КА с положениями древнеиндийской системы материализма — локаят-той, иные видят в нем органическую часть религиозной индуистской литературы. Особенно существенные вопросы возникают в тех случаях, когда текст «Артхашастры» находит близкие параллели в литературе дхармашастр, важнейших индуистских сочинений о праведном поведении. От уяснения соотношения между близкими текстами зависит не только хронология памятников, но и установление их источников и характера. Текстологический анализ КА и

дхармашастр непосредственно связан с исследованием общих проблем истории индийского права и политической мысли. Решение источниковедческих проблем, связанных с КА, помогает понять специфику отражения действительности в этом сочинении, т. е. степень его достоверности.

Центральное место в настоящей работе занимает новый перевод III книги «Артхашастры», содержащей наиболее важные сведения по социальной истории и истории права. Потребность в нем вызвана рядом обстоятельств. Наличествующий полный перевод был выполнен группой ученых в начале 30-х годов, когда изучение памятника лишь начиналось. За прошедшие полвека появились многочисленные специальные исследования, новые переводы и критическое издание текста (Р. П. Кангле). Надо сказать, что над отдельными книгами «Артхашастры» работали разные переводчики и рукопись, опубликованная в 1959 г., после смерти почти всех участников группы, не была унифицирована. Тематика значительной части трактата оставалась чуждой интересам переводчиков. В частности, III книгу, посвященную юридическим вопросам, переводил Е. Е. Обермиллер — ученый, занимавшийся преимущественно историей буддизма в Тибете. К тому же и в советской и в зарубежной историографии к началу 30-х годов практически отсутствовали специальные работы по социально-экономической и политической структуре древнеиндийского общества. Поэтому важнейшая социальная и юридическая терминология часто передается и непоследовательно, и неверно. Так, санскритский термин «варна» всегда переводится как «каста» и, таким образом, целиком отождествляется с «джати», термин «дхарма» — как «закон», а «дхармья» — «законный», хотя обычно речь идет скорее о религиозной добродетели, чем о санкционированной государством юридической норме. Словом «старшина» передается и понятие «грамика» (т. е. деревенский староста) и «грамавриддха» (деревенские старейшины, т. е. панчаят), причем последнее в тексте всегда стоит во множественном числе, переводчик же произвольно употребляет единственное. Отсутствие специального анализа содержания текста ощущается и в самом переводе, и в комментарии: бывают опущены отдельные слова и нередко при интерпретации игнорируется контекст. Переводчик некритически следует толкованиям Р. Шамашастри, И. Я. Мейера и санскритского комментария Ганапати Шастри (1925). Эти толкования вносятся в перевод, несмотря на то что они противоречат тексту издания. Иногда вообще передается комментарий Ганапати, а не собственно текст КА; перевод сложных мест зачастую заменяется приблизительным и произвольным пересказом.

Настоящий перевод III книги КА выполнен по критическому изданию Р. П. Кангле и учитывает имеющиеся переводы на европейские языки. Мы стремились максимально точно передать не только содержание, но и стилевые особенности сочинения. В ряде случаев предлагается новое чтение или трактовка трудных мест. Перевод сопровождается комментарием, включающим санскрит-

ские термины, разъяснения и наблюдения над структурой текста. Ему предпосланы главы, в которых излагается история изучения КА и освещаются некоторые важные с источниковедческой точки зрения вопросы. Для такого сложного и многослойного памятника, как «Артхашастра», первостепенное значение имеют проблемы истоков и характера литературной традиции. Поскольку здесь анализируется книга, посвященная юридической тематике, прежде всего встает вопрос о соотношении ее с традицией дхармашастры, которую обычно рассматривают как юридическую литературу древней и средневековой Индии. Своеобразие и значимость юридического материала трактата заставляет остановиться на вопросах организации суда и судебного процесса и основных понятиях права. Специальные главы посвящены важнейшим аспектам социальных отношений в древней Индии, таких, как община и каста, собственность и семья, рабство и наемный труд. По каждому из этих вопросов «Артхашастра» предоставляет совершенно уникальный материал.

* * *

Перевод и Комментарий (гл. 1) выполнены авторами совместно, Введение и гл. 2 написаны А. А. Вигасиным, гл. 3 — А. М. Самозванцевым.

Авторы посвящают эту книгу светлой памяти Тамары Михайловны Шепуновой.

ВВЕДЕНИЕ

1. Очерк истории изучения «Артхашастры»

Текст КА был обнаружен в начале нашего столетия и впервые опубликован Р. Шамашастри в 1909 г. Уже несколько лет спустя трактат называли наиболее значительным произведением во всей санскритской литературе [2, с. 1; 109, с. 35]. Одним из первых крупных исследователей, обратившихся к нему, был Герман Якоби, опубликовавший в 1911—1913 гг. три работы: «Из истории культуры, языка и литературы по „Артхашастре“» [134], целью которой было, с одной стороны, оценить некоторые сведения ее для истории древнеиндийской культуры, с другой — подтвердить традиционную датировку памятника; «К ранней истории индийской философии» [135] и «О подлинности „Артхашастры“» [136]. Г. Якоби доказывал, что это — подлинное сочинение IV—III вв. до н. э., принадлежавшее перу Чанакьи, министра Чандрагупты Маурья. Ученый писал о трактате: «Трудно допустить, что он создан не для того, чтобы наставить своего царя и его советников в основах управления государством» [134, с. 955]. Иными словами, трактат рассматривался как произведение, имеющее точную датировку, точное авторство и даже ясную практическую задачу. По существу, ничего подобного ни в древней, ни в раннесредневековой литературе Индии не встречалось.

В одной из статей, мельком касаясь взаимосвязей между артхашастрой и дхармашастрой, Г. Якоби указывал на их близость в изложении дхармы правителя и судопроизводства. Он полагал это доказательством того, что отдельных школ артхашастры не существовало и, стало быть, содержание III книги суть воспроизведение традиции дхармашастры [136, с. 839].

Главным оппонентом Г. Якоби в вопросе о датировке КА выступил крупнейший исследователь дхармашастр Ю. Йолли. Он выпустил серию работ, итогом которых было полное отрицание достоверности индийской традиции об авторстве и времени составления трактата. В статье «Материалы к „Артхашастре“» [146] он подчеркивает близость КА и «Камасутры» Ватсьяяны, сходство образа жизни и обычаев общества, отраженного в обоих памятниках. Но, по его мнению, нет оснований усматривать непосредственное влияние КА на «Камасутру» (тем более что Ватсьяяна упоминает в качестве составителя артхашастры не Каутилью, а Брихаспати) [146, с. 353—354]; близость памятников он объясняет тем, что они

были созданы примерно в одно время и в одной социальной среде. Точно так же между «Артхашастрой» и «Нитисарой» Камандаки (около VI в.), по его убеждению, не может быть слишком большого хронологического разрыва.

Основное внимание Ю. Йолли уделил именно III книге КА и сопоставлением текстов КА и дхармашастр. Одна из его больших статей [145] представляет собою собрание параллельных мест из дхармашастр и III и IV книг трактата. Наибольшее число параллелей удалось обнаружить в «Яджнавалкья-смрити». Другие поздние сочинения — от «Ману-смрити» до «Нарада-смрити», «Брихаспати-смрити» и «Катьяяна-смрити» — тоже нередко совпадают по смыслу и форме с «Артхашастрой». Напротив, крайне редки параллели с дхармасутрами. Отсюда Ю. Йолли сделал вывод, что уже по одному этому КА должна быть поставлена в ряд с позднейшими смрити, т. е. отнесена примерно к 500—700 гг. [146, с. 355, ср. 145, с. 91]. Ученый не поднимал прямо вопроса о заимствовании КА из дхармашастр или наоборот, но уже из его датировки трактата видно, что заимствующей стороной он считал не Яджнавалкью и других составителей дхармашастр, а автора КА. И это естественно. Ю. Йолли, как было принято в историографии XIX в., придерживался точки зрения, что дхармашастры являются правовыми сочинениями (в той мере, в какой вообще на древнем Востоке можно говорить о праве). Поскольку индийское право развивалось в литературе дхармашастр, постольку юридические книги «Артхашастры» могут быть лишь компиляцией и должны быть датированы более поздним временем [146, с. 355]. Ученый придерживался концепции эволюционизма, и потому уже более высокая степень развития политической теории или права в КА в сравнении, например, с «Законами Ману» служила для него вполне убедительным доказательством ее более позднего происхождения [146, с. 355]. «Степень развитости» при этом могла определяться весьма приблизительно (иногда речь шла, по существу, просто о большей детализации изложения).

Впрочем, надо заметить, что, несмотря на низкую оценку значимости «Артхашастр» для истории индийской правовой литературы (пересказ поздних дхармашастр), Ю. Йолли, как это ни парадоксально, признавал важность отдельных сведений КА по истории индийского права. На его взгляд, этот политический трактат правильнее и содержательнее описывает некоторые юридические вопросы (в частности, процедуру суда) и вообще более достоверен как источник, нежели дхармашастры, часто изображающие вещи не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими должны были быть [148, с. 338, 347; ср. 145, с. 91—93].

На открытие КА специальной статьей откликнулся и И. Хертель [128]. Он акцентировал внимание на стилистической характеристике памятника и пришел к заключению о единой авторской манере изложения. (Ту же точку зрения спустя много лет повторил Луи Рену [187, с. 184].)

Многие ученые 20-х годов нашего столетия делали попытки

найти в произведениях индийской литературы, прежде всего в эпосе и пуранах, следы «науки политики». Особый интерес в этой связи представляет небольшая книга А. Хиллебрандта «Древнеиндийская политика». И в своей первой работе «О шаштре Каутильи», и в последующих статьях [131, с. 131], и в названной книге он отстаивал идею, что КА была не сочинением самого Каутильи, а произведением, принадлежавшим его ученику: повторяющиеся в трактате слова «так говорит Каутилья» указывают на то, что составитель — лицо, отличное от Каутильи. Некоторые детали, по мнению ученого, свидетельствуют, что автором КА не мог быть советник Чандрагупты (скажем, предпочтение высокородного царя низкородному — Чандрагупта же считался низкородным [132, с. 164]). Поэтому текст трактата — не что иное, как передача мыслей и высказываний Каутильи, сочинение, возникшее в его школе, к поздним представителям которой А. Хиллебрандт причислял и Камандаку [131, с. 35]. В противоположность Г. Якоби А. Хиллебрандт не склонен был связывать появление артхашастр со школами дхармашастр и предполагал существование отдельных школ политической науки [130]. Развитие последней в Индии было вызвано, согласно его убеждению, необходимостью обучать царевичей. Прежде всего для них предназначались сочинения, в различной форме знакомившие с искусством управления и житейской мудростью. «Наука политики», значит, имела определенную практическую цель, и создателями ее были лица, близкие ко двору и занимавшиеся политической деятельностью.

С точки зрения этой «науки», полагал ученый, нужно подходить и к ряду известных произведений индийской литературы. Европейцы привыкли рассматривать ее как беллетристику, но она имеет прежде всего дидактическую направленность. Об этом свидетельствуют помимо КА сборники басен «Панчатантра» и «Хитопадеша», драма Вишакхадатты «Мудраракшаса» и эпические поэмы [132, с. 1—3]. А. Хиллебрандт находит политическую терминологию уже в поздневедийских сочинениях [132, с. 15, 32] и говорит о развитой политической теории в эпический период [132, с. 11]. При анализе XII книги «Махабхараты» обнаруживаются множество цитат из политических текстов и имена авторитетов в данной области. По сути, перед нами не единое произведение, а компендиум древнеиндийских политических текстов [132, с. 10]. Исследователь в первую очередь выделяет психологию политики, или теорию двойственной морали, которая одинаково трактуется и в КА, и в поучениях Бхишмы в «Махабхарате»: долг правителя не в соблюдении этических норм обычных людей, а в достижении высшей государственной цели, обеспечении блага народа. Ради этого допустимы любые средства. Право в подобном случае просто не существует, оно всецело основывается на силе [132, с. 27, 28, 30].

Обращение к древнеиндийской политической теории, по словам самого Хиллебрандта, было вызвано в значительной мере всеобщим интересом к политике, пробудившимся после первой мировой войны. Постановка вопроса о «психологии политики» также в

немалой степени была навеяна современными ученому событиями. Однако поиски следов утерянной политической литературы, вычленение артхашастры в виде традиции, опирающейся на своеобразную концепцию политики, составляют заслугу А. Хиллебрандта.

Индийские ученые и общественные деятели встретили открытие «Артхашастры» с огромным энтузиазмом. К этому времени относится подъем освободительного движения; естественно, что памятник периода самостоятельной государственности Индии, ее высшего могущества при династии Маурьев, активно использовался в националистической историографии и публицистике [208]. Почти все индийские историки, разных научных направлений и политических взглядов, в 10—30-е годы в той или иной степени занимались трактатом Каутильи. Но мы остановимся лишь на наиболее характерных и важных работах, прежде всего К. П. Джаясвала.

Уже в 1911—1913 гг. в юридическом журнале «Калькуттский еженедельник» он опубликовал серию статей об индийском праве и государственности. Важнейшие их идеи легли в основу книги «Hindu Polity» [139] и лекций («Tagore Law Lectures»), прочитанных летом 1919 г. и изданных отдельной книгой в 1930 г. под названием «Ману и Яджнавалкья (сравнение и контраст)» [138]. К. П. Джаясвал предлагал так называемый исторический метод исследования индийского права, считал нужным связывать создание каждой из шастр — КА, «Законов Ману», «Яджнавалкья-смрити» с социально-политическими условиями, выявлять исторические и политические предпосылки изменения отдельных правовых положений и общих концепций. Шастры — дети своего времени, утверждал К. П. Джаясвал, их оценка невозможна без обращения к социальной, политической и экономической истории страны [138, с. XIX и сл.]. «Артхашастра» представлялась ему «имперским кодексом Маурьев» (около 300 г. до н. э.) [139, с. 4], «Ману-смрити» — кодексом законов периода брахманского возрождения при династии Шунга (около 150 г. до н. э.), «Яджнавалкья-смрити» — кодексом либеральной империи Сатаваханов (около 300 г. н. э.).

Аргументы для столь точных датировок ученый отчасти находил в конкретных данных самих памятников, отчасти выводил из их общей тенденции. Так, по его мнению, слово «нарендра» («Индра среди мужей», т. е. царь, — КА II. 10; V. 3) относится к Чандрагупте [138, с. 376; ср. 159, с. XXXIII]; упоминаемая в «Законах Ману» (VIII.136) монета «пурана» (букв. «древняя») указывает на период Шунгов, поскольку тогда появились новые монеты с царскими именами. Определение «Арьяварта» у Ману кажется ему совпадающим с территорией державы Шунгов [138, с. 32], дозволение брахманам выполнять обязанности кшатриев и носить оружие соответствует воинствующему брахманизму этой династии [138, с. 34] и т. д. Юридические книги КА, появившиеся в момент расцвета империи Маурьев, квалифицируются как один из древнейших в мире кодексов, наиболее широкий по тематике, наиболее высокий по уровню юридической мысли и абсолютно светский по характеру [138, с. XIX].

К. П. Джаясвал доказывал, что именно этот маурийский кодекс и лег в основу правоведческих глав последующих дхармашастр, и, таким образом, отверг общепринятое мнение о зарождении индийского права в ведийских школах, в рамках литературы дхармасутр [138, с. 2]. Период правления Шунгов, когда были написаны «Законы Ману», отмечен ортодоксальной контрреволюцией, и брахманы действительно стали «господами всего» [138, с. 38—43, 52 и сл.]. Авторитет «Ману-смирти» объясняется полным соответствием их идей социально-политическим тенденциям этого периода, эпохи реакции ортодоксального брахманизма, когда авторы дхармашастр узурпировали светское право [138, с. 17]. Юридические главы у Ману были созданы на базе КА [138, с. 17]. Шастры К. П. Джаясвал считал авторскими сочинениями.

Отношение ученого к источникам напоминало подход его к проблеме социальной и политической истории древней Индии. Он обнаруживал там демократию, парламент и другие институты и явления, присущие преимущественно Европе нового времени. И в методике исследования К. П. Джаясвал частично возвращался к пройденному для западной науки этапу, когда шастры рассматривались как сборники законов и связывались непосредственно с социально-политической ситуацией узкого хронологического периода (то же отмечалось в работах 40—60-х годов XIX в.— у А. Вебера, А. Ф. Штенцлера, Ф. Йохентгена, очевидно совершенно неизвестных К. П. Джаясвалу). Ясна и его политическая тенденциозность. Тем не менее не только в постановке проблем политической организации древнеиндийского общества, но и в области источниковедения деятельность К. П. Джаясвала заслуживает внимания. Плодотворна его идея развития индийского права вне круга ведийской литературы и зависимости дхармашастр, начиная с Ману, от КА. Прогрессивно также общее стремление преодолеть формализм западной историографии и связать историю литературы шастр с социальной, политической и экономической историей страны, хотя эта связь и понималась слишком прямолинейно.

Особое место в индийской историографии 20-х годов занимает книга Калидаса Нага «Дипломатические теории древней Индии». По критическому отношению к источникам и основным концепциям она ближе работам европейских исследователей. К. Наг различал два вопроса: о древности политической теории артахашастры и о времени создания сочинения, приписываемого Каутилье. По его мнению, географические названия, известные составителю трактата, полностью доказывают, что он не может датироваться IV в. до н. э. [177, с. 118]. Напротив, сама политическая теория должна была возникнуть очень рано, вероятно еще в добуддийскую эпоху [177, с. 116]. «Артахашастра» — энциклопедия политических знаний, она не единое произведение определенного автора и не ассоциируется с каким-либо узким периодом [177, с. 118]. Подобно другим научным произведениям (например, медицинским), КА создавалась на протяжении жизни ряда поколений, и ее отдельные части отражают идеи разных эпох [177, с. 116].

Среди представителей традиционной индийской науки отметим много сделавшего для изучения нашего памятника Ганапати Шастри. В 1924—1925 гг. он написал комментарий «Шримула» к КА, основываясь на нескольких рукописях источника и средневековых комментариях. Сопоставив ряд параллельных мест, Ганапати Шастри заключил, что автор трактата был хорошо знаком с литературой дхармашастр и следовал ей по смыслу и часто буквально (особенно Яджнавалкье). Он поддержал точку зрения Ю. Йолли, что положение составителя КА по отношению к литературе смрити было положением комментатора [15, т. 3, с. 79], но вместе с тем безоговорочно следовал традиции, согласно которой «Артхашастра» принадлежит перу министра царя Чандрагупты. Если для Ю. Йолли признание зависимости КА от смрити означало дискредитацию предания об авторстве Каутильи, то для Ганапати Шастри оно доказывало, что автором «Яджнавалкья-смрити» был ведийский риши Яджнавалкья и т. д. [15, т. 2, с. 5]. Соответственно всю литературу шастр (и вообще индийскую литературу) он стремился отнести к значительно более глубокой древности, чем было принято в европейской науке.

В подтверждение мысли о сравнительной древности «Яджнавалкья-смрити» и КА ученый ссылается на комментарий Вишварупы к Яджнавалкье. Вишварупа цитирует шастры Брихаспати и Вишалакши (по мнению Ганапати Шастри, те же, что были известны Каутилье), но не цитирует «Артхашастру». Это объясняется тем, что комментатор считал ее более поздним текстом [15, т. 1, с. 5; ср. 34, т. 1, с. IV—V]. Разумеется, Вишварупа мог считать автором «Яджнавалкья-смрити» риши, жившего задолго до Каутильи, однако вряд ли уместно в XX в. подражать ему. Кроме того, удивительно, что издатель и КА, и комментарий Вишварупы не заметил в последнем анонимной цитаты из трактата (1.307—310, ср. КА VI.1.13).

Из многочисленных работ индийских авторов первых десятилетий изучения КА назовем книги и статьи Нарендра Натх Лоу, способствовавшие лучшему пониманию ее текста и терминологии [159]. В 20-х годах появилась гипотеза о стихотворном оригинале трактата, в дальнейшем переложенного прозой [109, с. 7 и сл.; 180, с. 173]. Пран Натх предпринял попытку доказать позднюю дату возникновения КА (около 484—510 гг.— государство Мальва) [179, с. 109]. Поздним временем составления и чужеземным влиянием он объяснял обычаи, противоречащие ортодоксальному брахманизму (разрешение развода, употребление мяса и т. д.).

Поскольку традиция относит появление «Артхашастры» ко времени Чандрагупты, данные ее часто сравнивались со сведениями Мегасфена. Подробное и тщательное сопоставление с целью выяснить достоверность традиции об авторстве советника Чандрагупты — современника Мегасфена — предпринял Отто Штейн [199]. Вывод его был негативным: совпадали в основном самые общие сведения (о природе Индии, например), неубедительные с точки зрения датировки, а более важные — о социально-политическом

устройстве и уровне развития культуры — не совпадали. Это заключение О. Штейна затем часто использовали ученые, не принимавшие традиционную датировку для КА. В том же направлении исследователь работал и дальше. Так, санскритское слово «сурунга» (подземный ход), несколько раз встречающееся в КА, он выводил из греческого «сюринкс» и доказывал, что этот термин не мог попасть в Индию раньше II в. до н. э. [200]. Опираясь на географические названия, упоминаемые в трактате, О. Штейн склонен был относить его создание ко времени Варахамхиры, т. е. не ранее VI в. [201]. Уровень развития письменности, отраженный в КА, по его мнению, совершенно не соответствует эпохе Чандрагупты. Правила оформления документов у Каутильи значительно более разработаны, чем у Васиштхи, Яджнавалкьи или Брихаспати [202].

В статье «„Артхашастра“ и шильпашастра» О. Штейн [204], сравнивая сведения КА о зодчестве с материалами средневековых специальных трактатов, нашел, что, хотя КА демонстрирует совершенно иную традицию, нежели шильпашастры, она все же ближе к ним, чем к древним дхармасутрам. Общий принцип изучения «Артхашастр» сформулирован ученым таким образом: компилятивный или энциклопедический характер памятника делает необходимым поиски источников его по различной тематике; только обнаружение подобного рода источников позволит оценить данные трактата с точки зрения хронологии и достоверности. Нельзя сказать, однако, что работы самого О. Штейна значительно прояснили вопрос об источниках (возможно, потому, что он искал их среди дошедших до нас памятников).

Артур Берридайл Кейт в статье о подлинности КА [156] утверждал, что автор рассматриваемого сочинения, судя по манере изложения, был не практическим государственным деятелем, а ученым-энциклопедистом. Метрика КА более классическая по типу, чем в «Рамаяне» (правильный триштубх, как в КА, вообще не встречается в произведениях IV в. до н. э.), а язык нельзя назвать архаичным. По этим показателям трактат надлежит датировать временем не ранее I в. до н. э., однако содержание его может быть более древним, ибо, по всей вероятности, автором являлся не сам Каутилья, а ученик, изложивший его взгляды.

В 1923 г. Ю. Йолли после большой предварительной работы по лексикологии и критике текста КА [147, с. 147] предпринял новое издание трактата совместно с Рихардом Шмидтом [2]. Во введении к этому изданию суммированы основные выводы исследователя. Сопоставление с дхармашастрами позволило ему прийти к заключению, что Каутилья знал всю литературу дхармашастр, от сутр до поздних шастр, известных по цитатам в комментариях [2, с. 17]. Право и особенно политическая теория здесь представляются более развитыми, чем в дхармасутрах, у Ману и в «Махабхарате», а поэтому КА надлежит датировать поздним временем [2, с. 19]. Более других автор трактата использует Яджнавалкью. Вместе с тем «Нитисара» Камандаки (VIII в.), «Панчатантра»

(IV—V вв.) и «Камасутра» Ватсьяны (IV в.) написаны под влиянием КА [2, с. 8]. Судя по цитатам у Дандина, Калидасы, Бхавабхуги, Вишакхадатты, а также в «Панчатантре» и «Ньяя-бхашье» Ватсьяны, «Архашастра» была составлена до V—VI вв. Самой вероятной датой составления Ю. Йолли кажется III в. [2, с. 29]. Рассматривая в целом проблему соотношения дхармашастры и архашастры, он настаивает на том, что последняя как дисциплина не может соперничать по древности с дхармашастрой, которая восходит к ведийской литературе. И напротив, ведийским риши должны были представляться неважными и даже греховными светские темы, обсуждаемые в архашастре [2, с. 20]. Ю. Йолли предполагал, что она лишь постепенно выделилась сначала в качестве особой части дхармашастры, а затем в качестве независимой области знания. Однако всегда и ту и другую роднила в какой-то степени общая тематика и сочинения приписывались одним и тем же авторитетам.

Характеристику КА дал и Морис Винтерниц в 3-м томе «Истории индийской литературы». Как и А. Хиллебрандт, он не соглашался с Г. Якоби, считая, что политическая «наука» архашастры, связанная с материалистическими учениями, должна была создать собственные школы, отличные от школ дхармашастры [212, т. 3, с. 506—507]. Ученый воздерживался от определенного суждения по поводу соотношения конкретных дхармашастр и трактата, полагая, что КА, «Яджнавалкья-смрити» и «Нарада-смрити» появились примерно в одно время [212, т. 3, с. 513] и определить, кто у кого заимствовал, затруднительно [212, т. 3, с. 523]. Впрочем, описание процесса формирования индийского права в рамках поздневедийской литературы и представление о том, что наука вообще и юриспруденция в частности в Индии развивались из теологии, вполне обычно.

Названные ученые поставили проблему традиции архашастры. Их объединяло стремление найти место КА в истории индийской литературы без серьезного пересмотра укоренившихся воззрений. Наибольшую сложность как с хронологической, так и с содержательной стороны вызывала проблема соотношения КА с дхармашастрами. Чтобы не изменилось давно и, казалось, твердо установленное мнение о постепенной эволюции правовых сочинений — дхармашастр, надо было признать, что КА заимствовала материал из дхармашастр. Крайне поздняя датировка трактата, предложенная О. Штейном (и фигурировавшая в ранних работах Ю. Йолли), правда, полностью соответствовала такой точке зрения, но зато решительно противоречила многим свидетельствам о древности этого сочинения. Ю. Йолли и М. Винтерниц вынуждены были отнести КА примерно к III в. (А. Б. Кейт — ко времени даже несколько более раннему). Но тогда под сомнение ставились датировки поздних дхармашастр, начиная с «Яджнавалкья-смрити», или вся теория о том, что КА заимствовала из них материал.

Радикальный пересмотр традиционных представлений о развитии древнеиндийской правовой литературы был сделан в ряде ра-

бот немецких ученых конца 20-х годов. Мы имеем в виду прежде всего труды Иоганна Якоба Мейера — «Древнеиндийская книга о мирской и государственной жизни», «О сущности древнеиндийских правовых сочинений и их отношении друг к другу и к Артхашастре Каутильи», «Книга законов и пурана», а также работу Ганса Лоша «„Яджнавалкья-смити“». К источноковедению индийского права» и трехтомное исследование Бернгарда Брелера «Исследования по Артхашастре Каутильи». Первая из упомянутых книг И. Я. Мейера — немецкий перевод «Артхашастры», снабженный предисловием и подробным комментарием. Основные идеи автора получили развитие во второй его книге [167]. Посредством сопоставлений текстов и выявления заимствований он старался решить проблему относительной хронологии дхармашастр и КА и пришел к выводу, что лишь дхармасутры Апастамбы и Баудхаяны не обнаруживают знакомства с последней. Обе сутры, возможно, принадлежат добуддийской эпохе [167, с. VII]. Немного уступает им по древности сутра Васишты, дошедшая к тому же в переработанном виде. Все авторы прочих дхармашастр несомненно знают текст трактата и активно используют его, в особенности Яджнавалкья. Поскольку уже у Ману И. Я. Мейер находил параллели с КА, она могла датироваться, в согласии с традицией, временем Чандрагупты.

Построения Г. Бюлера, Ю. Йолли и других ученых, исходивших из идеи постепенной эволюции индийского права, оказывались сложными. Наиболее ранним юридическим памятником признавалась КА, содержащая самую разработанную юридическую систему [167, с. 35]. Уже Каутилья, автор IV в. до н. э., характеризовался лишь как эпитоматор и эпитомист [167, с. 36]. «Золотой век» развития индийского права виделся за пределами дошедших до нас источников. После Каутильи шли слабые компиляции вплоть до дхармасутр Вишну и Гаутамы, уделявших гораздо больше внимания теологии, нежели праву.

Совершенно новая хронологическая схема сопровождалась радикальной переоценкой сущности дхармашастр. Г. Бюлеру, Ю. Йолли и другим исследователям обычно достаточно было констатировать большую «прогрессивность» или большую разработанность юридических правил какого-либо памятника, чтобы увериться в его более позднем происхождении. При этом, по мнению И. Я. Мейера [167, с. 329], они никогда особенно не вдумывались, что собой представляли авторы дхармашастр, что они хотели сказать и что могли дать. Предметом подобных сочинений неизменно считалось право (*Recht, Law*), хотя и в более широком понимании, чем в Европе. Напротив, И. Я. Мейер полагал, что создателей текстов интересовали преимущественно вопросы ритуальной чистоты и нечистоты [167, с. 331]. Происхождение дхармашастр он связывал с первобытным суеверием и страхом перед осквернением. Поэтому по своей сущности сочинения эти — менее всего правовые книги (*Rechtsbücher*), скорее, это колдовские книги (*Zauberbücher*).

Что касается права, то оно должно было сложиться не в ведийских школах и не в дхармасутрах; истоки его нужно искать в обычаях народа (но не брахманского сословия) и в практике судопроизводства царского двора [167, с. 86—87, 286]. Основной тезис ученого сводился к тому, что дхармашастры демонстрируют не развитие права, а постепенное включение светского права в тексты ритуально-магического содержания.

И. Я. Мейер подверг резкой критике предшествующую историографию вопроса; он наметил ряд важных проблем методики работы с источником, сделал много серьезных наблюдений над текстами дхармашастр и КА и выдвинул оригинальную теорию эволюции шастр и древнеиндийского права. Вместе с тем методика его собственного исследования была крайне ненадежной. В большинстве случаев приводимые им параллели вовсе не доказывают факта заимствования. Слишком большое значение придавал он несущественным вариантам текстов, игнорируя неточности переписчиков.

Ограничиваясь сопоставлениями отдельных фрагментов текста, И. Я. Мейер не обращал внимания на последовательность идей, построение шастр. Один из недостатков предшествовавшей ему западной историографии — формализм, оторванность от изучения истории страны — был еще усугублен в его работах. Поскольку он датировал дхармашастры более поздним временем, чем КА, а трактат — временем Чандрагупты и рассматривал это сочинение как своего рода энциклопедию или эпитому, пришлось отнести «золотой век» развития индийской литературы и права в домаурийский период — предположение, противоречащее всему, что мы знаем об истории Индии в древности. Сумбурность изложения, обилие категорических, но безосновательных утверждений, замена строгой аргументации шутливыми или эмоциональными оценками привели к тому, что большой интересный труд фактически был предан забвению.

Новые проблемы сложения и развития дхармашастр были поставлены Гансом Лошем. Его работа содержала попытку реконструкции первоначального текста «Яджнавалкья-смити». Дело в том, что текст, почти тождественный I (кроме завершающего раздела — о раджадхарме) и III книгам Яджнавалкьи, содержится в «Гаруда-пуране», а II книги — в «Агни-пуране». Г. Лош доказывал, что «Гаруда-пурана» — более раннее произведение, чем вариант комментированных рукописей Яджнавалкьи [162, с. V]. Отсутствие в ней II книги Яджнавалкьи он объяснял тем, что первоначально текст этой книги не входил в «Яджнавалкья-смити». Реконструируемый же текст последней практически состоит из версии «Гаруда-пураны». Из этого факта ученый сделал общий вывод о том, что нельзя (подобно И. Я. Мейеру) считать дхармашастры в их настоящем виде законченными произведениями: каждая не представляет собой единого целого и существенно менялась на протяжении веков [162, с. V], вплоть до создания авторитетного комментария.

«Яджнавалкья-смити» в ее теперешнем виде — скопление разнородных самостоятельных текстов [162, с. XXII]. Характерно, что ее первоначальная версия состояла из книг об «ачара» (обычае) и «праяшчитта» (искуплении), т. е. не включала изложение дхармы царя и судебных дел (вьявахара). Это должно было подтвердить гипотезу В. Фоя о том, что раджадхарма и вьявахара на первых этапах не включались в литературу о дхарме [162, с. XXIII]. Право рассматривалось в специальном сочинении, которое лишь в дальнейшем вошло в дхармашастру как ее II книга. По мнению Г. Лоша, указанное сочинение о праве (т. е. II книга) возникло в результате использования какой-то артхашастры, произведения, близкого по типу к КА [162, с. XXVIII]. Версия же «Агни-пураны» дает более ранний текст его, чем комментированные рукописи дхармашастры [162, с. XLI].

Во многом новым явлением в области изучения шастр был трехтомный труд Б. Брелера «Исследования по Артхашастре Каутильи», посвященный проблемам древнеиндийской экономики, права, социальных отношений и административного устройства [112]. Б. Брелер, по сути, был первым, кто специально изучал право КА в сопоставлении с другими правовыми системами древности и раннего средневековья. Ряд его наблюдений и толкований текста сохраняет значение до настоящего времени. Он считал, что «Артхашастра» стоит обособленно от литературы дхармашастр. Последние — лишь тенденциозные компиляции, и потому обычные сопоставления их с КА попросту бесплодны, коль скоро речь идет не о решении чисто текстологических вопросов [112, т. 1, с. 5—7; т. 2, с. 7]. Напротив, плодотворным он полагал сравнение данных КА с сообщениями Мегасфена и, вопреки О. Штейну, находил огромную близость, почти тождество сведений обоих источников.

30-е годы по бедности научной литературы о трактате в европейской и индийской историографии резко контрастируют с предшествующим десятилетием. Правда, именно в это время группой ученых под руководством Ф. И. Щербатского проводилась работа над русским переводом «Артхашастры», опубликованным лишь в 1959 г., и были написаны небольшие очерки С. Ф. Ольденбурга (например, [91]). В отечественной историографии, начиная с этих первых очерков, отмечается многослойный характер источника. Советские ученые избежали крайностей в оценке КА: ее не квалифицировали ни как создание гения Каутильи — индийского Бисмарка или Макиавелли, ни как позднюю компиляцию. Однако специальных исследований по КА почти не предпринималось.

В Индии в рассматриваемое десятилетие почти исчезают работы националистической направленности, доказывающие, что в древней Индии было все так же, как и в современной Европе (материализм, гуманизм, демократия). Наоборот, распространяются идеи о коренных особенностях индийского духа, выражающихся в культуре прошлого — религии, философии, литературе. Эти идеи получили дальнейшее развитие в 40—50-е годы. Одним из наиболее крупных представителей индийской историографии 30—

40-х годов был Рангасвами Айянгар. Его концепция относительно дхармашастры и артхашастры особенно четко изложена в книге «Раджадхарма». Автор стремился убедить в сходстве основ обеих. Поскольку обязанностью царя традиционно считалась охрана дхармы (в социально-религиозном смысле), Рангасвами Айянгар отождествлял дхарму правителя с дхармой вообще. Что же касается раджанити (царской политики), как таковой, то она не идентична раджадхарме, но подчинена ей. Соответственно ученый категорически отрицал светские истоки КА, ссылаясь на индийскую традицию о божественном происхождении артхашастры (как части первоначальной книги Брахмы) [184, с. 11—12]. Он подчеркивал, что она издревле воспринималась как упаведа «Атхарваведы» или включалась в состав итихаса-пураны, т. е. в круг священной канонической литературы [184, с. 77—76]. На его взгляд, различие в правовых положениях КА и дхармашастр, в частности «Яджнавалкья-смирिति», несущественно и потому можно считать, что КА в вопросах изложения права опиралась только на дхармашастры [184, с. 78]. Имена составителей дхармашастр и артхашастр нередко совпадают, и допустимо думать, что одни и те же авторы создавали произведения того и другого жанра [184, с. 83].

С позиции индийца не было и не могло быть различия между грехом и преступлением [184, с. 74]. Соответственно не могло развиться и светское право, отличное от религиозного. Религии (дхарме) была подчинена не одна какая-либо сфера жизни, а вся она целиком [184, с. 34]. Произведения индийской литературы и культуры не разделялись по принципу светского или религиозного содержания, и артхашастру нельзя изолировать от дхармашастры [184, с. 79]. Учитывая значение, которое сохранили в стране шастры, нетрудно понять актуальный политический смысл работ ученого. Исходя из единства права и религии, Рангасвами Айянгар отрицал возможность светского законодательства не только в древности, но и в современности.

Важнейшим трудом в области изучения индийского права, без сомнения, является многотомная «История дхармашастры» П. В. Кане. Первый ее том представляет собой самое полное и тщательное исследование дхармашастр с точки зрения их относительной и абсолютной хронологии, принадлежности определенным школам, сохранности текста, его тематики и т. д.; остальные тома посвящены обзору их содержания. Собран огромный материал — от ведийской литературы до средневековых комментариев и нибандх. Порой привлекаются также данные эпоса, пуран и КА. Ни один ученый, занимающийся историей древней Индии, не может обойтись без этого монументального труда, характеризующегося богатством информации и обычно осторожностью выводов. Но нельзя не заметить, что название его способно ввести в заблуждение: это скорее энциклопедия, чем история, прежде всего сводка материала дхармашастр и иных канонических произведений по традиционным для такого жанра рубрикам. Методика работы и

концепции автора неисторичны; проблема оценки шастр как исторического источника не ставится.

По сути, П. В. Кане стремился к тому, что не совсем удалось средневековым комментаторам и составителям нибандх,— доказать, что индийское общество всегда руководствовалось постоянными принципами дхармы, данными в дхармашастрах и объясненными в комментариях. Основа же дхармы — веды.

Разбирая вопрос о соотношении дхармашастры и артхашастры, он отождествляет последнюю с раджадхармой и рассматривает ее как важную и неотъемлемую часть дхармашастры. Подобно Рангасвами Айянгару, он отмечает ведийские истоки и ортодоксальность КА, но в то же время, в полном согласии с практикой средневековых комментаторов, уделяет ей гораздо меньше внимания, чем ведийской литературе.

В послевоенной историографии до начала 60-х годов почти не появлялось работ на интересующую нас тему. Исключение составляла книга Стена Конова «Исследования по Артхашастре Каутильи», содержащая, впрочем, мало новых положений. Автор утверждал, что проблемы права должны были первоначально разбираться в дхармашастрах, поскольку право принадлежит области дхармы — религиозных обязанностей [157, с. 36]; соответствующие главы КА нужно рассматривать поэтому как слегка модифицированное изложение аналогичных разделов дхармашастр [157, с. 37]. Для Ю. Йолли признание подобного тезиса означало отрицание традиции об авторстве и датировке трактата; последний обнаруживал близость именно к поздним дхармашастрам. С. Конов не хочет отказываться от принятой датировки и вынужден предполагать длительную эволюцию дхармашастр, ядро которых, сопоставимое с КА, может относиться к периоду и более раннему, чем IV в. до н. э. Ученый обратил внимание на то, что в сочинении Каутильи разрешены развод, вторичное замужество вдов [157, с. 13], отсутствуют упоминания о детских браках и т. д. Эти отклонения от правил брахманской ортодоксии, запечатленных в дхармашастрах, свидетельствуют, с его точки зрения, о глубокой древности трактата.

В новейшей историографии упор делается на анализе формы текста. Одной из первых монографий этого рода явилась книга Фридриха Вильгельма «Политическая полемика в „Артхашастре“». Автор твердо убежден, что полемика между отдельными авторитетами в КА — просто искусственный прием, введенный для оживления повествования. Вообще все положения, приписываемые «учителям», сформулированы автором трактата, но в них можно найти и отражение мнений действительных предшественников Каутильи [210, с. 140].

Ф. Вильгельм придерживается традиционной датировки и согласен с Г. Якоби в вопросе об отношении между дхармашастрой и артхашастрой. Тот факт, что некоторые «цитаты учителей» в КА касаются проблем права, указывает, по его мнению, на отсутствие самостоятельных школ артхашастры. Он полагает, что право и по-

литика обсуждались в одних и тех же школах, хотя некоторые акцентировали внимание на праве (скажем, школа Манава, доказательством чего служит «Ману-смрити»), а другие — на политике (школа самого Каутильи) [210, с. 142].

Серьезное исследование «Артхашастры» было предпринято Р. П. Кангле. В 1960 г. он опубликовал первое критическое издание текста трактата с учетом всех известных рукописей и комментариев (к изданию приложен небольшой терминологический словарь), в 1963 г. — его комментированный перевод. В качестве третьего тома ученый представил работу, состоящую из двух частей. Первая посвящена оценке самого памятника, вторая — обсуждению его содержания. Едва ли не главную свою задачу ученый видел в обосновании традиционного взгляда на датировку и авторство трактата. Одновременно он многократно подчеркивает [154, с. 62—64 и сл.], что КА вовсе не рекомендации какому-либо конкретному правителю конкретной страны, а наставление любому царю, теоретическое изложение государственной мудрости, как таковой. И не случайно Каутилья сообщает и способы поглощения малого государства большим, и, напротив, способы сохранения самостоятельности малого государства и т. д. Как принято в такого рода сочинениях, описание чисто абстрактное, идеальное, и упоминания об исторических, конкретных лицах и событиях были бы излишни. Автор почти исключительно излагал сложившиеся теории государственного управления, используя длительную литературную традицию. Эти положения представляются нам бесспорными и чрезвычайно важными для понимания существа КА.

В решении вопроса о соотношении артхашастры и дхармашастры ученый следует за И. Я. Мейером и считает, что главы о политике и праве в дхармашастрах — не что иное, как заимствование из артхашастры [154, с. 78—80]. Отсутствие в «Нитисаре» Камандаки правовых глав Р. П. Кангле объясняет тем, что данная тематика ко времени Камандаки стала целиком разрабатываться в дхармашастрах.

Работа Р. П. Кангле способствовала оживлению интереса к «Артхашастре»: в 60—70-е годы вышло несколько посвященных ей монографий. Большая часть «Исследований по государственно-правовой теории Каутильи» Хартмута Шарфе охватывает историко-ведческие проблемы (прежде всего форма трактата и его датировка). Х. Шарфе убедительно показал ошибочность гипотезы Д. Д. Косамби, утверждавшего, что до нас дошел примерно на четверть сокращенный текст КА [193, с. 9—11]. Анализ внутренних ссылок свидетельствует о том, что в нем нет больших лакун, более того, порядок изложения остался неизменным. Х. Шарфе приходит к выводу [193, с. 17—47], что рубрикация трактата — дело рук древних его редакторов (именно древних, ибо «Камасутра» Ватсьяяны, памятник примерно III—IV вв., возможно составленный под влиянием КА, также разбит и на главы, и на разделы). По мнению ученого, вначале КА делилась только на тематические разделы (пракарана), причем это деление было отмечено

не в самом тексте, а лишь во введении к нему [193, с. 46]. Поэтому не нужно ссылаться на упоминания Каутильи в колофонах как на доказательство его авторства и рассматривать двойное деление текста (на главы и пракарана) в качестве признака особой его древности.

Анализируя соотношение стихов и прозы в КА [193, с. 48—75], Х. Шарфе пришел к выводу, что стихи часто древнее прозы. Он даже предполагает существование единой краткой «пред-Артхашастры», преимущественно стихотворной, явившейся ядром трактата [193, с. 76—87]. Наиболее вероятной датой составления его в настоящем виде ученый считает I в. На это указывает ряд фактов [193, с. 334]:

1) Сравнительно поздние следы знакомства с трактатом. Каутильи впервые упомянут в «Ланкаватарасутре» (вероятно, IV в.) вместе с Вальмики и Ашвалаяной как мудрец-риши. КА была использована знаменитым лексикографом VI в. Амарасимхой. Писателям классического периода (Бана, Калидаса, Дандин, Вишакхадатта) знакомо либо имя Каутильи, либо содержание его трактата. В одной из версий «Панчатантры» (примерно IV в.) упоминается Чанакья как автор книги о политике. Арья Шура в «Гирлянде джатак» (около IV в.) будто бы оспаривает некоторые доктрины КА. «Камасутра» Ватсьяяны (примерно III—IV вв.), может быть, повторяет ее структуру. Иначе говоря, некоторые данные о знакомстве с КА относятся ко времени не ранее III—IV вв. К тому же в середине I тысячелетия этот трактат достаточно популярен и было бы трудно объяснить его совершенно незаметное существование в течение предшествующего полутысячелетия. В «Махабхарате», излагающей среди прочего теории политической науки и приводящей имена ее авторитетов, Каутильи не названо вовсе.

2) Отдельные слова «Артхашастры» никак не могли употребляться в сочинении времени Чандрагупты, например давно отмеченное слово «сурунга» в значении «рудник, подземный ход», которое выводится из греческого «сюринкс» (в значении «подземный ход» впервые у Полибия). В КА упоминаются «китайские ткани из страны Чина» (КА II.11.114). Но, во-первых, название Китая как Чина, очевидно, происходит от династии Цинь, правившей в III в. до н. э.; во-вторых, торговля с Китаем после первых попыток в конце II в. до н. э. наладилась лишь с середины I в. [193, с. 322]. Правда, словом «чина» обозначали, вероятно, и племена в районе современного Ассама [153, т. I, ч. 1, с. 211], однако контекст — «ткани страны Чина (шелк)» — не позволяет сомневаться в том, что речь идет о Китае.

Еще более важно название коралла «алакандака» (происходящий из Алаканды). Под Алакандой (Аласанда, Аласандра, Алатсандра) понимается, безусловно, Александрия. Таким образом, о времени Чандрагупты нечего и говорить. Приведа вслед за С. Левин сообщения Плиния Старшего (XXXII.11) о любви индийцев к кораллам и «Перипла Эритрейского моря» о широкой тор-

говле с Индией через Александрию египетскую, Х. Шарфе заключает, что в КА имеется в виду не Александрия, основанная вблизи устья Инда, а Александрия на Ниле. Это позволяет уточнить датировку, ибо лишь незадолго до создания «Перипла» морскую торговлю стали вести через Александрию, а не через «Счастливую Аравию».

Х. Шарфе [193, с. 29] отвергает правомерность противопоставления КА и «Камасутры» по признаку отношения к вегетарианству. Вместе с тем он находит заметное различие между надписями Ашоки и «Артхашастрой» [193, с. 292—297]: воздержание от мясной пищи, которое изображается как новшество и особая добродетель Ашоки, автору последней представляется совершенно естественным. Так, Ашока гордится тем, что павлинов на царской кухне убивают лишь дважды в год, а КА констатирует запрещение убивать павлинов. Х. Шарфе полагает, что грамматическая терминология трактата более поздняя, чем у Панини и даже его комментатора Катьяяны [193, с. 75]. Как и польский ученый Е. Слушкевич, Х. Шарфе, анализируя язык КА, преимущественно лексику, считает, что он близок к языку поздней классической литературы и о его архаизме не может быть речи [193, с. 88—112].

Новую методiku исследования демонстрирует книга Томаса Траутмана «Каутилья и Артхашастра. Статистическое исследование авторства и эволюции текста». Это одна из самых первых попыток такого анализа санскритоязычного сочинения; прежде чем изучать КА, нужно было выяснить, какие стилистические особенности санскритского текста вообще могут служить наиболее надежными определителями авторства, какие стилистические показатели варьируются у разных авторов и достаточно стабильны в произведениях одного автора независимо от времени написания произведения и его тематики. Известно, что основная лексика в других языках приблизительно одинаково употребительна в сочинениях разных авторов и тем самым не может характеризовать стиль отдельного писателя. Самый надежный показатель авторства — это частота использования неизменяемых частиц, союзов, наречий и т. д. [206, с. 78—82].

Наиболее обширные книги КА, дающие возможность вполне достоверных статистических вычислений, это II, III и VII. Они заметно разнятся и по тематике — о деятельности надзирателей, о судопроизводстве, о методах внешней политики. Т. Траутман показывает, что каждая из этих книг по выделенному признаку представляется единой и в то же время они резко отличаются друг от друга, т. е., вероятно, созданы тремя авторами. Остальные книги ученый группирует вокруг этих трех, исходя из близости содержания и по стилистическому признаку: I и, возможно, VIII, по его мнению, близки ко II; IV и, может быть, V — к III; IX и, вероятно, X — к VII. VI, XI и XIV слишком коротки для статистического анализа, XII и XIII, не исключено, образуют группу, которая принадлежит еще одному автору [206, с. 118—119], а составление XV книги, добавление списка пракаран и глав в начале I книги

и деление всего текста на главы, согласно Т. Траутману [206, с. 75], принадлежат позднему редактору.

Ученый полагает, что существовали отдельные трактаты «прежних учителей», которые некий компилятор сократил и объединил, превратив в законченное произведение энциклопедического характера. Свидетельство этого он находит в начальном стихе трактата [206, с. 169—174]. Значит, говорить о времени его составления нельзя: каждая из выделенных частей датируется определенным периодом, и он предшествует времени появления сочинения в целом. О периоде составления VII и близких к ней книг КА, из-за отсутствия конкретных данных, допустимо судить только по большей или меньшей развитости теории и пока сказать что-либо трудно [206, с. 184—185]. Часть трактата, посвященная судопроизводству, написана, очевидно, до создания «Яджнавалкья-смрити». Наиболее проста для датировки II книга, поскольку она содержит конкретный материал. Значительная часть его уже приводилась в работах о КА, например в работе Х. Шарфе.

Подробно разбирается также интересный аргумент, выдвинутый в свое время Х. Райчаудхури, — относительно названия Ланки [206, с. 178—182]. В КА остров именуется Парасамудра, а в надписях Ашоки — Тамбапарни. Название Палайсимунду вместо прежнего Тапробана впервые употребляет для Ланки автор «Перипла Эритрейского моря» (конец I в.), а также Плиний Старший (VI.81) — в рассказе о плавании вольноотпущенника Анния Проклама на Ланку он называет Палайсимунду столицей Тапробаны. Ко времени Птолемея (середина II в.) это наименование исчезает, и Птолемей (7.4.1) сообщает о Тапробане, которую прежде называли Палайсимунду, теперь же Салике. Таким образом, в античном мире редкое название Ланки — Парасамудра — встречалось лишь в I—II вв., а в Индии оно засвидетельствовано только КА и поздними палийскими источниками. Это опять-таки указывает на I—II вв. как на наиболее достоверную дату составления II книги. Согласуется с этой датой и употребление санскрита в качестве языка царских надписей: единичные надписи на санскрите известны со II в. до н. э., но массовыми они становятся со II в. н. э. и особенно в эпоху Гуптов [206, с. 176]. Т. Траутман предлагает датировать II книгу КА условно серединой II в., а компиляцию в целом несколько более поздним временем, однако не далее III в., поскольку с IV—V вв. можно найти уже ссылки на трактат и следы его влияния [206, с. 175, 184].

В историографии КА вопросы хронологии, характера, тенденций редко ставятся как источниковедческие проблемы. Историкам (в том числе историкам литературы, права, политической мысли) кажется самым важным, едва ли не единственно важным, вопрос датировки произведения. Но эта проблема обычно решается изолированно и, следовательно, односторонне. Многие ученые датируют трактат, исходя из представления, что он — целостное авторское произведение. Однако первая же специальная работа (Т. Траутмана), посвященная данной проблеме, содержит отрица-

тельный вывод: датировка трактата невозможна без определения способа его составления, без выделения его слоев.

Необходимо строго учитывать жанр произведения, задачи, которые ставил пред собой сочинитель. Еще А. А. Фюрер [120, с. 6—7] пытался определить хронологию дхармашастр в зависимости от степени разработанности правил, касающихся письменных документов. Но Г. Бюлер [57, с. XXVI—XXX] вполне справедливо заметил, что отсутствие в дхармасутрах (кроме Васишхи) упоминаний о таких документах объясняется не тем, что сутры были созданы в дописьменный период, а тем, что вопрос этот не интересовал их составителей. После открытия «Артхашастры» О. Штейн, доказывая позднюю ее дату, как и А. А. Фюрер, ссылался на то, что правила оформления письменных документов в ней более разработаны, чем в дхармашастрах даже середины I тысячелетия — у Яджнавалкьи, Брихаспати, Катьяяны. Тем не менее вывод О. Штейна не убеждает (ср. [154, с. 90]): индийские государства и до середины I тысячелетия не могли существовать без развитого делопроизводства (независимо от того, какие правила на сей счет содержали брахманские книги о добродетельной жизни). К тому же подобная тематика явно ближе артхашастре, чем дхармашастре, и это одно легко объясняет большую детализацию предписаний трактата.

Для установления даты КА нередко прибегают к сравнению содержания ее и дхармашастр по отдельным вопросам. Так, в КА говорится о разрешении развода и вторичного брака вдов и нет рекомендации относительно детских браков. С. Конов полагает, что это свидетельствует о ранней дате памятника, о создании его до соответствующих предписаний смрити. Те же факты за несколько лет до С. Конова использовал Пран Натх [179], который рассуждал сходным образом, аргументируя позднюю дату составления трактата: чужеземное влияние обусловило отступление от правил смрити. Оба автора совершали одинаковую ошибку — отождествляли правила смрити с реалиями времени их появления, игнорировали различия тенденций и традиции КА и дхармашастр.

Между тем различия легко показать как раз на примере разрешения развода в трактате и запрещения его в дхармашастрах. Здесь и там упоминаются традиционные восемь форм брака, а практически имеются в виду две: брак-купля и брак-священнодействие (подробнее см. ниже). Причем дхармашастры настоятельно рекомендуют второй тип, и, очевидно, он был действительно принят в жреческой среде. Брак-купля, напротив, горячо порицается, хотя на основании косвенных данных в самих дхармашастрах и сведений КА можно сделать вывод о широком распространении именно этого типа брака. Дхармашастры, отправляясь от концепции брака-священнодействия, отвергают развод. В КА в общей форме упоминаются условия его, но при этом делается примечание, что в случае заключения брака-священнодействия развод недопустим (III.3.18). Таким образом, противоречия нет: просто КА в качестве основного типа брака выделяет наиболее массовый, а

в дхармашастрах речь идет только о том типе, который считается соотвествующим религии и морали жреческого сословия.

Точно так же объясняются и иные различия. Дхармашастры рекомендуют детские браки, причем правила на сей счет становятся все строже и возраст для вступления в брак все меньше (до двух-трех лет), но это не значит, что в период составления древних дхармашастр (Ману, Яджнавалкья и пр.) детские браки преобладали. Судя по косвенным данным тех же дхармашастр, допустимо думать иначе. А вместе с тем они определенно заключались и в период составления КА, и в маурийский период (ср. [193, с. 298—301]). Дхармашастры в данном случае отражают не столько практику своего времени, сколько точку зрения брахманской ортодоксии, оказывавшей все возрастающее влияние на индийское общество. Значит, даже если из материалов КА не следует вывод о преобладании детских браков, то это все равно не может быть аргументом в пользу более раннего происхождения трактата, чем, скажем, «Ману-смрити».

Как и обычай детских браков, постепенно распространяется обычай вегетарианства. В государстве, описанном в КА, упоминаются скотобойни (см. [193, с. 291—295]), но этот факт, по сути, ничего не дает для установления хронологии сочинения, поскольку в индийских государствах и после Маурьев были скотобойни. «Артхашастра» не содержит прямой рекомендации заключения детских браков и прямого осуждения употребления в пищу мяса, т. е. в этих вопросах авторы ее менее ортодоксальны, чем составители дхармашастр. Нужно ли связывать со временем появления КА то, что вполне объяснимо различием тематики и тенденций?

Многие аргументы при датировке трактата вызваны неверным пониманием его характера. Ю. Йолли, например, оспаривал возможность возникновения КА в годы правления Чандрагупты на том основании, что в ней не упоминается ни сам император, ни его столица Паталипутра. Чтобы доказать противоположное, индийские историки К. П. Джаясвал и Н. Н. Лоу искали в сочинении ссылки на Чандрагупту. Некоторые ученые (М. Винтерниц) выражали сомнения в датировке трактата эпохой Маурьев, исходя из того, что в трактате представлена система мелких государств, а не централизованная держава, каковой была империя Маурьев. П. В. Кане же, напротив, считал, что идея «завоевателя» (виджигишу) целиком соответствует облику Чандрагупты в ранний период его карьеры, и объяснял создание КА патриотическими чувствами Каутильи. Между тем «Артхашастра» — традиционное сочинение, излагающее сложившиеся теории, оперирующее привычными понятиями, и положение государства, представленного в ней, вовсе не дает оснований для датировки трактата. Здесь речь идет не о конкретном правителе, поэтому нет нужды искать имя Чандрагупты (или любого другого царя), указания на Паталипутру (или любую другую столицу).

Учет характера трактата важен как для определения хронологии, так и для правильной оценки его содержания. Нам кажутся

убедительными аргументы тех исследователей (Х. Шарфе, Т. Траутман и др.), которые относят КА к началу нашей эры по отраженным в тексте реалиям, с одной стороны, и признакам знакомства с трактатом в памятниках индийской литературы — с другой. Однако попытка сблизить и в известной мере отождествить государство, рисуемое Каутильей, с Индией I в., на наш взгляд, не менее ошибочна, чем убежденность в том, что в КА представлена держава Чандрагупты. КА дает традиционное описание государства и принципов политики, а традиция, зафиксированная в тексте начала нашей эры, может восходить и к маурийскому и к домаурийскому периодам. Допустимы два метода работы с такого рода источником: 1) сопоставление его материалов со сведениями иных источников конкретного периода и выделение только того, что подтверждается последними (Мегасфен, эдикты Ашоки или данные археологии) (см., например, [67; 68; 69]), в этом случае можно говорить о реконструкции определенного общества и государства; 2) тщательная интерпретация сведений самого источника, в известной степени даже сознательно изолируемого от сообщений других. Подобным образом можно воспроизвести абстрактное общество и государство КА. Оба метода правомерны. Восстановление системы идей и понятий «Артхашастры» необходимо для того, чтобы сопоставление с иными источниками было корректным. В то же время сравнение с другими памятниками способно показать степень достоверности текста. Нужно, однако, отдавать себе отчет в том, что в КА мы имеем дело прежде всего с идеями и концепциями, отражающими действительность далеко не точно и не зеркально.

Одна из книг КА, III, посвящена судопроизводству; аналогичный материал имеется также во II и IV книгах. Естественно, он существен для воссоздания системы древнеиндийского права. В ряде работ (И. Я. Мейера, Б. Брелера, Р. П. Кангле и др.) КА признается важнейшим древнеиндийским текстом юридического содержания. Однако признание это исходит почти исключительно от филологов и текстологов, а не от юристов или историков права. До настоящего времени в обзорах, касающихся данной темы, текст «Артхашастры» не подвергался специальному анализу с юридической точки зрения. История и система индийского права излагаются так, как если бы КА и не была открыта. Это, по-видимому, объясняется тем, что юристов интересует прежде всего традиционное право, действовавшее в период средневековья и нового времени. В эпоху комментаторов КА явно не считалась авторитетным текстом и не использовалась при отправлении правосудия (хотя Д. Дерретт указывает на надпись XII в., согласно которой судебное решение принималось со ссылкой на КА [117, с. 273]). Неудивительно поэтому, что, например, в работе Р. Ленга «Источники права в традиционной системе Индии» [160], вышедшей также на английском языке под названием «Классическое право Индии» [161], для КА вообще не нашлось места.

Однако применительно к периоду древности значение «Артха-

шастры» и традиции, которую она представляет, должно быть оценено иначе. Р. Ленга [160, с. 166] мимоходом, в примечании, сообщает об отмеченных в литературе параллелях между текстами дхармашастр и КА. По его мнению, они не дают основания для вывода о заимствовании или прямом влиянии. Ошибочность этой точки зрения очевидна, и ряд современных специалистов в области индийского права придерживаются иного мнения. Д. Дерретт, например, в предисловии к изданию древнейшего комментария Бхаручи к «Ману-смрити» пишет о настоящей революции в истории литературы дхармашастр после Ману [6, с. 14—15]. С этого времени дхармашастры стали активно осваивать первоначально чуждый им материал артхашастры. Но если все происходило так, то нашему памятнику — единственному источнику, доносящему до нас традицию артхашастры также и в области права, принадлежит особая роль. История древнеиндийского права должна быть написана заново с учетом сведений КА. Этому в какой-то степени признана способствовать и данная работа.

2. Истоки и характер традиции артхашастры

В «Чхандогья-упанишаде» (VII. 1.2, 4; 2,1; 7.1) среди прочих наук упоминается «кшатравидья» — кшатрийская наука. Комментировавший текст Шанкара толкует этот термин как «дханурведа», т. е. «военное искусство» (букв. «знание лука»). Слово «кшатравидья» почти не встречается в санскритской литературе, и текст «Чхандогья-упанишады» не привлекал внимания ученых, принимавших объяснение комментатора. Однако подлинный смысл термина выясняется с помощью палийских текстов. В «Дигха-никае» и в джатаках под «кхаттавидджа», или «кхаттадхамма», подразумевается теория политики, определенная доктрина политической морали. Тождество значения терминов подтверждается близостью контекстов (см., например, в джатаке № 537 перечень: накхаттадхамма, кхаттадхамма и в «Чхандогья-упанишаде»: накшатравидья, кшатравидья, ср. также Панини IV.3.73, IV.2.60, ср. [105, с. 304, 337]).

Таким образом, уже в поздневедийский период существовала «наука политики» как особая дисциплина. Тот же Шанкара другой термин этого перечисления, «екаяна», передает словом «нитишастра». Упанишады в Европе начали изучать задолго до открытия «Артхашастры», и «нити» интерпретировали в смысле «поведение» или даже «этика». Соответственно и екаяна-нитишастра в переводах упанишад и в словарях фигурирует как «правила поведения» или «этика». Но мысль Шанкары несомненно была иной — он имел в виду политическую науку и, значит, толковал «екаяна» как «достижение единовластия» (ср. комментарий Медхатитхи к Ману VII.1). Иначе говоря, и с его точки зрения, «Чхандогья-упанишада» в перечне наук называет «политику».

Если «Чхандогья-упанишада» лишь упоминает термин, то джа-

таки позволяют получить представление и о содержании понятия. В одной из них (№ 528) повествуется о заседании царского совета, где выступают министры, придерживающиеся различных доктрин. Первый излагает учение о беспричинности, второй — философию единого божества-творца, третий — доктрину фатализма, четвертый, приверженец материализма, призывает наслаждаться земными благами, поскольку все исчезнет после смерти, наконец, последний проявляет себя приверженцем кхаттавидджа. Согласно данной теории, главное — это достижение собственной выгоды (артха), и ради нее допустимы любые средства, вплоть до убийства родителей. В передаче Арья Шуры («Гирлянда джатак» XXIII) соответствующее место выглядит так: «Пятый под видом воинской науки (кшатравидья) поучал царя скверне жестокосердия, связанной лживостью житейской мудрости, противной праведности, утверждая, что это — закон царей: „Царь! Пользуйся людьми, как будто это тень деревьев; стремись добиться доброй славы благодарности потоками до тех лишь пор, пока полезно пользоваться ими — тому подобно, как при совершении жертвы мы пользуемся жертвенными животными“». Кхаттавидджа упоминается еще в нескольких джатаках, например V.240: «Нужно убить отца, мать, старшего брата, и сына, и жену, если от этого будет выгода (артха)».

Нетрудно заметить, что по своей общей направленности эта древняя теория тождественна той «науке политики», которая известна нам под названием «артхашастра». Буддхагхоша в комментарии к «Дхаммападе» (1.93) поясняет «кхаттавидджа» термином «нитишастра». Артхашастра (или артхавидья, или раджавидья — «наука царей») — «наука о выгоде» — уже по названию полностью соответствует тому, что сообщают джатаки о кхаттавидджа. В трактате неоднократно повторяется, что артха — основное (I.7.6, ср. IX.7.61). В нем легко найти те элементы, которые могли определить моральную оценку авторов джатак, — описание способов сохранения и укрепления единовластия, рекомендации без колебаний прибегать к любым средствам, вплоть до убийства собственных детей.

Моралисты, брахманские, буддийские, джайнские, позже не раз выступали с осуждением этических основ этой политической теории. По «Дигха-никае», кхаттавидджа — ложная наука, а джайнская «Нандисутра» относит книгу Каутильи к ложным книгам. Арья Шура в «Гирлянде джатак» [38, с. 220] пишет: «По этому учению житейской мудрости способом любым — и добрым и недобрым — возможно добыть себе богатство (выгоду — артха)... для личной выгоды должны мы пренебречь хорошим отношением к родне любимой даже...» Такое же обвинение сторонникам шастры Каутильи бросает Бана (см. [55, с. X]): «...ради выгоды они готовы пустить в ход губительные науки и способны на убийство родного брата».

В джатаках не раскрывается конкретное содержание науки кшатравидья, подчеркивается лишь ее нравственный аспект. Такое

отделение политики от религии и морали — действительно характерная черта концепции КА, особенно поразившая первых ее исследователей. Но если доверять тому, что сообщает автор трактата о взглядах некоторых из предшественников, например Бхарадваджи, то можно считать абсолютную свободу от обычных нравственных норм важнейшей особенностью более ранней политической теории. Ф. Вильгельм, специально изучавший ссылки КА на учителей политической науки, приводит доказательства подлинности взглядов именно Бхарадваджи [210, с. 77].

Самая ранняя из дхармасутр — Апастамбы (II.5.10.14) характеризует царского домашнего жреца — пурохиту — как «сведущего в дхарме и артхе». Комментатор Харадатта толкует это в смысле «сведущий в дхармашастрах и артхашастрах». Харадатта, очевидно, опирался на то, что в более поздних шастрах в качестве пурохиты обычно рекомендуется человек, осведомленный в «науке политики» — данданити, или артхашастре. Поскольку политическая теория упоминается в качестве особой дисциплины уже в «Чхандогья-упанишаде», вполне вероятно, что Апастамба указывает действительно на артхашастру, т. е. ее существование отражено уже в самой ранней дхармасутре. Артхашастра и дхармашастра как дисциплины возникли, возможно, в одно время и развивались независимо одна от другой. Предположение, что артхашастра входила в литературу о дхарме в этот древний период, противоречило бы всему, что мы знаем о принципах кшатравидьи.

Это учение в джатаках представлено своего рода философией политики и теорией человеческого поведения вообще наряду с учениями фаталистов, материалистов и пр. (ср. [192, с. 111; 107, с. 57]). Такой характер артхашастры сохраняла до последних дней своего независимого существования. Еще в «Камасутре» Ватсьяяны (I,2) [211, с. 299] сравнивались материалисты-локаятики, фаталисты и сторонники артхашастры. Поэтому совершенно неверно рассматривать древние сочинения об артхе как чисто технические произведения, добавлявшие конкретные детали к политическим рекомендациям, общим принципам, изложенным в дхармашастрах.

В литературе брахман первой трети I тысячелетия до н. э. обнаруживаются специальные политические термины (см. [192, т. 3, с. 107]), отличающиеся, впрочем, от тех, что известны по позднейшим произведениям. Появление политической литературы, судя и по свидетельствам источников, и по нашим представлениям об образовании государств древней Индии, едва ли можно относить ко времени до периода «Чхандогья-упанишады» (условно VIII—VI вв. до н. э.). Временем ее сложения была скорее всего вторая треть I тысячелетия до н. э. Источники этого периода скудны и запутанны; сама эпоха пока недостаточно оценена с точки зрения ее исторической и культурно-исторической роли. Теория внешней политики, дошедшая до нас наиболее полно в КА, должна была в своем первоначальном виде и в основных чертах оформиться именно тогда — в эпоху существования множества мелких государств и борьбы их за гегемонию.

В качестве источника для изучения «науки политики» мы используем памятник, составленный значительно позже названного периода, фактически последнее крупное произведение данного жанра. Каутилья неоднократно полемизирует с другими авторитетами — Бхарадваджей, Вишалакшей, Бахудантипутрой и т. д. Обычно их рассматривают как предшественников Каутильи и, исходя из их высказываний, восстанавливают содержание «науки политики» до него. Однако полемика по всем вопросам носит крайне искусственный характер — излагается по определенной схеме, а мнения авторитетов — в одном и том же порядке. Так, государство традиционно считается состоящим из семи элементов, причем каждый предыдущий важнее следующего (VIII.1). Бхарадваджа оспаривает соотношение первого и второго элементов; Вишалакша — соотношение второго и третьего и т. д. Столь же традиционно выделяется семь возможных пороков царя, из которых каждый последующий хуже предыдущего; авторитеты в том же порядке оспаривают соотношение пороков — первый соотношение первого и второго, второй — второго и третьего и т. д.

Иными словами, полемика явно условна и основывается на ней для восстановления теории артахашастры до Каутильи нельзя, как нельзя перечисленных мудрецов считать действительными составителями трактатов по артахашастре. В противном случае их имена, по-видимому, невозможно было бы использовать в фиктивных дискуссиях, приписывать им ложные суждения. Имена, вероятно, принадлежат мифологическим и легендарным персонажам. Ссылаясь на «Махабхарату», Вишалакшу некоторые ученые отождествляют с Шивой, Бахудантипутру — с Индрой [109]. Составитель трактата привлек многочисленные сочинения, огромную литературную традицию, но цитировал не своих реальных предшественников, а мифологические авторитеты, не полемизировал по действительным пунктам разногласий, а придумывал искусственные дискуссии. Это находится в полном соответствии с тем, что и политические прецеденты здесь указаны не реальные, а легендарно-мифологические — сюжеты, связанные с Раваной, Налем, Юдхистхирой, Вьясой. Еще раз подчеркнем, что КА создана не как авторское сочинение, обобщающее практический опыт, а как сочинение, излагающее вечную истину «науки политики».

Среди перечней авторитетов исключение составляет помещенный в гл. V.5. Тут нет схематизированной полемики, да и имена приводятся иные (кроме Пишуны). Речь идет о том, что царский приближенный должен быть наблюдателен и по мельчайшим приметам угадывать нерасположение государя. Сын Пишуны, например, угадал недовольство государя по лаю царской собаки; Гхотамукха — потому, что одежды были холодные, Канинка Бхарадваджа — потому, что птица краунча пролетела слева от него и т. д. Это целый цикл фольклорных преданий о мудрых министрах, знатоках политического искусства. Поскольку автор только намекает на них одним-двумя словами, которые не всегда дают возможность понять смысл эпизода (неясно, скажем, почему ушли Диргха Ча-

раяна и Катьяна), надо полагать, что предания были широко известны. Самих легенд в сохранившихся произведениях индийской литературы обнаружить не удастся. (Правда, лай собаки как признак, по которому угадывается тайное недоверие правителя, упоминается в джатаке № 528.) Некоторые из названных персонажей допустимо идентифицировать с историческими лицами или связать с ними другие легенды. Так, в «Шантипарве» «Махабхараты» (XII.140) Бхишма приводит древнее сказание о том, как Бхарадваджа изложил суть политики царю саувиров Шатрунтапе (Шатрунджае). Ради достижения выгоды (артхи) ему надлежит прибегать к любым средствам — слезам и унижениям, коварству и жестокости; можно убить любого, будь то сын, отец, брат, друг. Почти дословно эта речь повторяется в некоторых рукописях «Адипарвы» как наставление министра Каники царю Дхритараштре. Каника «Адипарвы» и Бхарадваджа «Шантипарвы», очевидно, тождественны Канинке Бхарадвадже КА. (Возможно, в преданиях произошло смешение легендарного советника Канинки из рода Бхарадваджи с мифическим Бхарадваджей, старшим сыном основателя «науки политики» Брихаспати, — ср. Мбх. XIII.30.1963.) Его речь в «Махабхарате» — не что иное, как передача доктрины кшатравидья.

В буддийских источниках («Мадджхима-никая» 89, Джатаки IV.151, «Авадана-шатака» II.114.10) часто упоминается Диргха Чараяна (или Диргха Караяна), военачальник царя Кошалы, — Прасенаджита (конец VI — начало V в. до н. э.), узурпировавший престол своего господина. Он считался знатоком политического искусства (нити) (см. [187, с. 199]). В «Мадджхима-никае» (№ 94) сохранилось предание и о Гхотамукхе, бывшем, видимо, советником правителя Анги и построившем вскоре после кончины Будды зал собраний для буддийской общины в Паталипутре. Комментатор сообщает, что Гхотамукха слыл приверженцем доктрины, по которой ради собственной выгоды допустимо убить даже отца с матерью. Аналогична и тема беседы между Гхотамукхой и последователем Будды Уденей. Министр Катьяна известен, кажется, лишь один — знаменитый грамматик, служивший якобы при дворе царя Нанды. С его именем в «Панчатантре» и «Катхасаритсагаре» связан ряд легенд.

Время деятельности перечисляемых в «Артхашастре» знатоков политической науки — домаурыйский период (VI—IV вв. до н. э.), когда, по всей вероятности, и сложилась сама эта наука. Но к моменту составления дошедшей до нас КА все они, даже министр Нанды Катьяна, стали уже легендарными персонажами. Составитель трактата не называет своих подлинных предшественников по именам, не должен называть он и себя. Он не говорит о современных ему событиях и приводит в качестве примеров лишь сюжеты легендарно-мифологического характера; не должен он сообщать и о том, что сочинение свое писал для Маурьев. Поэтому ни выражение «так считает Каутилья», ни стих, помещенный в конце КА и повествующий о свержении Нандов, не могут служить до-

казательствами авторства Каутильи и объяснять цель составления трактата — наставление Чандрагупте Маурья.

Каутилью допустимо поставить в один ряд с другими героями легенд о министрах, мудрых и коварных. Во всяком случае, нет принципиального различия между ним, полусторическими знатоками артхашастры Катьяяной и Диргха Чараяной и совершенно мифологическими Шивой-Вишалакшей и Индрой Бахудантипутрой; в последующей традиции имя Каутильи-Чанакьи произносилось наравне с именами Ману, Брихаспати, Шукры-Ушанаса, Индры и самого Брахмы (см. стихи в комментарии к «Нитисаре» [12, ч. 1, с. 137], а также «Тантракхьяика»). Впрочем, и в КА Каутилья выступает оппонентом не только легендарных, но и мифологических персонажей. Таковыми несомненно являются Шукра и Брихаспати (им приписываются более поздние политические трактаты «Шукра-нитисара» и «Брихаспати-артхасутра»). Нам кажется, что и автор «Нитисары» Камандака — персонаж легендарный: в «Махабхарате» (XII.123.11) рассказывается о знатоке «науки политики» Камандаке, тогда как «Нитисара», конечно, должна датироваться более поздним временем, чем «Махабхарата».

В преданиях КА (V.6) в качестве учителей артхашастры выступают министры и советники правителя; о них повествуют в наидание совершенно определенному социальному кругу — царским приближенным, государственным деятелям разного ранга, осуществившим и в известной мере определявшим политику страны. От них требуется знание политической теории (нитишастры), и, очевидно, именно в этой среде она возникла и развивалась. В рассказе о древних знатоках артхашастры обращает на себя внимание следующая деталь: приближенный, едва почувствовав перемену отношения властителя, спешит уйти; так поступили все семь перечисленных учителей. Влияние их зиждилось исключительно на расположении царя — они только царские слуги, сколь бы высокий пост ни занимали. Возможность оставить его предполагает, что советники в принципе могли служить при любом дворе, не были привязаны к своему государству. Они могли вести жизнь странствующих мудрецов, наподобие тех, что упоминаются в сообщениях греческих писателей об Индии. Если царь убеждался в основательности их познаний и справедливости суждений, а они заручались поддержкой могущественных лиц при дворе, то становились царскими советниками. Потеряв же расположение правителя, искали счастья в другом месте. Исторические примеры подобного рода относятся к домаурийской эпохе; советник Бимбисары Кханда был даже избран главою республиканского государства личчавов (см. [71а, с. 408]).

Содержание КА (V.4) позволяет предположить такие отношения: некто, владеющий политическим искусством (I—3), желает приобрести покровителя. Он выбирает царя, преданного «науке политики» и обладающего качествами, которые привлекают к нему людей. «Через посредство приятных и полезных царю лиц» он попадает ко двору и в диспутах на царском совете может проде-

монстрировать свои познания. Разумеется, бывали случаи постоянной службы советника, передачи по наследству должности — в КА даже рекомендуется иметь потомственных советников (I.8.16). Но надо думать, что множество учителей не находили должности при дворе и оставались чистыми теоретиками, безуспешно искавшими применения своим знаниям. В трактате (I.8.22—25) говорится о знатоках, не сведущих в практической деятельности и не принадлежащих к потомственным советникам. Составитель КА рекомендует изучать науку управления и у чистых теоретиков, и у практиков (I.5.8).

Индийская литература изобилует указаниями на то, что политические проблемы обсуждались в царском совете, причем обычно не просто решался конкретный вопрос, а высказывались разные суждения, подкрепляемые аргументами и ссылками на положения политической теории, мнения учителей и предания. И в дхармашастрах (у Ману, Яджнавалкьи) теория политики выступает в качестве тематики царских совещаний [79, с. 98]. Думается, что это не только литературный прием. Из материала трактата вытекает, что в государственных делах мантрипаришад — собрание советников — играл большую роль (см. [68]). Рассмотрение здесь политических проблем, судя по тому, что известно о знатоках ни-тишастры, должно было часто выливаться в настоящие дискуссии. Не нужно подходить формально к истории индийской литературы и стремиться вывести типы сочинений один из другого — дхармашастры из грихьясур, артхашастры из дхармашастр и т. д. Если уж ставить проблему происхождения «науки политики» и политической литературы, то гипотеза ее возникновения в кругах царских советников и бродячих мудрецов, из дискуссий в мантрипаришаде и практики обучения кажется наиболее правдоподобной. Политические диспуты могли давать прекрасный стимул к разработке теории и сказываться на форме и содержании соответствующих произведений.

Как уже говорилось, типичным приемом изложения КА являются фиктивные дискуссии: все мыслимые решения какого-либо вопроса вкладываются в уста различных учителей, которые якобы полемизируют друг с другом; правильное решение принадлежит вступающему в спор последним — в «Артхашастре» это Каутилья. Фиктивные дискуссии — развитие очень распространенного в шастрах приема, когда вначале высказывается мнение, которое надлежит затем опровергнуть (КА XV.53); нетрудно найти и другие приемы диалектического изложения (см. КА XV.32 и др.). На традицию устного обучения артхашастре, считает А. Хиллебрандт, указывает своеобразная числовая игра: три шакти, четыре упая, четыре анга войска, шесть гуна, семь анга государства, восемь व्याсана и т. д., связанная с мнемотехнической практикой [131, с. 32; 129, с. 16]. Усвоению основных положений теории способствовали и краткие стихотворные сентенции. Характерна для КА аргументация посредством приведения аналогий (XV.27) из живого и неживого мира, примеров из эпических сказаний и преданий. Даже простые упоминания имен или намеки на содержание попу-

лярных сказаний были достаточны для иллюстрации положений политической теории (см., например, I.6; I.15.4; VIII.3). Причем сами эпические герои, как известно, являлись носителями определенных качеств (благородства или низости, жадности или бескорыстия), поэтому их имена приводились в качестве образца или доказательства (ср. Ману VII.41—42; «Нитисара» I.58—60).

Сказания были чрезвычайно авторитетны (их приравнивали даже к ведам — КА I.3.2, ср. Мбх. I.56.12—26) и служили важным источником политической литературы. В КА мы встречаем иногда фантастические сведения о хитроумных приспособлениях во дворце, способах проникать через стены, усыплять окружающих и т. д. Можно думать, что по крайней мере часть этой фантастики попала в политические трактаты из популярных легенд (ср., например, «смоляной дом» в КА XII.5.46 с рассказом Мбх. I.132). Политические наставления облекались в форму притчи (см., например, Рамайна VI.17.1; Мбх. XII.138,19 и т. д.). Исторические лица попадают в научное сочинение лишь тогда, когда они уже осыщены традицией, из реальных лиц превратились в персонажи легенд (КА I.20.15—17; IX.7 и др.). Знарок артхашастры поучает царя, прибегая чаще всего к сказаниям о древности (КА V.6.47). Они для автора трактата служат чем-то большим, нежели только иллюстрациями теоретических положений. Сами наставления «науки политики» порой выводятся из сказаний.

Естественно, что царскими советниками были по преимуществу брахманы, получившие традиционное образование, хотя, несомненно, в этом качестве выступали и члены иных варн (упомянутый выше Диргха Чараяна был сыном сестры военачальника-сенapati, т. е., очевидно, кшатрием, в «Махабхарате» речь, как правило, идет о советниках-кшатриях, родственниках и друзьях царя). Политическая наука, конечно, опиралась на культурное наследие предшествующих поколений (на ведийскую, но, вероятно, и неведийскую культуру). Авторитеты в этой области вовсе не стремились отвергнуть распространенные верования, устоявшиеся обычаи и социальные порядки своего времени. Но сочинители политических трактатов предстают прежде всего не членами жреческого сословия, а доверенными лицами государственной власти. Канинка Бхарадваджа был брахманом, что не помешало ему рекомендовать убийство собственного отца, сына и гуру, если они противодействуют правителю (Мбх. XII.140.47). Кстати, и приверженцы так называемых материалистических школ тоже часто принадлежали к брахманской варне (см., например, Рамайна II.100.38).

Политика, особенно у ранних учителей артхашастры, рассматривалась как особая область человеческой деятельности, не подчинявшаяся нормам религиозной этики, обязательным для рядовых людей. Давно отмечалась и связь артхашастры с материалистическим течением в древнеиндийской философии (из новых работ см. [71]). Создатель «Артхашастры» называет только три мировоззренческие системы, среди которых нет ряда ортодоксальных, но присутствует докаята (I.2.10). Более поздние политические

сочинения — «Брихаспати-сутра» (II.5) и «Нитивакьямрита» Сомадевасури (VI.32) — советуют изучать ее, поскольку она помогает достичь выгоды (артха) и успеха в мирской жизни. Мифический основатель «науки политики» Брихаспати считался также и основателем локаяты. Автор КА признает, что политику добиться непосредственной выгоды существеннее, чем соблюдать нормы религиозной морали (КА IX.7.60—61), рационально решает он и проблему соотношения человеческого поступка и судьбы, или божественной воли (VI.2—12).

Но одновременно можно заметить связь политической литературы с литературой о магических средствах и заклинаниях. Ангирас, отец Брихаспати, и сам имел отношение к созданию «науки политики» (см. Ашвагхоша I.46: «Что не сказано в царской науке Бхригу и Ангирасом, то сказано Брихаспати и Шукрой»). Вместе с тем бытовало предание, что собрание магических заклинаний «Атхарваведа» было воспринято Ангирасом и потому называется «Атхарвангираса» (Мбх. V.18.5). Брихаспати тоже иногда величают «атхарван» (Мбх. XIII.114.39; (см. [149, с. 202])). Мастером колдовских приемов считался и Ушанас (Шукра) (Мбх. I.71). Чаранавьюха (3) называет артхашастру «колдовской». КА чаще других вед упоминает «Атхарваведу», советуя почитать (например, IV.3) и опасаться (I.19.32) магов. Целая книга трактата (XIV) посвящена «тайному» — способам вызывать проказу, ослеплять, делаться невидимым или пылающим факелом, и напротив, средствам против волшебства противника. Один из самых близких к царю людей — пурохита должен быть сведущим и в политике, и в колдовстве (I.9.9; ср. Яджнавалкья I.312). Его задача, говорится в КА, — предохранять правителя и государство от бедствий, а они бывают как естественного, так и сверхъестественного характера.

Магические заклинания попали в политическую литературу не случайно: они осмыслялись как весьма практические меры (ср. [192, т. 3, с. 110; т. 4, с. 139]). «Артхашастра» и в позднейшей литературе нередко связывалась с «Атхарваведой». Ни одна из вед не сопряжена так тесно с царской властью. В перечне наук в «Чхандогья-упанишаде» кшатравидья стоит рядом с науками предсказаний и магических средств.

То, что сказано до сих пор об истоках политической теории, относится в основном к политической теории в узком смысле слова — к нитишастре. Она излагается прежде всего в книгах КА, начиная с V, а также в I. Книги II—IV несколько отличаются по стилю, они не содержат полемики отдельных учителей, а ссылки на предшественников редки. Во II книге очерчивается круг деятельности различных надзирателей, преимущественно финансового ведомства. Почти каждый раздел ее после 5-го посвящен их функциям. Материал разделов носит специальный технический характер; он выражен в форме наставления: пусть надзиратель знает о том-то, смотрит за тем-то, делает то-то и т. д.

Индийские теоретики помимо науки о государственном управлении (данданити) знали науку о хозяйстве (вартта — «о доходах»). Если данданити, согласно КА, определяет правильную и не-

правильную политику (ная — аная), то вартта — выгоду и невыгоду (артха-анартха) — КА I.2.11. Сочинений, посвященных собственно вартта, от древности не сохранилось. Традиционно это понятие трактовалось как «земледелие, скотоводство и торговля» (КА I.4.1; «Нитисара» III.14 и др.). В комментарии Шанкарарьи к «Нитисаре» «вартта» толкуется как «наука о кормлении, лечении и т. д. коров, лошадей и прочего скота (эту дисциплину изложил Гаутама Шалихотра и др.), о посевах и обработке зерна (дисциплина «о земледелии» изложена Парашарой и др.), о купле-продаже (изложена Видехараджей и др.)». Именно эти вопросы и трактуют многие разделы II книги (о наблюдении надзирателей за лошадьми, крупным рогатым скотом, за царскими полями — сита, торговлей и т. д.). II книга называется «Деятельность надзирателей» (Адхьякшапрачара), а в КА рекомендуется изучать науку о хозяйстве именно у надзирателей (адхьякша — I.5.8).

Можно думать поэтому, что важнейшим источником II книги явились сочинения по дисциплинам, традиционно относимым к науке о хозяйстве, и они прямо упоминаются в этой книге; например, надзиратель за царскими полями (II.24.1) обязан был знать науку о земледелии и о болезнях растений или иметь сведущих в этих науках помощников. Надзиратель за копиями и мастерскими должен был быть знаком с трактатами по металлургии (II.12.1; ср. также II.39.9). Х. Шарфе показал [193, с. 70—71], что в основу одного из разделов II книги (II.10) легла специальная деловая инструкция по составлению царских указов. На наш взгляд, источником и других пракаран об обязанностях надзирателей в конечном счете могли послужить деловые инструкции чиновникам. Хотя общая абстрактность содержания КА свойственна и ее II книге, тематика последней требует значительно большей конкретности — недаром предлагаемые датировки трактата основаны в первую очередь на ее материалах. Развитие делопроизводство, о чем позволяет судить эта книга КА (II.5—10 и др.), заставляет допускать существование инструкций для надзирателей разных ведомств. Наличие особых сочинений «о доходах» (как и о государственном управлении) отмечал еще Мегасфен (Страбон XV.1.39).

III и IV книги КА посвящены вопросам судопроизводства. В IV книге упоминается специальное сочинение о наказании преступников (IV.8.24). В одной из глав II книги сообщается (II.7.2), что в государственном архиве (учетном ведомстве — акшапатала) хранились записи, фиксировавшие правовые установления и обычаи отдельных местностей, деревень, каст, родов и объединений. Там же хранились и копии царских указов. Нам кажется, что подобные тексты учитывались при создании трактатов об обязанностях царских судей. Не исключено, что для написания III—IV книг были использованы специальные деловые сочинения, т. е. источники, во многом аналогичные источникам II книги.

Наука артхашастра в том смысле, какой отражен в названии произведения Каутильи, понятие более широкое, чем собственно искусство политики — нитишастра. Она охватывает всю деятель-

ность по управлению государством, в том числе и административно-хозяйственную и юридическую. Как правило, сочинения последователей Каутильи были только нитишастрами. Включение административно-хозяйственных и юридических вопросов в общую политическую теорию вполне оправданно — не только потому, что без этого описание деятельности царя было бы неполным. Несмотря на известное различие тематики и источников, все части артхашастры строятся на общих исходных принципах. Она представляется комплексом дисциплин, относящихся к государственной деятельности и опирающихся на единую политическую концепцию.

В традиционном перечне четырех наук (веды, философия, науки о наказании и о хозяйстве) наука о наказании — «данданити», часто употребляемая как синоним артхашастры, и наука о хозяйстве ставятся в ряд с учением трех вед (траи). «Трай» охватывает всю ведийскую и примыкающую к ней литературу, в том числе и дхармашастру; практически учение трех вед, как вытекает из раскрытия этого понятия в КА I.3, даже сводилось к правилам жизни четырех варн и ашрам, т. е. к дхармашастре. Артхашастра нередко упоминается наряду с дхармашастрой, иногда и наряду с камашастрой. В популярном сказании говорится, что первоначальная книга Брахмы, заключающая в себе все знание, была разделена на три части: первая, повествующая о дхарме, была затем сокращена до «Ману-смрити», артхашастру сократили Брихаспати и другие учителя (Шива-Вишалакша, Индра, Ушанас), и конечным ее вариантом, согласно анонимной цитате в комментарии к «Нитисаре», является «Артхашастра» Каутильи, а третья часть, посвященная каме, сохранилась в виде «Камасутры» Ватсьяны.

Ни один из древних индийских текстов не причисляет артхашастру ни к ведийской литературе, ни к дхармашастре. Лишь в пуранической традиции ей был придан канонический авторитет. «Вишну-пурана» (III.6.28), «Ваю-пурана» (61.79), «Брахманда-пурана» (35.88—89) и «Махабхарата» (XII.1.13), а также некоторые поздние произведения признают артхашастру «восемнадцатой наукой» и упаведой «Атхарваведы». Одновременно медицина (аюрведа) провозглашается 15-й наукой — упаведой «Ригведы», теория военного искусства (дханурведа) — 16 и упаведой «Яджурведы», а музыка (гандхарва) — 17-й наукой и упаведой «Самаведы». Эта традиция не может быть ранней, поскольку еще у Яджнавалки (I.3) называются лишь 14 наук; а отрывок с перечислением 18 наук в «Махабхарате» признается позднейшей вставкой. Искусственность построения демонстрируется и тем, что в источниках заметно различие по поводу того, какой именно вете приписать артхашастру в качестве упаведы — «Атхарваведе», как делает Шаунака, или «Ригведе», как в «Чаранавьюхе». Несомненно, в древности артхашастра не считалась упаведой. Включение ее в состав священной литературы объясняется стремлением придать ведийские основы всем наукам и вместе с тем забвением первоначальных принципов науки артхашастры. Эти искусственные построения

только доказывают отсутствие генетической связи артахаштры непосредственно с ведийской литературой.

Вопреки распространенному мнению, тождество имен авторитетов в области артахаштры и дхармаштры вовсе не доказывает того, что обе дисциплины развивались в одних и тех же школах. Даже в рамках литературы о дхарме метрические шастры Апастамбы и Баудхаяны, например, никак не связаны с одноименными сутрами, а шастры «Брихад-Ману» и «Вриддха-Ману» — с «Ману-смрити». То же в литературе артахаштры: «Брихаспати-сутра», очевидно, не создана в той школе Брихаспати, которую упоминают КА и «Нитисара» Камандаки. Учитель богов Брихаспати считался автором философских и астрологических трактатов, ритуальных сочинений, но из этого вовсе нельзя сделать вывод об универсальной, единой школе Брихаспати. «Брихаспати-смрити» не имеет ничего общего ни по содержанию, ни по происхождению с какой бы то ни было из артахаштр, приписываемых Брихаспати, равно как «Ману-смрити» со школой Манавы, упоминаемой в КА. В сущности, доказательств единства школ дхармаштры и артахаштры нет.

3. Дхармашастры и «Артахаштра» Каутильи

Европейская индология конца XVIII в. началась в значительной мере именно с изучения индийского права. Оно изучалось по дхармашастрам — сочинениям, которые в конце средневековья обладали в Индии юридическим авторитетом («Ману-смрити», «Яджнавалкья-смрити» и т. д.). И до настоящего времени в историографии господствует мнение, что древнеиндийское право возникло и развивалось в рамках литературы этого жанра [161; 153; 142]. Историю права обычно рассматривают как процесс постепенного выделения юридических предписаний из первоначально не дифференцированной массы религиозно-этических рекомендаций (см., например, [161, с. 28—29, 135 и сл.]). В связи с этим правовые книги КА в общих обзорах по данной тематике не представлены. Автор последней большой работы об источниках индийского права Р. Ленга считает, что сопоставление текстов дхармашастр и «Артахаштры» не позволяет говорить о заимствованиях или прямом влиянии. Мы коснемся двух вопросов — о месте, занимаемом юридической темой в дхармасутрах и дхармашастрах, и о соотношении текстов КА и «Яджнавалкья-смрити».

В обширной литературе о дхармашастрах композиция текстов практически не исследовалась, изложение часто определяется как бессистемное [41, с. 5; 153]. Между тем именно структура текста помогает понять действительный смысл отдельных фрагментов, в том числе и юридического содержания. При известной изменчивости текста шастр композиция выступает наиболее индивидуальной и устойчивой характеристикой памятника. Поэтому и эволюция шастр может быть установлена с большей степенью надежности

через анализ их построения, чем через сопоставление изолированных отрывков.

Оценка дхармасутр как «сборников фиксированных письменных правовых норм» [41, с. 5], безусловно, неверна. Хорошо известно, что лишь сравнительно незначительная их часть посвящена юридической проблематике. С нашей точки зрения, еще более важным, чем простой количественный подсчет, является определение общего характера текста и места, которое в его структуре занимают «юридические предписания». Стержнем композиции древнейших дхармасутр Апастамбы и Баудхаяны служит последовательность четырех стадий жизни — ашрам (подробнее см. [79]). После введения, раскрывающего источники дхармы, излагаются правила на период ученичества, для закончившего обучение (снатаки), при вступлении в брак, обряды, совершаемые домохозяином, и, наконец, жизнь лесного отшельника и аскета. Иначе говоря, дхармасутра — не бессистемное собрание отдельных наставлений, а связанное повествование. Его общий замысел, ясно выраженный в архитектонике, принципиально не оставляет для правового материала сколько-нибудь важного места — ни количественно, ни композиционно.

Легко заметить, что этот материал дан по-разному и в совершенно различных контекстах. Во всех сутрах подробно повествуется о разделе наследства, но категории законного — незаконного, действительного — недействительного тут неприложимы. Данная тема («наследственное право») тесно связана с темами шраддхи — поминальной жертвы и периода нечистоты вследствие смерти родственника (см., например, Апастамба II.13—14 и II.15, II.16). Фиксация обычая явно не имела целью регулировать разбор судебных исков по поводу неправильного раздела имущества. С точки зрения составителей сутр вопрос о разделе наследства по характеру предписаний принципиально не отличается от вопросов «принесения поминальных жертв» или «соблюдения сроков нечистоты». Эта тема в полном смысле дхармическая, однако для составителей сутр она вовсе не была правовой.

Прочие «юридические предписания» излагаются в разделе о дхарме царя. На стадии домохозяина занятия человека, источники его существования и, значит, дхарма зависят от варны. Идеальный представитель кшатриев — царь, поэтому и у Апастамбы (II.10—11—II.11.4), и у Баудхаяны (I.18—19) дхарма правителя является подтемой в разделе о дхарме домохозяина. (В качестве такой подтемы царская власть, и в том числе суд, должна быть непрерывной частью первоначального плана дхармасутр, вопреки мнению В. Фоя [119, с. 3—4] и Г. Лоша [162, с. XXIII].) Религиозная обязанность (дхарма) царя-кшатрия — охрана подданных; он выполняет ее, ведя войны и наказывая преступников внутри страны. В связи с последним приводятся некоторые юридические казусы. Речь идет не просто о грехах, но лишь о преступлениях, подлежащих суду и каре со стороны государственной власти. Беспорядочного смешения права с религиозно-этическими наставле-

ниями здесь нет. Юридический материал авторы сутр и рассматривают как юридический.

Сутры этого раздела отличаются не только по характеру, у них и иной адресат: не увещевания — частному лицу не совершать преступление-грех (хотя преступление, естественно, считалось и видом греха), а предписания царю наказывать преступников (дабы сам царь не впадал во грех). Изложение правовых вопросов столь же несистематично и поверхностно, как и описание других сторон деятельности государя. Само по себе право, таким образом, не является дхармической темой и включается в дхармасутры в рамках описания деятельности царя. На основе этих текстов нельзя делать выводы об уровне развития индийского права, поскольку данная тематика, в весьма ограниченной степени попадавшая в круг интересов их составителей, получала в сутрах весьма неполное и одностороннее освещение.

Часто юридический материал здесь кажется не примитивным, а лишь очень кратко и отрывочно изложенным. Если, скажем, у Гаутамы (XIII.31—32) просто перечисляются пять видов долгового процента, то это вовсе не выглядит первоначальной стадией фиксации долгового права, «развитого» затем у Ману и в других более поздних шастрах, где даются определения тех же видов процента. Уровень систематизации материала показывает, что вопросы права уже разрабатывались во времена создания дхармасутр, однако за пределами этой традиции.

Подчеркнутая в дхармашастрах связь права с политической деятельностью царя и то, что политическая теория в Индии была предметом особой дисциплины — артхашастры, позволяет по меньшей мере допускать возможность разработки вопросов права также в этой традиции. По справедливому замечанию Р. П. Кангле [154, с. 15], трудно представить, что наука, одним из названий которой было «данданити» (букв. «учение о наложении наказания»), могла игнорировать вопросы преступления и суда. В дхармашастрах (Нарада, Брихаспати, Катьяяна) не раз говорится, что судьи должны быть сведущи как в дхармашастрах, так и в артхашастрах. Наконец, средневековая комментаторская традиция (Вишварупа и Виджнянешвара, комментарий Мадхавы к «Парашаре» [23]) называет разделы дхармашастр, посвященные политике и праву, «артхашастрой, входящей в дхармашастру», т. е. прямо признает неоднородность дхармашастр и принадлежность права (судебных дел — вьявахара) преимущественно артхашастре (см. [77]).

Активное проникновение в дхармашастры первоначально чуждого им материала о политике и праве сопровождалось изменением их предмета и композиции. Ашрамное построение сутр частично нарушается уже у Апастамбы и Баудхаяны: в конце прилагаются дополнительные главы — в первом случае о царе (II.25—29) в добавление к II.10.11—II.11.4, во втором — об искуплении — «праяшчитте» (III.4 и далее). У Васиштки, помимо того что в конце текста помещены главы о царе и искуплении (XIX—

XXVIII), тема дхармы варн вообще выделена в качестве особой главы (II—VI). Исчезала первоначальная внутренняя основа композиции дхармасутр. Аналогичным образом построена и дхармасутра Гаутамы: она начинается с изложения дхармы ашрам (II—IX), затем следует дхарма варн (X—XVIII), включающая также дхарму царя, которая охватывает тему суда (XI—XIII), потом темы искупления (XIX—XXVII) и раздела наследства (XXVIII). Описание дхармы ашрам у Гаутамы становится формальным, поскольку оно дается не во временной последовательности и об ашраме домохозяина речь идет после стадии жизни отшельника и аскета.

Едва ли помещение главы о наследстве в конец сутры объясняется желанием описать полный цикл жизни человека, скорее вопросы наследования связываются составителем с вопросом суда, излагаемым в предшествующих главах. В таком случае у Гаутамы допустимо находить новый принцип оформления юридической проблематики. Композицию этой дхармасутры так же трудно признать архаичной, как и ее язык (ср. о языке [155] и о содержании [121, с. 10—11; 196, с. 31]). Примечательно, однако, что непосредственно за темой царского суда идут «неправовые» темы (нечистота, шраддха, искупление), отрывающие «наследственное право» от других юридических разделов.

Сходно построена и дхармасутра Вишну. Главная часть ее (без введения и заключения) посвящена трем большим темам: дхарме варн (II), дхарме царя (III—XIV), дхарме ашрам (XV—XCV) (ср. у Гаутамы: дхарма ашрам, дхарма варн, дхарма царя). Вопрос о разделе наследства (XV—XIX) здесь непосредственно примыкает к вопросу о царском суде, т. е. рассматривается как юридический. Вместе с тем в силу традиционных связей он влечет за собою изложение темы нечистоты, обусловленной смертью родственников (а заодно и ряд других случаев нечистоты), а также шраддхи — поминок (XX—XXIII).

«Наследственное право» у Вишну играет и еще одну композиционную роль — предваряет темы брака и рождения ребенка (XXIV—XXVII) и, как обычно в сутрах, несет отнюдь не только правовой смысл.

Построение основной части «Ману-смирти» организует дхарма варн: дхарма ашрам представлена описанием дхармы брахмана (II—VI), а дхарма правителя — дхармой кшатрия (VII—IX). Судопроизводство и политическая теория включаются в изложение дхармы кшатрия посредством «рамочных» конструкций (подробнее см. [79]). Вопросы брака и поведения женщины обсуждаются не только в связи с судопроизводством (в гл. IX), но и в главах, посвященных общей дхарме (III—V). Еще более интересно, что у Ману брачное и наследственное право формально отграничены от вопросов судопроизводства рамками главы (все остальные вопросы права обсуждаются в VIII, а брак и наследство в IX) и концовкой VIII главы, создающей впечатление полной завершенности темы судопроизводства (и в перечислении предметов, раз-

бираемых у Ману, отдельно названы «способ решения тяжб» и «дхарма жены и мужа, наследование» — I.114—115).

«Яджнавалкья-смрити», по существу, построена по старому ашрамному принципу с добавлением раздела об искуплении — праяшчитте (ср. Баудхаяна, Васиштха, Гаутама). Тем не менее средневековые комментаторы воспринимали текст дхармашастры как разбитый на три примерно равные по объему главы: «Ачара» — обычай, включая собственно царскую дхарму, «Вьявахара» — судопроизводство, «Праяшчитта» — искупление. Темы брака здесь, в отличие от Ману, остаются за пределами главы о судопроизводстве; наследственное право излагается во второй главе, но вставлено не вполне уместно между долговым (и процессуальным) правом и тяжбой пастуха с хозяином стада. По мнению Г. Лоша, первоначальный текст Яджнавалкьи был тождествен версии «Гаруда-пураны» и не включал разделы о дхарме царя и судопроизводстве. Предельная краткость изложения «дхармы кшатрия», однако, предполагает выделение царской темы. Кроме того, без II книги дхармашастра не имела бы и темы «о разделе наследства». Усеченная версия в «Гаруда-пуране» по характеру близка скорее поздним текстам типа «Парашара-смрити».

Любопытно предисловие к «Нарада-смрити», дающее перечисление 24 глав «первоначальной книги» Ману. В качестве содержания отдельных глав фигурируют судебные дела (вьявахара) и тема наказания преступников (кантакашодхана). Они связаны с темой поведения царя. И совершенно особняком стоят традиционные вопросы дхармасутр: брак, отношения мужа и жены, порядок наследования. Оно связано с правилами шраддхи, а те — с вопросом чистоты и нечистоты и т. д. «Нарада-смрити» предстает как изложение одной из глав «первоначальной книги» Ману — о судебных делах, — но она включает и брак, отношения мужа и жены, порядок наследования в качестве составных частей судебных дел.

Таким образом, общая перестройка дхармашастр привела и к изменению разделов, посвященных юридической тематике. Но изменения эти заключаются не в дифференциации предписаний разного характера. Тема царского суда увеличивается в объеме, по-видимому, за счет заимствования и ассимиляции материала иной литературной традиции. Привычная для дхармашастр проблематика, касающаяся брака и раздела наследства, действительно дифференцируется, и правовые предписания переносятся в главу о царском судопроизводстве. Но происходит это очень поздно и трагивает лишь историю литературы дхармашастр, а не историю индийской юридической мысли. В «Артхашастре» вопросы брака и наследования излагаются как совершенно равноправные с другими юридические темы. Сопоставление КА с «Ману-смрити», «Яджнавалкья-смрити», «Вишну-смрити» и прочими дхармашастрами наглядно показывает, как медленно, с каким трудом традиционная тематика в них (брак и наследование), переосмысляясь, приобретала юридическое значение и находила новое место среди вопросов судопроизводства.

Завершение этого процесса мы наблюдали лишь в «Нарада-смрити» — наиболее поздней из сохранившихся дхармашастр, разрабатывающих вопросы права. Она состоит только из глав о судебных делах (вьявахара), и на этом основании иногда считают, что она демонстрирует факт отделения права от общей дхармы. Нужно иметь в виду, однако, что «Нарада-смрити» сосуществовала с дхармашастрами, вовсе не занимавшимися специально ни политикой, ни правом (например, «Парашара-смрити»). Указанное выше предисловие к ней свидетельствует, что ее воспринимали как сочинение, более детально освещающее один из специальных вопросов дхармы. Иными словами, речь идет не об «обособлении права», а о процессе тематического дробления дхармической литературы. Если Ману и Яджнавалкья охватывали весь комплекс вопросов дхармы и должны были считаться самодостаточными, то «Нарада-смрити» рассматривалась как часть дхармической литературы в целом. В этом смысле можно сказать, что она, подобно другим поздним дхармашастрам, была предшественницей и узкоспециализированных трактатов, и всеобъемлющих компендиумов — нибандх средневековья. Систематичность изложения в «Нарада-смрити» демонстрирует завершение процесса интеграции правового материала внутри традиции дхармашастр. Отсюда и частичное смешение судебных и несудебных дел. Именно у средневековых комментаторов заметна нечеткость в классификации материала дхармашастр, разного по происхождению и характеру.

Остановимся теперь на проблеме текстуальной близости между КА и дхармашастрами, в частности дхармашастрой Яджнавалкья. Проблема эта непростая, требующая осторожности, учета того, что перед нами тексты, терминология которых, постановка и решение вопросов могут быть традиционными, отдельные стихи — безымянными афоризмами, заимствованными из одного устного источника или кочующими из текста в текст (скажем, стих у Яджнавалкья I.16; ср. КА I.48—10, Ману VII.99; «Нитисара» I.18—20; «Нитивакьямрита» II.3, «Гантракхьяника» 5; см. [193, с. 52]).

Тем не менее близость ряда школ Яджнавалкья к сутрам Каутильи не может считаться случайной (в качестве примера см. Яджнавалкья II.147 и КА III.2.16, а также Яджнавалкья II.144 и КА III.2.37; Яджнавалкья II.169 и КА III.16.10—11). Несколько десятков стихов II книги «Яджнавалкья-смрити», почти треть ее объема, обнаруживают большее или меньшее сходство с КА. Особенно показательны фрагменты Яджнавалкья II.232—237 и КА III.20.15—17, которые ни по характеру, ни по размеру не могут быть причислены к «безымянным устным афоризмам». Большая близость между метрическим и прозаическим текстами, пожалуй, невозможна. Тожество лексики и последовательность расположения материала (которая при этом вовсе не является логической) исключают возможность случайного совпадения.

Мнение Р. Ленга о том, что соотношение текстов КА и дхармашастр не позволяет говорить о заимствовании, в данном случае явно необоснованно. Связь между упомянутыми текстами несом-

ненна. Вопрос заключается лишь в определении существа этой связи. Сравнение показывает, что в ряде случаев Яджнавалкья совершенно не соблюдает необходимой точности в юридических вопросах. Иногда речь идет о наложении штрафа за преступление, но величина штрафа не указывается (например, II.35,40,67). В размерах его, в отличие от КА, тут наблюдаются разноречивость и непоследовательность. Каутилья исходит преимущественно из штрафа 12 пан; большая часть других сумм кратна 12 (3, 6, 24, 48, 96 пан). У Яджнавалкьи тоже часто встречается штраф 12 пан, но наряду с этим назначается и 10 пан, причем возникает подозрение, что выбор числа определяется исключительно метрическими соображениями (ср. КА III.20.14 и Яджнавалкья II.263, а также II.238 — 3 и 10 пан и более логичное в КА IV.1.16—17 — 3 и 12 пан).

Особенно нагляден пример с размером штрафа за насилие над рабыней. КА назначает 12 пан, а за групповое насилие (как всегда при групповых преступлениях) — 24 паны; Яджнавалкья (II.291) во втором случае также называет 24 паны, а если преступник один — 10 пан (размер штрафа, таким образом, становится совершенно неоправданным). В КА (III.18) величина штрафа за оскорбление словом определяется в зависимости от того, является ли оскорбление констатацией действительно существующего порока, недостатка, клеветой или издевательством. Кроме того, делается различие между поношением калеки и посрамлением больного и т. д. В параллельном месте у Яджнавалкьи (II.208) тоже говорится об оскорблениях, соответствующих фактам и клеветническим, об издевательствах (в тех же терминах) над неполноценным или больным человеком, но штраф в любом случае один и тот же — 13,5 паны. Сопоставление текстов прекрасно иллюстрирует взаимоотношения между дхармашастрой и КА. Правила трактата кажутся более разработанными и развитыми, но текст Яджнавалкьи несомненно предполагает такую же, как и в КА, дифференциацию понятия «оскорбление», и если это не отражено в размерах штрафа, то объяснение нужно искать скорее в непоследовательности и небрежности составителя, чем в «древности» дхармашастры.

В противоположность КА у Яджнавалкьи терминология сбивчива (иногда явно потому, что кроме КА составитель дхармашастры ориентировался и на совершенно другие тексты, в частности на «Ману-смрити»). Встречаются выражения, обычные для КА, но нехарактерные для литературы дхармашастр (ср., например, Яджнавалкья II.203 и КА III.20.1—2 — екамухам, часто употребляемое в КА II.12.19; 16.4; 25.1, и непонятное комментаторам дхармашастры — Виджнанешваре и Апарарке). Изложение в «Артхашастре» в целом значительно более подробное, причем гораздо легче предположить сокращение текста у Яджнавалкьи, чем расширение его в КА (см., например, отсутствие слов: «так считают последователи Ушанаса» у Яджнавалкьи II.230, ср. КА III.17.4). Иногда сокращение приводит к искажению смысла. Например, в КА (III.11.1) и у Яджнавалкьи (II.38) устанавливается максимальная

процентная ставка по долговой ссуде — $1\frac{1}{4}$ в месяц. У Яджнавалкьи продолжение такое: «или пусть все платят процент, установленный кредитором». Ясно, что если возможен любой долговой процент, то установление максимума совершенно бессмысленно. В параллельном месте КА (III.11.3) сказано, что ограничение процентной ставки отменяется в случае бедствий в государстве. Аналогичным образом толкует текст Яджнавалкьи комментатор Вишварупа, говоря о времени бедствий (апад). Он следует, очевидно, параллельному тексту Катьяяны (498). Однако остается фактом, что сама по себе «Яджнавалкья-смрити» не содержит этого условия и, значит, юридически некорректна. Подобных примеров можно привести немало.

Композиция ее тоже порой не отличается стройностью. Но в ней угадывается деление на дхармаштию и кантакашодхану, известное по КА (такое же деление можно заметить и у Ману — I.114—115, — хотя темы кантакашодханы начинаются уже в конце VIII книги, т. е. до изложения вопросов семейно-наследственного права). Тем не менее в дхармаштрах не упоминаются прадештары и соответственно нет оснований для разбивки текста на вьявахару и кантакашодхану. У Яджнавалкьи уже наблюдается смешение двух главных юридических разделов, различаемых в КА. В связи с тем что в кантакашодхане речь идет о надзоре за купцами, темы права, связанные с куплей-продажей, переносятся в конец II главы. С точки зрения юридической систематики это и порождает сумбурность II главы Яджнавалкьи. В более поздних дхармаштрах, скажем в «Нарада-смрити», часть кантакашодханы растворяется в разделах права — вопрос о прелюбодеянии, например, попадает в изложение семейного права, большая часть просто исчезает, равно как и темы, связанные с административным устройством и управлением государства, составляющие II книгу КА.

Можно заметить, что сходство текстов Яджнавалкьи и Каутильи проявляется прежде всего не в традиционных правовых частях дхармашастры (о наследстве, например), а в разделах о наказаниях, штрафах, надзоре, следствии и т. д. Трудно допустить (вопреки мнению Ю. Йолли), что КА заимствует из дхармашастры в основном материал не дхармический, а свойственный традиции политической науки.

В «Яджнавалкья-смрити» некоторые шлоки, близкие КА, оказываются в ином контексте. Так, случаи дурного поведения женщины рассматриваются в связи с прелюбодеянием в конце II главы (II.284—285). В КА же этот вопрос детально разбирается в III книге (3.26), а собственно прелюбодеяние как особо тяжкое преступление, подлежащее рассмотрению прадештаров, — в IV книге. Это легко объясняется тем, что у Яджнавалкьи нет специальной темы брака, отношений мужа и жены и т. д.; о них говорится только в неюридическом контексте I книги. В КА (III.16.37) порядок наследования у отшельников и других лиц, не являющихся домохозяевами, описывается в специальном отрывке, посвященном

правовому положению этой категории лиц. В дхармашастре подобного рода отрывок отсутствует и соответствующая шлока дана в общем разделе о наследственном праве (II.137). О брахманских отшельниках речь идет в других главах дхармашастры, а еретикам («пашанда») не уделяется специального внимания.

Остановимся подробнее на обширных фрагментах у Яджнавалкьи (II.232—237) и Каутильи (III.20.14—17). Нет ни одного казуса, упомянутого первым, который не имел бы параллели у второго. Изложение КА несколько детальнее, что само по себе существенно для определения того, кто у кого заимствовал. Тексты настолько близки, что нередко их сопоставление помогает понять трудные места в обоих памятниках. Явно не находят соответствия у Яджнавалкьи слова о «приходе к гетере, занятой другим» (КА III.20.15) (они скорее сокращены у Яджнавалкьи, чем добавлены в КА). Фразу КА «паравактавьям паньям кринанасья» можно сопоставить с «аргхьякрошатикрамакрит» в дхармашастре. Это место было непонятно комментаторам, предлагавшим весьма странные его толкования — «нарушение указания уважаемого человека». Исходя из текста КА, можно думать о нарушении соглашения или объявления (акроша) о цене (аргха) или продаваемой вещи (аргхья). Выражение Яджнавалкьи (II.236) «садхаранасья апалапи», очевидно, тождественно «куланивиграхака» в КА (III.20.16) и означает: «присваивающий общее или семейное имущество». Изложение «Архашастры» выгодно отличается последовательностью. По сути, здесь рассматриваются не те судебные дела, для которых не нашлось места в общей системе права, как можно было бы предположить на основании названия раздела — «Разное» (по крайней мере некоторые из них легко нашли бы место в предшествовавших главах). Говорится о различных видах штрафов, и расположение материала определяется уже не существом преступления, а лишь размером налагаемого за него штрафа. Описание начинается с преступлений, наказуемых штрафом 12, затем 48 и 100 пан (штрафа 24 паны в этом контексте нет ни у «Яджнавалкьи», ни в КА). После этого штрафы указываются по видам сахаса — низший, средний и высший.

Надо заметить, что у Яджнавалкьи соединяются те преступления, за которые, согласно КА, назначается штраф 100 пан, и те, за которые назначается первый штраф сахаса. Это объединение можно понять, только исходя из размера первого штрафа сахаса, указанного в КА (96 пан), и оно совершенно непонятно, если исходить из размера 250 пан, объявленного в дхармашастре (I.365). И это не единственный случай, когда Яджнавалкья в соответствии с КА и в противоречии со своим текстом принимает величину первого штрафа сахаса в 96 пан (см. II.179; 218 и др.). В приведенном фрагменте дхармашастры в нескольких случаях неточно передан текст КА («самантакулика» вместо обычного «самантач-тваримшаткулья»; «шудраправраджита» вместо «вришалаправраджита» и т. д. и прямо неправильное «йогьякарма» вместо «юкта-карма»). Интересно также, что шлока Яджнавалкьи, соответствующую

шая сутре КА (III.20.14), несколькими шлоками отделена от фрагмента II.232—273.

В более ранней версии Вишварупы она помещена между шлоками об оскорблении действием, на несколько шлок выше разобранного фрагмента (II.228). Более поздние комментаторы, заметив ее неуместность в данном контексте, переносят ее и присоединяют к теме торговли (II.263) на том основании, что речь в ней идет о пошлине — плате за перевоз. Однако в этом контексте нелепой выглядит вторая половина шлоки о приглашении соседей на трапезу. Сопоставление с КА доказывает, что соединение столь разнородных дел — взимание платы за перевоз и приглашение соседей на трапезу — объясняется лишь одинаковой величиной штрафа. Нарушен не только порядок изложения, изменен и сам текст шлоки. Ясно, что она должна стоять перед II.232, как в соответствующем месте КА. У Яджнавалкьи речь идет о штрафе 10, а не 12 пан (в отличие от КА), что затемняет принцип, лежащий в основе изложения, — 12 (24), 48 (или 50), 96 (или 100) пан. Смысл первой половины шлоки становится странным: «Взимание сухопутной пошлины перевозчиком через реку» вместо ясного смысла сутры КА: «Взимание с брахмана платы за перевоз».

Вряд ли остается сомнение в том, что указанный фрагмент Яджнавалкьи — просто стихотворный пересказ фрагмента КА. Само по себе совпадение отдельного отрывка еще мало о чем говорит, поскольку текст дхармашастр в эпоху, предшествующую комментированию, мог быть не вполне устойчивым. Но совпадения текста II главы «Яджнавалкья-смрити» и III—IV книг «Артхашастры» носят систематический характер, и потому допустимо считать, что составитель дхармашастры использовал текст КА. При этом последний был, по-видимому, примерно тем же, что дошел до нас. Во всяком случае, у Яджнавалкьи имеются параллели не только с прозаическими, но и со стихотворными частями КА (см., например, II.222 у Яджнавалкьи и КА III.19.30, а также II.211 и III.18.12 и др.). Это тоже может служить аргументом в пользу того, что заимствующей стороной является Яджнавалкья: замечено, что он никогда не воспроизводит стихи дословно (из «Ману-смрити», например). Для КА, многие стихи которой явно инородного происхождения, дословное заимствование было бы естественным.

Параллели с КА содержит и раздел «Раджадхарма» I главы «Яджнавалкья-смрити». Здесь имеется по меньшей мере два фрагмента текстуально близких: о распорядке дня царя (I.326—332) и о качествах правителя (Яджнавалкья I.306—307 и КА VI.1.2).

Совпадение покажется еще более разительным, если мы примем не традиционное чтение Виджнянешвары, а варианты самого раннего комментатора Яджнавалкьи, Вишварупы: «акшудрапарिशат» вместо «акшудро'парушас» и «дридхабхакти» вместо «авьясано», а также комментария «Бхашавьякхьяна» к КА: «дридхабхакти» вместо «дридхабуддхи». Справедливость последнего подтверждается описанием образа идеального министра в КА — I.9.1,

где стоит также «дридхабхакти», и «Нитисарой» Камандаки — IV.7. Толкование Вишварупы предпочтительнее не только из-за древности комментария и близости к КА, но и по смыслу. Даже Камандака в передаче этого места не ближе к оригиналу, чем Яджнавалкья. Учитывая, что КА составлена в прозе, а «Яджнавалкья-смрити» в стихах, надо признать совпадение полным. Хотя сравниваемые тексты невелики, они никак не могут принадлежать к безымянным афоризмам. Поскольку соответствующие эпитеты, характеризующие царя, нельзя считать традиционной политической терминологией, допустимо говорить о заимствовании.

То, что заимствующей стороной может быть только Яджнавалкья, подтверждается двумя наблюдениями:

1. Порядок слов в КА и «Яджнавалкья-смрити» не совпадает. Если принять, что последняя заимствует из КА, изменение порядка слов объяснимо соображениями метрики; в противном случае такое изменение становится необъяснимым.

2. На источник типа КА указывает слово «кулина» — «благородного происхождения». Здесь употребление его совершенно естественно (ср. в «идеале врага» антоним «не царского рода»), ибо рисуется абстрактный идеальный образ царя. Но в «Яджнавалкья-смрити» даются советы правителю — каким он должен быть, как должен себя вести. Все комментаторы с полным основанием добавляют к первым сутрам раздела о дхарме царя слова «пусть будет [царь]». И тут рекомендация быть «благородного происхождения» совершенно неуместна. Это замечено уже Вишварупой, который в своем комментарии пишет: «Кулина — происходящий из знатного рода. Но это невозможно, так как зависит от судьбы. Верно. Смысл таков: быть подобным лицам благородного происхождения». Комментатор Митра Мишра предлагает другую интерпретацию, толкуя «кулина» как «кшатрий по происхождению» и рассматривая это слово как определение к слову «царь» (т. е. «царь, являющийся кшатрием по происхождению, пусть будет энергичным и т. д.»). И то и другое объяснения очень искусственны и не могут быть приняты. Перед нами впечатляющий пример так называемой борьбы комментатора с текстом. Термин «кулина» стоит в ряду других эпитетов и не может быть противопоставлен им, вопреки тому, что делает Митра Мишра: указывает оно лишь на происхождение, а не на поведение (ср. «Нитисара» IV.6 и комментарий Шанкара, который справедливо толкует это слово как «происходящий из царского рода», также Ману VII.210, да и сам Вишварупа несколькими шлоками ниже передает его как «родовитый»).

В то же время не нужно переоценивать степень близости текстов двух памятников. Несомненно, «Артхашастра» была только одним из источников «Яджнавалкья-смрити». Составитель дхармашастры располагал другими аналогичными сочинениями. Исследование «Законов Ману» свидетельствует, что составителю их трактат, по-видимому, не был известен и он пользовался другими произведениями того же жанра (см. [79]). Средневековые коммен-

тари к дхармашастрам в ряде разделов лишь тогда становятся содержательными, когда обращаются к традиции артхашастры (Бхаручи, Вишварупа, Медхатитхи). В средние века она постепенно была забыта. Редкими стали рукописи КА. Нитишастры типа «Нитисары» Камандаки, хотя автор ее и называет себя учеником Каутильи, по общей концепции ближе к «Ману-смрити» и иным дхармашастрам. Комментаторы последних избегают обращаться к КА и другим произведениям артхашастры. Цитаты из КА или пересказ ее встречаются главным образом в ранних комментариях (VIII—IX вв.). Цитаты даются без ссылок. По всей вероятности, КА считалась отчасти неортодоксальным, но больше неавторитетным сочинением.

Отсутствие ссылок на нее в разделах дхармашастр о праве делают многие места непонятными для комментаторов. Характерный пример — определение слова «сахаса» — «грабеж». КА (III.17.1—2) говорит: «Грабеж есть насильственное действие [присвоения] в присутствии [собственника]. В отсутствие [собственника это] — кража, как и в случае отрицания [получения чужой вещи]». Шлока Яджнавалкьи (II.236) текстуально близка. В ней вызывает, однако, недоумение слово «саманья» — «общий»: грабеж явно не сводится к хищению «общего» имущества. В данном виде текст Яджнавалкьи лишен смысла. КА помогает обнаружить старую ошибку в рукописях: «саманья» вместо «санвая» — «в присутствии». Но комментаторы идут иным путем — не исправления рукописного текста дхармашастры, а расширенного толкования: хищение общего (саманья) и чужого имущества («Митакшара»).

Анализ соотношения текстов «Яджнавалкья-смрити», других дхармашастр и КА приводит нас к нескольким выводам. КА была создана ранее «Яджнавалкья-смрити», т. е. примерно до III в. Т. Траутман полагает, что источником последней послужил текст, легший в основу II книги трактата Каутильи. Мы могли заметить, что близость обнаруживается не только с III—IV, но и с I и VI книгами. Поэтому уместно допустить, что составителю дхармашастры была известна КА в ее настоящем виде. Но главное заключается даже не в проблеме датировки трактата, а в том, что составители «Ману-смрити» и «Яджнавалкья-смрити» при написании разделов о политике и праве (раджадхарме в широком смысле слова) не нашли необходимого материала в литературе дхармашастр и активно обращались к литературе артхашастры. КА — один из основных источников Яджнавалкьи, и тот считает возможным сочинять шлоку за шлокой на основе ее сутр. Комментаторы же дхармашастры пренебрегают текстом трактата для объяснения темных мест. Вишварупа, видимо, знал КА, он однажды сослался на нее в разделе о политике (анонимно), но полностью игнорировал ее в разделе о праве. Вероятно, в эпоху комментаторов существенно изменилось отношение и к дхармашастре, и к артхашастре. Последняя потеряла авторитетность, первая приобрела особую святость и с помощью комментариев — значение в судопроизводстве средних веков и нового времени.

4. III книга «Артхашастры»

Название III книги — «Дхармастхия» — можно толковать как «судебное ведомство» (ср. I.10.13) или «Область деятельности судей» (дхармастха). Несомненна связь ее со II книгой, посвященной административно-финансовой организации государства и носящей название «Область деятельности надзирателей»¹. Завершающая глава II книги о деятельности градоначальника (нагарика) уже затрагивает вопросы наказания преступников, организации тюрем и т. д., т. е. вопросы, связанные с тематикой III и особенно IV книги — «О поддержании общественного порядка». Последняя посвящена преимущественно полицейскому ведомству и содержит материал смешанного характера², обнаруживающий порой близость к юридической тематике III, порой — к административной тематике II книги (ср. II.35 и IV.3). III книга представляет собою такое же наставление чиновникам судебного ведомства (дхармастха), как II — разного рода надзирателям (адхьякша). Она могла бы рассматриваться в качестве следующей главы II книги, расширенной за счет подробного изложения объектов судебного разбирательства (вьявахара).

То, что формально сближает данные книги, в III выглядит как бы рамкой³ для описания разного рода исков — это введение, касающееся судебного процесса (III.1), и краткое заключение о порядке разбора дела и наложения наказания (III.20.20—24). Внутри этого обрамления материал располагается так: текст разбит на 17 тематических разделов (пракарана). Первые два больших — о браке (III.2—4) и о наследстве (III.5—7) — тесно связаны между собою не только по содержанию, но и формально — шлокой III.4.42. Потом идет тоже крупный раздел о недвижимости (III.8.1—10.34), охватывающий разные с точки зрения права вопросы: споры о границах и общем пользовании, о продаже, потраве и ущербе и т. д. Как и пракарана о браке, он начинается с общей фразы, указывающей на его содержание (ср. III.2.1 и 8.1).

Далее следуют разделы о нарушении договора (III.10.35—46), невозвращении долга (III.11), вкладах (III.12), услужении (III.13.1—14.17), товариществе (III.14.18—38), нарушении соглашения о купле-продаже (III.15), невыдаче обещанного (III.16.1—9). Некоторые из них не могут считаться совершенно самостоятельными. Так, раздел о вкладе, идущий за разделом о долгах, открывается словами (III.12.1): «Сказанное о долге относится и к вкладу».

Между некоторыми пракаранами нельзя провести четкой грани. В заключительном отрывке раздела об услужении (III.14.12—17) речь уже идет о договорах товарищества, а конец раздела о договоре товарищества (III.14.36—38), очевидно, распространяется на работающих по найму, не образующих товарищества. То, что материал о «заложенном» (III.13) помещен после главы о залоге и вкладе (III.12), вполне естественно, и нетрудно заметить, что положение «заложенного» в целом определяется общими правилами

о залоге. Существенно, что и положение наемного работника — «кармакары», т. е. поступающего во временное распоряжение к другому, может быть обозначено термином «адхи» — залог (III.14.13). Связь между разделами о нарушении обещания выдать купленное (III.15) и о нарушении обещания подарить (III.16) несомненна. Она проявляется и в формальном сходстве текста (ср. III.15.19 и 16.5). Еще более важно, что первая же фраза 16-й главы соединяет этот раздел с разделом о долговом праве: «Сказанное о неотдаче долга относится и к невыдаче обещанного». Таким образом, разделы с 11-го по 16-й представляют некое единство, поскольку излагают в основном обязательственное право.

В следующих двух — о продаже несобственником (III.16.10—28) и о собственности и собственнике (III.16.29—42) — обсуждаются дела, сопряженные с утерей вещи, и проблема владения чужой собственностью. Будучи тесно связаны с предшествующими пракаранами об имущественном праве, они представляют собой и естественный переход к первому из трех разделов, посвященных уголовному праву (грабеж — III.17, словесное оскорбление — III.18 и физическое оскорбление — III.19).

В качестве особого раздела выделяется тема игры и состязания (III.20.1—13), причем он построен как наставление надзирателю над игорным делом и стилистически ничем не отличается от соответствующих глав II книги (ср. сутры, открывающие главы II книги — 5, 7, 11, 12, 13-ю и т. д.). Наконец, отдельный раздел составляет «разное». Содержание его не вполне отвечает названию. Здесь не просто излагаются дела, не нашедшие места в принятой классификации: значительная часть их легко могла быть введена в основной текст III или IV книги (III.20.14 в гл. III.12, III.20.15 — в гл. 15 или 16, III.20.16 — в IV.12 или III.7 и т. д.). Преступления группируются здесь не по характеру, а по степени тяжести и величине налагаемого штрафа. В III.20.14 — штраф 12 пан, в следующих сутрах — 48, 100 пан, затем первый штраф сахаса и первый, средний и высший штрафы (III.20.18), далее штраф в 1000 пан (III.20.19). Обсуждение общей проблемы наказания завершается заключающим книгу обрамлением — об обязанностях судей.

Традиционные в дхармашастрах 18 поводов для тяжбы (как, например, у Ману) нетрудно найти и в «Артхашастре», но в ней дается также систематическое изложение права в целом по более обширным темам: брачно-семейное право, предписания, касающиеся недвижимости, обязательственное и имущественное право, уголовное (грабеж, словесное и физическое оскорбление). Значительная часть обычных поводов обращений в суд рассматривается не изолированно, а в связи с более обширным целым. В дхармашастрах, напротив, каждый из 18 поводов является самодовлеющим и они могут перечисляться почти в любом порядке. Наиболее систематизирован материал «Нарада-смрити», где ряд тем связаны одна с другой — о долге и залоге, о неповиновении хозяину и уплате жалованья, отказе от купли и продажи, о браке и наследстве, о словесном и физическом оскорблении. Но общей классификации

нет и тут; невозможно понять, почему «товарищество» следует за «залогом», а «невыдача обещанного» отделена от «невыдачи проданного» и т. д.

В дхармашастрах отсутствуют разделы, полностью аналогичные по тематике разделу КА «О недвижимости»; расположение разделов о брачно-наследственном праве весьма неустойчиво. В III книге «Архашастры» брачно-наследственное право и вопросы недвижимости составляют четко очерченные самостоятельные пракараны, логично входящие в общий план построения трактата. С них начинается изложение права. Однако правила ведения тяжбы (процессуальное право) складывались, по-видимому, на основе дел о долговом праве. Только этим можно объяснить то, что тема свидетельских показаний освещается в главе о долговом праве (III.11). Вероятно, этим же объясняется и упоминание слова «долг» в исковом заявлении.

Несмотря на то что судебные дела классифицируются по их юридическому содержанию, для КА характерна группировка материала по предмету, о котором идет речь. Типичным примером может служить раздел «О недвижимости», который включает весьма разнородные с правовой точки зрения правила, частично имеющие соответствия в других разделах (скажем, о продаже — III.9.9, ср. 15.8). Не менее ясна ситуация в гл. III.16, где правила, касающиеся наследования имущества, а также наказания отшельников, попали в общий раздел о собственности — только потому, что здесь говорилось об использовании отшельниками чужой недвижимости. Представляется, что и помещение раздела «О нарушении договора» сразу за разделом о недвижимости объясняется тем, что и тут и там речь идет прежде всего об отношениях в деревенской общине⁴ (в противном случае его логичнее было бы поместить рядом с разделом о товариществе III.14.). От темы ущерба (химса) недвижимости автор переходит к разговору о тех, кто нарушает (ханьят) общинное соглашение.

Текст III книги (и всей КА) разбит не только на пракараны, но и на главы, причем некоторые из них совпадают с разделами (III.11, 12, 15, 17—19), некоторые же сами включают несколько пракаран (III.1, 16, 20); иногда разделы объединяют несколько глав (III.2—4, 5—7). Порой пракарана заканчивается в середине главы, но в этом случае следующая небольшая пракарана завершает главу (III.8—10; 13—14). Раздел может быть крупным (о браке, наследстве, недвижимости) или малым (невыдача проданного, грабеж); размер глав тоже неодинаков, но различие здесь не столь значительно.

«Архашастра» (и ее III книга) написана прозой и стихами, которые являются концовкой каждой главы: внутри прозаического текста их в III книге нет. Основная функция, которую они выполняют, состоит, вероятно, в формальном завершении главы. Кроме того, в ряде случаев они заключают намек на содержание следующей, т. е. важны для связи между главами. Особенно отчетливо эта связывающая функция стихов заметна тогда, когда главы при-

надлежат одной пракаране. Например, в стихе III.5.33 есть слово «амша» — переход к главе об определении доли наследства — «амшавибхага»; в стихе III.6.24 упоминается сын, «рожденный женой по поручению от другого мужчины», — переход к теме главы о разных «видах сыновей»; возможно, и в слове «атмапракрана» (III.3.32) можно усмотреть намек на тему бегства жены из дома мужа, разбираемую в следующей главе; ср. также «упарундхатах» (III.9.38) и «рундхатах» (III.10.1). Но и весь раздел о браке заканчивается стихом, указывающим посредством слова «даяда» (наследник) на содержание главы о разделе наследства.

По смыслу стихи обычно относятся не к главе в целом, а лишь к завершающим ее фразам (исключение составляют III.7 и 15). Иногда они непосредственно продолжают прозу и формально с нею связаны (см. III.4; 5; 6; 12; 19; 20). Эти стихи созданы не ранее сутр, им предшествующих. Они, как правило, не являются необходимыми с точки зрения содержания главы или раздела (см. III.3; 12; 13; 15; 16 и т. д.), иногда стоят даже после окончания темы, обозначенного словом «ити» (III.1; 15). Ряд стихов повторяют то, что сказано в прозе, просто составлены на основе прозаического текста, также сохранившегося в трактате (например, III.15.19, ср. III.16.5; 20.24, ср. III.20.22).

Впрочем, иногда стихи несут информацию, важную для содержания. Возьмем III.2: в прозаическом тексте описываются случаи, когда муж не обязан жить с женой, такое же разрешение жене не жить с мужем разобрано лишь частично — условия, касающиеся ее, но не его (III.2.45). В 47-й сутре говорится, что, если муж болен проказой или безумен, жена обязана с ним жить. В стихе, заканчивающем главу, говорится, какой же муж может быть оставлен женой. Иными словами, стихотворный текст в данном случае нужен, однако нельзя быть уверенным, что он не есть версифицированная сутра (как выше).

Стихи не всегда согласуются с содержанием и терминологией прозы (см. III.3.32, где наказания за «атичара» не соответствуют приведенным ранее, термин «акроша» в III.18.12 и др.). Они имеют порой несвойственный изложению КА характер — общего увещания, а не юридического правила (III.16.42; 4.42). Создается впечатление, что они внесены позже в прозаический текст в целях его формального упорядочения и деления на главы. Таким образом, III книга КА, вопреки мнению Х. Шарфе, не свидетельствует о том, что разбивка на главы проводилась по шлокам.

Одни стихи (обычно те, что формально связаны с предшествующим текстом) могли быть созданы, другие взяты из иных источников. Для разделения на главы достаточно лишь одного двустишия (шлоки), и потому, когда главу завершает несколько шлок, допустимо предполагать заимствование. Надо заметить, что в таких случаях стихи и по содержанию заставляют думать о заимствовании (III.1.38—47; 14.37—38; 17.15—16). В III.1.38—47 не исключено даже соединение двух стихов из разных источников.

Главы предстают как части текста примерно одинаковой ве-

личины, но с учетом уже существующего деления на пракараны. Названия разделов даются в колофонах — преимущественно это хорошо известные 18 поводов тяжб. В конце пракараны иногда стоит ее название — III.1.18; 16.9; 16.28 — или просто «ити» — III.1.37; 11.24; 15.18; 20.13. (Р. П. Кангле в своем издании эти указания то оставляет, то опускает, относя их к вставкам переписчиков.) Иногда название раздела встречается в начале его, например пракарана о браке, недвижимости, вкладах, рабах, товариществе, отказе от продажи, невыдаче обещанного, грабеже, словесном и физическом оскорблении, о «разном», о собственности (III.16.29). Бывает, что названия даются внутри текста (III.10.45); впрочем, это, по-видимому, конец раздела.

Нужно сказать, что таким образом отмечаются не только отдельные разделы, но и темы в них. В больших разделах содержится ряд подобных тем, отмеченных в тексте (III.21.8; 2.37; 3.6; 3.11; 3.31; 4.15; 4.23; 4.36; 9.9; 9.20; 9.23; 10.34; 11.33; 13.25; 14.17). Иногда встречаются и просто «ити» после окончания темы (например, III.3.19).

Порой тема обозначается в начале изложения (III.12.25; 12.33), и часто первые слова указывают на ее содержание (III.3.12; 14.1 и т. д.). В тексте III книги мелкие темы указываются так же и с той же степенью точности, что и большие пракараны.

В ряде случаев изложение открывается ключевым словом, определяющим целый фрагмент. Показательна в этом смысле тема о «женском имуществе». Она делится на части, первая из которых начинается словами «после смерти мужа» (III.2.19), а вторая «когда муж жив» (III.2.36).

Для оценки КА как источника кажется важным то, что в III книге практически отсутствуют упоминания преступлений, не сопровождающиеся точными указаниями штрафов. Когда размеры их не следуют непосредственно за описанием преступления, они сообщаются позже (см. III.8.20 и 8.15.17) или раньше (см. III.12.16 и 12.6) либо дается ссылка на IV книгу (скажем, о прелюбодеянии — III.4.21, см. IV.13). Рассматриваемая нами книга отличается трафаретным, формульным стилем. Обычно излагается правило, а затем приводятся исключения из него. Наиболее характерный образец такого построения демонстрирует первая глава — о действительных и недействительных сделках. После общего правила о недействительных сделках перечисляются наказания за его нарушение и исключения к каждому из условий недействительности, затем идут дополнительные условия, делающие сделку недействительной, исключения из них, наказания за нарушения правил и, наконец, общая формулировка о действительности сделки.

По существу, аналогичным образом разворачивается повествование и в главе III.11: правило о размере месячного долгового процента в различных случаях, наказания за нарушение правила, исключения из него, разрешающие повышать долговой процент. Внутри тем или разделов порядок описания преступлений зависит от их тяжести и величины налагаемого штрафа (см. III.3.20—29 — 3,

6, 12, 24 паны, первый штраф сахаса, телесное наказание). Иногда предлагается целая таблица—образец для вычисления размера штрафа. Таково, например, построение главы III.18 об оскорблении словом.

Стоит обратить внимание на роль союза «ва» в III книге КА. В редких случаях он дает простую возможность выбора. Обычно это указание на иное решение дела, если первый из предложенных вариантов невозможен. Часто союз подчеркивает какое-то условие или обстоятельство дела, меняющие ситуацию, по поводу которой было сформулировано правило (например, III.2.20: «или, [если] взяв стридхану, выходит замуж»; III.2.23: «или [если] выходит замуж против желания свекра»; III.2.30: «или [если] выходит замуж ради содержания детей»; III.12.14: «или [если] кредитор отсутствует» и т. д.— ср. III.3.17, 18; 4.23.30; 8.5; 9.5, 14; 10.41; 11.47; 12.12, 27—29).

При интерпретации текста трактата важно также помнить, что в подобных случаях составитель обычно указывает в последующей сутре только одно условие, отличающее ситуацию от изложенной в предыдущей (см. III.10.21—22).

В целом в III книге «Артхашастры» применяются те средства аргументации и способы изложения, которые характерны для научных сочинений (трактатов-шастр) (см. XV книгу КА).

Глава 1

«ОБЛАСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ» — III КНИГА «АРТХАШАСТРЫ»

1. Перевод

III.1

1. В пограничном пункте, санграхане, дронамукхе, стхании пусть решают судебные дела трое чиновников-судей в каждом месте. 2. И пусть они объявят недействительными сделки, совершенные тайно, на дому, ночью, в лесу, обманно, в уединенном месте. 3. С совершающего [и] побуждающего к совершению [подобной сделки] — первый штраф сахаса. 4. С каждого из свидетелей — штрафы в половинном размере. 5. Если [контрагенты] заслуживают доверия, [происходит только] расторжение сделки.

6. Принятие без свидетелей прироста к долговой сумме или [такие сделки], о которых не следует говорить, [даже] совершенные тайно, пусть считаются действительными. 7. [Действия], предпринятые в связи с наследством, никшепой, вкладом, браком, [и совершенные] женщинами, не выходящими из дома, и больными, [однако] находящимися в здравом уме, [даже] совершенные на дому, пусть считаются действительными. 8. То, что связано с грабежом, вторжением, ссорой, браком, царским поручением, и [дела] тех, кто работает в первую половину ночи, даже совершенные ночью, могут быть предметом разбирательства. 9. [Сделки, заключенные] живущими в лесу, — в караванах, на пастбищах, в обителях, среди охотников [и] бродячих артистов, даже «совершенные в лесу», пусть считаются действительными. 10. Обманные [действия] пусть считаются действительными, если они предприняты по отношению к мошенникам. 11. А совершенные в уединенном месте пусть считаются действительными при секретном соглашении. 12. В противном случае пусть они считаются недействительными, как и [сделки], совершенные несамостоятельными: сыном, зависящим от отца; отцом, зависящим от сына; братом, не имеющим семьи, [т. е.] младшим, не получившим наследственной доли; женщиной, зависящей от мужа или от сына; рабом или заложным; не достигшим совершеннолетия и достигшим предельного возраста; также привлеченным к ответственности по суду, странствующим аскетом, калекой [и] попавшим в беду — за исключением санкционированных сделок. 13. Но даже [при соблю-

дении всех условий] пусть считаются недействительными сделки, совершенные в состоянии гнева, горя, опьянения, потери разума или под принуждением. 14. С совершающего [подобную сделку], побуждающего к ее совершению [и] свидетелей, каждого в отдельности,— указанные штрафы.

15. Но пусть считаются действительными все сделки, место и время [совершения которых являются] естественными для данных [контрагентов], полномочных для ее совершения, полностью дееспособных, при безупречном свидетельстве и так, что видны форма, признаки, размеры [и] качество [объекта сделки]. 16. И из них последнее действие заслуживает доверия, за исключением [случаев] распоряжения [и] залога.

Это — «Установление о сделках».

17. И после того как записаны год, время года, месяц, половина месяца, день, дело, [судебное] учреждение, долг, [а также] местность, деревня, джати, род, имя [и] занятия истца и ответчика, имеющих соответствующих поручителей, пусть [судья] прикажет представить [в суд] показания истца [и] ответчика по порядку [ведения] дела. 18. И пусть рассматривает показания. 19. Основания [для изобличения] дающего ложные показания таковы: [опрашиваемое лицо], отказавшись от записанного показания, меняет показания; сказанное [им] ранее не согласуется с сутью дела, [выясненной] позже; основывается на чужих словах, привлекающая то, чего нельзя привлечь; пообещав [представить] доказательство, [на требование] «представь!» не представляет; представляет слабое доказательство [или] то, что не является доказательством; подставляет [вместо] обещанного доказательства другое; в представленном доказательстве отрицает — «это не так» — показание по делу; не желает [признать] установленное свидетелями; ведет со свидетелями переговоры в недозволенном для этого месте. 20—21. [С истца или ответчика], дающего ложные показания,— штраф $\frac{1}{5}$ [исковой суммы]; с того, кто сам сознается,— $\frac{1}{10}$ [исковой суммы]. 22—23. Содержание лиц, [занятых] в восьмичленном [суде]; путевые расходы в зависимости от дела,— 24. то и другое пусть обеспечит [сторона], подлежащая наказанию.

25. Пусть ответчик (обвиняемый) не выдвигает встречного иска (обвинения), за исключением [случаев] ссоры, грабежа, соглашений торговцев. 26. Не должно возводить обвинение на уже обвиненного. 27. Если обвинитель, получивший ответ, не отвечает [на него] в тот же день, он будет [считаться] сделавшим ложное заявление, 28. ибо решает [начать дело] обвинитель, не обвиняемый. 29. Для последнего, не отвечающего [на обвинение, срок] от трех до семи суток. 30. Затем пусть он заплатит штраф от 3 до 12 пан.

31. Если не отвечает по прошествии полутора месяцев, пусть [судья], наложив [на него] штраф за ложное показание, удовлетворит истца из [суммы] того имущества, которое у него [ответчика] окажется, за исключением орудий труда, [необходимых для поддержания его] существования.

32. То же самое следует сделать, если ответчик сбежит. 33. Если сбежит истец, он сразу [считается] сделавшим ложное заявление. 34. Если он умер или попал в беду, [дело решается] согласно показаниям свидетелей.

35. Несостоятельного [ответчика] истец, заплатив [вместо него] штраф, пусть заставит отработать. 36. Или пусть [тот] предоставит согласившегося отдать себя в залог. 37. Или пусть работой удовлетворит истца после совершения обрядов защиты от рахшасов; это не относится к брахману.

38. Когда нарушаются все дхармы, царь приводит в движение дхарму для охраны порядка мира, состоящего из четырех варн и ашрам.
39. Дхарма, судебное разбирательство, обычай, царский указ — на [этих] четырех опорах [основывается решение] спорного дела. Каждая последующая [из них] сильнее предыдущей.
40. При этом дхарма основана на истине, судебное разбирательство — на свидетелях, обычай — на общем мнении людей, а указ — это царское распоряжение.
41. Собственная дхарма царя, охраняющего подданных согласно дхарме, [приводит его] на небо, а для того, кто не охраняет или налагает неверное наказание, напротив, [в ад].
42. Ведь только наказание охраняет мир этот и иной, если наложено царем беспристрастно, в соответствии с преступлением, будь [преступником] сын или враг.
43. Ведь правящий, согласно четырем — дхарме, судебному разбирательству, обычаю и установлению, — завоеует землю в ее четырех пределах.
44. Если в каком-либо деле установление или судная книга придет в противоречие с дхармашастрой, пусть дело решает в согласии с дхармой.
45. [Если] шастра придет в противоречие с каким-либо установлением, касающимся дхармы, установление будет главным, ведь текст в этом случае теряет силу.
46. Очевидная вина, собственное признание, честное рассмотрение показаний обеих сторон, логика и клятва — средства [решения] дела.
47. Проигрыш предусматривается в случае противоречия между первыми и последующими [показаниями] по делу, в случае изобличения свидетелями или бегства из-под стражи.

Так в III книге «Область деятельности судей» 1-я глава — «Установление о сделках. Ведение тяжбы».

III.2

1. [Изложение] предметов судебного разбирательства начинается с брака.
2. Брак «брахма» — дарение девушки с украшениями. 3. Брак «праджапатья» [заключается] со словами «исполняйте вместе дхарму». 4. Брак «арша» [заключается] посредством принятия [от жениха] двух коров. 5. Брак «дайва» [заключается] посредством дарения [девушки] жрецу перед алтарем. 6. Брак «гандхарва» [заключается] по обоюдному согласию [жениха и невесты]. 7. Брак «асура» [заключается] посредством принятия брачного

выкупа. 8. Брак «ракшаса» [заключается] после увода силой. 9. Брак «пайшача» [заключается] посредством захвата спящей [или] опьяненной [девушки].

10. Первые четыре, [названные] дхармическими, основываются на решении отца [девушки]; остальные — на решении матери и отца. 11. Они ведь оба получают шулку за дочь, а если одного из них нет, то — другой. 12. Женщина может получать вторую шулку; 13. При всех [формах брака] «дар любви» не запрещен.

14. Стридхана включает средства существования и украшения. 15. [Часть стридханы, состоящая] из средств существования [и называемая] стхэпья, не [может стоить] более 2000 [пан]; для украшений ограничения нет.

16. Не считается грехом, если жена тратит ее (стридхану) на содержание себя, сына [и] снохи и в случае, если муж уехал, не оставив [им] средств; для мужа [не считается грехом пользоваться ею] в целях избавления от опасностей, [а именно] разбойников, болезней, голода, а также в целях исполнения долга дхармы; или [не будет грехом использовать ее] совместно обоими супругами после рождения детей. 17. И по поводу того, что тратится в течение трех лет при дхармических браках, не может проводиться судебное расследование. 18. Если истрачено [что-либо] при браках гандхарва и асура, [муж] должен вернуть то и другое с процентами; за истраченное при браках ракшаса и пайшача пусть заплатит штраф как за воровство.

Это — «Дхарма брака».

19. После смерти мужа желающая соблюдать дхарму может тотчас же получить стхэпья, украшения и остаток шулки. 20. А если, получив, она выходит замуж, то должна вернуть то и другое с процентами. 21. А желающая иметь семью может, выходя вторично замуж, получить то, что было дано свекром и [первым] мужем. 22. Время же вторичного выхода замуж мы укажем [в разделе] «О длительном отсутствии [мужа]». 23. Но выходящая вторично замуж против воли свекра теряет данное свекром и мужем. 24. Пусть освобождающейся из-под опеки родственников [мужа] [эти] родственники возместят, что взяли. 25. Пусть стридхану [вдовы], приходящей на законных основаниях, охраняет принимающий ее. 26. Вторично выходящая замуж лишается наследства [первого] мужа. 27. Желающая соблюдать дхарму пользуется [наследством].

28. Если выходит замуж имеющая детей, она теряет стридхану [от первого брака]. 29. Но эту стридхану получают [ее] дети. 30. Или, если она выходит [вторично] замуж, чтобы содержать детей, пусть для детей приумножает [стридхану]. 31. Если дети рождены от разных отцов, пусть она отдаст каждому из сыновей в соответствии с долей каждого из отцов в стридхане. 32. Пусть выходящая [вторично] замуж даже ту стридхану, которой можно распоряжаться по собственной воле, передаст сыновьям.

33. Пусть бездетная, хранящая верность супругу, живущая у свекра, пользуется стридханой до конца жизни. 34. Ведь стридха-

на [нужна] на случай невзгод. 35. После [смерти вдовы стридхана] отходит наследнику.

36. Стридхану умершей при жизни мужа делят сыновья и дочери; если у нее не было сыновей — дочери; а если нет и их, [то наследует] муж. 37. [В этом случае ее] родственники могут забрать шулку и то, что дано ими после свадьбы, и все, что дано родственниками.

Это — «Установление о стридхане».

38. Если жена бесплодна или не рождает, [притом что] не имеет детей, пусть муж ждет восемь лет; если рождает лишь мертвых — десять лет; и если она рождает только дочерей — двенадцать лет. 39. А затем желающий [иметь] сына может взять вторую [жену]. 40. При нарушении этого [правила] пусть вернет [жене] шулку, стридхану и откупную сумму в половинном размере, а также [заплатит] штраф до 24 пан. 41. Дав ей шулку и стридхану, если же шулки и стридханы нет, то их возмещение, — а также откупную сумму и соответствующие средства существования, пусть женится хоть на нескольких. 42. Ведь в жены [берут] ради потомства.

43. И если периоды, благоприятные для зачатия, у [всех] жен совпадают, пусть муж приходит к ним в соответствии [с формой заключения] брака [или] сначала к той, на которой женился прежде, или к той, которая имеет сына. 44. При сокрытии [женой] наиболее благоприятного для зачатия периода [и] несожительстве [мужа] — штраф 96 пан. 45. Пусть не принуждает жену к сожительству, если она имеет детей и желает соблюдать дхарму, или если бесплодна, рождает только мертвых, или если у нее уже прекратились месячные. 46. И муж, если не желает, может не приходить к прокаженной или безумной. 47. Но жена должна приходить к мужу в целях рождения детей, даже если он находится в подобном состоянии.

48. Может быть оставлен муж, дошедший до низкого состояния или сбежавший в чужую страну, государственный преступник, угрожающий жизни [жены], изгнанный из касты, а также страдающий половым бессилием.

Такова в III книге «Область деятельности судей» 2-я глава — «Правила, связанные с браком: дхарма брака, установления, касающиеся стридханы, и откупная сумма при взятии второй жены».

III.3

1. Женщина в двенадцать лет становится совершеннолетней, мужчина — в шестнадцать. 2. После этого при неповиновении [главе семьи] — штраф 12 пан для женщины, для мужчины — вдвое больше.

3. Если содержание женщине [назначено] без указания срока [выплаты], пусть дает пищу и одежду в большем размере, [т. е.]

в достаточном количестве и с особыми выплатами. 4. Если содержание установлено с указанием срока [выплаты], пусть дает, вычислив его полностью. 5. И в случае, если она не получила шулки, стридханы и откупной суммы. 6. В случае, если она вошла в семью свекра или получила долю при разделе имущества, муж не может быть обвинен.

7. Уча [жену] послушанию, муж не должен употреблять таких слов, как «испорченная», «падшая», «калека», «без отца», «без матери». 8. [Допускается] три удара по спине тростниковой палкой, веревкой или рукой. 9. При нарушении этого [правила] — половинные штрафы от возмещений, установленных соответственно за оскорбление словом или действием. 10. Такое же наказание [налагается] на жену, [оскорбившую мужа] из ревности, после того, как узнала о [его] проступке. 11. За хождение вне [дома] и [запирание] дверей [перед мужем] — штраф, как указан [далее].

12. Жена, ненавидящая мужа [и] в течение семи месячных периодов уклоняющаяся [от сожительства], пусть тотчас же, оставив [ему] стхापья и украшения, предоставит мужу [возможность] делить ложе с другой. 13. А если муж ее ненавидит, пусть оставит жену одну у монахини, в семье анвадхи или родственников. 14. [Так] в случае явного уклонения от сожительства или выслеживания равным по положению человеком; [а] ложно обвиняющий [ее в этом] пусть уплатит [штраф] 12 пан.

15. Жена, ненавидящая мужа, не может получить развод без согласия мужа, и муж — без согласия жены. 16. Развод [совершается только], если оба ненавидят друг друга. 17. Если муж требует развода из-за дурного обращения жены, пусть даст ей, что было взято. 18. Если жена требует развода из-за дурного обращения мужа, он может не отдавать ей, что было взято. 19. При дхармических браках развод невозможен.

20. Жена, участвующая, несмотря на запрещение [мужа], в буйных, пьяных оргиях, пусть заплатит штраф 3 паны. 21. Если она посещает днем зрелища, в которых участвуют [только] женщины, — штраф 6 пан; если в зрелищах [участвуют] мужчины — 12 пан. 22. [Если это происходит] ночью — двойной штраф. 23. Если она уходит [из дома], когда муж спит или пьян, или не открывает двери мужу — 12 пан. 24. С уходящей [из дома] ночью двойной штраф.

25. Если мужчина и женщина совершают непристойные телодвижения или если тайно ведут нескромную беседу, то штраф для женщины 24 паны, для мужчины вдвое больше. 26. Если [при этом] они касаются волос [и] одежды друг друга, [или] зубами и ногтями [кусают и царапают друг друга], то женщина платит первый штраф сахаса, мужчина — вдвое больше. 27. Если [такая] беседа ведется в сомнительном месте, то штраф может быть заменен наказанием розгами на торговой площади. 28. [Тогда] посреди селения пусть чандала нанесет женщине пять ударов розгами [по спине] между боков. 29. Или можно заменить это денежным штрафом.

30. Если мужчине и женщине запрещено оказывать друг другу услуги, то [за дарение и т. д.] дешевых предметов женщина платит штраф 12 пан, если это дорогие вещи — 24 паны, если золотые предметы или деньги — 54 паны. С мужчины штрафы [соответственно] вдвое больше. 31. Половинные штрафы [налагаются в случае], если [виновные] не могут быть любовниками, и также когда с мужчиной запрещаются деловые отношения.

Это — «О запрещении».

32. Вследствие ненависти к царю и вследствие проступка, а также ухода из дома мужа прекращается право собственности женщины на стридхану, принесенное [из родительского дома] и шулку.

Такова в III книге «Область деятельности судей» 3-я глава — «Правила, связанные с браком: о повиновении, содержании, оскорблении, ненависти, проступках и о запрещении услуг и сделок».

III.4

1. С женщины, бежавшей из семьи мужа, — штраф 6 пан, за исключением случаев дурного [с ней] обращения. 2. Если ей было это запрещено — 12 пан. 3. Если она ушла в соседний дом, штраф 6 пан. 4. Если сосед дает ей приют, монах — милостыню, торговец — товар, то штраф 12 пан. 5. Если им было это запрещено — первый штраф сахаса. 6. Если она уходит дальше соседнего дома — штраф 24 паны. 7. Если чужую жену принимают в дом — штраф 100 пан, за исключением случаев бедствий. 8. Если [она остается в доме] вопреки воле [хозяев] или по [их] неведению, вины [хозяев] нет.

9. Учителя говорят: «В случае дурного обращения мужа нет греха уйти к родственникам мужа, к сухкавастхе, деревенскому старосте, анвадхи, монахине или в семью родственников, если там нет мужчин». 10. «Или в семью родственников, даже если там есть мужчины». 11. К чему ухищрения, когда дело касается порядочной женщины? 12. В этом легко убедиться» — так говорит Каутилья.

13. Уход в семью родственников не запрещен в случае смерти [кого-либо из родственников], болезни, беды и во время ожидания ребенка. 14. С того, кто препятствует в этом случае, — штраф 12 пан. 15. Но скрывающаяся там теряет стридхану, а если ее удерживают родственники, — то остаток шулки.

Это — «О побеге».

16. При побеге из семьи мужа и уходе в другую деревню — штраф 12 пан и потеря стхалпы и украшений. 17. Если с ней вместе был мужчина, который мог быть ее любовником, штраф 24 паны, она лишается положения законной жены, [но муж должен ее] содержать и жить с ней в периоды, благоприятные для зачатия. 18. Если [тот] мужчина равен ей или выше, [с него взимается] первый штраф сахаса; если он ниже ее — средний. 19. Родственник [в этом случае] ненаказуем. 20. Но если [жене и этому род-

ственнику] было запрещено находиться вместе, [с него взимается] половинный штраф.

21. Если во время пребывания в пути [мужчина и женщина] уединяются в укромном месте для любовной близости или если женщину сопровождает в пути мужчина подозрительный или тот, с которым ей было запрещено находиться,— это следует считать прелюбодеянием.

22. Не является грехом сопровождать в пути [жен] тех, которые предоставляют женам свободу,— актеров, бродячих артистов, рыболовов, охотников, пастухов, трактирщиков и других. 23. Но если [мужем это было] запрещено [и все же] мужчина уводит женщину или женщина [сама] с ним уходит, они заслуживают штрафов в половинном размере.

Это — «О сопровождении в пути».

24. Жены шудр, вайшьев, кшатриев и брахманов, уехавших ненадолго, пусть ожидают год и больше, если у них нет детей; если же есть дети, то — два года и больше. 25. Если они обеспечены средствами существования, то пусть ждут в 2 раза дольше. 26. Если у них отсутствуют средства существования, то пусть их содержат сукхавастхи, а после четырех или восьми лет — родственники. 27. Затем, взяв, что было дано, отпустят.

28. Брахмана, ушедшего учиться, бездетная [жена] пусть ждет десять лет; имеющая потомство — двенадцать лет; ушедшего на царскую службу пусть ждет до конца жизни. 29. Приобретшая [за это время] потомство от человека одинаковой варны не заслуживает порицания.

30. А при упадке благосостояния семьи, если ее отпускают сукхавастхи, женщина может выйти замуж по желанию или для поддержания жизни в крайних обстоятельствах.

31. При вступлении в дхармический брак девушка пусть ждет жениха, который ушел, не уведомив [ее о времени отсутствия], и о котором ничего не слышно, семь периодов месячных, а того, о котором есть вести,— вдвое больше. 32. Если же он сообщил, [на какое время ушел], и о нем ничего не слышно, пусть ожидает пять месячных периодов; если же о нем есть вести — десять периодов.

33. Того, кто заплатил [лишь] одну часть шулки, пусть ждет три месячных периода, когда вестей о нем нет; если же вести есть, то ждать следует семь периодов. 34. Того, кто выплатил шулку [целиком], ждать следует пять периодов месячных, если о нем нет вестей, и десять, если есть вести.

35. После этих сроков, получив от судей разрешение, может выйти замуж по желанию. 36. «Ведь кто допускает, чтобы женщина оставалась бесплодной во время, благоприятное для зачатия,— убивает дхарму» — так считает Каутилья.

Это — «О непродолжительном отсутствии».

37. Пусть жена ожидает семь периодов месячных ушедшего на длительный срок [мужа], когда [он] умер или стал отшельником; если у нее есть дети, пусть ожидает год. 38. После этого может

прийти к родному брату мужа. 39. Если их несколько, пусть приходит к наиболее близкому, благочестивому, способному ее содержать, или к младшему, если у того нет жены. 40. При отсутствии [родного брата] пусть приходит к ближайшему неродному брату, к сапинде или кулье. 41. Именно в такой последовательности.

42. Если при выдаче женщины замуж этих наследников обходят, [то брак становится] любовной связью. [Тогда] любовник, женщина, выдающий женщину и женящий юношу виновны в грехе прелюбодеяния.

Такова в III книге «Область деятельности судей» 4-я глава — «Правила, связанные с браком: о бегстве жены, о сопровождении ее в пути, о непродолжительном отсутствии и о долгом отсутствии мужа».

III.5

1. Сыновья, находящиеся под отцовской властью, несамостоятельны, пока живы отец с матерью. 2. После смерти отца [приходит] раздел отцовского имущества между ними.

3. [Имущество], приобретенное самостоятельно, не подлежит разделу, за исключением того, что добыто с помощью имущества отца.

4. В той [части] имущества отца, что переходит [из поколения в поколение] без раздела, имеют долю сыновья, внуки и правнуки до четвертого колена. 5. Ведь в течение этого времени поминальные жертвы предкам приносятся нераздельно. 6. После этого все, совершающие отдельные поминальные жертвоприношения, делят [имущество] поровну.

7. Пусть [братья], живущие вместе, если у них не было отцовского имущества или они разделили его, делят имущество заново. 8. А кто умножает [имущество], может взять две доли. 9. Имущество бездетного пусть берут единоутробные братья или братья, живущие вместе, а также незамужние [сестры].

10. Имущество имеющего детей пусть берут сыновья или рожденные в дхармических браках дочери. 11. При отсутствии таких — отец, [если он] жив. 12. При отсутствии отца — братья и сыновья братьев. 13. Братья без отца, даже если их много, и сыновья братьев [берут] по одной доле.

14. Среди единоутробных братьев от разных отцов раздел совершается в зависимости [от имущества] отца [каждого из них].

15. Обращаются как к наследнику по порядку — к отцу, брату, сыну [брата?], если есть старший, [то к нему], а не к младшему.

16. Если раздел совершается при жизни отца, пусть он не наделяет кого-либо одной особой долей. 17. И без причины кого-либо одного пусть не оставляет без доли.

18. Если после отца не осталось наследства, пусть старшие заботятся о младших, за исключением тех, кто дурно ведет себя.

19. Раздел [имущества производится только] среди совершенно-

летних. 20. Наследство несовершеннолетнего за вычетом долгов должно быть до достижения совершеннолетия передано родственникам матери или деревенским старейшинам; [это же относится] к находящемуся в отъезде. 21. Тем, которые не обзавелись семьей, нужно выделить столько же имущества, сколько [было дано] имеющим семью, а также сумму незамужним [сестрам] для вступления в брак.

22. Раздел долгов [производится] так же, как и [раздел] наследства.

23. «Не имеющие ничего пусть разделят хотя бы сосуды для воды» — так говорят учителя. 24. «Это ложное утверждение, — считает Каутилья. — 25. Речь идет о разделе того [имущества, которое] есть, а не того, которого нет».

26. Следует производить раздел в присутствии свидетелей, [произнося] слова: «Таково общее имущество, такова доля каждого».

27. Пусть делят заново, если было поделено плохо, если один у другого что-либо похитил, если что-нибудь было скрыто или обнаружено что-то, неизвестное в момент раздела.

28. Имущество человека, не имеющего наследников, пусть возьмет царь, исключив из него то, что необходимо для существования вдовы и для погребальной церемонии; но это не касается имущества ученого брахмана. 29. Последнее пусть он отдаст знатокам трех вед.

30. Изгнанный из касты, рожденный от изгнанного из касты, страдающий половым бессилием, а также слабоумный, умалишенный, слепой и прокаженный не имеют права на долю наследства.

31. Если у них есть жены, то их дети, не подобные им, имеют право на наследственную долю. 32. Остальные, за исключением изгнанных из касты, имеют право на еду и одежду.

33. И если они, имея жен, не могут произвести на свет детей и родственники произведут на свет детей [от их жен], для тех [детей] следует установить доли.

Такова в III книге «Область деятельности судей» 5-я глава — «Раздел наследства: порядок наследования».

III.6

1. «Доля старшего из сыновей от одной жены у брахманов состоит из коз, у кшатриев — из коней, у вайшьев — из коров, у шудр — из овец. 2. Среднему сыну принадлежат из них одноглазые и хромые, младшему сыну — пестрые. 3. При отсутствии скота старший брат может взять десятую долю имущества, за исключением драгоценностей. 4. Ибо он приносит жертвы предкам». 5. Таков раздел, [предлагаемый] последователями Ушанаса.

6. Из имущества отца добавочную долю старшего составляют повозка и украшения; среднего — ложе, сиденье и посуда для еды; младшего — черные зерна, железные [предметы], домашняя ут-

варь и телега, запряженная быками. 7. Остальное имущество или единичное имущество делится поровну.

8. Сестры не являются наследниками; они имеют долю в посуде для еды и украшениях, принадлежавших матери.

9. Если старший бесхозяйственный, то он получает треть [добавочной] доли старшего; если он ведет неправильный образ жизни или его поведение не соответствует предписаниям дхармы — четвертую часть [добавочной доли старшего].

10. Живущий страстями теряет всю [добавочную долю старшего].

11. Это же относится к среднему и младшему. 12. [Если] один из них хозяйственный, он может получить половину добавочной доли старшего.

13. А для сыновей от разных жен при отсутствии у какой-либо из них [преимущества] — одна не была прежде замужем, другая была или одна была девицей, другая нет, — а также между близнецами старшинство определяется по первенству рождения.

14. Раздел между сыновьями, [принадлежащими к категориям]: сута, магадха, вратья, ратхакара, [производится] по принципу господства. 15. Остальные зависят от него. 16. Если [среди них] нет [такого] господина, [все] имеют равные доли.

17. Если у брахмана есть сыновья от жен из четырех варн, то сын брахманки пусть возьмет четыре доли, сын кшатрийки — три доли, сын вайшьйки — две доли, сын шудрянки — одну. 18. Таким же образом производится раздел между сыновьями кшатрия от жен из трех варн и вайшьи — из двух.

19. Сын брахмана от женщины следующей варны достоин равной доли, 20. сыновья кшатрия и вайшьи [от женщин следующей варны] достойны половинной доли или равной доли, если они хозяйственные.

21. Пусть единственный сын от женщины, равной или неравной, получает все [наследство] отца и содержит родственников.

22. А у брахманов парашава может взять из имущества [отца только] третью часть, [а] $\frac{2}{3}$ [пусть возьмет] ближайший сапинда или куля, с тем чтобы совершать поминальные обряды. 23. При отсутствии таких [родственников] пусть наследует учитель отца или [его] ученик.

24. Или [в этом случае] пусть родственник матери либо человек, принадлежащий к той же готре, по поручению произведет на его «поле» сына, называемого «кшетраджа», который получает наследство.

Такова в III книге «Область деятельности судей» 6-я глава — «Раздел наследства: выделение долей наследства».

III.7

1. «Семя, брошенное на чужом участке, принадлежит владельцу поля» — так говорит учителя. 2. «Мать — вместилище; чье семя,

того и потомство» — так говорят другие. 3. «Верно и то, и другое» — так считает Каутилья.

4. «Аураса» — родной сын от той, с которой были совершены священные обряды. 5. Ему равен сын «путрики». 6. «Кшетраджа» — сын от человека той же готры или другой готры, которому было поручено [произвести сына от жены этого человека]. 7. Если у настоящего родителя нет другого сына, то считается, что сын имеет двух отцов или принадлежит к двум готрам; он приносит жертвы и наследует им обоем. 8. Та же дхарма для «гудхаджа», т. е. «тайно рожденного в доме родственников». 9. «Апавиддха» — «оставленный родственником»; он — сын того, который совершает [над ним] обряды. 10. «Канина» — сын незамужней. 11. «Саходха» — сын той, которая выходит замуж беременной. 12. «Паунарбхава» — сын женщины, вышедшей замуж вторично. 13. Родной сын — наследник отца и [его] родственников. 14. Неродной сын является [наследником] только усыновившего его, но не его родственников. 15. Та же дхарма у «датта» — отданного отцом и матерью, совершившими обряд возлияния воды. 16. «Упагата» — сын, пришедший сам [для усыновления] или приведенный родственниками. 17. «Кртака» — усыновленный. 18. «Крита» — купленный [в качестве сына].

Такие [бывают сыновья].

19. Но если родится родной сын [аураса], то [прочие сыновья] той же варны получают третью часть [наследственной доли], а другой варны — еду и одежду.

20. Сыновья брахмана [и] кшатрия от женщин следующей варны считаются принадлежащими к варне отца; от женщин более низких варн — не равны [отцу] по варне. 21. От брахмана и вайшьйки происходит амбаштха; от брахмана и шудрянки — [сын, называемый] нишада и парашава. 22. От кшатрия и шудрянки — угра. 23. От вайшьи и шудрянки — просто шудра. 24. А вратьи рождаются от женщин, равных по варне, если отцы не совершают обрядов.

25. Это — рожденные по порядку.

26. От шудры и вайшьйки — айогава; от шудры и кшатрийки — кшаттар; от шудры и брахманки — чандала. 27. От вайшьи и кшатрийки — магадха; от вайшьи и брахманки — вайдехака. 28. От кшатрия и брахманки — сута. 29. Но есть другие сута и магадха, знатоки сказаний о древности, которые приравниваются к брахманам и кшатриям.

30. Эти самые — рожденные «вопреки порядку» — появляются из-за нарушения царем своей дхармы. 31. От угры и женщины-нишадки — куккута, в обратном порядке — пулкаса. 32. От женщины-вайдехака и амбаштхи — вайна, а в обратном порядке — кушилава. 33. От женщины кшаттар и угры — швапака.

34. Эти и другие являются смешанными [кастами].

35. По роду занятий вайнья называется ратхакара [изготовителем колесниц].

36. У них браки [заключаются] между равными по происхож-

дению, [существует] наследственность [занятий] и традиционный образ жизни. 37. Или [все] они, кроме чандалов, [могут рассматриваться] как равные по дхарме шудрам.

38. Только действуя так, царь обретает небо, иначе — ад.

39. У всех смешанных каст раздел наследства поровну.

40. Пусть [судья] устанавливает дхарму наследования в соответствии с той дхармой, какая свойственна данной стране, касте, объединению или же деревне.

Так в III книге «Область деятельности судей» 7-я глава — «Раздел наследства: виды сыновей». Раздел наследства закончен.

III.8

1. Споры о недвижимости [решаются на основе] указаний соедей. 2. Недвижимость — [это] дом, поле, роща, оросительное сооружение, пруд или водоем.

3. Граница — [это] прочная совокупность колышков по углам вокруг дома. 4. Дом следует устраивать в соответствии с границами. 5. Если [границы] не существует, пусть выбирает место застройки, отступив от соседской стены два аратни или три пада. 6. Отхожее место, водосток, колодец — в обычном месте при доме, за исключением колодца для рожениц до десятого дня.

7. За нарушение этого — первый штраф сахаса.

8. Этим сказано о месте колки дров во время праздничных церемоний и о желобах с питьевой водой. 9. Желоб для проточной, быстро текущей воды или водосток пусть устраивает, отступив [от стены соседского дома] три пада или полтора аратни. 10. За нарушение этого — штраф 54 паны. 11. Помещение для повозок [и] животных, место для очага, большого сосуда для воды, мельничного жернова или ступки пусть определяет, отступив пада или аратни [от стены соседского дома]. 12. За нарушение этого — штраф 24 паны. 13. Проход между двумя дворами в целом или выступающими помещениями [должен быть шириной не менее] кишку или 3 пада. 14. [Промежуток] между кровлями — [не менее] четырех ангула, или [пусть] они налагаются [друг на друга]. 15. В проходе пусть делает боковую дверь шириной [менее] кишку, чтобы избежать столкновения, когда ее отворяют. 16. Пусть делает наверху небольшое окошко [только] для освещения. 17. Когда дом пустует, пусть его закрывает. 18. Или, если есть [взаимная] договоренность, пусть домохозяева делают [двери и окна], как угодно, [и] избегают неугодного. 19. И пусть соорудит над верандой защитную часть, покрытую циновками, или бортик во избежание опасности повреждения [во время] дождя. 20. При нарушении этого — первый штраф сахаса, [как] и за повреждение [стены] дверью и окном, [сделанными] вопреки [предписанному]; это не относится к царским [и] проезжим дорогам. 21. [Тот же штраф налагается] при повреждении, [причиненном вследствие того, что] части ямы, ступеней, водосточной канавы, лестницы, отхожого ме-

ста [выступают] вовне, и [создаются] препятствия для пользования. 22. С повреждающего чужую стену водой — штраф 12 пан; при повреждении нечистотами — вдвое больше. 23. Водосточная канава во время дождя [должна быть] свободной, иначе — штраф 12 пан. 24. И [такой же штраф] — с продолжающего проживать вопреки запрету [домохозяина] и с [домохозяина], выселяющего нанимателя, если [последний] невиновен в оскорблении, воровстве, грабеже, прелюбодеянии [или] неправильном пользовании [снятым помещением]. 25. Съезжающий по собственному желанию пусть даст [домохозяину] остаток годовой арендной платы.

26. [Если] жилище общее, [то] с не оказывающего помощи [и] препятствующего пользованию совместным [имуществом] в доме штраф 12 пан. 27. С приводящего в негодность [вещи общего пользования] — вдвое больше этого.

28. Дозволяется общее пользование сараем, двором, отхожим местом, помещениями для очага [и] ступки и всеми открытыми [помещениями].

Так в III книге «Область деятельности судей» 8-я глава — «Недвижимость: дом».

III.9

1. Пусть при покупке земельных участков предпочтение отдастся родственникам, соседям [и] кредиторам — в [таком] порядке, 2. затем [могут покупать и] другие чужаки.

3. В присутствии соседей — глав сорока семейств пусть объявят перед [данным] домом [о продаже] жилища; в присутствии соседей — старейшин деревни — [о продаже] поля, рощи, оросительного сооружения, пруда или водоема у [их] границ [с указанием] границ, [говоря]: «Кто купит за эту цену?». 4. Покупатель получает [право] купить [недвижимость, о которой] трижды громко объявлено, [и не последовало] возражений. 5. А если из-за соперничества [покупателей] цена увеличивается, прирост цены вместе с налогом идет в казну. 6. Налог пусть платит предложивший [цену во время] продажи. 7. За объявление о продаже несобственником — штраф 24 паны. 8. [В случае] неявки [покупателя] по истечении семи дней тот, кому предложена [цена], может продать [недвижимость другому]. 9. При нарушении тем, кому предложена [цена], [соглашения о продаже] недвижимости — штраф 200 [пан]; в ином случае — 24 паны.

10. Спор о границе между двумя деревнями пусть решает на основании естественных или искусственных пограничных знаков объединение пяти или десяти деревень, [являющееся для обеих деревень] соседским. 11. Старейшие земледельцы [и] скотоводы или чужаки, ранее владевшие [недвижимостью в этих деревнях], знающие пограничные знаки, несколько [человек] или один, указав пограничные знаки, пусть, переодетые, проводят границу. 12. Если [они] не принимают во внимание указанные пограничные

знаки — штраф 1000 [пан]. 13. Пусть [судья] наложит то же [наказание] на передвигающих границу и разрушающих пограничные знаки после того, как [граница] определена. 14. А границу, знаки [которой] исчезли, пусть проводит царь, как [сочтет] полезным.

Это — «О тяжбе по поводу границы».

15. Спор о поле пусть решают соседи — старейшины деревни. 16. В случае разногласий между ними пусть решают, как [сочтут] большинство или признанные наиболее честными. 17. Ту недвижимость, [о которой] ложно заявлено обеими [сторонами], так же как лишившуюся хозяина, пусть возьмет царь. 18. Или пусть разделит [ее], как [сочтет] полезным. 19. При насильственном присвоении недвижимости — штраф за воровство. 20. Если присвоено без злого умысла, пусть даст возмещение, вычислив расход и доход.

Это — «О тяжбе по поводу поля».

21. При переносе межевых знаков — первый штраф сахаса. 22. При повреждении межевых знаков — 24 паны. 23. Это относится [и] к спорам о лесах отшельников, пастбищах, больших дорогах, местах сожжения трупов, храмах, местах жертвоприношения, святилищах.

Это — «Об установлении границы».

24. Все [эти] споры [решаются на основании] свидетельств соседей.

25. [При спорах о] пастбище, неорошаемой земле, орошаемом поле, огороде, гумне, жилище, помещении для скота, амбаре нужно отдать предпочтение последующему (?). 26. Из понятия «неорошаемая земля» исключаются леса брахманов и леса, [где происходят возлияния] сомы, места [расположения] храмов, [совершенной] жертвоприношений [и] святилища.

27. Если чужому полю, вспаханному [или] засеянному, [будет нанесен] ущерб [в результате] пользования водоемом, заливающим орошаемое поле, пусть заплатят цену в соответствии с убытком. 28. При взаимном повреждении роши, орошаемого поля, оросительного сооружения — штраф в двойном размере [суммы] ущерба. 29. Пусть нижний пруд, построенный позже, не заливают поле, [орошаемое водой] из верхнего пруда. 30. Построенный выше [пруд] пусть не мешает течению [воды] в нижний пруд, за исключением [случая, когда последний] бездействует три года. 31. При нарушении этого — первый штраф сахаса и осушение пруда. 32. Право собственности на оросительное сооружение, бездействующее пять лет, утрачивается, кроме [случаев] бедствий. 33. При устройстве нового пруда [или] оросительного сооружения — освобождение от налогов на пять лет; [при восстановлении] полностью разрушенных — на четыре года; заросших [травой] — на три года; [при поднятии] целины — на два года. 34. [Восстановитель] — хозяин, [имеющий право на] заклад и продажу. 35. Или пусть они, если сочтут полезным, предоставят другим [в пользование] орошаемые поля, сады [и] огороды, посевы [которых]

орошаются] из водоемов с вычерпываемой [водой], построенных на реке [оросительных сооружений и] прудов, за повышенную долю [урожая в соответствии] с видом зерна. 36. И пусть получившие разрешение пользоваться ими (оросительными сооружениями) [на условиях] аренды, найма, залога, за часть [урожая] содержат [их] в порядке. 37. Если не содержат в порядке, штраф [в размере] двойной [суммы] ущерба.

38. Со спускающего воду из оросительных сооружений без очереди — штраф 6 пан,
[как] и с мешающего по нерадивости [спуску] воды другими [в порядке] очереди.

Так в III книге «Область деятельности судей» 9-я глава — «Недвижимость: продажа недвижимости, тяжба о границе, тяжба о поле, установление границы, причинение вреда [и] ущерба».

III.10

1. С нарушающего правильное течение воды для орошения или делающего [его] неправильным — первый штраф сахаса, как и с устраивающего на чужой земле оросительное сооружение, колодец, святилище, святиню, место почитания богов.

2. С закладывающего, или продающего, или побуждающего [к закладу либо продаже] священного водоема, существующего издавна, — средний штраф сахаса; со свидетелей — высший; исключение составляет полностью разрушенное [сооружение]. 3. Если у него нет собственника, пусть содержат [его] в порядке деревни или благочестивые люди.

4. О ширине дорог сказано [в разделе] об устройстве крепости. 5. С повреждающего дорогу для мелкого скота [и] людей — штраф 12 пан; дорогу для крупного скота — 24 паны; дорогу для слонов [и ведущую] к полям — 54 паны; дорогу, [ведущую] к лесу [и] оросительному сооружению, — 106 [пан]; дорогу, [ведущую] к месту сожжения трупов [и] деревне, — 200 [пан]; дорогу, [ведущую] к дронамукке, — 500 [пан]; дорогу, [ведущую] к стхании, [за пределы] страны [и] к государственным пастбищам, — 1000 [пан]. 6. А за их перепаживание — штраф в четырехкратном размере. 7. При повреждении распашкой — указанные выше [штрафы].

8. С кшетрики, забрасывающего поле, или упавасы, покидающего [его] во время сева, — штраф 12 пан, за исключением [случаев] негодности [поля], бедствий [или] невозможности [его] обработать]. 9. Пусть налогоплательщики продают или закладывают [недвижимость] налогоплательщикам, брахмаденки — брахмаденкам. 10. Иначе первый штраф сахаса. 11. И [такой же штраф] — с налогоплательщика, вселяющегося в освобожденную от налогов деревню. 12. Но вселяющийся в [деревню], которая платит налоги, имеет право на всякое имущество, кроме дома.

13. Дом же он тому [собственнику, покинувшему деревню] пусть отдаст. 14. Другой [человек], после того как [он] в течение пяти лет пользовался [полем собственника], его не обрабатывающего, [если это такое поле], которое не может быть отнято, пусть отдаст [его] за выкуп, [возмещающий затраченный] труд. 15. Пусть освобожденные от налогов, живущие в другом месте, пользуются доходами. 16. Деревенского старосту, путешествующего по делам деревни, пусть по очереди сопровождают упавасы. 17. Отказывающиеся сопровождать пусть заплатят 1,5 паны за йоджану [пути]. 18. С деревенского старосты, изгоняющего из деревни [человека], не [являющегося] вором [или] прелюбодеем, — штраф 24 паны; с деревни [в таком же случае] — штраф сахаса высшего вида. 19. Тем самым сказано [и] о возвращении изгнанного.

20. Пусть [староста] устроит ограду из столбов вокруг деревни на расстоянии ста дханус. 21. Для выпаса скота пусть пользуются пастбищем [и] перелеском. 22. [Если животные], покормившись на пастбище, убегают, пусть [хозяева пастбища] возьмут $\frac{1}{4}$ [паны], [если это] верблюды и буйволы; а если это коровы, лошади [или] ослы — $\frac{1}{8}$ [паны]; за мелкий скот — $\frac{1}{16}$ [паны] за голову. 23. [Если], поев, [животные] легли, эти штрафы вдвое больше; [если] остаются на ночь, вчетверо больше. 24. А [если это] священные деревенские быки, или корова до десяти дней после отела, или племенные быки, [они] не подлежат наказанию. 25. За поедание [скотом] зерна нужно, вычислив убыток зерна по урожаю, заставить уплатить вдвое. 26. А с прогоняющего скот [по полю] без ведома хозяина [поля] — штраф 12 пан; с выпускающего [скот] пастись — 24 паны. 27. С пастухов — половинные штрафы. 28. Такой же [штраф] пусть наложит за потраву огорода. 29. При поломке изгороди — [штраф] вдвое больше, [как] и при поедании зерна, собранного кучами в доме [или] на гумне.

30. Пусть принимает меры против повреждений. 31. Пасущимся безопасным лесным или домашним животным надлежит, уведомив хозяина, так воспрепятствовать [пастьбе на чужой земле], чтобы [они] не были убиты. 32. Скоту следует воспрепятствовать [пастись] с помощью веревок и палок с колючками. 33. [Если, действуя] иначе, им [будет нанесено] повреждение, — штрафы [как] за оскорбление действием. 34. Сопротивляющихся или [тех, которые причиняют] явный вред, можно изгонять любыми способами.

35. С земледельца, обязанного [подчиняться] деревне и не делающего [этого], взыскивает сама деревня: 36. [если] не выполняет работу — в двойном размере платы за [подобную] работу, [если] не вносит деньги, пусть даст вдвое большую долю и, [если] не приносит еду и питье во время празднеств, — двойную долю. 37. Кто не внес доли на зрелище, пусть не смотрит [его] ни сам, ни его домочадцы. 38. А [если] слушает [или] смотрит тайком и [если] препятствует общеплезному делу, пусть даст двойную долю. 39. Следует повиноваться одному [человеку — главе деревни], если он предлагает общеплезное [дело]. 40. При неповиновении — штраф 12 пан. 41. А если отказывают [ему] сообща, то с

каждого из них вдвое больший штраф. 42. [Если] среди отказывающихся [есть человек] высший,— 43. а старшинство среди них считается, начиная с брахмана,— 44. и [находящиеся] среди них брахманы во время празднеств могут не повиноваться, если не желают [участвовать в работах и платежах], [все же] пусть получают долю.

45. Это относится [к делам] «о неисполнении соглашений», касающихся местностей, каст, семей, объединений.

46. Пусть царь выказывает расположение тем, кто строит полезные для местности оросительные сооружения, мосты на дорогах и [сооружения], украшающие деревни и защищающие [их].

Так в III книге «Область деятельности судей» 10-я глава — «Недвижимость: причинение вреда пастбищу, полю, дороге», «Недвижимость» — закончена. И «Нарушение соглашения».

III.11

1. Законный месячный процент — $1\frac{1}{4}$ паны со 100; торговый [процент] — 5 пан; для доставляемых через леса [товаров] — 10 пан; [для товаров, доставляемых] морем,— 20 пан. 2. С устанавливающего и побуждающего к установлению [процента] выше [этого] — первый штраф сахара; с каждого из свидетелей — половинный штраф. 3. А [когда] царь не в состоянии [обеспечить] порядок [в государстве], можно придерживаться соглашения [между] кредитором и должником.

4. Процент [на одолженное] зерно [доходит] во время урожая до половины [количества], затем возрастает, будучи обращен в основной капитал. 5. Процент на капитал — [до] половины прибыли; [процент] должен выплачиваться в присутствии [свидетелей?] ежегодно.

6. Пусть [должник], отсутствующий в течение долгого времени или задерживающий [платежи], выплатит ссуду в двойном размере.

7. [С кредитора, который], не установив [величины] процента, взыскивает, или, [установив], увеличивает [его], или объявляет ссудой [сумму], включающую процент,— штраф в четырехкратном размере разницы. 8. При заявлении о несуществующем [долге] штраф равен [указанной [сумме] в четырехкратном размере. 9. Пусть три части ее даст взявший [несуществующий долг], остальное — давший.

10. Не возрастает долг, [если есть] оправдание — длительное жертвоприношение, болезнь, [пребывание] в доме учителя, [если должник] несовершеннолетний или несостоятельный. 11. С не берущего выплачиваемый долг — штраф 12 пан. 12. [В случае] приведения [кредитором] уважительной причины пусть [должник] поместит [ссуду] в другом месте, но без процентов. 13. Долг, [о котором] не вспоминали десять лет, не может быть востребован,

кроме случаев, когда [кредитор] малолетний, престарелый, больной, бедствующий, находящийся в отъезде, покинул страну, [и в период] смуты в государстве. 14. За умершего пусть вернут ссуду сыновья, или наследники, получившие наследство, [или] вместе бравшие [ссуду], или поручители; 15. не [в случае] иного поручительства. 16. Долг по поручительству за несостоятельного [или] несовершеннолетнего, 17. [если] место [и] время платы не определены, пусть уплатят сыновья, внуки или получающие наследство наследники. 18. А [долг] по поручительству в отношении жизни, брака [и] земли, [если] место [и] время не определены, пусть заплатят дети или внуки. 19. А [если] долгов несколько, пусть два [кредитора] не принуждают [к уплате] одного [должника] одновременно, за исключением [случая его] отъезда. 20. Но и тогда пусть возвращает [ссуды] в [той] последовательности, [в какой они] были взяты, или сначала имущество, [взятое] у царя [либо] ученого брахмана. 21. Нельзя взыскивать [по суду] взаимные долги супругов, отца и сына, братьев, не разделивших наследства. 22. Земледельцы и царские слуги не должны привлекаться [по долговым обязательствам] во время работы. 23. А также жена, не [принявшая на себя] обязательств по долгу, сделанному мужем; кроме [жен] пастухов [и] исполщиков. 24. Но муж может привлекаться по долгу, сделанному женой, [если] уехал, не обеспечив [ее средствами существования].

25. [Если ответчик] признался — [это] лучший [способ решения тяжбы]. 26. А [если] не признался, юридическим доказательством [являются показания] свидетелей, не менее трех, заслуживающих доверия или признанных наиболее честными, 27. или двух — при согласии сторон, но не одного — [в делах] о долге.

28. Запрещено [быть свидетелем] шурина, другу, домочадцу, кредитору, должнику, врагу, калеке, несущему наказание и [перечисленным] выше недееспособным. 29. Царь, ученый брахман, деревенский работник, прокаженный, покрытый язвами, исключенный из касты, чандала, занимающийся презренным делом, слепой, глухой, немой, ахамвадин, женщина и царский слуга [не могут быть свидетелями], исключение [составляют дела] с подобными им. 30. Но [в делах] об оскорблении, воровстве, прелюбодеянии [все они могут быть допущены как свидетели], кроме врага, шурина, друга. 31. В тайных делах пусть будут свидетелями одна женщина [или] мужчина, слышавшие или видевшие, кроме царя [и] аскета. 32. Господа о слугах, жрецы [и] учителя об учениках, родители о детях или, наоборот, (слуги о господах и т. д.), могут давать свидетельские показания, но не [могут быть] принуждаемы [к этому]. 33. А при обвинении одним другого высшие из них, давшие ложные показания, пусть заплатят $\frac{1}{10}$ долю [суммы иска в качестве штрафа], низшие — $\frac{1}{5}$ долю.

Это — «О свидетеле».

34. Пусть судья приводит свидетелей [к присяге] в присутствии брахмана [перед] сосудом с водой [и] огнем. 35. Брахману пусть он скажет: «Говори правду». 36. Кшатрию или вайшье: «[При

ложном показании будут] бесплодны [все] твои жертвоприношения [и] добрые дела; с черепком в руках пойдешь ты за милостыней в дом врага». 37. Шудре: «Каким бы ни был плод ваших благочестивых дел, [совершенных] от рождения до смерти, при ложном показании он пойдет царю, а грех царя — вам; и даже впоследствии, [когда] узнают, [будет] наложено наказание; говорите правду, как видели [и] слышали, в согласии друг с другом».

38. С не представляющих [свидетельских показаний] по истечении семи суток — штраф 12 пан; по истечении полутора месяцев пусть уплатят сумму иска.

39. При разногласии между свидетелями пусть решают так, как [скажет] большинство или признанные наиболее честными, или пусть придерживаются середины.

40. Или то имущество пусть возьмет царь.

41. Если свидетели указывают [сумму] меньшую, чем исковая, пусть [истец] заплатит разницу. 42. А [если] речь идет о большей, пусть этот излишек возьмет царь.

43. А при рассмотрении плохо услышанного [и] плохо записанного по глупости обвинителя или заявления умершего [дело решается только на основе] показаний свидетелей.

44. «[В случае], если свидетели при опросе каждого из них говорят глупости [по поводу] места, времени [и] дела,— штрафы [соответственно] первый, средний [и] высший»,— заявляют последователи Ушанаса. 45. «Лжесвидетели пусть платят штраф в десятикратном размере [суммы иска] по тому ложному делу, которое они поддерживают, или по тому справедливому делу, прекращению [которого] они способствуют»,— говорят последователи Ману. 46. «Для тех, кто по глупости способствует появлению противоречий [в деле, назначается] казнь с истязаниями»,— считают последователи Брихаспати. 47. «Нет,— считает Каутилья.— 48. Ведь свидетели должны давать надежные показания. 49. С тех [свидетелей], которые не дают [таковых],— штраф 24 паны; с тех, которые [вообще] не говорят,— половина этого».

50. Надлежит представить [в суд] свидетелей, находящихся недалеко по месту [и] времени; находящихся далеко [или] неявляющихся надлежит вызвать в суд распоряжением царя.

Так в книге III «Область деятельности судей» 11-я глава — «Невозвращение долга».

III.12

1. Сказанное о долге [относится и] к вкладу.

2. [Если] город [либо] сельская местность разграблены вражеским войском или лесными племенами, или же деревня, караван, стадо скота — разбойниками, или пропала повозка, или причинен ущерб огнем [и] водой в деревне либо пожаром [и] наводнением, или корабль затонул либо был ограблен — [держатель

вклада], спасшийся, может вклад не возмещать. 3. Использующий вклад пусть заплатит за пользование в соответствии с местом [и] временем и штраф 12 пан. 4. Пусть [также] возместит потерянное или испорченное в результате пользования и [заплатит] штраф 24 паны или, в ином случае, если вклад убежал. 5. Можно не возмещать вклада умершего или попавшего в беду. 6. И при закладывании, продаже, отрицании его [получения] — штраф $\frac{4}{5}$ [цены]. 7. При подмене или попустительстве бегству [вклада — штраф], равный цене.

8. Это относится [и] к пропаже, использованию, продаже, закладыванию [и] похищению залога.

9. Залог, приносящий прибыль, не пропадает, и [данная] под него ссуда не возрастает; [допускается распоряжение залогом], кроме отчуждения. 10. Залог, не приносящий прибыли, пропадает, и [данная] под него ссуда возрастает.

11. С не отдающего залог пришедшему [выкупить его должнику] — штраф 12 пан. 12. Или, если кредитор отсутствует, поместив выкупную сумму у деревенских старейшин, [должник] может получить залог.

13. Или в [случае, если] перестали нарастать проценты на ссуду, [обеспеченную] залогом на срок, пусть он остается тем же (в доме кредитора), или, во избежание порчи [или] потери, помещается у официального лица. 14. Или при отсутствии должника [кредитор] из боязни пропажи [залога] с разрешения судей может продать [залог] за возросшую цену, или по усмотрению залогодержателя.

15. А залог «неподвижный», принадлежащий к типу «прясабхогья» или «пхалабхогья», приносит доход за вычетом издержек, [составляющий] процент на ссуду, без погашения [самой] ссуды.

16. Пусть пользующийся [залогом] без разрешения вернет чистую прибыль с капитала и возмещение.

17. Остальное объявлено [как] о вкладе.

18. Это относится [и] к [имуществу, врученному] с распоряжением и [доверенному] посреднику.

19. А [если идущий] с караваном, [имея] на руках доверенное имущество, не достиг указанного места или был полностью ограблен ворами, [он] может не возмещать доверенное имущество.

20. Или [если он] умер в пути, наследник тоже может не возмещать.

21. Остальное объявлено [как] о вкладе.

22. Пусть [имущество], предоставленное заимообразно или внаем, вернут в таком виде, в каком взяли. 23. [Если] вследствие порчи [и] бедствия [создается] препятствие [касательно] места [или] времени, [он] может не возмещать утраченное или испорченное [имущество], данное [внаем или заимообразно].

24. Остальное объявлено [как] о вкладе.

25. О продаже через посредников.

Пусть посредники, продающие товар в соответствии с [установленным] местом [и] временем, дадут первоначальную цену и при-

быль. 26. А при убытке из-за нарушения [условленных] места [и] времени пусть дадут цену и прибыль по стоимости при получении [товара для продажи.] 27. А [если] продающие так, как было условлено, не получат прибыли, то пусть дадут [только] цену. 28. А при убытке из-за падения цен пусть дадут цену, [оставшуюся] за вычетом убытка. 29. А [если] у торговцев-посредников, заслуживающих доверия [и] не осуждаемых царем, [товар] пропал или погиб в результате порчи и бедствия, [они] могут не возвращать даже цену. 30. А [если посредники] продают товары в отдаленных местах [и] далеко по [затраченному] времени, пусть они дадут цену и прибыль за вычетом [понесенных] ущерба [и] расходов; и если товаров несколько, пусть отчитаются по отдельности [за каждый товар].

31. Остальное объявлено [как] о вкладе. 32. Этим сказано о продаже через посредников.

33. [То, что сказано] о вкладе, [относится] и к никшепе.

34. Отданное в качестве никшепы считается потерянными для возвращающего [ее] другому.

35. При похищении никшепы решающим аргументом [является] поведение [ремесленника] раньше и [показания] лиц, дававших [ему] никшепу. 36. Ведь ремесленники нечестны. 37. [Получение] ими никшепы происходит без оформления [документа и без свидетелей]. 38. Давший никшепу может заставить признаться отрицающего ее [получение], никак не оформленное, увещеванием наедине, тогда как свидетели скрыты за стеной, или вызвав его на откровенность [при помощи] оыняющих напитоков [во время] праздника на опушке леса.

39. Пусть какой-нибудь старый или больной торговец, передав наедине в его руки вещь, помеченную особым знаком, уйдет. 40. По его указанию пусть сын или брат, придя, потребуют никшепу. 41. [Если] отдаст, то [он] честен; иначе пусть вернет никшепу и [заплатит] штраф за воровство. 42. Или пусть кто-либо, достойный доверия, собираясь странствовать, передаст в его руки вещь, помеченную особым знаком, и уйдет. 43. Затем, по прошествии [какого-то] времени, пусть потребует [ее]. 44. [Если] вернет, то [он] честен; иначе пусть отдаст никшепу и заплатит штраф за воровство. 45. Или [собственник] может возвратить эту [никшепу], опознав [ее] по вещи, специально помеченной. 46. Или пусть глупец ночью, [якобы] опасаясь стражников в запрещенное [для передвижения] время, уйдет, передав в его руки ценную вещь. 47. Когда выйдет из тюрьмы, пусть ее потребует. 48. [Если] отдаст, то [он] честен; иначе пусть вернет никшепу и заплатит штраф за воровство. 49. И пусть в случае обнаружения в его доме [такой вещи] потребует у человека обе [вещи]. 50. [В случае] невозвращения одной из двух — как сказано ранее. 51. И пусть [судья] рассмотрит его право собственности на используемые вещи и показания о сделке относительно этого имущества, а также справедливость претензий истца.

52. Это относится [и] к [другим] «секретным соглашениям».

53. Поэтому следует совершать сделку со своим или чужим человеком при свидетелях, открыто, должным образом объявив [о ней], в соответствии с местом, временем, количеством [и] качеством [объекта сделки].

Так в III книге «Область деятельности судей» 12-я глава — «Относящиеся к вкладам».

III.13

1. С родственника, продающего [или] закладывающего несовершеннолетнего ария, [если он] шудра, [берется] штраф 12 пан, [если] вайшья — вдвое, [если] кшатрий — втрое, [если] брахман — вчетверо; это не касается ударадасы. 2. Чужому человеку [в соответствии с варной ребенка] — штрафы первый, средний [и] высший [и] смертная казнь; так же — покупателю [и] свидетелям.

3—4. Не является грехом, [если] варвар продает или закладывает потомство; но арий не [должен быть] рабом.

5. Или же, заложив ария в чрезвычайных обстоятельствах, [когда] семья ариев подвергается заключению, пусть, приобретя [возможность] выкупа, прежде выкупят ребенка или оказывающего помощь.

6. [Если] «заложивший себя» один раз сбежит, то [он] остается [у кредитора]; «заложивший другим» — [лишь] при повторном бегстве; [как и если] тот либо другой, раз [бежавшие], направляются в чужую страну или крадут имущество. 7. С лишаящего раба «статуса свободнорожденного» — половинный штраф. 8. Залогодатель возмещает ссуду за бежавшего, умершего, попавшего в беду. 9. Принуждение «заложившего» [к выносу] трупов, нечистот, отбросов, [а] женщин — к мытью голого мужчины, телесное наказание и дурное обращение влекут потерю ссуды; а кормилицам, служанкам, исполщицам [и] прислужницам несут освобождение. 10. Разрешен уход прислужника, имеющего ребенка (?). 11. С того, кто сойдется с кормилицей или «заложившей» против [ее] воли, — первый штраф сахаса; [если позволит это сделать] другому — средний. 12. А для того, кто лишает девственности «заложившую» сам или [позволяет это сделать] другому, [назначаются] потеря ссуды, [выплата] брачного выкупа и штраф в двойном размере этого [выкупа].

13. Пусть [судья] считает потомство «продавшего себя» свободным. 14. Он («продавший себя») может получить приобретенное [им] самим без ущерба для работы на хозяина [имущество] и отцовское наследство. 15. И, [выплатив] цену, он получает свободу. 16. Это относится [и] к ударадасе и «заложившему». 17. И выкуп его соответствует [полученной им] сумме. 18. Присужденный к уплате штрафа пусть возмещает штраф работой. 19. Захваченный на поле боя арий освобождается после отработки соответствующего времени или за половинную цену.

20. Первый штраф сахаса [взимается с того, кто] продает [или] закладывает раба менее восьми лет [от роду] из числа

рожденных в доме, приобретенных по наследству, полученных, купленных, отрывая [его] от родственников, против желания, [отправляя] на тяжелые работы, на чужбину; или беременную рабыню, не обеспечив ее содержания [на время] беременности; и [тот же штраф] — с покупателя [и] свидетелей. 21. Штраф 12 пан с того, кто не отпускает раба на свободу [после получения] соответствующего выкупа, и задержание до выполнения. 22. Наследники имущества раба — его родственники; за отсутствием таковых — хозяин. 23. Рожденного от хозяина и его собственной рабыни следует считать нерабом, как и мать. 24. Если [она] живет в доме [и] заботится о благе семьи, нерабами будут ее мать, брат и сестра. 25. С продающего [или] закладывающего раба или рабыню после того, как освободил [их] за выкуп,— штраф 12 пан, если только [они] сами [того] не желают.

Это — «Устав о рабах».

26. О том, что связано с трудом работника, пусть знают близкие. 27. Пусть работник получает плату, согласно уговору; [если она] не оговорена, то в соответствии с временем, [затраченным на] работу. 28. [Если] уговора о плате не было, то земледelec получает $\frac{1}{10}$ долю зерна, пастух — масла, торговец — [прибыли с] товаров, [которыми] сам торговал. 29. Но [если] уговор был, то — в соответствии с уговором. 30. Пусть ремесленники, мастера, актеры, лекари, сказители, слуги и прочие из разряда надеющихся [на вознаграждение] получают такую же плату, как другие за аналогичную работу, либо в соответствии с тем, что установят сведущие люди. 31. Показания свидетелей будут [решающими в споре по этому делу]. 32. При отсутствии свидетелей пусть [судья] проводит расследование тогда, когда работа [налицо]. 33. При невыдаче платы — штраф, [равный] $\frac{1}{10}$ части [платы] или 6 панам. 34. Для отрицающего [получение платы назначается] штраф 12 пан или $\frac{1}{5}$ часть [платы].

35. [Если] опасность исходит от речного потока, огня, воров, диких зверей и попавший в беду призывает спасителя, [обещая] отдать все свое имущество, детей, жену и себя самого, то, будучи спасен, пусть заплатит вознаграждение, указанное сведущими людьми. 36. Это относится [и] ко всем случаям отказа от возмещения, [обещанного] попавшим в беду.

37. Проститутка пусть получает плату, если сожительство доказано, а требующая слишком много ее теряет, как и вследствие злонравия или непослушания.

Так в III книге «Область деятельности судей» 13-я глава — «Устав о рабах и работниках» [включает]: «Устав о рабах» [и] из «Устава о работниках» — [часть] «О хозяине».

III.14

1. С работника, не выполнившего работу после того, как он получил плату,— штраф 12 пан и задержание до выполнения.

2. Кто не в состоянии [выполнить работу из-за того, что] она порицаема, [из-за] болезни или беды, получает освобождение либо [право] выполнить [работу], привлекая другого. 3. Или наниматель получает [право] нанять для выполнения [работы] другого [работника] за счет первого. 4. «Пусть никто другой не привлекается тобой к работе, [кроме меня], ни для кого другого не должна выполняться работа мною»,— при наличии ограничения такого рода штраф 12 пан с хозяина, не позволяющего выполнять работу, или работника, не делающего ее 5. После окончания работы получивший плату может не работать на хозяина в другом месте, если не желает. 6. «Работу следует считать сделанной, если работник готов ее выполнить, а ему не дает делать [хозяин]»,— считают учителя. 7. «Нет,— говорит Каутилья.— 8. Плата выдается за сделанную, а не за несделанную [работу]. 9. Если [же] он (хозяин), позволив хотя бы немного сделать, не дает делать [дальше], его [работу] следует считать выполненной». 10. [Если] работа выполнена с нарушением [уговора] о месте [и] времени [ее выполнения] или иначе, [чем было условлено, хозяин, коль скоро] не желает, пусть не считает [ее] сделанной. 11. [Если] сделано больше того, что было обусловлено, не следует считать [труд] напрасным.

12. Это [же] относится к работникам, составляющим объединение. 13. Пусть работник из их числа находится [у хозяина] до недели. 14. Затем пусть [объединение] пошлет другого [работника], и [так] до завершения работы. 15. И, не уведомив хозяина, объединение пусть никого не освобождает и не назначает. 16. При нарушении этого — штраф 24 паны. 17. С освобожденного объединением — половинный штраф.

18. Пусть работники объединения или составляющие товарищество делят плату по договору или поровну. 19. А земледельцы [и] торговцы пусть дадут долю [работника], выбывшего в промежутке между началом и окончанием [работы по выращиванию] зерна [или продаже] товаров, в соответствии со сделанной [им] работой. 20. При замене человека [другим] пусть дадут полную долю. 21. А в случае удачной реализации товара пусть тотчас же дадут долю выбывшего. 22. Ибо в пути общие и успех, и неуспех. 23. Но со здорового [работника], уклоняющегося [от работы] после ее начала,— штраф 12 пан. 24. И не волен он уклониться [от работы]. 25. А укравшего следует привлечь к работе долей, [пообещав] прежде безопасность. 26. При повторной краже — изгнание, [как] и в случае, когда уходит в другое место. 27. А при крупном проступке следует относиться как к преступнику.

28. Совершающие жертвоприношение жрецы пусть делят плату по договору или поровну, за исключением того, что [необходимо для выполнения] соответствующих функций. 29. Во время агништомы и прочих жертвоприношений жрец, выбывший после церемонии посвящения, получает $\frac{1}{5}$ доли; после церемонии «продажи сомы» — $\frac{1}{4}$; после обряда нагревания сосуда «праваргья» [в день] мадхьямопасад — $\frac{1}{3}$ доли; после [дня] мадхьямопасад — $\frac{1}{2}$ доли;

[в день] церемонии выжимания сомы — $\frac{3}{4}$. 30. После полуденного выжимания сомы он получает всю долю. 31. Ибо [в это время] выдаются вознаграждения жрецам. 32. Вознаграждение жрецам дается за каждое выжимание, за исключением «выжиманий Брихаспати». 33. Этим объявлены вознаграждения [за обряды, совершаемые в течение] нескольких дней. 34. Работу за выбывших [на срок] до десяти суток пусть делают оставшиеся нанятые или другие, заявившие о себе сами. 35. А [если] жертвователь выбыл до окончания церемонии, пусть жрецы, выполнив ее, возьмут вознаграждение. 36. А [если] до окончания церемонии жертвователь или совершающий жертвоприношение жрец покинет [один другого, следует] первый штраф сахаса.

37. [Если жертвователь или жрец], обладая ста коровами, не поддерживает священного огня и, будучи владельцем тысячи, не совершает жертвоприношений, [является] пьяницей, мужем нечистой женщины, убийцей брахмана, осквернителем ложа учителя,
38. получателем [даров] от порочных [людей], вором [или] совершающим жертвоприношение неподобающим образом, нет греха одному оставить другого из-за очевидности нечистоты [совершаемого сакрального] действия.

Так в III книге «Область деятельности судей» 14-я глава — «Устав о рабах и работниках» (о работающем по найму); «Совместное предприятие».

III.15

1. С не отдающего товар, после того как он его продал, взимается штраф 12 пан, за исключением [случаев обнаружения] недостатка, бедствий [или] авишахья. 2. Под недостатком [понимается] дефект товара. 3. Бедствие — препятствие [со стороны] царя, вора, огня, воды. 4. Авишахья (т. е. то, что неприемлемо) — лишенная необходимых условий [сделка] или совершенная бедствующим.

5. Для торговцев [срок] отказа [от обязательства продажи] — одни сутки; для земледельцев — трое суток; для скотоводов — пять суток. 6. При продаже различными [продавцами] и лицами высшей варны средств [своего] существования — семь суток. 7. [При купле-продаже] скоропортящихся товаров, [если было] ограничение — другому продавать нельзя, не дается права на расторжение сделки. 8. При нарушении этого — штраф 24 паны или $\frac{1}{10}$ доля товара.

9. С того, кто не забирает товар, после того как его купил, — штраф 12 пан, за исключением [случаев обнаружения] недостатка, бедствия [или] авишахья.

10. [Условия] расторжения [сделки покупателем] аналогичны таковым для продавца.

11. А [при заключении] браков отказ для членов первых трех варн возможен до [церемоний] «соединения рук», но для шудр — [до] соития. 12. Даже после [церемонии] «соединения рук» воз-

можен отказ, если выявлен недостаток [у жениха и невесты] в сфере интимных отношений. 13. Но не [в том случае, когда] они уже имеют потомство. 14. С того, кто выдает девушку [замуж], не сообщив [об имеющемся у нее] подобном недостатке,— штраф 96 пан и возвращение шулки [и] стридханы. 15. А со сватающего, не сообщившего о недостатке жениха,— [штраф] вдвое больше и потеря шулки [и] стридханы.

16. [Если о предназначенных к продаже] пассивных, больных [и] нечистых людях [и] животных сообщается, [что они] активны, здоровы [и] чисты,— штраф 12 пан. 17. В течение полутора месяцев [возможно] расторжение [сделки, объектом которой являются] животные; до года — [если объектом сделки являются] люди. 18. Ибо [на протяжении] такого времени можно удостовериться в честности [или] нечестности [продавца].

19. Пусть судьи таким образом расторгают [сделки] дарения или купли, чтобы ни дающий, ни получающий не понесли ущерба.

Так в III книге «Область деятельности судей» 15-я глава — «Отказ от проданного [или] купленного».

III.16

1. То, что сказано о «невозвращении долга», относится и к «невыдаче обещанного». 2. [Если] дано то, чем один не вправе распоряжаться, происходит расторжение [сделки]. 3. Пусть тому, кто, пообещав всю собственность, детей, жену и себя самого, отказывается [выполнить обещание, судья] предоставит [возможность отказать]. 4. Так же, если «дар дхармы» [дан] негодным людям и за дурные дела, «дар артхи» — не приносящим пользы или приносящим вред и «дар камы» — недостойным. 5. И сведущие люди пусть так производят расторжение [сделки], чтобы ни дающий, ни получающий не понесли ущерба. 6. С берущего «дар, [даваемый из] страха» — страха насилия, бесчестья [или] несчастья,— штраф за воровство; как и с дающего, [если дар принимается из страха]. 7—8. [За] «дарение из гнева» в целях причинения вреда другому [лицу] и «дарение из гордыни», [желания] превзойти царей — штраф высшего вида. 9. Сын или [другой] наследник, получающий наследство, может не отдавать, [если] не желает, [долг] по поручительству, остаток штрафа [или] брачного выкупа, [долг, сделанный во время] игры, попойки, и любовный дар. Это — «О невыдаче обещанного».

10. «Продажа несобственником»: обнаружив пропавшее [или] похищенное [имущество], пусть собственник побудит судью взять [его]. 11. Или, [если] не позволяют место [и] время, взяв сам, пусть принесет [его в суд]. 12. И судья пусть спросит владельца: «Откуда [это] у тебя?». 13. Если тот укажет на законный способ [приобретения вещи, но] не [назовет] продавца, он освободится после возврата той вещи. 14. Если указывает на продавца, пусть [последний] заплатит стоимость [имущества] и штраф за воровст-

во. 15. Если тот найдет оправдание, пусть оправдывается, [и так] до тех пор, пока будут основания для оправдания. 16. Затем [обвиняемый] пусть заплатит стоимость и штраф за воровство. 17. И хозяин потерянного, приведя доказательство собственности, возвратит себе потерянное [имущество]. 18. При отсутствии доказательства собственности — штраф [в размере] $\frac{1}{5}$ [цены]. 19. И то имущество станет царским, согласно дхарме. 20. С собственника, отбирающего пропавшее [или] похищенное [имущество], не уведомив [власти], — первый штраф сахаса. 21. Пусть найденное пропавшее [или] похищенное [имущество] находится в месте [сбора] пошлин. 22. Через полтора месяца пусть [имущество], за которым никто не пришел, возьмет царь или собственник [если до истечения этого срока предъявит] доказательство права собственности.

23. Пусть [собственник] даст выкуп: за двуногого — 5 пан, однокопытное — 4 паны, корову [или] буйвола — 2 паны, мелкий скот — $\frac{1}{4}$ [паны]; 24. за драгоценности, дорогие [вещи], дешевые [и] сырье пусть он даст 5 процентов [стоимости]. 25. Но [имущество], похищенное чужим войском [или] лесными племенами, царь, вернув, пусть отдаст как собственность [хозяину]. 26. [Если] похищенное ворами пропало или [если царь] не может [его] вернуть, пусть возместит из своего имущества. 27. Или, вернув пропавшее вследствие захвата [имущество], пусть [царь] даст за него выкуп. 28. Но можно пользоваться [имуществом], добытым благодаря храбрости в чужой стране, как было указано царем, за исключением [захваченных] ариев и имущества богов, брахманов [и] аскетов.

Это — «О продаже несобственником».

29. «Связь между собственностью [и] собственником»: продолжительность пользования [считается доказательством] собственности на [используемое] имущество, если [другие] доказательства утрачены. 30. [Если некто] в течение десяти лет не обращает внимания [на то, что] какое-либо его имущество используется другими, он теряет права на него; если только [он] не ребенок, старик, больной, бедствующий, находящийся в отъезде, покинул страну [или если это произошло во время] беспорядков в государстве. 31. Не следует возбуждать [дело по поводу] недвижимости, [которой собственник] пренебрегал двадцать лет [и которая] была [в это время] занята [другими]. 32. Родственники, ученые брахманы или пашанда, занимающие чужую недвижимость в отсутствие хозяев, не могут получить право [на нее] посредством пользования; также [нельзя на основании пользования приобрести право собственности] на вклад, залог, клад, никшепу, женщину, границу, имущество царя [и] ученого брахмана.

33. Отшельники или пашанда пусть живут на просторе, не мешая друг другу. 34. Пусть они мирятся с незначительными затруднениями. 35. Или пришедший первым пусть предоставляет жилье по очереди [следующему]. 36. Не предоставляющий [такого] подлежит изгнанию. 37. Учителя, ученики, братья по дхарме, соученики наследуют лесным отшельникам, странствующим аске-

там [и] изучающим веды ученикам. 38. И [в случае] тяжб с ними пусть они столько суток соблюдают для царя посты, совершают обряды, [связанные] с поклонением воде, огню, Махакачхе, сколько пан [составят] штрафы [за их проступки]. 39. Благочестивые пашанда не [имеют] денег [и] золота. 40. Их следует принудить совершать [покаяния] согласно принятым у них постам [и] обетам; исключение [составляют случаи] оскорбления, воровства, грабежа [и] прелюбодеяния. 41. В этих [случаях] должны понести наказания, какие установлены.

42. Царь пусть налагает наказание на {тех} странствующих аскетов, {которые} пренебрегают обычаями, ибо оставленная без внимания [и] пораженная адхармой дхарма убивает правителя.

Так в III книге «Область деятельности судей» 16-я глава — «Невыдача обещанного, продажа несобственником, связь между собственностью и собственником».

III.17

1. Грабеж есть насильственное действие [присвоения] в присутствии [собственника]. 2. В отсутствие [его — это] кража, как и в случае отрицания [получения чужой вещи]. 3. Последователи Ману считают: «При грабеже драгоценностей, дорогих и дешевых предметов [и] сырья штраф равен стоимости [похищенного]». 4. Последователи Ушанаса считают: «Вдвое больше стоимости». 5. Каутилья считает: «В соответствии с преступлением». 6. «[При грабеже] мелких предметов, как-то: цветов, плодов, овощей, корнеьев, клубней, вареной пищи, изделий из кожи, бамбука, глиняной посуды, — штраф от 12 до 24 пан. 7. [При грабеже] более ценных вещей, как-то: изделий из железа, дерева, веревок, мелкого скота, тканей, — штраф от 24 до 48 пан. 8. [При грабеже еще] более ценных предметов, как-то: изделий из меди, стали, латуни, стекла, слоновой кости, — первый штраф сахаса — от 48 до 96 пан. 9. [При грабеже] наиболее ценного имущества, как-то: крупного скота, людей, полей, домов, денег, золота, тонких одежд, — средний штраф сахаса — от 200 до 500 пан. 10. [Если некто], схватив женщину или мужчину, связывает [их], приказывает связать или освобождает от пут [того, кто должен быть связан], — высший штраф сахаса — от 500 до 1000 [пан]», — считают учителя.

11. «Тот, кто побуждает к совершению грабежа, говоря: „Я беру [ответственность] на себя“, пусть заплатит [штраф] вдвое больший. 12. Тот, [кто] говорит: „Сколько денег потребуется, столько я дам“, пусть заплатит штраф вчетверо больший. 13. Тот, кто побуждает к совершению [грабежа], говоря: „Я дам столько-то денег“, указав размер [вознаграждения], пусть внесет [в казну] деньги, которые обещал, и штраф» — так считают последователи Брихаспати. 14. «Если он ссылается на гнев, опьянение или умопомрачение, пусть [судья] на него наложит штраф, который указан [выше]», — считает Каутилья.

15. Следует знать, [что дополнительный штраф] в 8 пан на 100 при всяком наложении штрафов [называется] «рупа», а [при штрафах] больших, чем 100, [дополнительный штраф] в 5 на 100— «вьяджи».
16. Не соответствующие дхарме «рупа» и «вьяджи» накладываются в случае обилия грехов подданных или греховности царей, но соответствующим дхарме объявлен [только] основной [штраф].

Так в III книге «Область деятельности судей» 17-я глава — «Грабеж».

III.18

1. Оскорбление словом суть поношение, посрамление [и] угроза. 2. О поношении, которое касается частей тела, происхождения, учености, образа жизни, местности: при поношении, [когда упоминаются] телесные [недостатки] — «одноглазый», «хромой» и прочие, [если это] соответствует действительности, — штраф 3 паны; [если это] ложь — штраф 6 пан. 3. [В случае] хулы [под видом] похвалы одноглазых, хромых и прочих, вроде «О, обладающие прекрасными глазами», — штраф 12 пан. 4. А при посрамлении [кого-либо, якобы тот] — прокаженный, сумасшедший, евнух и так далее — [в зависимости от того], правда [это или] ложь, [и] при хуле-похвале штрафы возрастают, начиная с 12 пан для [людей], равных [по положению]. 5. [При посрамлении] вышестоящих — [штрафы] двойные; нижестоящих — половинные; чужих женщин — двойные. [При оскорблении, нанесенном] по неосторожности, в состоянии опьянения, умопомрачения и так далее, — половинные штрафы. 6. [Если поводами для оскорбления являются] проказа и умопомешательство, юридическим доказательством [соответствия действительности служат] показания лекарей и близких людей; [а если поводом для оскорбления является] половое бессилие — [показания] женщин, наличие пены в моче и погружение испражнений в воде. 7. При поношении брахманов, кшатриев, вайшьев, шудр [и] «живущих на окраине» [в связи с их] происхождением штрафы возрастают, начиная с 3 пан [при оскорблении] высшего низшим, [и] уменьшаются [при оскорблении] низшего высшим, начиная с 2 пан; так же при хуле вроде «дурной брахман». 8. Это относится [и] к поношению сказителей по поводу их учености, поношению ремесленников [и] актеров за их образ жизни и к поношению области, откуда человек родом, типа «пруджунака», «гандхара». 9. Тот, кто угрожает другому действием, говоря: «Я поступлю с тобой так-то», при невыполнении [угрозы] пусть даст половину от штрафа, который [был бы наложен] при ее выполнении. 10. [Если] неспособный [осуществить угрозу] ссылается на гнев, опьянение или умопомрачение, пусть заплатит штраф 12 пан. 11. При возникновении вражды и в случае, если может нанести вред, пусть представит поручителя, что, пока жив, [вреда не причинит].

12. [За поношение] своей страны и деревни [виновный] заслуживает первого [штрафа сахаса], касты и объединения — среднего, за поношение богов [и] святых — высшего.

Так в III книге «Область деятельности судей» 18-я глава — «Оскорбление словом».

III.19

1. Оскорбление действием суть прикосновение, замахивание [и] удар.

2. С прикасающегося к нижней части тела [другого человека] до пупа рукой, грязью, золой [и] пылью — штраф 3 паны; [за прикосновение] ими, [если они] нечисты, и [за касание] ногой или плевки — 6 пан; если обольет блевотиной, нечистотами и так далее — 12 пан. 3. [Если] выше пупа — [штрафы] двойные; если голову — в четырехкратном размере между равными [по положению людьми]. 4. [За подобные действия по отношению] к вышестоящим — [штрафы] двойные; к нижестоящим — штрафы половинные; [по отношению] к чужим женщинам — двойные. [Если это является следствием] небрежности, опьянения, умопомрачения и так далее — штрафы половинные. 5. При хватании за ногу, одежду, руку [и] волосы — штрафы, начиная с 6 пан. 6. [Если кто-либо другого] давит, душит, дергает, тащит [и] сидит [на нем] — первый штраф сахаса. 7. С убегающего после того, как он бросил [кого-либо на землю], — половинный штраф.

8. Ту часть тела, какой шудра ударит брахмана, следует у него отрубить. 9. За угрозу действием — выкуп. 10. Этим сказано о чандалах [и других] нечистых. 11. При замахивании рукой — штраф от 3 до 12 пан; ногой — вдвое больше; [предметом], опасным для жизни, — средний.

12. С причиняющего боль без [пролития] крови одним из [следующих] предметов: поленом, комом земли, камнем, железом, палкой [или] веревкой — штраф 24 паны; при причинении [боли с пролитием] крови — вдвое больше, если только кровь не худая. 13. С избивающего [другого] почти до смерти без крови либо вывихнувшего руку [или] ногу — первый штраф сахаса, как и в случае, [если] сломана рука [или] нога, выбиты зубы, отрезаны уши [или] нос, нанесены раны, за исключением дурных ран. 14. [Если некто] ломает [другому] бедро [или] шею или выбивает глаз, [делает его] неспособным говорить, двигаться [или] принимать пищу — средний штраф сахаса и возмещение расходов на лечение. 15. [В случае] смерти [дело] передается прадештарам. 16. [Если] несколько человек [избивают] одного, с каждого избивающего — штраф вдвое больше [того, который уплатил бы, будь он один].

17. «За давнюю драку или вторжение не следует привлекать к ответственности», — считают учителя. 18. «Нет освобождения для преступника», — считает Каутилья. 19. «Тот, кто первый пришел [в суд в случае] драки, выигрывает [дело], ибо [первым] прибега-

ет тот, кто не в состоянии терпеть», — считают учителя. 20. «Нет, — считает Каутилья. — 21. Для пришедшего первым или позже юридическим доказательством [являются] свидетели; при отсутствии свидетелей [имеют значение следы] побоев или признаки драки». 22. Не сумевший оправдаться в тот же день по поводу обвинения [в нанесении] побоев [должен быть] осужден.

23. С похитившего [во время] драки вещь — штраф 10 пан; при повреждении дешевой вещи [следует возмещение] за нее и такой же штраф; при повреждении дорогой вещи — возмещение за нее и вдвое больший штраф; при порче нарядов, украшений, золотых монет [и] золотых предметов — [возмещение] за них и первый штраф сахаса. 24. С сотрясающего ударом чужую стену — штраф 3 паны; [если стена] раскалывается [или] разбивается — 6 пан и возмещение [ущерба]. 25. С бросающего в чужой дом предмет, [могущий] причинить боль, — штраф 12 пан; [если предмет] опасен для жизни — первый штраф сахаса. 26. За нанесение ударов мелкому скоту поленьями и тому подобным — штраф 1 или 2 паны; при пролитии крови — вдвое больше. 27. В таких же случаях [по отношению] к крупному скоту — штраф вдвое больше и возмещение расходов на лечение.

28. При обламывании в городских садах побегов деревьев цветущих, плодоносных и дающих тень — [штраф] 6 пан; при обламывании небольших веток — 12 пан; при обламывании толстых сучьев — 24 паны; при повреждении ствола — первый штраф сахаса; при порубке — средний. 29. [Повреждение] кустов с цветами, плодами [и дающих] тень [наказывается] половинными штрафами; как и деревьев в святилищах, лесах отшельников [и] местах сожжения трупов.

30. [Повреждение] пограничных деревьев, священных и знаменитых, а также [повреждение деревьев] в царских лесах должно наказываться такими же штрафами в двойном [размере].

Так в III книге «Область деятельности судей» 19-я глава — «Оскорбление действием».

III.20

1. Пусть надзиратель над игорным домом прикажет играть в одном месте.

2. С играющего в ином месте — штраф 12 пан. [Это нужно] для распознавания мошенников. 3. «При обвинении [в мошенничестве] в игре с выигравшего — первый штраф сахаса; с проигравшего — средний. 4. Ибо тот — глупец, желающий выиграть, не терпит проигрыша», — считают учителя. 5. «Нет, — считает Каутилья. — 6. Если с проигравшего взимать двойной штраф, никто не станет обращаться к царю. 7. Игроки ведь по большей части плутуют в игре».

8. Надзиратели пусть предоставляют [им] проверенные раковины и кости. 9. При подмене раковин [или] костей другими —

штраф 12 пан; при плутовстве в игре — первый штраф сахаса [и] возвращение выигранного; и штраф за воровство в случае обмана [при расчете]. 10. Из выигранного имущества надзиратель получает 5 со 100, а также плату за прокат раковин, костей, кожаных полосок, пластинок, плату за воду, место [и совершаемые] действия. 11. Он может закладывать и продавать [полученные] вещи. 12. Но если не препятствует пользованию фальшивыми костями, [замене] места [игры], мошенническим [движениям] рук, то штраф двойной.

13. Это относится [и] к пари, за исключением состязаний в знаниях [или] искусстве.

14. А [теперь] «Разное»: [в случае] невозвращения в соответствии с местом [и] временем взятого заимообразно, в аренду, залог или в качестве никшепы; при нарушении [указания] о месте [и] времени прибытия или пребывания по тени часов; с лица, принуждающего брахмана платить [за проход] военных постов [или] за переправу, а также за приглашение [на трапезу], минуя ближайших соседей,— штраф 12 пан. 15. С не дающего обещанное имущество; хватающего рукой жену брата; идущего к гетере, занятой другим; продающего товар, обещанный другому; взламывающего опечатанный дом и доставляющего мучения сорока соседним семействам — штраф 48 пан. 16. С берущего семейное имущество [и] отрицающего [это]; с насильственно овладевающего одинокой вдовой; с чандалы, касающегося арийки; не прибегающего [на помощь к попавшему] в беду вблизи [него]; заставляющего без причины бежать [на помощь]; кормящего шакьев, адживиков и прочих низких странствующих отшельников [во время] жертвоприношений богам и [усопшим] предкам — штраф 100 пан. 17. С устраивающего несанкционированный допрос под присягой и [берущего на себя] функции чиновника, не [будучи] таковым; кастрирующего племенной мелкий скот и изводящего снадобьями [прижитый им] плод рабыни — первый штраф сахаса. 18. С отца и сына, супругов, брата и сестры, дяди с материнской стороны и племянника или ученика и учителя, покидающих друг друга, [если только они] не исключенные из касты: если покидают в деревне [во время] странствия с караваном — первый штраф сахаса; средний — [если] в лесу; высший — [если покинутый] по этой причине потерпел ущерб; [при оставлении] других [лиц], путешествующих совместно, — половинные штрафы. 19. Со связывающего [или] заставляющего связать человека, которого не следует связывать, или освобождающего от пут; связывающего или заставляющего связать ребенка, не достигшего совершеннолетия, — штраф 1000 [пан]. 20. В зависимости от личности [совершившего преступление] человека [и характера] преступления следует назначать разные штрафы.

21. Хранителю священного источника, отшельнику, больному, страдающему от голода, жажды, долгого пути, чужеземцу, тому, кто страдает от наложенного [на него] наказания, и неимущему следует оказать помощь.

22. Судьи пусть ведут дела богов, брахманов, отшельников, женщин, детей, стариков, больных — [всех], не имеющих защиты [и] не прибегающих [к суду]; и пусть они не откладывают [дело], лживо [отговариваясь соображениями] места, времени, пользы.

23. И люди должны быть почитаемы в соответствии с [их] знаниями, умом, мужеством, знатностью происхождения [и] делами.

24. Таким образом пусть судьи ведут дела, честно рассматривая [их], [будут] ко всем существам беспристрастными, вызывающими доверие [и] удобными людям.

Так в III книге «Область деятельности судей» 20-я глава — «Игра, пари», а также «Разное». Этим закончена III книга «Артхашастры Каутильи» — «Область деятельности судей».

2. Комментарий

III.1.1. В санграхане, дронамукхе, стхании — административные центры соответственно 10, 400 и 800 деревень (II.1.4).

Судебные дела (vyāvahārikāparthān) — букв. «дела, возникающие в результате сделок (vyavahāra)». В дальнейшем речь идет прежде всего о сделках, а также других действиях, могущих стать предметом судебного разбирательства, в частности о преступлениях.

Чиновников (amātya) — о назначении таковых см. КА I.10.13.

III.1.2 тайно (tirohita) — т. е. непублично.

Ночью — о делении суток см. КА I.19.6—8; II.36.34.

В лесу — вне пределов населенного пункта; тождественно выражению «за пределами деревни» (см. КА IV.12.23, ср. КА X.2.1). III.1.3. Побуждающего к совершению [подобной] сделки (kāṅgaṅiṭṭḥ) — видимо, подразумевается третье лицо, а не кто-либо из контрагентов (ср. КА III.11.2; 10.2). В дхармашастрах аналогий не встречается и вообще нет указаний на штрафы за совершение сделок, признанных недействительными (ср. Нарادا 1.43, Яджнавалкья II.31).

Сахаса — о величине штрафов см. КА III.17.8—10.

III.1.5. Заслуживают доверия (śraddehānām) — видимо, действуют без злого умысла.

III.1.6. Принятие без свидетелей прироста к долговой сумме (adhikarṇāgrahaṇam) — имеются в виду регулярная выплата долгового процента должником и прочие аналогичные случаи, при которых присутствие свидетелей было обязательным (см. Яджнавалкья II.93—94, ср. Нарادا I.114).

[Сделки], о которых не следует говорить (avaktavyakāgā) — толкование Р. П. Кангле «не вызывающие порицания» неубедительно, поскольку не содержит ничего, характерного только для данного случая. Возможно, речь идет о передаче имущества в закрытом и запечатанном виде (dravyatirohita). Ср. комментарий Бхаручи к «Ману-смити» (VIII.203), ср. требование КА III.1.15, чтобы форма, признаки и качества предмета, по поводу которого

закключается сделка, были очевидны; не исключено и толкование «недостойные упоминания», т. е. мелкие сделки.

III.1.7. Предпринятые в связи с наследством — раздел наследства мог совершаться в доме, но обязательно при свидетелях, публично (см. КА III.5.26).

Никшепой, вкладом (upanidhi) — см. КА III.12.33—51. Упанидхи и никшепа могут различаться как вклад закрытый и открытый (ср. КА II.25.6).

Браком (vivāhayuktā) — договоренность о заключении брака, но, возможно, и вообще все семейные дела (ср. название раздела vivāhasamyukta).

Женщинами, не выходящими из дома (aniṣkāsinīnām) — т. е. соблюдающими обычай затворничества (см. также II.23.11).

III.1.8. Грабежом, вторжением, ссорой — в данном случае речь идет не о действительности сделок, а скорее о правомерности обращения в суд.

Браком — здесь, вероятно, имеются в виду определенные положения брачно-семейного права (например, КА III.2.43—47).

Царским поручением (gājaniyoga) — видимо, подразумеваются действия частных лиц, нечиновников, поскольку преступления последних подлежат ведению не судей-дхармастхов, а прадештаров (см. КА IV.4, IV.9 и др.). Речь может идти, в частности, о ночной охране города (ср. КА III.20.14; 12.46—47).

Кто работает в первую половину ночи (pūrvāṭravayavahāriṇām) — проститутки, содержатели трактиров и т. п.

III.1.9. Бродячих артистов (cāgaṇa) — ср. КА III.4.22.

III.1.10. По отношению к мошенникам (gūḍhājīviṣu) — ср. КА III.12.46; IV.4 и др.

III.1.11. При секретном соглашении (mithaḥsamavāye) — таком, которое должно сохраняться в тайне (ср. КА III.12.52; 2.6).

III.1.12. Несамостоятельными (apāśhayavadbhiḥ) — синонимично понятию asvatantra дхармашастр (Нарада V.4; Яджнавалкья I.85 и др.; см. [194]). Имеется в виду частичная недееспособность, определяемая зависимостью от другого лица; санкция главы семьи требуется не для всякого юридического действия, а лишь для такого, которое затрагивает интересы семьи.

Сыном, зависящим от отца (pitṛmatā putreṇa) — о необходимости переводить именно так, а не «имеющим отца», свидетельствует контекст.

Братом, не имеющим семьи, [т. е.] младшим, не получившим наследственной доли (niṣkulena bhrātrā kaṇiṣṭhenāvibhaktāṃśeṇa) — обычно слова niṣkulena bhrātrā рассматриваются отдельно и переводятся «братом, изгнанным из семьи». Однако, судя по контексту, речь идет о несамостоятельных членах семьи, а «изгнанный из семьи» таковым уже не является. Поэтому нужно считать, что следующие два слова лишь поясняют выражение «братом, не имеющим семьи», т. е. «младшим, не получившим наследственной доли» и зависящим от старшего брата.

Привлеченным к ответственности по суду (abhiśasta) — ср. КА

IV.8.1. 4. Иногда этим термином обозначается и преступник (см. КА IV.8.28).

Калекой (пуаṅга) — ср. КА III.11.28. Калека не может быть самостоятельным домохозяином (КА III.5.30) и, следовательно, участвовать в заключении сделок.

Попавшим в беду (vyasaṇin) — человек, с которым произошел несчастный случай; обычно перечисляется наряду с «умершим» и «больным» (см. КА IV.3.13; 13.8; I.19.29; III.1.34 и др.).

III.1.13. В этой сутре речь идет о случаях несвободы воли — действиях, совершенных в состоянии аффекта или в результате принуждения.

III.1.15. *Естественными для данных контрагентов* — употребляется термин svavarga. Сутра подытоживает содержание всей темы «Установление о сделках».

Полномочных для ее совершения — о термине svakaḡaṇa см. гл. 3(1) настоящей работы.

Полностью дееспособных (saṃpūrṅasāḡḡḥ) — ситуация, противоположная указанной в 13-й сутре.

При безупречном свидетельстве — о термине śuddhadeśa см. гл. 3(1).

III.1.16. *Заслуживает доверия* — является законным, окончательным юридическим действием.

Распоряжения (ādeśa) — в КА означает также «переданное с распоряжением имущество» (см. III.12.18). Характер соглашения контрагентов неясен.

III.1.17. *Дело* (kaḡaṇa) — т. е. характер иска.

[*Судебное*] *учреждение* (adhikaḡaṇa) — ср. КА IV.9. и др.

Долг (ḡṇa) — здесь может быть вообще исковая сумма.

Имеющих соответствующих поручителей — И. Я. Мейер считает, что имеются в виду обещания не мстить в случае проигрыша дела и т. д. (ср. КА III.18.11). Однако речь скорее идет о поручителях в суде, способных отвечать по обязательствам тяжёбщиков и при необходимости платить штраф в казну (см. Яджнавалкья II.10). III.1.19. *Дающего ложные показания* (parokta) — ср. КА III.11.33; 9.17.

Показания (vāda) — заявления в суде истца и ответчика.

Привлекая то, чего нельзя привлекать (anabhigṛāḡyamabhigṛāḡya) — видимо, ссылаться на слова близких родственников и других лиц, не могущих быть свидетелями (см. КА III.11.28).

Доказательство (deśa) — см. гл. 3(1).

III.1.20—21. $\frac{1}{5}$ (pañcabandha), $\frac{1}{10}$ (daśabandha) — ср. КА III.11.33; 13.33—34. Доля, вероятно, берется от исковой суммы.

Сам сознается (svayaṇvādin) — ср. КА III.1.46.

III.1.22—23. *Содержание* (bhṛti) — оплата, жалованье. В перечне чиновников (amāṡya), получающих жалованье (КА V.3), вероятно, потому и не упоминаются судьи-дхармастхи, что деньги на их оплату взимались с проигравшей дело стороны.

Лиц (ḡuḡaṡa) — этот термин иногда употребляется в значении не просто «человек», «мужчина», но «официальное лицо на госу-

дарственной службе», обычно чиновник невысокого ранга. Но в «Нарада-смрити» (Вв. I.15) данным словом назван судья. Комментарий «Бхашавьякхьяна» толкует этот термин как «судья».

Восьмичленном — чтение рукописей КА bhṛtiraṣṭāṅgaḥ невозможно принять из-за отсутствия согласования слов. Р. П. Кангле вслед за Ганапати Шастри принимает исправление на aṣṭāṃśaḥ, при котором трудно уловить смысл («восьмая доля» чего?). Представляется более удачным исправление aṣṭāṅge. Это слово в дхармашастрах употребляется в качестве эпитета, характеризующего царский суд (например, Нарада. Вв. I.9,15). Суд называется восьмичленным, поскольку включает восемь необходимых элементов: царь с чиновником (saripuṣaḥ), т. е. царь или назначенный им чиновник-судья (см. версию Бхавасвамина и коммент. Асахаи), судьи-заседатели (sabhya), счетчик и писец, шастра, огонь, вода, золото. Последние три являются сакральными атрибутами суда и используются при ордалиях (ср. КА III.11.34).

Путевые расходы (pathibhaktam) — обстоятельства дела могли требовать разъезда судебных исполнителей (ср. КА III.11.50). Принимаем чтение рукописей КА — arthaviśeṣataḥ, вопреки исправлению Р. П. Кангле на arghaviśeṣataḥ — «в зависимости от цен». III.1.25. *Ответчик (обвиняемый)* — в данном случае и далее не делается различия между делами гражданскими (по поводу соглашений торговцев) и уголовными (по поводу ссор и грабежей). В переводе поэтому слова «ответчик» и «обвиняемый» употребляются как синонимичные.

III.1.29—30. Сроки ответа и размеры штрафа за нарушение этих сроков устанавливает, по-видимому, судья в зависимости от обстоятельств дела.

III.1.32. Как явствует из дальнейшего изложения, под «бегством» понимается невозвращение к указанному ранее сроку.

III.1.34. И. Я. Мейер и Р. П. Кангле читают сутру следующим образом: pretasya vyasanino vā sākṣivacanāṃ asāgam — и, ссылаясь на Ману (VIII.108), переводят: «Свидетельское показание того, кто [вскоре] умер или с кем случилось несчастье, недействительно». Однако такое толкование не только требует исправления рукописной традиции, но и делает сутру полностью выпадающей из контекста. Она явно связана с предшествующей (ср. КА III.13.8: niṣpatitaretavyasaninām) и предусматривает случай, когда ответчик умер или стал недееспособным за те полтора месяца, которые были даны ему для подготовки ответа на иск. Вероятно, в этом случае дело решалось в соответствии с показаниями свидетелей (sākṣivacanāḥ). Возможно чтение sākṣivacanāt — «согласно показаниям свидетелей», предлагаемое И. Я. Мейером в приложении к переводу (ср. III.11.43).

III.1.35. *Несостоятельного* (asāgam) — ср. КА III.11.10. Это слово, на наш взгляд, принадлежит не 34-й сутре, как в издании Р. П. Кангле, а 35-й. Тут оно совершенно необходимо по смыслу — принуждение ответчика к работе связано именно с его несостоятельностью. Государство должно сразу получить штраф; эту сум-

му возмещает выигравший тяжбу истец, а затем заставляет ответчика ее отрабатывать (ср. Брихаспати X.105).

III.1.36. Согласившегося отдать себя в залог — читаем sakāmat. Sa kāmat неудачно по смыслу, ибо вряд ли способ удовлетворения кредитора определялся желанием должника. Коль скоро у последнего было имущество для внесения залога, он уже не являлся несостоятельным. Употребление термина ādhi — «залог» в значении āhitaka — «заложный» встречается в дхармашастрах, например у Катьяяны. Так же толкует текст Ганапати Шастри. Ср. упоминание КА III.12.5 и 7 о смерти вклада (upanidhi) или побуждении его к бегству. Поскольку ответчик является несостоятельным, упоминаемый здесь ādhi, несомненно, свободный человек. А свободный человек не может быть отдан в залог против его воли (ср. III.13), он должен изъявить согласие стать «заложным».

III.1.37. В 35-й сутре несостоятельный ответчик возмещал истцу уплаченный последним за него штраф. В данной сутре речь идет, очевидно, об отработке исковой суммы. Несомненно, исключение для брахмана означает, что его нельзя принуждать к отработке долга. Аналогий достаточно много в сутрах и шастрах (см. Ману IX.229, Яджнавалкья II.34).

После совершения обрядов защиты от ракшасов (rakṣoghnaṛakṣitam) — обряды защиты от злых духов-ракшасов упоминаются также в IV.3.40. Ганапати Шастри толкует rakṣoghnaṛakṣā как обряд посыпания на голову белой горчицы во избежание вреда, который может быть нанесен работодателю тем, кто трудится на него без вознаграждения.

III.1.38. Нарушаются все дхармы (naśyatām sarvadharmānām) — близкий текст содержится у Нарады (Вв. I.1). Речь идет о нарушении первоначальной гармонии в мире, несоблюдении людьми традиционных правил и обычаев, что делает необходимым установление института царской власти, наводящей порядок с помощью наказания.

Приводит в движение дхарму (dharmaṇpravartakaḥ) — по-видимому, поддерживает дхарму — космический и религиозно-нравственный закон посредством судопроизводства. Вряд ли нужно придавать этому выражению смысл «создает дхарму» в значении юридических правил, законов.

Порядка (āśāga) — подразумевается образ жизни той или иной общественной группы.

Мира, состоящего из четырех варн и ашрам — традиционное описание брахманского общества, разделенного на варны брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр; благочестивый представитель первых трех варн (дваждырожденных) проходит четыре ашрамы (стадии жизни): ученика, домохозяина, отшельника и аскета.

III.1.39—40. Аналогичные тексты есть у Нарады и Брихаспати. Они вызывают различные толкования в научной литературе. Возможно, имеется в виду следующее: если предъявляется иск (или обвинение), то спор может быть завершён откровенным признанием другой стороны (что согласуется с дхармой — истиной). Коль

скоро этого не происходит, начинается судебное разбирательство, где дело решают свидетельские показания. При отсутствии свидетелей обращаются к обычаю и мнению людей. Если они неединодушны, то окончательное решение принимает царь. Подробно этот вопрос разбирается в работе Р. Ланге [160].

III.1.43. Обычаю (samsthā).

Установлению (пуāуа) — исходя из предшествующего текста, можно думать о близости понятий caritra и samsthā (обычай), а также śāsana и пуāуа (царский указ).

III.1.44. Судная книга (śāstraṃ vyāvahārikam) — не совсем ясно, что имеется в виду. Допустимо сопоставление этой шлоки с текстами дхармашастр, где речь идет о противоречии между дхармашастрой и артахашастрой (Яджнавалкья II.21, Нарада I.47—49, ср. [77]).

III.1.46. Очевидная вина — если виновный пойман на месте преступления.

Собственное признание (svayaṃvāda) — ср. III.1.31.

Рассмотрение (anuyoga) — допрос (ср. III.11.49; 20.17; IV.8).

Логика (hetu) — в качестве примера Ганапати Шастри приводит случай, когда человек, обвиненный в прелюбодеянии, докажет, что он евнух.

Клятва (śapatha) — иногда в этом видят также указание на божий суд — ордalii (например, Ганапати Шастри). Р. П. Кангле считает, что стихи восходят к разным источникам и содержат противоречия (ср. III.1.39 и 44).

III.2.1. [Изложение] предметов судебного разбирательства (vyāvahāra) — речь идет прежде всего о порядке изложения, принятом в данном тексте (первые главы III книги посвящены брачно-семейному праву), однако сутра может иметь и более широкий смысл. С брака начинается стадия жизни домохозяина — основная из ашрам; он же, как правило, является и первым юридическим действием, совершаемым человеком по достижении совершеннолетия. Поэтому можно понимать сутру и так: «Брак лежит в основе и предваряет все юридические действия» (см. комментарий Ганапати Шастри, ср. КА I.15.2 mantrarūgvāḥ sarvāgambhāḥ — «в основе всех начинаний лежит совет»).

III.2.2—9. Даются традиционные определения восьми форм брака. Аналогии в дхармашастрах многочисленны. Формы брака перечисляются по иерархии — с наиболее одобряемых и до порицаемых. Их названия восходят к именам мифологических персонажей: «брахма» — связанная с Брахмой, свойственная брахманам; «праджапатья» — связанная с Праджapati (трудноотличимо от брахмы, как и Брахма от Праджapati); «арша» — ассоциирующаяся с риши — древними мудрецами, творцами ведийских гимнов; «дайва» — связанная с богами — дева; «гандхарва» — присущая гандхарвам — небесным музыкантам; «асура» — связанная с асурами — титанами, противниками богов; «ракшаса» — присущая воинственным демонам-ракшасам; «пайшача» — отвратительным бесам-пишачам.

III.2.2. Дарение девушки (kaṇuāḍānaṃ) — формула по сути, относится ко всем первым четырем формам брака.

с украшениями (kaṇuāṃ alaṃkṛtya) — допустимо считать указанием на приданое.

III.2.10. Дхармическими (dharmyāḥ) — подразумевается не законность в юридическом смысле, а святость, согласно догмам брахманизма.

III.2.11. Шулку — т. е. брачный выкуп.

III.2.12. Женищина (strī) — имеется в виду невеста.

Вторую шулку — см. гл. 2 (1).

III.2.13. При всех [формах брака] (sarveṣāṃ) — см. гл. 2 (1).

«Дар любви» (prītyāgoraṇa) — ср. в дхармашастрах prītidānam (Ману IX.194). Связь 13-й сутры с предыдущей не вызывает сомнений, как и то, в частности, что выражение prītyāgoraṇa (букв. «вызывание любви») указывает на цель уплаты второй шулки. Комментарий «Бхашавьякхьяна» отождествляет prītyāgoraṇa со второй шулкой.

Р. П. Кангле переносит выражение «Это — „Дхарма брака“» (iti vivāhadharmāḥ), стоящее в рукописях после 18-й сутры, помещая его после 13-й сутры. Однако сутры 14—18 тесно связаны с предшествующими и определяют права распоряжения женским имуществом (стридханой) в период брака и в зависимости от его формы. Сутры 14—15, ограничивающие размер стридханы, определяют и размер шулки (брачного дара). В «установлении о стридхане» (III.2.19—37) говорится только о судьбе стридханы после смерти одного из супругов. Думается, нет достаточных оснований для исправления рукописной традиции.

III.2.14. Стридхана (strīdhana) — см. гл. 2(1).

III.2.15. Аналогичные ограничения размеров стридханы встречаются в дхармашастрах.

III.2.16. Тратит (bhoktum) — имеется в виду, конечно, не пользование, а распоряжение, трата. Пользование стридханой, естественно, возможно и в иных случаях. Р. П. Кангле предлагает переводить ātmaputrasnuṣābharmāṇi как «содержание собственного сына и снохи», считая, что о самой жене речь идет далее (если муж уехал, не обеспечив семью средствами). Однако пояснение «собственного сына и снохи» кажется странным. Кроме того, вопрос о содержании мог возникнуть только при отсутствии мужа — главы семьи. Поэтому представляется, что здесь описаны не две ситуации, а одна (на кого можно расходовать имущество жены и когда, если муж уехал, не обеспечив семью).

После рождения детей (mithunaṃ prajātauḥ) — букв. «пары» (mithunaṃ). В дхармашастрах аналогий не встречается.

III.2.17. Не может быть вчинен иск по поводу того, что тратилось мужем в течение трех лет без возражения со стороны жены (Р. П. Кангле). По смыслу 16-я и 17-я сутры связаны — иск не предъявляется в случае совместных расходов стридханы супругами в течение трех лет (см. коммент. «Бхашавьякхьяна»).

III.2.18. То и другое (ubhayaṃ) — исходя из предшествующего

текста можно думать, что речь идет о частях женского имущества — стхавья и украшениях.

С процентами — т. е. истраченное рассматривается как взятое взаймы.

III.2.19. Желаящая соблюдать дхарму (dharma-kāṁ) — судя по контексту, хранящая верность покойному мужу (ср. КА III.2.26—27).

Тотчас же (tadānīm eva) — противопоставляется niveśakāle в 21-й сутре.

Стхавья, украшения и остаток шулки (sthāvyābhagaṇaṁ śulka-śeṣaṁ) — Ганапати Шастри понимает под «шулкашеша» то, что осталось от шулки после использования ее супругами. И. Я. Мейер считает, что имеется в виду не выплаченный еще остаток шулки, поскольку она давалась по частям.

III.2.20. То и другое (ubhayaṁ) — должно означать, видимо, стхавья и украшения. Правило о возвращении стридханы касается, вероятно, только бездетной вдовы; о той, что имеет детей, говорится далее (КА III.2.28—32).

III.2.21. Желаящая иметь семью (kuṭumbakāṁ) — Ганапати Шастри толкует «желая иметь детей». Но в КА III.4.37—42 говорится, что вторично выходит замуж и та, которая имеет детей.

III.2.22. Ссылка на КА III.4.37—41.

III.2.23. Данное свекром и мужем (śvaśurapatidattam) — возможно, подразумеваются шулка, подарки после заключения брака и пр.; следовательно, понятие более широкое, чем собственно стридхана. В то же время оно явно не включает то, что дано родственниками жены (bandhubhirdattam — КА III.2.37). Вероятно, последнее женщина получает при любых обстоятельствах.

III.2.24. Из-под опеки родственников [мужа] (jñāti-hastād) — hasta (букв. «рука») — власть (ср. с латинским manus).

Что взяли (yathāgṛhītaṁ) — все вообще, принадлежащее женщине.

III.2.25. Приходящей на законных основаниях (nyāyopagatāyāḥ) — т. е. согласно правилам, изложенным далее (КА III.4.38—42).

Охраняет (gorāyēt) — т. е. пользуется ее собственностью без права отчуждения или хранит без права пользования.

Принимающий (pratipattar) — вероятно, второй муж вдовы.

III.2.26. Наследство [первого] мужа (patidāya) — термин dāya может означать и «наследство», и «дар». Поскольку раньше речь шла о том, что дано свекром и мужем, dāya здесь следует понимать как «наследственная доля». Допустимо сопоставить это место с сутрой III.5.28, где речь идет о том, что при отсутствии наследников имущество покойного отходит в казну, за вычетом необходимого для содержания вдовы. Женщина, таким образом, хотя и не является полноправной наследницей мужа, получает часть наследства, по крайней мере при некоторых обстоятельствах (ср. Катьяяна 924: «После смерти мужа пусть сохраняющая семью жена получит пожизненно наследство мужа, но не право собственности, включающее право дарения, заклада и продажи»). Правда, у На-

рады XIII.8 упоминается в составе стридханы «дар мужа» (bhartṛdāya), но в данном случае указание о нем было бы лишним.

III.2.33. *Пользуется* (bhuñjīta) — согласно буквальному смыслу слова, разрешается владение имуществом, но не безусловное им распоряжение на правах собственности.

III.2.37. *Дано ими после свадьбы* (anvādheya) — Ганapati Шастри толкует «то, что принесено из дома отца» (pitṛgrhāhita). Здесь видна синонимичность терминов bandhu и bāndhava (ср. КА III.1.17.17).

III.2.38. Трудно уловить различие между aprajāyatānā — «не рождающая», arutṛā — «бездетная» и bandhyā — «бесплодная». Bandhyā — «неспособная к зачатию». А первые два слова можно рассматривать вместе — «та, что не может родить, [притом что] не имеет детей [после смерти ребенка]» (ср. комментарий Р. П. Кангле, ср. КА II.29.8: aprajātā vandhyāśca).

III.2.40. *Откупную сумму* (ādhivedanikaṃ) — выплата первой жене за взятие в дом второй жены.

III.2.41. *Если же шулки и стридханы нет, то их возмещение* (aśulkastridhanāyās tatpratāṇam) — см. Яджнавалкья II.148.

III.2.44. В следующих сутрах перечисляются исключения из этого правила как для мужчин, так и для женщин.

III.2.45. *Не принуждает* — букв. «против желания жены». Akāmam, несомненно, относится ко всем случаям.

Желает соблюдать дхарму (dharmaakāmam) — здесь: целомудрие, отказ от брачной жизни. По смыслу это предложение не может быть однородным членом в перечислении, а должно быть связано с «имеющей детей». Не имеющая детей и могущая их иметь, конечно, не может стать «дхармакама».

III.2.48. *До низкого состояния* (nīcatvam) — очевидно, по кастовой принадлежности.

Государственный преступник (gājakilbiṣin) — возможно, следует понимать как одно выражение с paradeśam prasthito — «бежавший в чужую страну».

III.3.1—2. Судя по колофону главы, эти две сутры составляют тему «повиновение» (śuśṛṣā), но общий смысл темы остается неясным. Поскольку сутры входят в раздел, связанный с браком, речь должна идти о повиновении младших членов семьи главе ее (а не вообще «кому должно повиноваться», как думает И. Я. Мейер). О том, что дела о неповиновении младших родственников главе семьи могли разбираться в царском суде, свидетельствует сутра КА II.1.25: «Пусть [царь] приводит к повиновению [главе семьи] рабов, заложенных, родственников» (dāsāhitakabandhūn aśṛṇvato gājā vipayaṃ grāhayet). Опираясь на текст заключительных сутр предыдущей главы, Р. П. Кангле пришел к выводу, что под «повиновением» нужно понимать выполнение супружеских обязанностей. Нам кажется, что это маловероятно (и по значению слов, и по месту сутр в тексте, и по сути дела).

III.3.3—6. Эти сутры составляют тему «содержание», алименты.

Из 6-й сутры видно, что речь идет о содержании жены (ср. III.4.17). 5-я и 6-я сутры также показывают, что имеется в виду содержание жены, оставленной мужем (упоминание адхиведаники, вхождение жены в семью свекра). В данном случае женщина может получить долю при разделе имущества (*vibhaktā*) и, по-видимому, жить самостоятельно или войти в семью свекра (*śvaśugakularaviṣṭā*). В том и другом случае муж не обязан ее содержать. Не возникает эта проблема и тогда, когда жена получает от мужа шулку, стридхану и откупную сумму за взятие другой жены (ср. КА III.2.41). Если же первая остается в семействе мужа, не получая ни доли имущества, ни шулки, ни стридханы, ни откупной суммы, муж должен обеспечить ей необходимое и приличное содержание как младшему члену семьи (*grāsācchādanam* — ср. КА III.5.32). Содержание он может выдать в течение определенного времени или сразу, если срок содержания жены установлен. Выражение «в достаточном количестве с особыми выплатами» (*yathāpuruṣaragivāraṃ saviśeṣam*) нам кажется пояснением предшествующего *grāsācchādanam vā'dhikam* (*saviśeṣam* — ср. КА I.8.13; 18.3, II.9.9). *Vā* употреблено, видимо, в усилительном значении (ср. КА III.2.47). *Grāsācchādanam*, вероятно, несколько уже, чем *bhagman*, ибо первое предполагает только натуральное обеспечение, а второе может быть выплачено частями в срок, т. е. в денежной форме. Выражение *yathāpuruṣaragivāraṃ* можно было бы перевести «в соответствии с имуществом мужа» (как у Р. Шамашастри), однако в сутре КА II.24.28 оно означает, видимо, «сколько требуется человеку», «в достаточном количестве». «Паривапа» в значении имущество — см. КА III.6.6—8, ср. КА I.16.5. Допустимо сравнить это с выражением «соответствующие средства существования» (III.2.41).

Проблема содержания тесно связана с вопросом как о второй женитьбе и оставлении первой жены, так и о разводе (КА III.3.12—19). Тема «послушание», возможно, связана с темами «наказание за неповиновение» (КА III.3.7—11) и «нарушение заповедей мужа» (III.3.20). Указание на возраст, при котором дети считаются совершеннолетними, в тексте о разводе и алиментах кажется уместным, если алименты выплачиваются на детей, остающихся с матерью. Однако о том, что ребенок может остаться с матерью, в тексте не сказано.

III.3.4. Полностью (*bandham*) — перевод условный. Сравнение с текстом III.9.20; 11.7; 12.16 свидетельствует, что это слово всегда употребляется при подсчетах (чистой прибыли, дохода, долгов и т. д.). Допустимо предполагать, что, когда срок содержания установлен, оно может быть выплачено одновременно (с учетом процентов).

III.3.7. Уча ... послушанию (*vinayagrāhaṇam*) — т. е. приведение к повиновению (*śuśrūṣā*) (ср. цитированный выше текст КА II.1.25).

III.3.9. О величине штрафов см. КА III.18—19.

III.3.10—11. Текст, возможно, испорчен, рукописи предлагают разные варианты чтения. Поскольку весь отрывок III.3.7—11 посвя-

щен «оскорблению» (rāgiṣya), постольку в 10-й сутре речь должна идти об оскорблении женой мужа. Выражение *śadeva* показывает, что на жену налагается такое же наказание, как и на мужа, т. е. штраф вдвое меньше обычного штрафа за оскорбление. Однако жена не может быть вполне уравнена с мужем, ибо она ему должна оказывать повиновение. Следовательно, в 10—11-й сутрах подразумевается ситуация, когда есть смягчающее вину жены обстоятельство. Слово *īṣyauā*, несомненно, должно принадлежать 10-й сутре. Жена оскорбляет мужа словесно или физически из ревности, причем ревность эта обоснована, так как ей стала известна его вина (*prasiddhadoṣāyāḥ*). Р. П. Кангле переводит: «...такое же наказание для женщины, чья вина по отношению к мужу хорошо известна». При этом толковании назначение половинного штрафа неоправданно.

Как указан [далее] — ссылка на текст КА III.3.21—24.

Хождение вне дома (*bāhyavihāra*) — тождественно *vihāragataṇa* (КА III.3.21).

[Запирание] дверей [перед мужем] — тождественно *bharturadāne dvāgasya* (КА III.3.23). То и другое рассматривается как оскорбление мужа (возможно, тоже вызванное ревностью).

III.3.12. *Ненавидящая* (*dviṣatī*) — т. е. просто не желающая жить с мужем (ср. КА II.27.20).

Делить ложе с другой — видимо, не требуя «откупной суммы».

III.3.13. *Анвадхи* — наверное, родственники, которые платят анвадхею (КА III.2.37).

III.3.14. *В случае явного уклонения от сожительства* — ср. КА II.27.21.

Выслеживания равным по положению человеком (*savarṅārasarporagame*) — ср. КА II.9.12, 30 и др.

III.3.17. *Что было взято* (*yathāgrhītaṃ*) — ср. КА III.2.14. Р. П. Кангле в комментарии к переводу высказывает предположение об ошибке в рукописях и противоположном смысле 17—18-й сутр, т. е., если развод по вине мужа, тот должен платить стридхану, если по вине жены — не должен платить.

III.3.19. Таким образом, предшествующий текст 13—18-й сутр относится только к последним четырем формам брака.

III.3.26. *Зубами и ногтями* — любовные ласки, часто упоминаемые в индийской литературе.

III.3.27. *На торговой площади* (*paṇasthāne*) — толкование этого словосочетания «вместо денег», с нашей точки зрения, неудачно, поскольку дальше предусматривается замена телесного наказания денежным штрафом (*paṇikaṃ grahāṇ — КА III.3.29*). В 27—28-й сутрах определяется телесное наказание и, значит, речь идет не о замене им денежного штрафа, а о телесном наказании за определенное преступление. Сама по себе беседа в сомнительном месте вряд ли настолько предосудительна, что должна повлечь именно такую кару (ср. КА III.3.25 — умеренный штраф в 24 паны). 27-я сутра должна быть прямо связана с 26-й (и действительно соединена с ней союзом *ca*). Телесное наказание предусматри-

вается потому, что здесь налицо признаки прелюбодеяния. Raṇasthāne не следует переводить «вместо денег», так как именно размер денежного штрафа в данном случае не указан (штраф, установленный в 26-й сутре, не может относиться к 27-й).

III.3.28. Посреди селения — т. е. перед лицом всей деревни.

III.3.30. Дешевых предметов — ср. КА III.17.6—9.

III.3.31. Не могут быть любовниками (agamyā) — поскольку являются родственниками (ср. III.4.17—19).

Деловые отношения (vyavahāra) — если это небезвозмездная услуга (уракāga), как в предшествующей сутре, а сделка, штраф уменьшается вдвое.

III.3.32. Проступка (aticāga) — так называются проступки, перечисленные в сутрах 20—29, однако бóльшая часть их не приводит к потере прав на стридхану. Здесь должна идти речь только о собственно прелюбодеянии. О «ненавидящей царя» (rājadvistā), во-первых, вовсе не говорится в тексте, во-вторых, по смыслу это выражение выглядит странным. Не лучше ли толковать в данном случае термин gājan не как «царь», а как «господин», «муж» и таким образом связать его с сутрой III.3.12? Употребление слов «муж», «господин» применительно к царю и сопоставление его с домовладыкой весьма часты, но случаи приложения термина «царь» к хозяину дома нам неизвестны (ср., однако, III.16.32). Шлока намекает на содержание следующей главы — об уходе жены из дома мужа, однако там не применяется употребленное здесь выражение ātmāprakramaṇa (уход от самого — т. е. мужа, хозяина). Термины ātman, svāmin и gājan часто синонимичны. Поскольку стридхану и шулку женщина получает от членов семьи мужа, термин āpita нужно, видимо, толковать как «принесенное [из родительского дома]». Однако в прозаическом тексте почти не упомянуты случаи, когда женщина теряет права и на эту часть своего имущества (пожалуй, кроме III.3.18, где она выступает инициатором развода).

III.4.2. Запрещено (pratiṣiddha) — т. е. если муж специально предостерегал жену.

III.4.4. Переводим в соответствии с явным параллелизмом понятий prātivēśika и avakāśa, bhikṣuka и bhikṣā, vaidehaka и raṇya.

III.4.9. Сукхавастха — букв. «ручающийся за благополучие». По-видимому, какая-то категория родственников мужа, участвующих в заключении брачного договора. В случае отъезда мужа, не оставившего жене средств существования, они обязаны содержать последнюю (III.4.26), и от них зависит возможность второго брака женщины (III.4.30). Термин avastha — «ручающийся» см. II.8.29, III.1.17.

» *Авадхи* — ср. комментариев к III.3.13.

Если там нет мужчин (ariguṣam) — конечно, имеются в виду мужчины, могущие быть ее любовниками.

III.4.13. Беды (vyasana) — смертельная болезнь и пр.

III.4.17. Который мог быть ее любовником (gamuena) — т. е. не родственник (ср. III.4.19).

Лишается положения законной жены (sarvadharmalopa) — т. е. прав на совершение совместно с мужем жертвоприношений и т. д. III.4.18. *Равен (tulya)* — очевидно, по варне.

III.4.21. *Прелюбодеянием (samgrahaṇam)* — подлежит ведению прадештаров, и потому в данном случае нет указаний величины штрафов, накладываемых на виновных (см. IV.13.32 и сл.).

III.4.24. *Год и больше (samvatsarottaram)* — т. е. шудру жена ждет год, вайшью — на год больше и т. д.; если есть потомство, то соответственно два, четыре, шесть и восемь лет.

III.4.26. По-видимому, устанавливается максимальный срок, в течение которого сукхавастхи обязаны содержать женщину: четыре года — в случае, если это брахманка, не имеющая детей, и восемь лет — если брахманка с детьми. После этого женщину содержат (ее?) родственники — jñāti, и она может вторично выйти замуж.

III.4.27. *Взяв, что было дано (yathādattamādāya)* — возможно, речь идет о возвращении ею имущества, которым она пользовалась.

III.4.28. *Ушедшего на царскую службу (gājariguṣam)*.

III.4.29. Относится только к жене ушедшего на царскую службу.

III.4.30. *Для поддержания жизни в крайних обстоятельствах (jivītarthamāpadgatā vā)* — вероятно, следует рассматривать как единое выражение, указывающее на случай, когда не требуется разрешение сукхавастхи на вторичный брак (если сукхавастха не в состоянии содержать женщину). Исходя из сутры III.2.23, где предусматривается согласие свекра на вторичное замужество вдовы, можно думать, что сукхавастха — понятие, либо обозначающее родителей мужа, либо включающее их.

III.4.31. В одной из рукописей — vivāhāt pūrvam, т. е. «перед браком», что полностью отвечает смыслу сутры.

Жениха (parigrahītar) — букв. «получающего в дар» (ср. III.2.2 и далее о «дарении девушки»).

III.4.32. *Ничего не слышно (asṅgūyatāṇam)* — и по истечении указанного срока возвращения.

III.4.37. Таким образом, ушедшего на короткое время жена ожидает значительно дольше, чем ушедшего на долгий срок. По существу, в последнем случае говорится не о сроке ожидания мужа (речь идет и о покойном), а о сроке, до истечения которого не следует вторично выходить замуж. Предполагается, что по смыслу под «ушедшим на долгий срок» (dirghapravāsin) понимается «ушедший навсегда». Это поясняется выражением «ставший отшельником или умерший».

III.4.39. *Наиболее близкому (pratyāsannaṁ)* — видимо, по возрасту.

III.4.40. *К сапиде или кулье* — см. гл. 2 (1).

III.4.42. *Наследников (dāyādān)* — лиц, имеющих право как на жену, так и на имущество умершего.

III.5.1. *Несамостоятельны (anīśvaraḥ)* — т. е. не являются собственниками семейного имущества.

Находящиеся под отцовской властью (pitṛmantah) — не просто при жизни отца, а именно не выделившиеся из его семьи (ср. III.1.12).

III.5.4. В той части имущества отца, что переходит [из поколения в поколение] без раздела (pitṛdravyādavibhaktopagatānām) — прежде всего недвижимость. Ср. цитату из Ушанаса в коммент. Виджнянешвары к «Яджнавалкья-смирти» (II.118—119): avibhāyaṃ sagotrāṇāmāsahasrakulād api yāyaṃ kṣetraṃ ca patrāṃ ca kṛtānamudakaṃ strīyaḥ — «не подлежит разделу между саготрами, даже если их тысяча семейств, предназначенное в жертву и поле... приготовленная еда, вода и женщины».

До четвертого колена — т. е. дети, внуки и правнуки.

III.5.5. Нераздельно (avicchinna) — т. е. общему предку.

III.5.6. Совершающие отдельные поминальные жертвоприношения (vicchinnaṇḍa) — т. е. не являющиеся сапиндами, приносящие пинду разным предкам в четвертом колене.

III.5.7. Речь идет о братьях, объединившихся в одну семью, см. гл. 2(1). Раздел между ними совершается заново (поровну), без учета того, что каждый из них первоначально внес в качестве своей доли в общее имущество (ср. Ману IX.210).

III.5.8. Положение, встречающееся в дхармашастрах. Тот, кто действовал увеличению семейного имущества, получал двойную долю при разделе.

III.5.9. В этой сутре речь идет все еще о братьях, объединившихся в одну семью. Имущество бездетного берут родные братья (собственно «единоутробные» — sodarya), если таковых нет — все братья, живущие совместно (sahajivino) и незамужние сестры (kaṇvā).

Ка́нья — не обязательно девушка, как свидетельствует выражение kaṇvāgarbha — «ребенок от канья» (III.7.10), но она не замужем. В данном случае aputra значит, вероятно, «бездетный», и, следовательно, kaṇvā могут приходиться ему только сестрами. Это подтверждается данными дхармашастр. Незамужние сестры, видимо, участвуют в разделе имущества на равных правах с братьями, но лишь при отсутствии единоутробных братьев.

III.5.10. Рожденные в дхармических браках дочери (dharmistḥeṣu vivāheṣu jātāḥ) — дочери могут наследовать лишь в случае отсутствия сыновей. В дхармашастрах нет предписаний, ставящих их наследственные права в зависимость от формы брака. Мы не уверены в правильности принятого чтения — не следует ли читать vā adharmistḥeṣu «в недхармических браках» (т. е. в последних четырех, когда сохранялись теснейшие связи замужней дочери с семьей родителей).

III.5.11. При отсутствии таковых (tadabhāve) — т. е. имущество бездетного. Здесь ясно видно, что предусматривается иная ситуация, чем в 9-й сутре.

III.5.12. Если кого-либо из братьев нет в живых, то их сыновья получают наследство наряду с оставшимися в живых братьями умершего.

III.5.13. Сутра явно связана с предыдущими. Поскольку отец, согласно 11-й сутре, получал все имущество, а не одну долю, как в 13-й сутре, та же ситуация предполагаться не может. Кажется вероятным, что сыновья братьев 12-й сутры соответствуют братьям

13-й. Раздел имущества совершается по поколениям, и в случае, если одного из братьев покойного нет в живых (apitṛkā), его дети (bhṛātāro) и внуки (bhṛātṛputrāśca), сколько бы их ни было (bahavo'pi), имеют право лишь на ту долю, которую должен был получить их отец и дед — брат покойного (pitṛekamaṃśam).

III.5.14. Сутра предполагает вторичное замужество вдовы и наличие общего хозяйства, которое вел, видимо, второй муж. При разделе имущества дети от первого и второго браков получают не равные доли, а то, что должно было принадлежать их покойным отцам.

III.5.15. pitṛbhṛātṛputrāṇām pūrve vidyamāne nāpāram avalambante jyeṣṭhe sa kaniṣṭham arthagṛāhiṇam. Вероятно, предусматривается конкретная ситуация — смерть одного из братьев, на которого ориентированы и перечисленные термины родства. Сын (putra) — очевидно, сын брата (bhṛātṛputra), как в предыдущих сутрах, поскольку сыновья в любом случае первыми получают наследственную долю.

III.5.17. Без причины (akāraṇād) — вероятно, имеются в виду причины, указанные ниже (III.5.30).

III.5.19. О наступлении совершеннолетия см. III.3.1.

III.5.20. Долгов (deya) — того, что вообще должно быть отдано, не обязательно кредитору. Во избежание злоупотреблений имущество передается незаинтересованным лицам — родственникам матери, выступающим опекунами несовершеннолетнего наследника.

III.5.21. Столько же имущества, сколько [было дано] имеющим семью (saṃniviṣṭasamam... naiveśanikam) — расходы на свадьбу, брачный выкуп, дары и т. д.

Незамужним [сестрам] для вступления в брак (kanyābhyāśca grādānikam) — очевидно, приданое и свадебные расходы.

III.5.23. Так говорят учителя (ityāścāryāḥ) — частая в «Артхашастре» ссылка на мнение предшествующих авторитетов. В данном случае они настаивают на необходимости формального акта раздела, свидетельствующего о распаде единой семьи.

III.5.28. Что необходимо для существования вдовы (strīvr̥tti) — по-видимому, часть имущества мужа, а не стридхана, которая вообще не может быть причислена к его имуществу.

III.5.31. Не подобные им — не имеющие таких же недостатков.

III.5.32. На еду и одежду (grāsāschādanam) — т. е. на содержание.

III.6.1. Символический смысл этого правила очевиден: брахманы приносят коз в жертву, кшатрии используют коней на войне, вайшьям коровы нужны для ведения хозяйства.

III.6.5. Ушанас — один из авторитетнейших учителей артхашастры.

III.6.6. Излагается иной вариант определения добавочной доли старшего сына.

III.6.7. Единичное имущество делится поровну (ekadravyasya... samo vibhāgaḥ) — т. е. равные права на пользование колодцем, трудом общей рабыни и т. д.

III.6.8. Сестры (bhaginiyaḥ) — дочери покойного при наличии у того сыновей (ср. III.5.10).

III.6.9. Бесхозяйственный (māpuṣaḥīna).

III.6.13. Сын той, которая вышла замуж девицей, будет считаться старшим, независимо от возраста.

III.6.14. Сута, магадха, вратья, ратхакара — названия каст.

По принципу господства (aiśvaryaṭo) — видимо, один из сыновей (независимо от старшинства), способный продолжать дело отца, занимает его место, а остальные ему подчиняются. Если никто не в состоянии быть таким господином, имущество делится поровну.

III.6.22. Парашава — сын брахмана от шудрянки.

III.6.23. Речь идет о брахмане, который не имеет родственников и единственный сын его — от шудрянки.

III.6.24. Шлока связана с предыдущей сутрой.

По поручению (piyukta) — по обычаю нийоги. Поручение дает сам муж или старшие родственники; выполняет родственник матери или член той же готры, поскольку ни сапинды, ни кульи в данном случае нет.

На его «поле» — т. е. от его жены (ср. III.7.1 и далее).

III.7.2. Полемика по этому вопросу широко отражена в литературе дхармашастр.

III.7.4—18. Аналогичные перечни двенадцати видов сыновей часто встречаются в дхармашастрах.

III.7.5. «Путрики» — девушки, выдаваемой замуж с условием, что ее дети будут считаться детьми ее отца (ср. Ману IX.127).

III.7.6. Другой готры — очевидно, готры свекрови (ср. III.6.24).

III.7.7. Принадлежит к двум готрам — в случае, если настоящий родитель был другой готры (ср. выше).

III.7.8. Та же дхарма — т. е. к нему относится предыдущая сутра.

III.7.9. Обряды — санскары, прежде всего посвящение (упанаяна).

III.7.13—14. Сын женщины, вторично вышедшей замуж, в любом случае наследует мужу матери, но его родственникам только в том случае, если он родной его сын, а не усыновленный ребенок от первого брака матери.

III.7.15. «Датта» наследует имущество только усыновившего, но не его родственников.

III.7.20. О том, что дети от женщины более низкой варны признаются принадлежащими к варне отца, говорится и в других индийских текстах (см. [74]).

III.7.21—39. Далее идет хорошо известное из дхармашастр традиционное описание возникновения смешанных каст в результате брачных связей лиц разных варн и нарушения обрядов. Предлагаемое объяснение происхождения каст, естественно, не отвечает действительности. Включение его в текст определяется исключительно положением наследственного права о том, что наследниками являються только дети, принадлежащие к варне отца (III.7.19). Стиль этого отрывка несколько отличается от обычного для III книги КА, и Р. П. Кангле склонен считать интерполяцией 38-ю и ряд других сутр.

III.7.25. По порядку (anuloma) — если жена ниже мужа по варне.

III.7.29. Пояснение дано с целью избежать смешения колесничих и придворных сказителей эпоса (ср. V.3.13) с одноименными представителями каст, занимавшими довольно скромное место в кастовой иерархии.

III.7.30. «*Вопреки порядку*» (pratiloma) — если жена выше мужа по варне.

III.7.31—34. Перечисление каст, возникающих в результате смешения внутри самих «смешанных каст» (термин antarāla, видимо, относится только к ним, иначе появится противоречие с содержанием сутр III.7.39 и III.6.17—21).

III.7.35. Исправление варианта рукописей vaiṣṇu на vaiśya (Р. П. Кангле) совершенно неоправданно. Эта сутра указывает на занятия представителей «смешанных каст» (ср. Ману X.47—49). О рагхакаре говорится, возможно, потому, что он назван ранее (III.6.14). Кроме того, упоминание традиционных занятий подводит к общей формулировке следующей сутры.

III.7.36. У них — у представителей всех каст.

Наследственность [занятий] и традиционный образ жизни (rūgvāraḡāmitvaṃ vṛttānurvṛttaṃ ca) — букв. «переход [занятий?] от предыдущего [поколения?] к последующему и образ жизни, повторяющий образ жизни [предков?]

III.7.39. Не вполне согласуется с III.6.14—15.

III.8.1. *Споры о недвижимости* (vāstuvivādāḥ) — термин vāstu многозначен, но в данном контексте он является синонимом bhūmiparigraha (III.9.1, 3) — «участок земли, кому-либо принадлежащий и используемый».

Указаний соседей (sāmantapratyaya) — о термине sānanta см. гл. 2(2). В «Артхашастре» pratyaya означает «показания», «решение», «усмотрение», «ответственность» (см. III.9.24 — «на основе показаний свидетелей», III.12.14 — «по усмотрению залогодержателя», III.14.34 и II.36.5 — «по собственному усмотрению» и «на свою ответственность»; см. также II.28.27; VIII.4.33 и др.).

III.8.2. *Дом* (gr̥ha) — как явствует из контекста главы III.8, имеется в виду вся территория домовладения, двор, огороженный стеной.

Поле (kṣetra) — здесь, видимо, всякая возделываемая земля, включая собственно kṣetra — неорошаемое поле (см. III.9.15, 27; 10.5.8; III.17.9), kedāra — орошаемое поле (III.9.27, 29), разного рода сады и огороды puṣṣarphalavāṭaṣaṇḍa (II.6.5; 4.25 и др.). Возможно, понятие kṣetra в данном случае охватывает и луговое пастбище (vivīta). О нем говорится в главе vāstuka (III.10.22 и сл.) и, судя по kṣetrapathahiṃsā после III.10.34, vivīta относится к kṣetra.

Роща (āḡāta) — перевод условный, имеется в виду плодовый сад и т. п. (см. III.9.3, 28, 35).

Оросительное сооружение (setubandha) (см. II.1.22, ср. III.9.3, 28, 32, 33), обычно дамба.

Пруд (taṭāka) — см. III.9.3, 29, 31, 33, 35. Мог быть искусственного происхождения (III.9.33 и др.), небольшого размера (III.9.31).

Воду из такого пруда выпускали на расположенные ниже поля (III.9.29).

Водоем (ādhāra) — см. III.9.3, 27. Возможно, различие между ādhāra и taṭāka заключалось в том, что из водоема воду нужно было черпать. В «Митакшаре» — комментарии Виджнянешвары к «Яджнавалкья-смрити» (II.118—119) ādhāra толкуется как «колодец» и пр.

III.8.3. Граница (setu) — здесь знак, обозначающий границу (см. III.8.4; 9.3, 10, 14).

Прочная совокупность колышков по углам (kaṇṭakīlāyasasaṁbandha) — как вытекает из следующих двух сутр, речь идет о внешнем плане дома.

III.8.4. В соответствии с границами (yathāsetubhogam) — ср. III.9.3, 14.

III.8.5. Если [границы] не существует (abhūtaṁ vā) — подразумевается setubhogam из предыдущей сутры.

Место застройки (deśabandham) — ее план; возможно чтение pādabandham с тем же значением.

Соседской стены (paraḥiḍya) — в данном случае стена, отделяющая одно домовладение от другого (ср. III.8.22; 19.24).

Пада и аратни — меры длины, перечисляемые в «Артхашастре» II.20.7—26: «Ангула — наибольшая ширина средней части среднего пальца среднего человека... 8 ангула — дханурмушти. 12 ангула — витасти... 14 ангула — пада. 2 витасти — аратни или хаста... хаста с дханурмушти — кишку... 4 аратни... дханус... 2000 дханус — гору-та, 4 гору-та — йоджана».

III.8.6. В обычном месте при доме (gr̥hocitam) — или «удобном для [соседнего] дома». Предложенное Р. П. Кангле исправление текста рукописи на... uḍarāpaṁ vā на gr̥hocitād anyatra anyatra... кажется весьма искусственным (удвоение anyatra, изменение падежного окончания ucitād). Скорее в рукописях, как в рукописи G. II, произошло удвоение rāpa, переосмысленное затем в vāpa уже в комментарии «Бхашавьякхьяна».

Колодца для рожениц до десятого дня (sūtikākūpād ā nirdaśāhād) — период нечистоты после родов. В это время роженица, видимо, пользовалась особым водоемом. Согласно Ганapati Шастри, речь идет о ямке с водой для омовений. Ее можно было устраивать в любом месте, а через десять дней засыпать чистой землей.

III.8.8. Во время праздничных церемоний — свадьбы, посвящения т. п.

Желобах с питьевой водой (ācāmodakamārgāḥ) — вероятно, имеется в виду также устройство желоба во время праздничных церемоний. Согласно коммент. «Бхашавьякхьяна», на желоба распространяется правило о колодце для рожениц, т. е. они могут быть устроены где угодно.

III.8.11. Большого сосуда для воды — видимо, в качестве противопожарного средства (ср. II.35.18).

III.8.13. Двумя дворами в целом (sarvavāstuka) — т. е. территорий домовладений.

Выступающими помещениями — частично выступающими за стену двора.

III.8.14. Налагаются [друг на друга] — конечно, с согласия соседей.

III.8.15. Между соседними дворами был проход, в который можно было выйти через боковую дверь. Поскольку ширина прохода устанавливается в 1 кйшку, боковая дверь должна быть меньше этого размера, в противном случае она будет ударять в стену соседа.

III.8.16. Наверху (ürdhvam) — т. е. над дверью.

III.8.17. Когда дом пустует (avasite veśmani) — ср. III.16.31. Р. П. Кангле толкует, наоборот, в значении «занят». Юридический смысл этого предписания неясен.

III.8.18. Если есть [взаимная] договоренность (saṁbhūya) — букв. «совместно».

III.8.19. Верандой (vānalati). Следуем толкованию «Бхашавьякхьяна». Здесь говорится о таком устройстве крыши, которое сможет предохранить от повреждения дождем, видимо, постройки, находящиеся на территории соседнего домовладения. В противном случае было бы необязательным наложение первого штрафа сахаса на домовладельца, устроившего крышу иным образом.

III.8.20. За повреждение (bādḥāyām) — определяется наказание за нарушение предписаний сутр 15—17. Штраф налагается в том случае, если дверь шире, чем указано, и разрушает стену соседа.

Царским [и] проезжим дорогам — просто широким дорогам (о ширине их см. II.4.4—5, ср. III.10.5). По-видимому, двери, выходящие на проезжие дороги, а не в узкий боковой проход, можно было делать любого размера. Предположение Р. П. Кангле, что в этом случае как раз взимались большие штрафы, неубедительно: КА всегда точно указывает размер штрафов.

III.8.21. Препятствия для пользования (bhoganigrahe) — очевидно, домохозяина штрафуют за то, что он, устраняя ямы, водосток и прочее частично за пределами своего двора, причиняет ущерб соседям или мешает им пользоваться их собственным имуществом (ср. III.8.26; 9.27; 12.51).

III.8.24. Нанимателя (avakrayin) — ср. II.36.23.

III.8.25. Арендной платы (avakraya) — контекст заставляет предполагать, что в главе описывается городское домовладение. Об этом кроме тесноты застройки свидетельствует упоминание о найме жилого помещения на срок не менее года (ср. II.36.23).

III.8.26. Жилище общее (sātānye veśmani) — принадлежащее нескольким домовладельцам; впрочем, можно предполагать и совместное пользование домом несколькими нанимателями (ср. III.9.36—38).

Не оказывающего помощи (sāhāyumataprayaschataḥ) — вероятно, не выполняющего необходимые работы по содержанию в порядке общего домовладения.

III.9.1. Земельных участков (bhūmiparigraha) — ср. аналогичное правило у Брихаспати (XVIII.20), Катьяяны (702).

Родственникам (jñāti) — Ганapati Шастри толкует «наследникам».

III.9.3. Продажа совершается тут же — возле продаваемой недвижимости.

III.9.6. Предложивший [цену во время] продажи (vikrauyarṅatik-goṣṭar) — по-видимому, покупатель-пратикроштр, поскольку «пратикрушта» в 8-й сутре явно обозначает продавца.

III.9.8. [В случае] неявки (anabhisarataḥ) — И. Я. Мейер, считая весь отрывок описанием принудительной продажи, толкует это место так: «Если никто не приходит на помощь тому, чье имущество распродается» (ср., однако, III.9.9).

III.9.9. В ином случае (anyatra) — содержит противопоставление, очевидно «васту» и, следовательно, должно относиться к движимому имуществу. Но III.15.9—10 предусматривает штраф лишь 12 пан.

III.9.11. Переодетые (viparītavesa) — обряд проведения границы имеет магический смысл (ср. Ману VIII.256: «Положив земли на голову, в венках и в красных одеждах» — явно меры против злых духов).

III.9.12. Если [они] не принимают во внимание (adarśane) — согласно толкованию И. Я. Мейера, «если граница проведена неотчетливо»; Р. П. Кангле — «если объявленные знаки не обнаружены».

III.9.20. Ситуация, противоположная описанной в предыдущей сутре. Пользующийся чужой землей, если он признан невиновным в сознательном присвоении чужой собственности, обязан возместить хозяину земли полученный с участка доход (ājīva) за вычетом расходов и трудовых затрат на его обработку (pṛayāsa).

III.9.21—22. Здесь речь идет о границах между частными владениями (межах) и штраф значительно меньше, чем за нарушение границ деревенских владений.

III.9.25. Жилище (veśman) — возможно, амбар (III.10.29).

Амбаре (koṣṭha) — Р. П. Кангле понимает vāhanakoṣṭha как одно слово и переводит «место для повозок».

Нужно отдать предпочтение (pūrvaṃ pūrvamābādham sahe-ta) — смысл сутры неясен. При ее интерпретации следует исходить из того, что она открывает тему «повреждение недвижимости» (где прежде всего рассматривается ущерб, причиненный водой); к тому же создается впечатление, что различные виды недвижимости перечислены в порядке их хозяйственной значимости и величины возможного ущерба. Это впечатление подкрепляется 26-й сутрой, в которой особо оговаривается, что священные участки не могут оцениваться в зависимости от их экономической выгоды и приравниваться к неорошаемой земле.

III.9.28. По-видимому, речь идет о сознательном причинении ущерба.

III.9.33. Полностью разрушенных (bhagnotsrṣṭa) — ср. III.12.19.

Целины (sthala) — возможно, превращение неорошаемого поля

в орошаемое, поскольку в контексте речь идет об оросительных сооружениях.

III.9.34. Хозяин (svātmā) — букв. «господин собственности», очевидно, синоним понятия svāmin.

III.9.35. Орошаемые поля, сады [и] огороды (kedārāgamaṣaṇḍa) — перечисляются все виды орошаемых земель.

Водоёмов с вычерпываемой водой (khātapravṛttima) — вероятно, водоём типа «адхара».

Построенных на реке (nadīnibandhāyatana) — сооружение типа «сетубандха». Перечисляются все виды средств орошения (ср. III.8.2). Нарада (XI.18) подразделяет оросительные сооружения на «построенные» (для задержания воды) и «выкопанные».

Повышенную долю (uttarika) — вследствие применения искусственного орошения. Размер ее зависел от вида высеваемого зерна (sasyavarga).

III.10.1. Правильное (ucitam) — привычное, существующее издавна.

Святыню (caitya) — в «Артхашастре» это обычно священное дерево (см. XIII.2.21).

Место почитания богов (devāyatana) — возможно, тождественно храму (devakula — III.9.23, devasthāna — III.9.26).

III.10.2. Священного водоема (dharmaṣetu).

III.10.4. Ширина дорог указана в II.4.4—5. О дронамукхе и стхании см. примеч. к III.1.1.

III.10.8. О кшетриках и упавасах см. гл. 2(3).

Негодности [поля], бедствий или невозможности [его обработать] — doṣorapīṭāvīṣahyebhyaḥ — традиционная формула. Ср. III.15.1.4, см. гл. 3(3).

III.10.9. Брахмадеика — см. гл. 2(3).

III.10.12. Право на всякое имущество (sarvadṛavyeṣu grākātyam) — ср. IV.12.12—13 и др.

Дома (āgāra) — собственно жилые постройки.

III.10.14. Не может быть отнято — см. гл. 2(3).

Выкуп, [возмещающий затраченный] труд (prayāsaniṣkraya).

III.10.15. Доходами (bhoga) — с собственности-брахмадеи.

III.10.17. Йоджана — см. примеч. к III.8.5.

III.10.18. С деревни — вероятно, если деревня сама, без старосты, изгоняет одного из крестьян. Бряд ли штраф взимается за то, что население не препятствует действиям старосты. Во всяком случае, деревня выступает здесь как юридическое лицо, и данная сутра может свидетельствовать о наличии в ней общинного собрания.

III.10.19. О возвращении изгнанного (nirastasya praveṣo hyadhigatena vyākhyātaḥ). Praveṣa — вступление в деревню изгнанного (nirasta), т. е. его возвращение. Р. П. Кангле исправляет adhigatena на abhigatena. Он считает сутру отсылкой к тексту КА IV.13.3—4. Но, во-первых, последний указывает на иную ситуацию, во-вторых, помещен в IV книге, а ссылки «Артхашастры» всегда корректны.

III.10.20. Дханус — см. примеч. к III.8.5. Ограда обозначала гра-

ницы собственно населенного пункта — и деревни, и города. Земля между домами и оградой использовалась для выпаса скота, и выражение *raṣurgrasāgartham* из следующей сутры по смыслу относится и к 20 (ср. Ману VIII.237—238).

III.10.21. *Пастбищем* [и] *перелеском* (*vivītamālavanena*) — Р. П. Кангле предполагает иное деление: *vivītam ālavanena* и переводит: «Пусть они живут на пастбище, предназначенном для выпаса скота, срезая [траву]». Это толкование кажется искусственным, и фраза выпадает из контекста.

III.10.27. *С пастухов* (*pālīnām*) — возможно, «сторожей» (?).

III.10.29. *Собранного кучами в доме [или] на гумне* (*veśmakhala-valayagatānām*) — под «домом» здесь, видимо, подразумевается амбар.

III.10.30. *Пусть принимает меры против повреждений* (*hiṃsāpratīkaṅgaṇ kuryāt*) — при таком понимании сутра связана с последующими, в качестве субъекта выступает хозяин зерна. Можно, однако, связывать сутру и с предшествующим текстом, переводя: «Пусть исправит повреждения» — и предполагая в качестве субъекта хозяина скота.

III.10.33. О штрафах см. III.19.23.

III.10.35 — см. гл. 2(1).

III.10.36. *Долю* (*pratyauśa*) — доля каждого (ср. III.6.26; 12.30).

III.10.39—41 ср. «Катьяяна» 671: «Кто мешает разумному и препятствует говорящему и кто сам говорит неразумное, пусть заплатит первый штраф сахаса» (*yuktīyuktaṃ sa yo hanyādvaktur yo 'navakāśadaḥ/ ayuktaṃ caiva yo brūte sa dhāryaḥ pūrvasāhasaṃ*).

III.10.42—43. *upahantṣu viśiṣṭaḥ brāhmaṇataścaisāṃ jyaiṣṭhyaṃ piyamyeta* — смысл сутр не вполне ясен.

III.10.45. «Соглашений» — см. гл. 2(1).

III.10.46. *Расположение* (*priyahitam*) — букв. «приятное и полезное».

Местности (*deśa*) — область или вся страна.

III.11.1. *Законный* (*dharmyā*) — относится к обыкновенному проценту на ссуду. Поскольку за превышение размера процента налагается штраф, в данном случае считаем возможным перевод «законный».

Месячный процент (*māsavṛddhi*) — относится ко всему тексту сутры. Речь идет, несомненно, о процентах на ссуды, обеспеченные залогом. Для не обеспеченных им величина процентов значительно больше. Далее говорится о процентах на ссуды для торговых операций, вероятно краткосрочные, а не о проценте с полученной в результате торговой операции прибыли.

III.11.3. [*Когда* царь не в состоянии [обеспечить] порядок [в государстве] (*gājanyayogakṣemāvahe*) — имеются в виду беспорядки в стране (см. I.5.2; 13.17). Предполагается, что в этом случае процент может быть установлен по соглашению между должником и кредитором выше размеров, предусмотренных в 1-й сутре. Речь идет о так называемом проценте *kāritā*, упоминаемом в дхармашастрах (Ману VIII.153, Катьяяна 498, Брихаспати X.12: «Но

больший процент, на который согласился должник в период бедствий, следует всегда выплачивать; он [называется] карита. В других случаях никоим образом не следует выплачивать процент карита»).

Соглашения (caritra) — нерегламентированное соглашение между контрагентами. Выражение *gājanuayogakṣemāvahe* тождественно *āratkāla* в тексте дхармашастр.

III.11.4. Затем возрастает, будучи обращен в основной капитал (paratṁ mūlyakṛtā vardheta) — т. е. проценты взимаются от той суммы, которую должник должен был отдать в период сбора урожая. Р. П. Кангле, разделяя точку зрения Ганapati Шастри, считает, что долг в этом случае переводился в денежную форму и возрастал в соответствии с общими процентными ставками. Тогда максимальное увеличение суммы долга могло составлять 300% (ср. Нарادا 1.107).

III.11.5. Процент на капитал (prakṣepavṛddhi) — ср. III.12.15; 13.17. По-видимому, сутры III.11.3—5 перечисляют исключения из общего правила относительно размеров процентной ставки, сформулированного в первых двух сутрах.

Половины прибыли (udayādardham) — ср. III.12.25—26, 30. Таким образом, в данном случае процент исчисляется не от ссуды, а от полученной прибыли.

В присутствии (saṁnidhānasannā) — ср. III.12.12—14.

Ежегодно (vārṣikī) — долговые контракты должны каждый год переоформляться (ср. Ману VIII.153—154, где запрещаются долговые контракты на срок более года). В то же время не должен был взиматься ежемесячный процент, так называемый *kālikā* (см. Ману VIII.153). Сутра сложная для понимания, и толкования ее различны. Комментарий «Бхашавьякхьяна» видит здесь две самостоятельные сутры и толкует вторую в том смысле, что проценты, не востребованные в течение нескольких лет, выплачиваются только за год. И. Я. Мейер и Р. П. Кангле считают III.11.5 одной сутрой, причем И. Я. Мейер переводит «самнидханасанна» как «если деньги остаются на том же самом месте», а Р. П. Кангле, следуя за Б. Брелером, — «[процент], будучи положен в хранилище».

III.11.6. Задерживающий [платежи] (stambharpaviṣṭa) — поскольку он уравнивается с отсутствующим и не принуждается к уплате штрафа, допустимо думать, что подразумевается не злостно уклоняющийся от выплаты процентов, а не платящий их по уважительной причине.

Ссуду в двойном размере (mūlyadviguṇa) — правило имеет общий характер и устанавливает пределы возрастания долга. (Тождественно Гаутама XII.26.) Долговые проценты не должны превысить величины первоначальной ссуды. Шастры устанавливают такие же пределы возрастания денежной ссуды (см. Ману VIII.151). Ссуда в зерне и прочем увеличивается в 5 раз (см. Ману VIII.151), согласно Нараде (1.107) — до 3 раз.

III.11.7. Ссудой [сумму], включающую процент (mūlyam vā

ṛddhim āgorya) — речь идет о запрещенном «сложном» проценте (Ману VIII.153).

Разницы (bandha) — неустановленного процента, прибавки к проценту и т. п. (ср. III.11.8 abhūta; III.11.41, см. также III.11.7, 33, 41; 12.6, 13.33—34; II.16—18).

III.11.8—9. В. А. Яacobсон предполагает, что в данных сутрах речь идет о мнимом банкротстве. Должник по предварительному соглашению передает свое имущество другому лицу под предлогом того, что был ему должен, и затем объявляет себя несостоятельным. Мнимый банкрот платит штраф в размере заявленного долга (и теряет, естественно, то имущество, которое передал под видом возвращения долга). Его сообщник, «взявший долг», отдает в казну в качестве штрафа то, что получил от «банкрота», и еще вдвое большую сумму в наказание. Совокупная сумма штрафов обоих виновных в 4 раза превышает размер мнимого долга.

III.11.10. *Длительное жертвоприношение, болезнь, [пребывание] в доме учителя* (dīrghasattravyādhigurukuloparuddha) — человек, совершающий длительное (в течение многих лет) жертвоприношение, и больной не в состоянии приобрести материальные ценности, которые явились бы обеспечением нарастающих процентов. Под долгом ребенка нужно понимать долг, сделанный его родителями. Процент по этому долгу не нарастает до достижения совершеннолетия, т. е. дееспособности.

Несостоятельный (asāra) — не могущий покрыть процент на ссуду из своего имущества (ср. III.1.34).

III.11.12. *В другом месте* — т. е. не в доме кредитора и не в доме должника.

III.11.13. [О котором] не вспоминали (upekṣita) — т. е. не требовали уплаты процента.

III.11.14. *Ссуду* (kusīda) — ссуда с процентами, или общая сумма долга. Ее возвращают наследники, получающие наследство (dāyādā rikṭhaṅgāḥ). Уточнение «получающие наследство» необходимо, так как потенциальные наследники не всегда его получают (ср. такие же уточнения в III.11.17; 16.9). При отсутствии наследников те, кто брал в долг сообща с покойным (sahagrāhīṅaḥ), ответственны за выплату его части заимодавцу. А при отсутствии и таковых отвечают поручители (pratibhavaḥ), которые сами в долг не брали, но заверяли, что возместят его из своего имущества, если по какой-то причине должник не сможет сделать это сам. Б. Бре-лер соединяет последние два выражения в одно — «поручители, если они вместе брали в долг». Но в этом случае ожидалось бы вā перед pratibhavo (ср. dāyādā vā); кроме того, выглядит странным освобождение обычных поручителей от всякой материальной ответственности.

III.11.15. *Иного поручительства* — поручительство может быть различных типов (за честность должника, его явку в суд и т. д. без принятия на себя имущественных обязательств по ссуде — см. Яджнавалкья II.53).

III.11.16—17. *Долг по поручительству за несостоятельного [или]*

несовершеннолетнего — читаем asārabālaprātibhāvyam и связываем со следующей сутрой. III.11.16—17 и III.11.18 построены совершенно одинаково. Asāra имеет то же значение, что и в III.11.10 (также III.1.35). Обычное толкование asāga в значении «недействительный» не несет удовлетворительного смысла: нет нужды говорить, что «поручительство ребенка не имеет силы». Кроме того, если 16-ю сутру оторвать от 17-й, то последняя выпадает из контекста темы о поручительстве.

III.11.18. В отношении жизни, брака [и] земли. Смысл не совсем ясен, ср., однако, III.18.11 о поручительстве в отношении жизни. Поручитель в отношении брака, по мнению Р. П. Кангле, это названный ранее сукхавастха. Ганapati Шастри также считает, что имеются в виду лица, отвечающие за женское имущество.

III.11.20. Имущество, [взятое] у царя [либо] ученого брахмана (gājaśrotriyadgavyam) — о ссужении денег царем под процент известно из дхармашастр (ср. КА II.8.7).

III.11.21. Нельзя взыскивать [по суду] (asādhyam) — упомянутые здесь долговые обязательства, поскольку контрагенты находятся в родстве друг с другом, не носят характера обязательств, которые могут быть объектом судебного разбирательства. Раз ставится вопрос о востребовании или невостребовании долга через суд, очевидно, речь идет о сыне, достигшем совершеннолетия, но не вышедшем из семьи отца.

III.11.22. Земледельцы (karṣaka) — здесь определенно характеристика функциональная, а не социальная (ср. III.9.11; 10.35; 13.28; 14.19; 15.5).

Царские слуги (gājariguṣa) — лица, находящиеся на государственной службе, привлекаются к суду по долговым обязательствам как частные лица; в качестве таковых они на себя эти обязательства и принимали.

Во время работы (karmakāla) — имеется в виду какой-то ограниченный промежуток времени (для земледельца страдная пора и т. д.).

III.11.23. Речь идет не о принятии долговых обязательств обоими супругами (КА дифференцирует «долг мужа» и «долг жены»): жена, не принимая на себя долговое обязательство мужа, тем не менее гарантирует покрытие долга в случае, если ее муж по тем или иным причинам сам будет не в состоянии его выполнить.

Исполщиков (ardhasṭika) — ср. III.13.9; II.24.16) — не обязательно работающих исполу: их арендная ставка могла варьироваться довольно широко (т. е., по существу, «издольщиков»). Жены пастухов и исполщиков принимали активное участие в трудовом процессе и могли вести хозяйство и распоряжаться семейным имуществом во время длительного отсутствия мужа.

III.11.25. [Если ответчик] признался — [это] лучший [способ решения тяжбы] (saṃpratipattāvuttamaḥ — ср. svayaṃvāda III.1.46) — тема свидетельских показаний входит в раздел о задолженности, но предписания, касающиеся свидетелей и свидетельских показаний, имеют в виду не только тяжбы по поводу задол-

женности. Это вытекает, в частности, из уточнения в 27-й сутре — в делах о задолженности должно быть не менее двух свидетелей. III.11.26. Обычно эту сутру сопоставляют с III.9.16 и переводят иначе: «Заслуживающие доверия, честные или признанные [обеими сторонами]» — и, таким образом, выделяют три варианта качеств свидетелей. Р. П. Кангле считает, что первое качество обязательно, а выбор видит только между «честными» и «признанными». В следующей сутре между тем говорится, что свидетелей может быть двое, если они признаны обеими сторонами. В таком случае теряет смысл оговорка, что свидетелей должно быть не менее трех. Поэтому допустимо предполагать, что «признанные» не тождественно «признанным обеими сторонами». Мы переводим śucayo 'numatāḥ как одно выражение. Сопоставление с III.9.16 не вполне корректно (bahavaḥ śucayo 'numatā vā), ибо там необходимо альтернативное решение: правым признается тот, на чьей стороне больше свидетелей, или при равенстве голосов — тот, за кого наиболее уважаемые свидетели. В сутре III.11.16, однако, альтернативы, по сути, не требуется, и в дхармашастрах соответствующие качества свидетелей просто перечисляются (ср. Гаутама XIII.8 и др.).

III.11.28. *Шурина* (syāla) — шурина называют как родственника, не являющегося членом семьи.

Другу (saḥāya) — лицо, заинтересованное в решении дела в пользу одного из тяжбеющих.

И [перечисленным] выше недееспособным (pūrve sāvyavahā-gyāḥ) — имеются в виду лица, упомянутые в III.1.12. Указываются не лица, которым нельзя выступать свидетелями, а те категории свидетелей, которые могут быть отведены (но согласно III.11.32, например, дети свидетельствовали по делам родителей).

III.11.29. *Деревенский работник* (grāmahṛtaka) — ср. гл. 2(4).

Ахамвадин — Р. П. Кангле переводит «тот, кто предлагает себя в качестве свидетеля», но это толкование маловероятно: при разборе некоторых преступлений суд бывает вынужден выслушать показания человека, вызвавшегося быть свидетелем.

С подобными им (svavarga) — см. гл. 3(1).

III.11.30. *Об оскорблении, воровстве, прелюбодеянии* — данный перечень явно свидетельствует об отделении уголовных дел от гражданских. При разборе уголовных дел суду не приходится проявлять особую разборчивость в отношении свидетеля.

III.11.32. *Господа о слугах* (svāmīno bhṛtyānām) — см. гл. 2(3).

III.11.33. Текст логически продолжает мысль, выраженную в предыдущей сутре: если лицо, занимающее более низкое положение (слуга, ученик, сын), нежели то, по делу которого оно выступает в суде, лжесвидетельствует, с него взимается штраф в размере $\frac{1}{5}$ суммы иска; если лжесвидетельствует лицо более высокого статуса (господин, учитель, родитель), штраф вдвое меньше — $\frac{1}{10}$ исковой суммы.

III.11.40. Судя по III.9.17, речь идет о случае, когда ни та, ни другая сторона не может доказать свои права на имущество.

III.11.41. Пусть [истец] заплатит разницу (bandham dadyāt) — вероятно, штраф в размере части исковой суммы, не подтвержденной свидетельскими показаниями.

III.11.43. Показаний свидетелей — ср. III.1.34.

III.11.44. При ложном свидетельстве относительно места действия — первый штраф сахаса, в отношении времени — средний и т. д.

III.11.48—49. Сутры, судя по контексту, должны относиться к определению наказаний за лжесвидетельство. Поэтому переводы, в которых штрафы накладываются за невнимание судей к надежным свидетелям, не представляются убедительными. Глагол śru в КА употребляется в значении «быть свидетелем», причем при совершении сделки [śrotar], но одновременно сохраняется и основной смысл глагола — «слушать». Поэтому 48-ю сутру можно толковать таким образом: свидетели при совершении сделки должны хорошо слушать [śrotavyam], надежно [dhravam] запомнить все обстоятельства и условия сделки. Смысл 49-й сутры, видимо, таков: если они не слушали [asṛvatām], т. е. не выполняли своих обязанностей, — штраф 24 паны. Если они не говорят об этом на суде [abṛvāpāpām] — 12 пан. Судя по величине штрафа, в последнем случае имеется в виду забывчивость, небрежность показаний, а не сознательный отказ от дачи свидетельских показаний.

III.11.50. Находящихся недалеко по месту [и] времени — которых легко доставить в суд.

Неявляющихся (aprasāgān) — отказывающихся прийти в суд, несмотря на настояния истца.

Распоряжением царя (svānivākyena) — может быть, «именем царя»; вероятно, в дело вмешиваются власти.

III.12.2. Вражеским войском — ср. III.16.25.

Лесными племенами (ātavika).

Разбойниками (pratirodhaka) — ср. III.2.16 и др.

Повозка (sakrayukta) — ср. IV.10.8; 13.22.

III.12.3. Использующий вклад (uranidhibhoktar) — имеется в виду несанкционированное пользование.

Заплатит за пользование (bhogavetana) — употребление этого термина vetana показывает, что использование вклада уподобляется найму.

III.12.4. В ином случае (anyathā) — т. е. не обязательно в результате использования, например в случае бегства вклада (речь явно идет о «живом» вкладе — животном или человеке). Имеется в виду порча или пропажа по вине хранителя вклада. Хранитель должен представить такой же предмет или денежную стоимость его. По-видимому, это положение касается и санкционированного пользования вкладом, в результате которого он повреждается или уничтожается.

III.12.5. Попавшего в беду (vyasanagata) — ср. коммент. к III.1.12. Операции, которые здесь упоминаются, не исчерпывают всех запрещенных операций с вкладом. Не упомянуто, в частности, дарение. Помимо уплаты штрафа собственнику, естественно, возвра-

щают сам вклад (как и в следующей сутре). По «Бхашавьякхьяне», собственнику выплачивается стоимость вклада в четырехкратном размере (и пятая часть этой суммы поступает царю в качестве штрафа).

III.12.7. Вероятно, оба действия — подмена вклада или подстрекательство к бегству вклада (животного, человека) — считаются отягчающими вину обстоятельствами.

III.12.8. Таким образом, на залог (*ādhi*) распространяются те же положения, что и на вклад (*uranidhi*), в связи с его пропажей (*pāśa* — III.12.2), продажей и залогом (6), хищением (7).

Похищению (*arāhāga*) — ср. III.12.35; 9.21. В данном случае речь идет, видимо, о подмене (*parivartana*) и отрицании получения (*aravayayana*), т. е. присвоении чужого имущества.

III.12.9. Приносящий прибыль (*sopakāra*).

Не пропадает (*na sidet*) — не может с течением времени стать собственностью залогодержателя.

Возрастает (*vardheta*) — посредством нарастания процентов.

Кроме отчуждения (*anyatra nisargāt*) — ср. Ману VIII.143: *na nisargo na vikrayaḥ* — «ни отчуждения, ни продажи». И. Я. Мейер толкует *nisarga* в смысле «разрешение» (ср. *niṣṛṣṭa*).

III.12.10. Сутра не прибавляет информации к предыдущей; отсутствует в большинстве рукописей.

III.12.11—12. Если кредитор присутствует, то должник отдает ему выкупную сумму, равную ссуде с процентами или без процентов, в зависимости от типа залога, полученного кредитором под обеспечение ссуды (приносящий прибыль и не приносящий прибыли залог). Если кредитор отсутствует, то должник помещает выкупную сумму у третьих лиц (почтенных людей деревни — деревенских старейшин), получая взамен залог.

III.12.13—14. Эти сутры требуют более обстоятельного комментария. Обычно 13-я толкуется как предлагающая альтернативу 12-й при наличии тех же условий, т. е. если должник способен вернуть долг, а кредитор отсутствует. Следовало бы, таким образом, считать, что в этом случае возможно: помещение суммы выкупа (*niṣkraya*) у третьих лиц — деревенских старейшин и оставление залога в доме залогодержателя («там же») или у официального лица, в учреждении (*kaḡaṇa*). Однако это невыгодно для должника, который, отдав сумму выкупа, имеет право вернуть свое имущество, отданное в залог.

В 14-й сутре предполагается ситуация, противоположная 12—13-й: должник отсутствует и кредитор продает его имущество, отданное в залог, или с залогом поступают так, как решит держатель его. Термин «адхипала» толкуется Р. П. Кангле и другими переводчиками как обозначение специального чиновника, ведающего залогами. Между тем пребывание подобного чиновника в деревне крайне сомнительно и не подтверждается никакими источниками. Буквальное значение *ādhipāla* — «хранитель залога», и нет никаких оснований это выражение толковать как-то иначе (ср. «Питамаха», 27). Если должника нет, залог может быть с

разрешения судей (dharmasthānujñāto) продан, коль скоро кредитор боится его потерять, или все делается по усмотрению «хранителя залога», т. е. того же самого кредитора. Дилемма: «с разрешения судей» или «по своему усмотрению» — совершенно исключена. Вероятно, под словами «или по усмотрению хранителя залога» подразумевается действие продажи, упомянутое в первой половине сутры. Кредитор может продать залог, если боится его потерять, либо поступить с ним по своему усмотрению, но в любом случае только с разрешения судей.

Поскольку здесь предполагается возможность отчуждения имущества или свободного распоряжения им по своему усмотрению, надо думать, что разрешение судей дает «хранителю залога» право собственности на заложенное имущество. Однако в таком случае ясно, что 14-я сутра не может содержать общее правило, ничем не оговоренное. Самого по себе отсутствия должника недостаточно, чтобы судьи сделали кредитора собственником заложенного имущества. Одной боязни потерять залог мало для того, чтобы получить право его продать. Значит, нужны условия, при которых залог теряется для собственника и переходит к кредитору. Первое условие упомянуто только что — залог может быть потерян для хозяина в том случае, если он не приносит прибыли (III.12.9—10). Другое условие, касающееся сроков потери залога, нам известно из предыдущей главы. Проценты на денежную ссуду не должны превосходить размер самой ссуды (III.11.6). Если она в результате нарастания процентов удваивается, проценты перестают нарастать, залог теряется: переходит в собственность кредитора. Именно это условие указано в предыдущей, 13-й сутре.

Итак, допустимо считать, что 13-я сутра вовсе не предлагает альтернативное решение вопроса о судьбе залога при отсутствии кредитора. Первое *vā* в этой сутре несет иную функцию, чем второе. Его следует здесь толковать как указывающее на изменение ситуации при определенном условии. Если 12-я сутра дает решение, альтернативное решению 11-й, то 13-я сообщает условие, при котором залог может быть не возвращен должнику, а оставлен в том же месте, т. е. у кредитора.

Надлежит выяснить смысл выражения *tatkālakṛtamūlya*, являющегося определением залога. Сутра 13 и по содержанию, и текстуально близка II.63 у Яджнавалкьи. Последняя может быть сопоставлена со шлокой 58, где говорится о залогах двух типов: *kālakṛta* и *phalabhogyā*. Названные другими словами, это залогов *goruā* и *bhogyā*, один из которых предназначается для хранения, а другой — для пользования (в терминологии КА — *niṣṭrakāga* и *sopakāga*). У Яджнавалкьи *kālakṛta* в 58-й и 63-й шлоках — определитель категории залога. Сопоставление с КА III.12.13—14 заставляет думать, что и в КА *kālakṛta* — тоже определение категории залога. 11 и 12-я сутры имеют в виду возвращение должником залога, как используемого, так и неиспользуемого. Но в 13-й и 14-й сутрах речь идет только о залоге последнего вида — когда вообще нарастают проценты на ссуду и он может быть утерян для собствен-

ника (III.12.9). Ср. Брихаспати X.48: «Когда долг удвоился, то кредитор становится собственником залога».

X.50: «Залогом неиспользуемым, данным на определенное время, после удвоения долга кредитор может владеть, объявив об этом семье должника».

X.51: «Когда долг удвоился, а должника нет, то имущество [кредитор] может продать при свидетелях».

X.52: «Или может хранить его, определив его цену в течение 10 дней».

Таким образом, содержание 11—12-й сутр, с одной стороны, и 13—14-й — с другой, симметрично: в 11-й сутре должник хочет отдать долг и получить залог, кредитор отказывается вернуть залог и получить ссуду, в 12-й сутре кредитор отсутствует, но должник возвращает залог, в 13-й сутре в обусловленный срок кредитор хочет получить долг, но должник его не возвращает, в 14-й сутре должник отсутствует, кредитор получает залог и становится его собственником. Четыре сутры исчерпывают практически все допустимые ситуации.

III.12.13. *Во избежание порчи [или] потери, помещается у официального лица* (anāśavināśakaraṇādhiṣṭhita) — термин karaṇa означает обычно «учреждение», и потому в переводах этой сутры говорится об особом учреждении, обеспечивающем сохранность имущества, в частности заложенного. Но наличие подобного учреждения вообще и в деревне особенно маловероятно. Нам кажется возможным рассматривать anāśavināśa не как определение к слову karaṇa, а как обозначение цели, ради которой залог помещается у официального лица.

III.12.14. *За возросшую цену* (udgatārgham) — видимо, с торгов. Согласно Катьяяне (529), кредитор получает сумму долга с процентами, а если цена заложенной вещи больше, то остаток поступает в казну.

III.12.15. *Залог «неподвижный»* (sthāvara) — может быть двух видов. Оба принадлежат к разновидности залога, используемого кредитором. Один — праясабхогья — приносит прибыль кредитору после затраты некоторого труда (например, поле). Другой не требует трудовых усилий — пхалабхогья (например, дом). В первом случае на погашение процентов на ссуду идет не вся прибыль, а лишь чистая прибыль (т. е. за вычетом расходов и оплаты труда).

При обычном толковании термина «стхавара» как «недвижимость» сутра выпадает из контекста, более того, не несет специфического содержания, относящегося только к недвижимости. Доход от залога стхавара целиком идет на возмещение процентов, без погашения основного капитала. Вряд ли это относится ко всякой недвижимости, отданной в залог. На наш взгляд, стхавара следует толковать как «неподвижный» залог, т. е. такой, при котором ссуда со временем не погашается и не увеличивается. Залог этого типа упоминается в дхармашастрах Вьясы и Бхарадваджи под названием «апратья бхогьядхи» (см. Митакшара II.64). Другую категорию «используемого» залога» составляет тот, при ко-

тором прибыль от него поступает в погашение не только процентов, но и самой ссуды (сапратья бхогьядхи, или «уменьшающий ссуду залог»).

Доход за вычетом издержек (mūlyaśuddhamājivam) — в данном случае mūlya не ссуда, а то, что затрачено в процессе пользования залогом.

III.12.16. Чистую прибыль с капитала (mūlyaśuddhamājivam) — видимо, прибыль за вычетом расходов пользователя (как и в предыдущей сутре).

Возмещение (bandham) — за несанкционированное пользование виновный должен был бы уплатить штраф (ср. III.12.3). Не исключено, что этот штраф и понимается под словом «бандха». Впрочем, само слово «бандха» как будто не бывает синонимичным «данда». Штраф иногда назначается в размере части стоимости имущества (ср. III.12.6: *saturguṇaparañcabandho daṇḍaḥ*). Можно было бы и здесь предположить то же значение — «и часть [в качестве штрафа]», но тогда потребовалось бы точное указание, какую именно часть. Наконец, возможно, вообще идет речь не о штрафе (который подразумевается, исходя из III.12.3), а выражение *bandham* са дауяй нужно сопоставлять с III.9.20, где говорится также о возмещении разницы между прибылью и затратами (т. е. о возмещении чистой прибыли — *śuddhājīva*, ср. также III.11.7). Однако в этом случае союз са выглядит лишним.

III.12.19. Полностью ограблен (bhagnotsṛṣṭo) — букв. «опустошен и оставлен» (ср. III.9.33). Имеется в виду не простая кража, а то, что отнято все имущество.

III.12.22. Заимообразно или внаем (yācitakamavakṛitakam vā) — различие между ними состоит, видимо, в том, что в последнем случае выплачивается наемная плата (ср. III.20.14), а при заимообразной передаче имущества денежная компенсация не предусматривается.

III.12.34. Поскольку никшепу передавали без свидетелей, возвращение ее не хозяину, а иному лицу могло привести к утрате ее первым. Поэтому автор шастры настаивает на передаче из рук в руки (ср. Смритичандрика II.181). Ср. Ману VIII.180, 195, Нарада II.3, 6. При таком понимании в 34-й сутре речь идет о законном невозвращении никшепы, а в 35-й и следующих — о незаконных попытках ее присвоения, а также способах вернуть свое имущество.

III.12.35. Поведение ... раньше (pūrvāpadānam) — ср. II.36.36; IV.5.11.

И [показания] лиц, дававших [ему] никшепу (nikseptāraśca) — за отсутствием свидетелей сделки вызываются лица, могущие засвидетельствовать добропорядочность обвиняемого. Предполагается, что его поведение и в данном случае соответствует его обычному поведению.

III.12.36—37. Таким образом, под никшепой подразумевается прежде всего материал, переданный ремесленнику для обработки.

Ведь ремесленники нечестны (āśucaḥ hi kāraḥ) — сутру, оче-

видно, нельзя понимать буквально, иначе не было бы смысла в определении честности ремесленника. Имеется в виду, что порядок принятия никшепы у ремесленников не является чистым и честным с точки зрения дхармы, ибо получение никшепы не опирается на предварительное оформление сделки (акагапарйва). В то же время сама по себе процедура является законной, и подобная «нечестность» ремесленника не может являться основанием для привлечения его к судебной ответственности. Термин *aśuci* сохраняет и главное значение «нечистый» с ритуальной точки зрения (ср. о том, что занятие ремеслом — дело шудр, I.3.8).

III.12.38. Ее [получение], никак не оформленное (караһаһиһауһ пикшерат) — получение никшепы, очевидно, может быть и надлежащим образом оформлено. Текст позволяет составить представление о функциях так называемых тайных свидетелей — они должны были незаметно подслушивать разговор. О таких свидетелях упоминают дхармашастры.

III.12.39. В последующих сутрах описываются различные способы проверки честности того лица, которое обвиняется в присвоении никшепы. Ему создают условия для как будто безопасного присвоения чужого имущества. Эти провокационные действия предпринимаются, по-видимому, царскими агентами в облике старых или больных купцов и их наследников и т. д.

Уйдет — создается видимость, что «старый или больной» купец умер.

III.12.42. Помеченную особым знаком (кṛṭalakṣaṇa) — может подразумеваться вся совокупность признаков, характеризующих вещь. Возвращает он и никшепу, данную провокатором, и ту, в хищении которой был прежде обвинен.

III.12.45. В этом случае, вероятно, сам отдавший никшепу стремится получить ее обратно, сообщая особые приметы вещи (кṛṭalakṣaṇeṇa vā dravyeṇa).

III.12.46. Глупец (bāliṣajātīyo) — в житейском смысле слова (не умалишенный). Исходя из контекста, допустимо предположить, что это такой же мнимый глупец, как раньше был мнимый купец (39) и др.

Опасаясь стражников в запрещенное... время (gājadāyikākṣaṇa-bhītaḥ) — ночное время, когда запрещалось передвижение по городу (см. II.36).

III.12.49. Обе [вещи] — явно имеются в виду первоначальная никшепа и та, что служила способом проверки честности обвиняемого. В доме его устраивается обыск, и если обнаруживают указанную потерпевшим вещь, которая обладает особым признаком, то требуют возвращения и ее, и первоначальной никшепы.

III.12.51. Право собственности на используемые вещи (dravyabhogānām āgamaṃ cāsyānuyuñjīta) — если потерпевший найдет в доме обвиняемого свою вещь, то начинается дознание о способе приобретения ее и о праве собственности на нее обвинителя. Таким образом, КА описывает три возможных варианта возвращения никшепы: признание обвиняемого в присутствии спрятавшихся сви-

детелей, испытание его честности посредством провокации и расследование после опознания вещи.

III.12.52. Никшепа, не оформленная в присутствии свидетелей, рассматривается, видимо, как частный случай «секретного соглашения» (mithaḥ samavāya).

Со своим или чужим человеком (sve pape vā jāne) — словом svajāna обыкновенно называют домочадца, родственника (ср. III.1.1).

III.13.1. *Несовершеннолетнего* (apṛāptavyavahāra) — букв. «не ставшего [по возрасту] дееспособным» (ср. III.3.1—2).

Это не касается ударадасы (udaradāsavarjam) — интерпретация термина «ударадаса» затруднительна. С точки зрения этимологии возможны два толкования: «раб по происхождению» и «раб желудка». В первом случае следует признать его тождественным «рожденному в доме» (grhejāta). Однако по смыслу III.13.16 на ударадаса распространяются следующие положения: он может выкупить себя, возместив полученную сумму, а дети его являются свободными. Совершенно очевидно, что такие правила не могут относиться к рабу по рождению. И они действительно не относятся к «рожденному в доме», упомянутому в том же тексте (III.13.20). Следовательно, ударадаса не тождествен «рожденному в доме». В III.13.16 он явно имеет статус временно зависимого. Из этого исходят переводчики, предпочитающие второй вариант — «раб желудка». Они идентифицируют ударадаса КА с бхактадаса (Ману VIII.415, Нарада V.28.36), т. е. с человеком, который находится в добровольной зависимости от другого, работая исключительно за прокорм. После отказа от пищи хозяина кончается и всякая его зависимость. Но и в этом толковании есть трудности. В частности, по смыслу III.13.16 ударадаса для своего освобождения должен возратить полученную сумму, а бхактадаса никакой суммы не получал, и ему для освобождения достаточно отказаться от пищи хозяина (Нарада V.36).

III.13.3—4. Основное значение «арья» — «свободный», и потому фраза: «Свободный не [должен быть] рабом» — приобретает особую выразительность.

III.13.5. Эта сутра тесно связана с предыдущей. «Арья» здесь тоже означает «человек, принадлежащий к одной из четырех варн». На связь с предыдущей сутрой указывает atha vā — «или же».

Прежде (pūrvaṃ) — обычно толкуют «прежде [всего]», но допустимо предполагать и значение «прежде [срока]», поскольку до сих пор речь шла о закладе лишь одного из членов семьи.

Оказывающего помощь — согласно Ганapati Шастри, «добровольной отдачей себя в залог» (ср. III.1.35, см. близкий случай у Нарады I.18).

III.13.6. *В чужую страну* (paraviṣaya) — т. е. за пределы государства (ср. I.13—14; II.9.25—26 и др.). После vittārahāriṇo явно начинается новое предложение. Vā — «или» связывает vittārahāriṇo с предыдущей сутрой, а дальнейшее указание «на половинный штраф» может быть сопряжено только с первыми сутрами, преду-

смастривающими штрафы в зависимости от варны. То, что величина штрафа определяется не прямо в денежных единицах, а как половинный штраф, тем и объясняется, что она зависит от варны потерпевшего.

III.13.7. Раба (dāsa) — использован этот общий термин, поскольку здесь говорится обо всех лицах, попавших во временную зависимость, т. е. о «заложенном», «продавшем себя» и пр. Возможно, употребление этого термина связано и с тем, что бежавший «заложенный» (ахитака), о котором сказано в предшествующей сутре, уже не называется «ахитака», но тогда нужно думать, что и его нельзя лишить «арьябхава» — продать или заложить. См. гл. 2(4).

III.13.8. Попавшего в беду — см. коммент. к III.1.12.

III.13.9. Перечисляются так называемые нечистые работы *aśubhāṃ kaṃta*. У Брихаспати и Нарады они даны в тех же выражениях: «Уборка у ворот дома, чистка выгребных ям, дороги, помойки, то, что связано с прикосновением к срамным местам, с выносом помоев, нечистот... считается нечистой работой» (Брихаспати XV.17—18, Нарада V.6, 7). Авторы смрити считают, что только наемных работников (кармакара) нельзя заставлять выполнять такого рода работы, а все даса обязаны их выполнять (Брихаспати XV.16, Нарада V.25). Правда, Катьяяна предписывает: «Если кредитор заставляет должника делать нечистые работы и выполнение их заранее не было обусловлено, должник освобождается от долгов, а кредитор платит первый вид штрафа». И еще там же: «Пусть дваждырожденный [находящийся в зависимости — дасатва] не выполняет никакой нечистой работы». Следовательно, запрет на ритуально нечистые работы связан с тем, что ахитака и прочие временно зависимые сохраняли варновую принадлежность. Соответственно ясно, что под «ахитакой» автор понимает прежде всего членов четырех варн (особенно, конечно, высших).

Дурное обращение (atikṛāṇam) — букв. «преступание через пределы».

Кормилицам (dhātṛī) — вероятно, не просто название, а действительно кормилица ребенка, как показывает параллельный текст Катьяяны, где употребляется слово *bāladhātṛī* — «кормилица ребенка».

Служанкам (paricārikā) — может быть, жена *paricārika* — слуги. Ср. параллельный текст Катьяяны: «Кто использует как рабыню (т. е. сходится с нею) кормилицу ребенка, не являющуюся рабыней, или жену слуги (паричарака), пусть заплатит первый штраф сахаса».

Испольщицам (ardhasītikā) — не исключено, жена *ispōshika*. Мужчина-ардхаситика упоминается в КА дважды — II.24.16; III.11.23.

Прислужницам (upacārikā).

III.13.10. Прислужника (upacārika) — слово мужского рода. Мнение Р. П. Кангле: «Несмотря на мужской род, следует переводить в женском роде — „служанка, имеющая ребенка“» — представля-

ется странным. Abhiprajāta неверно смешивать с abhijāta и толковать «человек знатного происхождения» [102, с. 130]. Действительное значение термина выясняется из сутры III.15.13. Здесь речь идет о расторжении брака в случае, если один из супругов страдает недостатком, проявляющимся в сфере интимных отношений. Но не принимается во внимание, если супруги — это abhiprajātau. Отсюда видно, что слово abhiprajāta должно означать «имеющий потомство». Общий смысл сутры, однако, остается неясным.

III.13.11. Дхатри не рассматривается как ахитика, vā здесь невозможно толковать как союз, служащий для связи с предшествующей сутрой, ибо она затрагивает иной предмет. Кроме того, и по содержанию вряд ли данное положение относится только к «кормилице, являющейся заложной», и не распространяется по крайней мере на всех «заложных», а обо всех заложных речь идет лишь в случае насилия над девицей.

III.13.13. Подразумеваемым подлежащим в данном случае, как и в других (III.13.23; 14.9; 4.21, а также III.1.20; 45), следует считать дхармаста, инструкцией которому служит III книга. Аналогично во II книге о надзирателях (II.12.4; 13.18; 14.53 и др.), то же в IV книге о прадештаре (II.6.1; 7.29; 8.2).

III.13.17. Полученной [им] сумме (пракṣера) — т. е. без процентов.

III.13.18. Смысл, вероятно, в том, что нельзя заставить его отработать больше, чем сумму штрафа, и после отработки держать в зависимости (ср. III.1.25).

III.13.19. Захваченный на поле боя (dhvajāhṛta).

III.13.20. То, что купленным называется постоянно зависимый, лишний раз подтверждает запрет продажи временно зависимых.

Отрывая [его] от родственников (vibandhu) — нельзя продавать одного, но можно вместе с родственниками, со всеми членами семьи (ср. выражение viputradāra — IX.3.26).

Против желания (akātam) — странно, что принимается во внимание желание ребенка, не достигшего восьмилетнего возраста, возможно, следует переводить «отрывая от родственников, без согласия [их]»?

На чужбину (videśe) — вероятно, за пределы государства (ср. II.11.17; 21.26). Поскольку после этого слова не стоит vā, мы считаем, что слова о чужбине и тяжелой работе связаны с формулой продажи и заклада.

III.13.21. Сутра говорит о том, что хозяин обязан не вообще отпустить раба на свободу за соответствующий выкуп, а только в случае, если согласился и получил выкуп. На это указывает, во-первых, размер штрафа — 12 пан, равный тому, который налагался на хозяина, отпустившего раба на свободу, но обращавшегося с ним как с рабом, т. е. пытавшегося продать его или заложить (III.13.25); во-вторых, юридическая формула samṅrodhaścākāṅaṇāt, которая применяется к ремесленнику, получившему плату и в нарушение соглашения не выполнившему работу (III.14.1). Само по себе кажется маловероятным, что хозяин был всегда обязан отпустить раба по рождению на свободу за соответствующий выкуп

(ср. Нарادا V.29 и выражение «рабыня, способная выкупить себя, [но остающаяся рабыней]» — КА IV.12.28).

III.13.22. Родственники (jñāṭayo) — значит, постоянные рабы имели родственные связи (в этом нет ничего удивительного, если большинство их было «рожденными в доме»).

III.13.23. Нерабом (adāsa) — ср. Брихаспати (XV, 25). Г. Ф. Ильин высказывает некоторое сомнение, что это правило применялось в действительности [71а, с. 345]. Однако назначение штрафа первого вида за вытравливание плода рабыни медикаментами (III.20.17) указывает на неосновательность сомнения. Подобное преступление могло совершаться, видимо, именно потому, что хозяин боялся потерять заберемевшую от него рабыню. Аналогичные правила часто встречаются в других древних и раннесредневековых законодательствах (ср. «Русская правда», 98).

III.13.24. В предыдущей сутре речь шла просто о связи хозяина с рабыней и о рождении у нее ребенка. В случае постоянного сожительства с такой рабыней освобождается вся семья сожительницы.

III.13.25. Отпущенные на волю рабы не сами продают себя в рабство, а просят о том прежнего хозяина. Это показывает, что вольноотпущенный не вполне уравнивается в правах со свободными и сохраняет отношения с прежним хозяином (патроном).

III.13.26. О том, что связано с трудом (karmasaṁbandhaṁ) — видимо, условия договора найма, но, возможно, и выполнение этих условий.

Близкие (āsannāḥ) — речь идет о людях, которые могут засвидетельствовать выполнение работы, — вероятно, «находящиеся поблизости». Нельзя исключить, однако, толкование āsannāḥ как «близкие по работе или люди той же профессии» и т. д.

III.13.27. С временем, [затраченным на] работу (karmakāḥpurūṣa) — Р. П. Кангле переводит «с временем и работой».

III.13.28. Сутра, очевидно, предусматривает общие нормы оплаты основных категорий работников, если плата специально не оговорена.

III.13.30. Из разряда надеющихся [на вознаграждение] (āśākārikavarga) — вероятно, ремесленники или слуги могли заключить договор об определенной оплате. Они не составляли какую-то особую постоянную категорию работников. Объединять их в одну категорию (варга) правомерно лишь при противопоставлении лицам, перечисленным в предыдущих сутрах (28—29). В отличие от пастухов, земледельцев и пр., труд лекарей или сказителей не может быть количественно измерен по величине приносимой прибыли. Поэтому размер вознаграждения определяется, исходя из обычных ставок оплаты других работников за аналогичный труд (yathānyastadvidhaḥ kuryāt) или по решению сведущих лиц, если принятых ставок оплаты подобной работы не существует.

Сведущие люди (kuśala) — третейские судьи, обычно знатоки соответствующего дела (ср. КА IV.1.21). Сопоставление III.15.19 и III.16.5 позволяет думать об их тождестве с членами суда (sab-
hāsadaḥ).

III.13.31. *Показания свидетелей* (sākṣipratyaḡam) — в качестве последних, вероятно, и выступают близкие, упомянутые в 27-й сутре.

III.13.32. *Тогда, когда работа [налицо]* (yataḥ karma tato'puyiḥjīta) — обычно переводят «там, где работа [была сделана]».

III.13.33. *6 панам* — здесь, конечно, минимальный размер штрафа, если $\frac{1}{10}$ заработной платы составляет меньшую сумму.

III.13.34. *12 пан* — тоже минимальный размер штрафа.

III.13.37. *Требующая слишком много* (atīyāḥcā) — т. е. требующая платы сверх обещанного лишается платы вовсе.

III.14.1. *И задержание до выполнения* (samgrahaścākaḡaḡāt) — ср.

III.13.21. В аналогичных случаях в дхармаштрах говорится: «Следует силой принудить выполнить». См. Катьяяна (657). «Самродха» в КА можно сопоставить с «аседха» в дхармаштрах.

III.14.2. *Не в состоянии* (aśaktaḥ) — общее определение. Далее перечисляются конкретные условия, позволяющие говорить о невозможности выполнить работу.

III.14.3. Таким образом, если у работника, получившего плату вперед, имеется уважительная причина для невыполнения работы, может быть принято одно из двух решений: или он сам предлагает другого работника, или хозяин находит человека и взыскивает плату с первого.

III.14.4. Речь идет о твердом соглашении между хозяином и работником, однако без предварительной уплаты жалования.

III.14.5. *После окончания работы* (karmaniṣṭhāpane) — по-видимому, если работа выполнена и оплачена, хозяин не вправе задерживать работника против его воли, поручая ему другую работу.

III.14.11. Это исключение из предыдущего правила. Если работник сделал больше, чем было условлено, работа считается выполненной в соответствии с соглашением.

III.14.13. *Работник из их числа* (teṣāmādhiḥ) — ср. III.1.35. Возможно и толкование «их пребывание [на работе] продолжается...».

III.14.20. *При замене человека [другим]* (puruṣopasthāne) — т. е. вместо вышедшего работника работу выполняет кто-либо, его замещающий.

III.14.25—27. Поскольку в тексте говорится о товариществе, постольку в данном случае нужно предполагать кражу, в которой виновен один из членов товарищества. Кража эта небольшая, как показывает противопоставление с 27-й сутрой. Вероятно, дело вообще не доходит до суда и субъектом действия выступает не судья, а само товарищество в лице его руководителей. Иначе трудно объяснить выражение «пусть даст долю» (dadyāt pratyamśam).

III.14.26. *Изгнание* (ḡravāṣana) — очевидно, из товарищества или общины с лишением каких-то прав. Для изгнания из страны требуется санкция суда или исполнительной власти.

Когда уходит в другое место (anyatra ḡatane) — вероятно, в данном случае работник не просто отлынивает от работы, но уходит без разрешения с места проживания. Это, впрочем, не бегство навсегда, ибо иначе изгнание было бы не наказанием виновного, а лишь констатацией факта его бегства.

III.14.27. Как к преступнику (dūṣyavad) — видимо, дело передается в суд и решается в соответствии с общими правилами.

III.14.34. Или другие, заявившие о себе сами (anye vā svapratyayāḥ) — т. е. действующие самостоятельно, вступившие в группу жрецов, которые совершают жертвоприношение, вместо выбывших.

III.14.37. Мужем нечистой женщины (vṛṣalībhartar) — нечистой по кастовой принадлежности.

III.15.6. Средств [своего] существования — земли или другого имущества, от которого зависит благополучие семьи.

III.15.7. Безусловно, следует делить текст не avarodhena anuśayo deyaḥ, как обычно делается, а avarodhe na anuśayo deyaḥ, что значительно лучше стилистически (ср. III.14.4) и, главное, по смыслу.

III.15.8. Имеется в виду нарушение любого из правил, указанных в 5—7-й сутрах. Вероятно, $\frac{1}{10}$ часть товара взимается тогда, когда это составляет сумму большую, чем 24 паны.

III.15.12. Недостаток — недевственность невесты или импотенция жениха.

III.15.16. Людях [и] животных (dvipadacatuṣpadānām) — букв. «двуногих [и] четвероногих».

III.15.19. Судьи (sabhāsadaḥ) — заседающие в собрании, суде.

III.16.2. Происходит расторжение [сделки] (anuśaye varteta) — в том случае, если дано то, чем нельзя распоряжаться (avyavahāgyam). Содержание сутры должно означать исключение из предыдущего правила — что обещано, то должно быть отдано как долг. Слово avyavahāgya является определением обещанной вещи. Однако это не чужая, собственность, в противном случае был бы назначен штраф и данный казус рассматривался бы в другом разделе права. Возможно, следует оставить чтение рукописей ekata вместо предложенного Р. П. Кангле исправления на ekatra («в одном месте») и понимать avyavahāgyam ekata (ḥ) как «то, чем один не может распоряжаться», т. е. общее семейное имущество.

III.16.4. «Дар дхармы» (dharmadāna) — дарение с целью получить религиозную заслугу.

Негодным людям и за дурные дела (asādhuṣu karmasu caupaghātikeṣu) — последнее должно обозначать, видимо, неправильно совершенные обряды.

«Дар артхи» (arthadāna) — ради выгоды или в благодарность за принесенную пользу.

«Дар камы» (kāmadāna) — выражение любви и привязанности. III.16.7—8. [Желания] превзойти царей — если певцам и танцорам частное лицо преподнесет дары более обильные, чем царь.

III.16.9. Имеются в виду все виды личных долгов, сделанных не в интересах семьи.

III.16.12. Владельца (svāmin) — видимо, имеется в виду тот, у кого найдена вещь.

III.16.15. Для оправдания (apasāra) — если он тоже указывает на продавца и дальше, пока дело не дойдет до человека, который не сможет назвать законный способ приобретения вещи.

III.16.22. Р. П. Кангле полагает, что собственник может вернуть

«свое имущество и после срока, но это маловероятно: тогда установление срока не имело бы смысла.

III.16.23—24. Исходя из процентной ставки на неодушевленные предметы в 24-й сутре, можно вычислить примерную стоимость животных и рабов по 23-й сутре. «Двуногий», т. е. раб,— 100 пан, однокопытное, например, лошадь,— 80 пан, корова или буйвол — 40 пан, мелкий скот — 5 пан (см. [78а]).

III.16.27. *Пропавшее вследствие захвата* (svayaṃgrāheṇāhṛtam) — ср. VIII.1.44; 4.23; IX.6.24; X.3.45.

III.16.28. *Как было указано царем* (yathāpradiṣṭaṃ gājñā) — вероятно, в случае военных действий.

Ариев (āryarājā) — ср. III.13.1, 18.

III.16.31. В сутре говорится о ситуации, аналогичной предыдущей, но в связи с недвижимостью (vāstu). Срок, в течение которого собственник, пренебрегающий своими правами, лишается имущества, в данном случае вдвое больше. Anavasita значит примерно то же, что и bhūjumatāna в 30-й сутре, т. е. занятый, заселенный. Следующая сутра предусматривает исключение для данного правила применительно к некоторым категориям лиц, поселяющихся на чужих землях (paravāstuṣu). Соответственно термин anavasita можно сопоставить с глаголом vivas в 32-й сутре. Перевод anavasita «незанятая» (Р. П. Кангле) неубедителен. Если имеется в виду земля, не занятая собственником, то это входит в понятие urekṣita, а если никем не занятая, то нет urekṣā — пренебрежения правом собственности, и вся ситуация теряет смысл; иск по этому поводу не может быть вчинен. Кроме того, недвижимость, никем не занятая в течение двадцати лет, представляет собой просто джунгли (ср. anavasitabhāga в II.24.17, avasita — I.11.17, VII.11.1).

III.16.32. *Пашанда* — отшельники небрахманского толка.

III.16.33. *Отшельники* (āśramaṇaḥ) — имеются в виду брахманские отшельники.

III.16.36. *Изгнанию* — очевидно, из обители.

III.16.37. *Соученики* (samānatīrthya) — возможен перевод «живущие в той же обители».

III.16.38. *Махакачча* — Варуна, по предположению Р. П. Кангле. Допустимо и другое толкование слова — пракритская форма от «махакричхра», т. е. «великими покаяниями».

III.16.41. *Какие установлены* — в следующих главах.

III.17.2. Воровством считается либо тайное присвоение чужой вещи, либо получение ее из рук собственника посредством обмана (когда взявший чужое отрицает этот факт).

III.18.2. *Происхождения* (prakṛti) — как явствует из 7-й сутры, речь идет о варновой принадлежности.

III.18.4. *Посрамлении* (kutsā, kutsana) — очень близкие понятия с «поношением» (upavāda), но в первом случае не требуется дознания касательно справедливости утверждения, во втором требуется.

Возрастают — т. е. удваиваются.

III.18.5. *Нижестоящих* (hīna) — прежде всего по варновой принадлежности.

Чужих женщин — т. е. не являющихся членами данной семьи (ср. Яджнавалкья II.205, где в качестве примера приводятся сестра и мать чужого человека).

III.18.7. «Живущих на окраине» (*āntāvāsāyin*) — т. е. внекастовых.

III.18.8. *Области, откуда человек родом* (*janapada*).

Праджунака, или прагхунака. Этноним неясен. Иногда толковался как «восточные гунны», что маловероятно. Х. Шарфе предлагает отождествление с жителем Ферганы; возможно, пракритская форма вместо «праджуна». На наш взгляд, нельзя исключить и такого толкования текста, при котором это слово будет служить эпитетом к «гандхара» (как в предыдущей фразе «дурной брахман»).

III.18.11. *Представит поручителя* — ср. Яджнавалкья II.209.

III.19.2. *Нечисты* (*amedhya*) — ритуально нечисты, скажем, земля и зола с места сожжения трупов и т. д.

III.19.4. *Небрежности, опьянения, умопомрачения и так далее* (*pramādamatohādi*) — традиционная формула, указывающая на смягчающие вину обстоятельства (ср. III.18.5).

III.19.5. *Начиная с 6 пан* (*ṣaṭpāṇottara*) — удвоение в случае, если потерпевший занимает более высокое положение и т. д.

III.19.8—10. С точки зрения формальной сутры стоят не на месте, ибо до сих пор речь шла только о прикосновении (*spraśana*), с 12-й сутры — об угрозе действием (*avagūṇa*), а в этих уже говорится об ударе, избивении (*prahata*), о чем речь должна идти позже. И. Я. Мейер и Р. П. Кангле предполагают интерполяцию, однако текстуальная близость к Яджнавалкье (II.215) позволяет заключить, что ко времени создания дхармашастры указанная сутра была в КА. См. гл. 2(1).

III.19.12. *Если только кровь не худая* (*duṣṭaśoṇita*) — согласно Ганапати Шастри, имеется в виду кровь из язвы и т. п.

III.19.15. *Передается прадештарам* (*kaṇṭakaśodhanāya piyate*).

III.19.23—30. В сутрах, по сути, разбирается тема повреждения имущества (*arthadūṣaṇa*), тесно связанная с темами оскорбления словом и действием (ср. VIII.3.23—30). Имущество рассматривается как часть личности (тела) хозяина (см., например, Митакшара II.223). Вначале речь идет о простом повреждении имущества во время драки, а затем — о сознательном нанесении ущерба.

III.20.14. *Прибытия или пребывания по тени часов* (*uṛtaschāyāsaturaveśasamsthitinām vā*) — текст не исправен, vā должно стоять при перечислении однородных членов предложения, которых здесь нет.

Минуя ближайших соседей (*prativeśānuveśayogupari*) — пративеша, возможно, ближайший сосед, а анувеша — следующий за ним.

III.20.15. *Обещанное* (*samdiṣṭa*).

Продающего товар, обещанный другому (*paravaktavyaṃ rapyaṃ kṛiṇānasya*) — переводим по смыслу, заменяя *kṛiṇānasya* «покупающего» на (*vikṛiṇānasya*) «продающего».

Сорока соседним семействам — см. гл. 2(1).

III.20.16. Семейное имущество (kulaṇivī) — переводим, исходя из параллельного текста Яджнавалкьи (II.236).

Касающегося арийки — опираясь на параллельные тексты, можно думать, что речь идет о неприкасаемости.

Шакьев — т. е. буддистов.

Низких (vṛṣala) — по кастовой принадлежности. В общинах буддистов, адживиков и других приверженцев неортодоксальных течений, в отличие от брахманских, отшельниками могли стать члены низких каст.

Глава 2

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. Община, каста, семья

Согласно «Артхашастре» (III.1.17), обращаясь в суд или будучи привлеченным к суду, человек сообщает о себе следующие сведения: местность (деша), деревня (грама), джати, род (готра), имя (наман), занятие (карман). Подозрительное лицо опрашивают (IV.6.2), задавая те же вопросы. Чиновник, ведающий делами городского квартала (гопа), собирает аналогичные сведения о жителях подведомственной территории (джати, род, имя, занятие — II.36.2). Состав вопросов и порядок их перечисления не меняются. По сути, это не что иное, как анкета, позволяющая судить, какие данные о конкретном лице считались обязательными и важными в древней Индии.

Сходные перечни в трактате встречаются несколько раз (II.7.2; III.7.40; 10.45; 18.12; XIII.5.9). Однако, судя по контекстам, «местность» и «деревня» — нечто большее, чем только адрес, а «джати» не просто происхождение. Рассмотрим эти перечни:

II.7.2: В государственном архиве хранятся записи о правилах жизни (дхарма), соглашениях (вьявахара), обычаях (чаритра) и установлениях (самстхана) местностей, деревень, джати, семейств (кула) и объединений (сангха). Далее обнаруживаем известную детализацию (III.7.40): местности, деревни, джати и объединения имеют свои правила (дхарма) по поводу раздела наследства, и судьи должны принимать решения по этим делам, сообразуясь с такого рода правилами (ср. также II.22.15 о разных обычаях — чаритра, связанных с куплей-продажей, взиманием торговой пошлины, свойственных отдельным местностям и джати).

XIII.5.9: Во главе деши, грамы, джати, сангхи стоят руководители (мукхья).

III.18.12: Деша, грама, джати, сангха в целом могут посчитать себя оскорбленными кем-либо из членов и обратиться в суд. За оскорбление, нанесенное местности или деревне, взимается низший штраф сахаса, а нанесенное джати или объединению — средний штраф сахаса.

Приведенные примеры поразительно единообразны: практически не меняются ни составные части, ни терминология, ни порядок перечисления (если это не вызывается соображениями метрики — III.7.40). Во всех случаях деша, грама, джати, сангха (иногда и кула — II.7.2 и III.10.45) выступают в качестве коллективов, воз-

главляемых руководителями и подчиняющихся правилам, обычаям, которые регулируют отношения внутри коллектива и его с внешним миром. В КА нет специального термина, однозначно переводящегося как «община», но рассматриваемый неоднократно повторяющийся список фактически дает перечень общин или *древнеиндийскую типологию общины*. Выделяя то общее, что присуще разным ее типам (деревне, «объединению» и т. п.), можно определить, что есть община с индийской точки зрения.

Наиболее интересна пракарана III.10.35—45, названная «Невыполнение самая». Соответствующие разделы в дхармаштрах часто толкуются просто как «нарушение соглашения» между контрагентами. Этим разделам придается столь мало значения, что, скажем, Ю. Йолли в своей классической работе об индийском праве и обычаях [142] обходит данную тему полным молчанием. Переводы КА демонстрируют фантастическую интерпретацию содержания раздела. Материал его почти не использовался историками. Между тем легко заметить, что в основной его части (III.10.35—44) рассматриваются разные случаи «нарушения самая» внутри деревни (грама) и речь идет о правилах жизни деревенского общинного коллектива. Затем те же правила распространяются и на дешу, джати, кулу, сангху. Иначе говоря, этот традиционный раздел *внутриобщинным отношениям*. «Самая» — не частный договор, нарушение которого отдельно разбирается при изложении вопросов права, но и не временное соглашение партнеров: о регулировании отношений между членами временного объединения говорится в другом месте (III.14.18 и далее) — в разделе о «товариществе» (самбхуясамуттхана). Деша, грама, джати, кула, сангха — это типы постоянных общин, а «самая» — «договор-обычай», на котором зиждется общинный порядок (ср. коммент. «Митакшара» к «Яджнавалкья-смирита» II.185—186).

Деревня. Поскольку общиной по преимуществу, как бы образом ее в указанном разделе является деревня, проанализируем на ее примере главные элементы общинной структуры. В первой сутре сообщается, что земледелец (каршака), который должен подчиняться общине¹, но не подчиняется ей, подлежит наказанию. Если он не делает работу, община вправе взять с него плату в двойном размере; если он не платит взносов, не приносит еду и питье во время праздновств, деревня может взыскать причитающуюся с него долю в двойном размере².

Участие в работах и празднествах обязательно для земледельца. Он может не участвовать в складчине для оплаты необязательных развлечений, зрелищ, но тогда ни сам, ни его домохозяин не должны смотреть представление. Коль скоро же он тайком слушает и смотрит или мешает делу, удобному всей деревне (сарвахита), то платит вдвое. Далее разбирается вопрос о взаимоотношениях общины с «одним», очевидно ее руководителем (ср. XIII.5.9); в деревне это, конечно, грамика — староста (III.10.16—18). Глава общины определяет, что полезно деревне, и всем надле-

жит выполнять его распоряжение³, иначе — штраф 12 пан. А если в этом случае, сговорившись, приказание нарушают⁴ совместно, штраф с каждого увеличивается вдвое⁵. Смысл следующих двух сутр остается не вполне ясным. Однако при всех условиях, несомненно, для брахманов делается исключение: им не грозит наказание за неучастие в подготовке местных празднеств и они всегда могут претендовать на свою долю.

Итак, деревенская община вправе (до известных пределов) самостоятельно карать своих членов, выполняет общие работы и имеет единый имущественный фонд. Участие в расходах в одних случаях непременно, а в других нет. Руководителю должны подчиняться все, но лишь тогда, когда он предлагает то, что им кажется полезным. Наконец, не все общинники обладают равными правами и несут равные обязанности: брахманы пользуются привилегиями.

Основные правила, регулирующие отношения в деревне, распространяются и на деша, джати, кулу, сангху (III.10.45). Значит, и эти коллективы, вероятно, имели руководителей, выполняли общие работы, устраивали празднества на основе денежных и натуральных взносов и по внутренней структуре были однотипны с деревенским.

Местность. Крупное территориальное объединение — местность, область (деша) — индийцы считали в целом сходным с общиной. Сведения «Артхашастры» об «областях» и объединениях 5 или 10 деревень позволяют действительно воспринимать их не только как административные единицы, но как большие самоуправляющиеся коллективы, осознающие свое единство, которое проявляется в наличии общей собственности, общих обычаев, работах и празднествах (III.10.45; 9.10; II.35.2; IV.13.12; V.1.21; IX.2.5—6). Своего рода общиной представляется и древнеиндийский город (V.1.43; II.3—4). Территориальные подразделения его (кварталы, объединения 10, 20 и 40 семей — II.36.2; IX.1.17) также могут рассматриваться как соседские общины. Об этом свидетельствует, например, право преимущественной покупки дома соседями из числа 40 семей и их присутствие в качестве свидетелей при продаже недвижимости (III.9.1—3), общая собственность на колодец для каждой из групп 10 семей, право соседского коллектива (40 семейств) наказывать своего члена, причиняющего им неприятности (III.20.15), и т. д.

Каста. Особенно примечательно, что в перечне коллективов в «Артхашастре» упоминается и джати. Об этом термине вообще и употреблении его в КА существует довольно большая литература. Иногда его полагают тождественным варне или понимают в самом широком значении — «происхождение». Упускается из виду, что в трактате джати выступает как тип общины и, следовательно, имеет свои традиционные правила, руководителей, общие празднества, собственность, т. е. что слово это в данных контекстах, во-первых, несет совершенно определенный смысл (не просто «происхождение»), во-вторых, не может быть соотнесено с варной,

слишком обширной и лишенной внутреннего единства, чтобы быть реальным коллективом с главою, общим имуществом и пр.⁶

Этимология термина (от *джан* — «рождаться») показывает, что речь идет об общности, образовавшейся по признаку происхождения или родства. В приведенной выше «анкете» первыми названы «графы» о территориальной принадлежности (деша и грама), а затем о родственной (джати и готра). При этом место термина в перечислении свидетельствует, что под ним подразумевается коллектив более крупный, чем род (готра). Видимо, джати так же состоит из готр, как местность из деревень. Поскольку готра экзогамна⁷, а брак в то же время надлежит заключать в пределах определенного круга лиц («с равными»), постольку можно думать, что джати является эндогамным объединением экзогамных родов. Но что такое эндогамное объединение родов, имеющее общинную структуру? В Индии это, несомненно, каста и, значит, она в эпоху оформления традиции КА, задолго до нашей эры, была уже вполне сложившимся институтом. В литературе справедливо отмечается, что, коль скоро джати в «анкете» КА упоминается наряду с занятием, она никак не может считаться «профессиональной кастой» (*Berufskaste*; ср. также перечисление джати и ремесла в IX.2.9). Но каста, как правило, и не указывает лишь на занятие человека, и профессиональный признак не является ни первоначальным, ни главным в ее характеристике.

Материал «Артхашастры» позволяет высказать некоторые соображения и по поводу происхождения касты. Определению джати как эндогамного объединения родов отвечает не только понятие «каста». Ему соответствует также этническая группа. В трактате джати часто не каста в точном смысле слова, а скорее племя либо племя, осмысляемое и как каста. Естественно думать, что, когда говорится о джати, нападающих на враждебное государство (IX.6.72), имеются в виду именно племена, а когда восхваляют джати воинов-героев (X.3.43) — возможно, также их племенная принадлежность. Между джати-племенем и джати-кастой, видимо, вообще нельзя провести четкой грани. Характерно, что племенными являются многие названия каст (амбаштха, нишада и др.), а одна из низших — чандалы, несмотря на то что традиционно ее возникновение связывается с брачными отношениями шудр и брахманов (III.7.26), в КА (II.1.6) фигурирует как лесное племя наряду с шабарам и пулиндами. Несколько раз упоминаются джати млеччхов⁸ — отсталые (варварские) племена, воспринимаемые в качестве особых каст. По-видимому, джати может быть объяснена исключительно как тип общины и в связи с родовыми, племенными отношениями.

Сведения «Артхашастры» о конкретных кастах не представляют большого интереса. Здесь приводятся лишь те их наименования, которые принято было перечислять при описании «процесса смешения варн». Обычно это древнейшие названия, встречающиеся в ведийской литературе. На их примере воссоздается самая общая модель касты и кастового порядка в целом. Историкография неред-

ко демонстрирует попытки анализировать материал шастр о «смешанных кастах», чтобы выяснить, какие из них существовали в древней Индии и какое положение занимали. Обращает на себя внимание однообразие их перечней в разных источниках. Вероятно, это отражает литературную традицию, а не реальную действительность. Оно и понятно, ибо касты, т. е. объединения родов, имеющие общинную структуру, могли быть только местными. Общеиндийских каст, очевидно, не было. Общеиндийской могла быть лишь сама схема кастовых взаимоотношений. В качестве таковой и представляют ценность для нас разделы шастр о «смешанных кастах».

О варнах в трактате сказано мало. Упоминается четырехварновое общество — «чатурварнья» (II.4.6; VII.11.21), члены которого именуются «арии» и противопоставляются варварам (млеччхам — III.13.1), лесным племенам (атави — IX.2.18), низшим (авара — II.15.43—44), нечистым (амедхья — I.17.35), низким (нича), чандалам (II.14.10), швапакам (IV.3.34—35), «живущим на окраине» (III.18.7), варварам и лесным племенам (VII.10.16, XII.4.23), «имеющим воровскую природу» (XIII.5.15), рабам (III.13.5). Чандалов и других представителей низших варн допустимо считать неприкасаемыми (III.20.16).

Из отдельных варн довольно часто называются брахманы (III.1.38; 20.14; IV.8.27—29; 11.12). Обычно употребляются несколько неопределенные слова «равный», «высший», «низкий», возможно означающие не только варновую принадлежность (III.18.4—5; 19.4; I.3.9; XI.1.10—12). Для указания на варновое происхождение используется термин «пракрити» (III.18.6, ср. XIII.5.15).

Очень важны сведения «Артхашастры» о положении шудр. В главе, посвященной внешней политике (VII.11.21), рекомендуется приобретать такие земли, население которых преимущественно относится к низшей варне (авараварнапрая), поскольку с таких земель царь сможет получать все виды доходов-податей (бхога). Согласно КА, следовательно, низшая варна являлась основным податным сословием. Это целиком подтверждается и материалами главы об основах государства (VI.1.8), где идеальной признается местность (джанапада), жители коей в большинстве своем — представители той же варны. В главе об устройстве джанапады (II.1.2) рекомендуется заселять ее главным образом земледельцами, шудрами (шудракаршакапрая).

Как известно, последнее выражение по-разному интерпретируется в научной литературе. Некоторые авторы (например, Р. П. Кангле) считают, что речь идет о шудрах-земледельцах, другие — что о шудрах и земледельцах (и делается вывод, что шудры не занимались земледелием) [196, с. 161—162]. Проблема эта, думается, мнимая. И приведенные выше сутры КА⁹, и параллельные тексты¹⁰ свидетельствуют о неточности обоих толкований. Речь, видимо, идет о том, что по варновой принадлежности большинство жителей указанных территорий должны были быть шуд-

рами, а по занятиям — земледельцами (каршака). Слово «каршака», вопреки мнению Р. П. Кангле и других переводчиков, не является определением слова «шудра». Несомненно, могли быть земледельцы из иных варн, как и шудры, не занимавшиеся земледелием. Однако противопоставление тех и других также неправильно. Коль скоро подавляющая масса жителей принадлежит к варне шудр и вместе с тем большинство населения занимается земледелием, естественно допустить, что понятия «земледелец» и «шудра» в значительной мере совпадают. И если шудры, как правило, были земледельцами, то вполне естественна их характеристика в трактате в качестве основного податного сословия.

В санскритской литературе, прежде всего в дхармашастрах (см. Ману VIII.410 и др.), шудры обычно признавались несамостоятельной категорией, обязанной служить дваждырожденным — ариям. В КА (I.3.8) о занятиях первых сказано весьма своеобразно: «Служение дваждырожденным, вартта, ремесло и актерство». Понятие «вартта» раскрывается чуть ниже (I.4.1) — земледелие, скотоводство и торговля, т. е. главные отрасли хозяйства. Р. Ш. Шарма [196, с. 160] полагает, что фразу следует переводить иначе, связывая «вартта» со «служением дваждырожденным» и толкуя его как «способ поддержания жизни». При такой интерпретации нужно было бы думать, что составитель КА слепо повторяет привычные формулировки, игнорируя реалии, отраженные в других книгах трактата (раз шудры не заняты в основных видах хозяйства, с них никак нельзя получать «все виды податей»). Между тем слово «вартта» нигде в трактате не встречается в том значении, которое придает ему Р. Ш. Шарма, а в свете приведенных данных о хозяйственных занятиях шудр нет необходимости в переосмыслении текста.

В грихьясутрах, дхармасутрах и некоторых дхармашастрах шудры нередко противопоставляются дваждырожденным или ариям, причем они объявляются рабами последних. Слова «шудра» и «раб» иногда выступают как синонимы (см. «Ашвалаяна-грихьясутра» IV.1.18—19, Ману VIII.417). У Ману шлоки о рабах не случайно поставлены в контекст, где должно говориться о шудрах, для него они и рабы тождественны (VIII.414). «Артхашастра», напротив, включает шудр в число ариев (III.13.1). Те правила КА, которые устанавливаются, чтобы предотвратить их обращение в рабство, целиком распространяются и на шудр (III.13.1—19; 16.28). В противоположность произведениям ведийской литературы и дхармашастрам Каутилья представляет «чистое», ортодоксальное общество состоящим не из трех, а из четырех варн. Члены последней, очевидно, совершали священные обряды и руководствовались предписаниями индуизма¹¹.

Лишь один фрагмент КА, казалось бы, резко противоречит общей тенденции — в III.19.8—10 предусматривается крайне жестокое наказание для шудр за оскорбление брахмана. Данный фрагмент настолько не согласуется с остальным текстом, что ряд ученых считали его интерполяцией [60, с. 805]. Однако по стилю он

не выпадает из изложения, и потому интерполяцию допустить трудно. Впрочем, его можно интерпретировать не так, как толковали переводчики. Фраза о том, что надлежит отрубить шудре часть тела, которой он ударит брахмана, на наш взгляд, воспроизводит встречающееся часто в дхармашастрах положение (ср. Ману VIII.279, Вишну V.19, Нарада XV—XVI.25, Гаутама XII.1 и пр.). Каутилье принадлежит заключительная ремарка: «Этим сказано о чандалах [и других] ритуально нечистых». Слова Каутильи понимают так, что на чандалов и прочих внекастовых он распространяет положение, относящееся к шудрам. Но сближение шудр с чандалами не соответствует всем указаниям КА. Кроме того, упоминание о чандалах было бы лишено смысла: если суровое наказание ожидает шудру, то что же говорить о чандалах. Вероятно, наоборот, Каутилья хочет сказать, что там, где в священных ведийских текстах подчеркивается приниженное положение шудр, на самом деле подразумевается не собственно они, а лишь чандалы и другие низкокастовые¹². При такой трактовке получается, что автор трактата не объединяет, а резко противопоставляет шудр и низкокастовых, находившихся за пределами «чистого» индусского общества.

Как отмечалось ранее, в КА отражены уже сложившиеся касты и кастовые группы. Поскольку «графа» о кастах постоянно встречается в «анкетных» списках, можно сделать вывод, что каждый человек принадлежал к какой-либо касте. При этом сообщается весьма существенная деталь, что так называемые смешанные касты не стояли вне чатурварньи и почти все приравнивались к шудрам (III.7.37). Очевидно, данная варна именно из отдельных каст и состояла (подобно прочим варнам). Некоторые, наверное, занимали положение ниже шудр, и в качестве традиционного примера таковых в КА приводятся чандалы. Из каст, указанных в трактате, по крайней мере швапаки также должны были занимать аналогичное с чандалами место в кастовой иерархии. Если же перейти от литературной традиции к действительности, то, вне сомнения, принадлежность касты или кастовой группы к какой-либо варне (как в средние века и в новое время) всякий раз зависела от конкретных условий. Варновая характеристика была способом классифицировать реально существовавшие касты. Она не была произвольной, поскольку фиксировала место в социальной структуре той или иной группы, но вместе с тем допускала возможность известной социальной мобильности — в рамках общества, разделенного на сословия, с переменной социально-экономического или политического статуса каст соответственно могла изменяться и их варновая принадлежность.

Отмечая отраженные в источниках факты перемены положения и занятий шудр, историки нередко делают вывод о повышении их статуса (см. [196; 65]). Предполагается постоянная варновая принадлежность при изменчивости занятий и положения (шудры начали заниматься земледелием). Проблему, думается, надлежит поставить иначе — социальные слои, занимавшиеся земледелием, ста-

ли рассматриваться в качестве шудрянских каст, которым, согласно традиции, надлежало быть рабами или слугами в чужом хозяйстве. Ряд причин должен был способствовать этому процессу. Вероятно, земледельческий труд в большинстве случаев теперь связывался с известной приниженностью, работой на других, что и считалось исполнением дхармы шудр.

Торговцы и другие состоятельные лица настолько сильно отличались по своему положению от простых земледельцев, что последние не могли, как прежде, причисляться к одной с ними варне — вайшьев. Таковыми, во всяком случае, к концу древности именовались только касты торговцев и ростовщиков. Если в санскритской литературе нередко говорится о том, что земледелие — занятие вайшьев, то вайшьийскими, видимо, чаще считались землевладельческие касты, чем те, которые непосредственно занимались земледельческим трудом. Вероятно, земледельческое население, в массе своей «арийское», стало относиться не к вайшьям, а к шудрам. Название «шудры» прилагалось к основному трудовому населению Индии независимо от этнического происхождения. При этом древние предписания об их дхарме после известной трансформации были приспособлены к освящению новых социальных отношений.

Включение шудр в состав «ариев», т. е. ортодоксального индусского общества, свидетельствовало о завершении процесса создания нового религиозного и — шире — этнокультурного единства. За его пределами на территории Индии оставались лишь нецивилизованные «племена джунглей» (и то частично ассимилировавшиеся в качестве низших каст, более низких, чем шудры).

Объединение. В перечнях общинных коллективов в КА встречается термин «сангха» (объединение), отсутствующий (в отличие от территориальных, кастовых и родственных общин — грама, джати, кула) в «судебных анкетах». Единственное, с чем в «анкете» можно было бы сопоставить его, — это «карман» (занятие, профессия). В «Артахаштре» слово «сангха» применяется к религиозным объединениям небрахманского толка (I.18.19; V.2.37 — речь идет, между прочим, об их имуществе), к немонархическим государственным образованиям и к правящим в них олигархическим союзам, иногда состоящим из членов одного царского рода (VIII.3.64, I.17.53), и к артели наемных работников (III.14.12).

По всей вероятности, к типу сангхи принадлежали и многочисленные шрени (что вытекает из контекста; кроме того, иначе трудно было бы объяснить отсутствие указаний на шрени в приведенных выше перечнях). Словом этим в КА обозначаются не только ремесленные (IV.1.2—3; II.4.16), но и военные корпорации (IX.2.4 и др.). Зачастую «сангха» и «шрени» употребляются как синонимы. Немонархические государственные образования называются «шрени кшатриев» (XI.1.4). Разновидностью профессиональных ассоциаций были, видимо, корпорации торговцев (II.4.16). Правила, относящиеся к актерам, жонглерам и т. д., показывают, что и они образовывали объединения (IV.1.58—63). Упомянутый в КА тер-

мин «пуга» (I.13.2) тоже может указывать на аналогичное явление. «Сангха» в рассмотренных ранее перечнях понимается очень широко, в смысле разного рода корпораций — профессиональных, религиозных, политических.

Возникает она не как чисто родственный коллектив, вместе с тем это и не временное соглашение партнеров для выполнения определенной задачи («товарищество»). Речь идет о коллективах постоянных, следующих особым обычаям (III.7.40; II.7.2). Главы таких объединений (например, шрени) нередко получают жалование от царя (V.3.9); местожительство в городе членов шрени твердо установлено (II.4.16).

Соотношение сангхи и касты нельзя назвать определенным, несомненно, однако, что занятия представителей ряда каст были традиционными (о чандалах-палачах см. в III.3.28; IV.7.26, ср. III.7.35 и далее о занятиях «смешанных каст») и, в свою очередь, представители тех или иных профессий занимали четкое, безусловно наследственное место в социальной иерархии. Связь чело- века с кастой и сангхой была, вероятно, более прочной, чем с чисто территориальными объединениями (деша, грама). Так или иначе, но штрафы за оскорбление своей общины в первом случае взимались значительно более высокие (III.18.12). Промежуточным звеном между кастой и сангхой была, видимо, родственная организация типа кулы, которая, по словам автора КА, порой подобна сангхе (I.17.53, VIII.3.64). Последняя, как правило, включала несколько или много кул (скажем, сангха кшатриев — олигархическое объединение), могущих входить в одну касту (и тогда сангха являлась частью ее, иногда как бы подкастой) или принадлежать к различным кастам (и тогда сангха существовала как межкастовое объединение)¹³.

Семья. Термин «кула», условно переводимый как «семья», в КА дважды (II.7.2 и III.10.45) назван среди общинных коллективов. Здесь уместно остановиться и на самом термине, и на проблеме структуры семьи, элементарной общинной ячейки древнеиндийского общества.

В налоговых списках учитывалось прежде всего количество дворов, именуемых «гриха». Видимо, обычно «двор» считался принадлежащим отдельной семье (кула). Она самостоятельно вела хозяйство, поскольку в налоговых списках указывались ее занятия (карман), образ жизни, доходы и расходы, общее число женщин и мужчин, стариков и детей. О составе семьи допустимо судить на основании списка лиц (III.1.12), не обладающих правом совершать сделки (недееспособных — III.11.28).

В первую очередь тут перечисляются «несамостоятельные», т. е. не имеющие права заключать сделки от имени семьи — такие, которые касаются семейного имущества и которые способны причинить ей ущерб. Несамостоятельными являются дети, зависящие от отца (однако во главе семьи может стоять один из взрослых сыновей, и в этом случае отец будет членом семьи сына и, значит, «несамостоятельным»); младший брат, не получивший наследст-

венной доли, т. е. не создавший своей семьи (даже если он женат, наличие жены и детей не делает его имеющим кулу, поскольку брачная пара влита в одну общую семью, возглавляемую старшим братом); женщины, подчиняющиеся власти мужа или сына. Из других фрагментов КА известно, что еще ряд родственников может входить в семью (III.6.21; II.1.25—28 и др.). Здесь же к «несамостоятельным» отнесены лица, не являющиеся родственниками, — «рабы» (даса) и «заложённые» (ахитака). Они тоже не являются полностью дееспособными, хотя заложённый и даже раб могли иметь имущество. Поскольку им запрещено совершать сделки от имени семьи и такой случай считается в принципе реальным, следует думать, что рабы и «заложённые» признавались входящими в семью на правах младших ее членов.

Домовладыка, обычно отец семейства, решает все дела и распоряжается судьбой своих домочадцев. Он выдает дочь замуж (III.2.10), и его власть над ней квалифицируется как «свамя» (букв. «собственность» — IV.12.9), он может младших членов отдать в залог (III.13.5—6), наказывать жену (III.3.7—9).

Впрочем, подобное изображение патриархальной семьи нуждается в существенных уточнениях. Во главе ее, как уже говорилось, может стоять не отец, а сын (III.1.12); для выдачи дочери замуж в случае брака-купли требуется согласие не только отца, но и матери (III.2.10—11); залог младших членов, если они не достигли совершеннолетия, допускается лишь в самых крайних обстоятельствах (III.13.1—5), а достигших совершеннолетия — невозможен без их согласия (III.1.36). Закон ставит пределы наказания жены мужем (III.3.7—9); младшие члены семьи иногда обладают собственным имуществом; жена имеет стридхану и вправе не принимать на себя ответственность за долги мужа (III.11.23); дети порой приобретают имущество, которое не становится частью общесемейного. При разделе «отцовского» имущества «добытое собственными силами» не подлежит разделу (III.5.3), да и сами штрафы, налагаемые за непослушание на младших членов семейства, свидетельствуют о наличии у них некоторой собственности.

Материал КА, касающийся наследственного права, заставляет предполагать существование семей разного типа. В III.5.1—6 в качестве первоначального и обычного типа упоминается большая патриархальная семья. Имущество ее рассматривается как отцовское, и раздел происходит лишь после смерти главы. По-видимому, чтобы избежать несамостоятельности по отношению к новому главе, которым может стать старший сын, братья иногда настаивали на разделе отцовского имущества, а затем вновь его объединяли и продолжали жить вместе (III.5.7—9). Семья в этом случае остается большой, но уже образованной на более демократических основах, без патриархальной власти домовладыки. Она ведет единое хозяйство, и при повторном разделе размер первоначальной доли, внесенной в общую собственность, не принимается во внимание. Однако на имущество каждого из объединившихся братьев право имеют его дети. Только в случае бездетности умершего брата

на его имущество претендуют другие члены семейного объединения. Если среди братьев есть единоутробные, наследуют только они (III.5.9), а при отсутствии таких наследство делят между собой все братья, а также сестры, не вышедшие замуж.

Наконец, раздел может быть совершен еще при жизни отца, причем он, вероятно, берет себе равную с сыновьями долю (III.5.10). В выделившейся малой семье наследство отца получают его сыновья (и дочери, родившиеся в браке-священнодействии); в случае отсутствия детей право на имущество сына заявляет его отец, а затем братья и дети братьев (если брата уже нет в живых).

Основная часть наследственного имущества, хотя оно и называется отцовским, не принадлежит полностью главе семьи, и он не может распоряжаться им по собственному усмотрению. Даже если отец сам производит раздел, он не должен без достаточных оснований увеличить или уменьшить долю кого-либо из сыновей (III.5.16—17). В древнеиндийском праве ясно различается имущество, приобретенное лично и доставшееся по наследству; лишь по отношению к первому право распоряжения является более полным. Еще более четко это обозначено в дхармашастрах. Катьяна говорит (854): «Разделившиеся или неразделившиеся наследники недвижимости равны. Ведь один никогда не волен дарить, закладывать ее и продавать». То же у Брихаспати (XXVI.14): «В дедовском имуществе, недвижимом или движимом, у отца и сына равные права на долю». И в XXVI.10: «В имуществе, доставшемся от предков, доме [или] земле отец и сын имеют равные права на долю. [А] в отношении отцовского имущества сыновья не могут требовать раздела против воли отца». Иными словами, здесь решительно подчеркивается различие между имуществом, приобретенным отцом, и общесемейным, дедовским, временным распорядителем которого выступает глава семьи.

Место женщины в семье. В связи с проблемой структуры индийской семьи особого рассмотрения заслуживают вопросы о положении женщины при разных формах брака. Одна из тем III книги посвящена «женскому имуществу» (стридхане). Оно определяется как состоящее из средств существования, называемых «стхалпья», и украшений (III.2.14). В III книге они упоминаются несколько раз (III.2.19; 3.12; 4.16). Наряду со стридханой перечисляются и, таким образом, не входят в это понятие шулка (III.2.40—41; 3.5; 3.32; 15.14—15), шулкашеша (III.4.15), шулка, анвадхья и другое, данное родственниками (III.2.37).

Шулкашеша не составляет часть стридханы (III.2.19), равно как и «патидая» (наследство от мужа — III.2.26—27), иначе не было бы нужды специально оговаривать права женщины на нее. Иными словами, стридхана охватывает не все вообще виды имущества, которые могут находиться у женщины, но исключительно «женское имущество» в узком смысле. Вместе с тем раздел «Правила о стридхане» (III.2.19—37) касается ряда близких понятий, а сам термин употребляется и в более широком значении.

В случае обнаружения у девушки недостатка, проявляющегося в сфере интимных отношений, стридхану и шулку возвращают жениху, в случае же обнаружения подобного недостатка у него он их теряет (III.15.14—15). Отсюда допустимо предположить, что указанные виды имущества даются стороной жениха (им самим, его родителями или родственниками). Это подтверждается и тем, что дети женщины, вступавшей в брак не один раз, делят ее стридхану так, чтобы каждому досталась доля, полученная от его отца (III.2.31). К тому же отмечается, что стридхана умершей бездетной поступает ее мужу; о том, что было дано ее родственниками, речь идет отдельно (III.2.37).

Цель стридханы — обеспечение на случай бед (III.2.34); максимум ее (без украшений) устанавливается в размере 2 тыс. пан. На стридхану, равно как на шулку и принесенное из родительского дома, женщина имеет право собственности (свамья — III.3.32). В то же время видно, что стридхана находится в руках хозяина семьи (мужа, свекра и т. д., см. выражение «как получено, взято» — III.3.17—18; 2.24). Особо выделяются случаи, когда женщина может получить свое имущество (III.2.19 и сл.; III.2.40 и сл.). Права распоряжения стридханой и расходования ее весьма ограничены; по сути, это возможно лишь действительно в трудных обстоятельствах — для жены, если остается без средств сама (или ее сын и невестка), для мужа в случае голода, болезни, необходимости откупиться от разбойников и пр. (III.2.16). Его права зависят и от форм брака: в «дхармических» допускается общность имущества супругов, правда лишь при наличии детей (III.2.16—17), в «недхармическом браке» общность совершенно исключается.

Права женщины на разные части стридханы, вероятно, различны. Даже названная «та, которой можно распоряжаться по желанию», не является полной ее собственностью, ибо при вторичном замужестве вдовы передается детям. Стридхана, шулка, анвадхея — имущество, полученное женщиной в связи с вступлением в брак, предназначается в конце концов потомству и ни при каких условиях не должно перейти в собственность ее родственников. Вдова получает его только тогда, когда по воле свекра выходит вторично замуж за родственника покойного мужа. Если она вступает в брак вопреки воле свекра, то возвращает все, что было дано стороной мужа. Ее стридхану получают дети от первого брака, если же их не было, имущество делится между семьями мужа и ее родителей. Те и другие берут то, что было дано к свадьбе.

Стридхана играет также роль материальной гарантии брака. Она потеряна для жениха, коль скоро он не способен к брачной жизни, и, наоборот, возвращается ему, если недостатком страдает жена (III.15.14—15). Нарушение супружеской верности ею или бегство из дома влечет утрату прав на стридхану (III.4.15; 4.16; 3.32; 3.12). Прав на нее лишается и инициатор развода, будь то мужчина или женщина (III.3.17—18), а также вдова, нарушающая волю свекра при вторичном замужестве (III.2.21—23), или муж, берущий в дом вторую жену без достаточных оснований.

Несколько подробнее нужно остановиться на содержании термина «шулка» в брачном праве (мы не рассматриваем иные его значения, например «торговая пошлина» — II.21.2 и др.). В смысле «брачный выкуп» он упоминается в древнеиндийских текстах в качестве отличительного признака брака «асура» — так сказано и в III книге КА (2.7). Из дальнейшего изложения, однако, ясно, что в действительности выкуп родителям невесты платили при всех «недхармических» формах брака (III.2.11). Фактически с точки зрения юридических отношений в трактате отражены не восемь традиционных форм, а две основные: дхармический брак — священнодействие, или «дарение девушки», и брак с уплатой родителям невесты выкупа (шулки), т. е. брак-купля (III.2.10—11 и др.). Этому делению составитель КА строго следует. Указывая сроки ожидания жениха невестой, он перечисляет разные варианты — при дхармическом браке того, кто не сообщил о сроке отсутствия, надлежит ждать семь месяцев, если о нем нет известий, и один год, если они есть, соответственно для назвавшего срок — пять и десять месяцев. В случае уплаты части шулки невеста обязана ждать жениха три месяца, если о нем нет известий, и семь, если они есть (III.4.31—32); когда шулка уплачена целиком — соответственно пять и десять месяцев (III.4.33—34). Применить эти сведения к единственной форме брака немыслимо. Речь, несомненно, идет о двух формах, одна из которых дхармическая, а другая характеризуется уплатой шулки. Вторая была, видимо, распространена, и в КА говорится о ней как о естественном явлении (см., например, IV.12,7, 15, 18, 21, 26, 27).

Юридических различий между браком-священнодействием и браком-куплей, судя по материалам КА, несколько:

1) для первого достаточно лишь согласие отца, который дарит дочь жениху, для второго необходимо согласие отца и матери, поскольку они оба получают выкуп за дочь (III.2.10—11);

2) помолвку в первом случае труднее расторгнуть (срок отсутствия жениха дольше), ибо брак рассматривается прежде всего как религиозное таинство (III.4.31—34, ср. Нарада XII.28—30);

3) при браке-купле исключается объединение женского имущества с общесемейным и распоряжение мужа собственностью жены (III.2.22—23);

4) развод возможен только при браке-купле и невозможен при браке-священнодействии (III.3.17—21);

5) лишь дочери, рожденные в браке-священнодействии, могут наследовать отцу (III.5.9), в другом случае они имеют право только на стридхану матери.

Дхармашастры добавляют к этому, что имущество бездетной женщины, состоявшей в браке-купле, в случае ее смерти не переходит мужу, а возвращается в семью ее родителей (Ману IX.196—197, Яджнавалкья II.145, Вишну 17.19—20, Нарада XIII.9).

Безусловно, при этой форме брака женщина была теснее связана со своей прежней семьей и сравнительно независима в личном и имущественном отношении от мужа и его семьи. Некоторые

поздние сочинения («Парашара Мадхавия» 1.2; коммент. Виджнянешвары и Апарарки к Яджнавалкье 1.254, «Смритичандрика») свидетельствуют, что женщина не переходила в готру мужа, а оставалась в готре отца. Это полностью соответствует данным КА о юридическом положении жены при браке-купле. Еще за полвека до открытия трактата, опираясь на сведения «Ману-смрити» (IX.197), А. Россбах [191, с. 212—213] писал о браке *sine manu* (наиболее свободной для женщины форме) в древней Индии. В литературе последних лет [176; 72] считается, что эта форма, вероятно, берет начало от обычаев, распространенных среди 'абorigенов, у которых находят элементы матриархата.

Однако «шулка» не всегда означает выкуп за невесту. В КА III.2.12 говорится, что вторую шулку получает сама женщина; судя по дальнейшему изложению, у нее наряду со стридханой находится и шулка (III.2.40—41; 3.5, 32; 15.14—15). Нет никаких оснований думать, что в перечисленных случаях имеются в виду лишь недхармические браки (кроме того, шулка была бы у родителей жены). Скорее, женщина при всех формах брака получала вторую шулку — слово «сарвешам» в сутре III.2.13 бесспорно на это указывает. Слово «притьяропана», встречающееся здесь же, проливает свет на цель уплаты таковой — способствовать увеличению любви к мужу. Фактически это брачный дар. Характерно, что в случае смерти бездетной жены вдовец получает стридхану, дары, которые ей подносил, но шулка идет ее родителям или родственникам. Допустимо предположить, что этот брачный дар занимал особое место в имуществе женщины (он мог быть даром за лишение ее девственности). При насилии над девицей виновный должен был уплатить шулку (III.13.12). В данном случае не обязательно подразумевается только брачный выкуп родителям. Возможно, речь идет и о второй шулке.

До сих пор разбирались вопросы, которые касались имущества женщины, полученного ею в связи с выходом замуж. Однако могли быть и другие способы приобретения ею имущества — прежде всего наследство от матери (III.2.36), брата, если она незамужняя (III.5.9), отца (при браке-священнодействии — III.5.10). Вероятно, можно думать и о какой-то ее деловой активности. Правда, женщина относится к «несамостоятельным» (III.1.12), но легко убедиться, что «несамостоятельность» не исключала ни для «заложенного» (ахитак), ни для сына, находящегося под властью отца, приобретений своим трудом. Запрещение женщинам вступать в деловые контакты с определенными лицами (III.3.31) не имело бы смысла, если бы они вообще ни с кем никаких сделок не заключали. Многое, видимо, зависело от конкретных обстоятельств и от того, к какому социальному слою они принадлежали.

Женщина могла не брать на себя имущественных обязательств по долгам мужа (III.11.23), а могла, вероятно, и взять. Некоторые активно участвовали в трудовом процессе и потому обладали извещной хозяйственной и личной самостоятельностью (например, жены пастухов и исполщиков — III.11.23). Женщины из низших

слоев общества пользовались большей свободой в семье и в обществе.

В древнеиндийской семейной общине женщина была на правах младшего ее члена, но, подобно другим младшим членам, никогда не являлась полностью бесправной. Особенность ее положения состояла в том, что она происходила из другого рода (а при каких-то формах брака оставалась принадлежащей к роду отца). Ограничения ее личных и имущественных прав в семье мужа в значительной мере объяснялись наличием у нее отдельного имущества и сохранением связей с родителями.

Патронимия. Термин «кула» употребляется не только в смысле «семья». По существу, речь идет о совокупности «кулья»; под этим словом понимался обычно широкий круг родственников, более широкий, чем под «сапинда» (см. III.4.40; 6.22). Приложение к слову «кулья» определения «ближайший» в отмеченных выше текстах показывает, что степень родства всегда была точно известна. Кулья получает наследство при отсутствии у покойного детей или близких родственников (сапинда — III.6.22). Он обязан также принять к себе вдову, если у умершего нет родных братьев или хотя бы сапинды.

Некоторые категории родственников, именуемые «джнати», имели право на преимущественную покупку недвижимости (III.9.1). Комментарий Ганапати Шастри поясняет «джнати» как «наследник». Круг их замыкал именно кулья, так что все кульи составляли не только родственное, но в некотором роде и экономическое единство.

В отдельных случаях термин «кула» невозможно толковать как собственно «семья», и такой перевод является условным. Упоминается, например, «раджакула» — «царский род» (I.17.23; VIII.3.64). Он может представлять собою нечто вроде объединения (куласангха — I.17.53). От «кула» образуются слова со значением родовитости, знатности (кулина — VI.1.3, куластри — II.36.41) и родства, происхождения (II.10.50; 30.1; 2.10). Когда восхваляется кула воинов, имеется в виду, конечно, не «семья», а совокупность предков и родственников (X.3.43). Если речь идет об обычаях (II.35.5) «семьи», то за этим надо видеть обширный родственный коллектив, равно как в «семейных» порядках и установлениях, записи которых содержатся в государственном архиве (II.7.2), — традиционные правила, относящиеся к крупной общественной группе, объединению родственников, носящему название «кула». Его в таких контекстах иногда переводят «род» (так поступили и мы, передав «раджакула» как «царский род»), однако, по сути, кула не должна именоваться «род» — для этого понятия есть специальное слово «готра», — а скорее может быть определена как «патронимия». Терминологического различия между семьей и патронимией не делается (и то и другое — «кула»), что естественно, ибо именно большая семья путем разрастания и последующей сегментации составляет патронимию.

Термины «готра» и «кула» в одном контексте не встречаются.

Мы рассматривали два ряда списков («анкета» и «перечень типов общин»). Весьма сходные друг с другом, они, бесспорно, разнятся в одном отношении: то место, которое в первом списке занимает готра, во втором — кула. При конкретизации сведений о происхождении человека более мелкой единицей, чем каста, служит готра — род. Но она, очевидно, не являлась реальным коллективом, и такой более мелкой общинной группой, основанной на родстве, была не готра, а кула. Мужчины ее принадлежали, разумеется, к одной готре, но жен брали из любой, кроме той, из которой были мужчины этой кулы (но в пределах той же джати). Иначе говоря, «кула» и «готра» — понятия разного порядка, и каста представляется состоящей то из готр (если характеризуется происхождение человека с точки зрения эндогамии—экзогамии и в ритуальных контекстах), то из кул (когда описываются действительно существующие коллективы).

Ранее сообщалось, что кулу считали особым типом общины. Конечно, можно думать о кула — большесемейной общине, однако речь идет, видимо, главным образом о патронимии. На это указывают тексты II.7.2 — о записи обычаев кулы и III.10.45 — о нарушении договора-обычая внутри ее. То, что сказано ранее о типичных признаках общинного коллектива, должно быть приложимо и к куле-патронимии, причем патронимические общности были молекулами, из которых складывались другие общины — территориальные, кастовые и профессиональные. Поэтому более крупные коллективы нельзя правильно понять без учета роли и природы большесемейной общины и патронимии.

Поскольку члены последней были связаны друг с другом экономически, а близкие родственники иногда совместно владели и недвижимостью, соседские отношения нужно рассматривать как неотделимые от родственных. Общее домовладение (III.8.26—28) может быть результатом деления большой семьи. «Десять семейств» в городе, имеющие один колодец (II.4.26), могут быть членами патронимии. Вообще объединения по 5, 10 и 40 семейств (II.36.2; III.20.15; XI.1.17 и др.) были не только административными единицами и соседскими общинами, но и соседско-родственными коллективами. Вероятно, обязательность приглашения соседей на семейные торжества (III.20.14) обуславливалась родственными, патронимическими связями. Так как в Индии патронимии являются частью касты, соседско-родственный коллектив приобретает черты и коллектива кастового. Поскольку в городе отдельными шрени отводились определенные кварталы (II.4.16), постольку соседей допустимо считать и членами одного профессионального объединения (общины типа сангхи).

* * *

В «Артхашастре» излагаются лишь самые общие принципы, на которых строились отношения общины с ее членами, общины с ее главой. Причина кроется именно в том, что сама община, а не

государство налагает наказание на своих членов (III.10.35). Эта практика, свидетельствующая о самостоятельности во внутренних делах, характерна и для деревни, местности, касты, патронимии, профессионального объединения (III.10.45). При многообразии форм общинных организаций большая конкретность и детализация предписаний была бы невозможна.

Каждый человек принадлежит какой-либо местности, касте, патронимии, а они рассматриваются как общинные организации. Профессия или занятие тоже могут означать членство в корпорации (сангхе). Таким образом, вся страна состоит из коллективов разного рода, крупных и малых, тесно связанных между собою, входящих один в другой или взаимно пересекающихся. Образцом общины в КА служит деревня, но это далеко не единственный ее тип. В Индии общиной является все — от семьи до монашеского объединения. Буддийская сангха, несомненно, образовалась по тому же принципу и представляла собой один из видов индийских общинных организаций (вряд ли следует искать ее прототип только в республиканских объединениях — сангхах).

В нормативных текстах, в том числе и в КА, сравнительно немного материала о разного рода общинных структурах, но не потому, что значение их невелико, а, напротив, потому, что оно было всеохватывающим и им не требовалось данных извне или писанных правил. Политика царской власти имела целью поддержание принятых в каждой традиционной общине обычаев¹⁴. В частности, и смысл раздела «О невыполнении соглашений» в КА и дхармашастрах состоит в том, чтобы не допустить нарушения привычного для конкретной общины порядка (самая), ее раскола. Именно общинная структура (в самом широком смысле) может явиться ключом к уяснению основных аспектов не только социального, но и политического строя древней Индии, а также ее культуры.

2. Государство

Вопрос о характере древнеиндийского государства, тесно связанный с проблемой социальных отношений, заслуживает специального внимания. Здесь мы остановимся лишь на некоторых проблемах его устройства, как оно представлено в «Артхашастре».

Описывая идеальное государство, Каутилья (VI 1.8) говорит, что в сельской местности должны жить «трудолюбивые земледельцы» (кармашилакаршака) и «глупые господа» (балишасвами), население же — принадлежать «преимущественно к низшей варне» (авараварнапрая). Сутру эту толкуют по-разному как из-за многозначности термина «свамин» (господин, хозяин, государь), так и из-за того, что текст может читаться с аваграхой, придающей ему противоположный смысл (абалишасвами — «с неглупыми господами»). Р. П. Кангле полагает, что «свамин» — это сам государь и следует читать «абалишасвами» (с неглупым государем). Но если даже имеются в виду подчиненные царю властители, их глупость,

по его мнению, не может оцениваться как положительный фактор (см. комментарий к переводу). Оба суждения ученого принять трудно. Совершенно очевидно, что под «свамином» не подразумевается государь, поскольку из контекста вытекает, что речь идет именно о том, какую территорию идеальный правитель должен предпочесть иным. Чтобы решить вопрос о том, какие «господа» желательнее для царя в подчиненной ему местности, нужно обратиться к главам «О приобретении земли» в VII книге «Артхашастры». Тексты эти тесно связаны по содержанию. Согласно VI.1.8, в идеальной стране не должно быть «объединений» (шрени). (Р. П. Кангле ошибочно толкует шрени как «банды».) В VII.11.18—20 включено рассуждение о том, что земля с разобленным населением (бхиннаманушья) предпочтительнее для царя, чем та, где жители составляют объединения (шрениманушья), ибо первую легче эксплуатировать («извлекать доход» — бхогья).

По VI.1.8, сельскую местность должны населять преимущественно земледельцы низшей варны. В отрывке VII.11.21 разъясняется, что это необходимо для получения царем всех видов дохода (бхога) с земли (ср. II.1.2 о поселениях земледельцев-шудр). Далее в VII книге имеется и прямая параллель к интересующему нас отрывку — в VII.10.23—25 говорится, что предпочтительнее приобретать землю глупого (балиша) владыки, поскольку ее легче получить, охранять и удерживать. Таким образом устанавливается, что в VI.1 читать следует «балиша» — «глупый», а под «свамином», вопреки Р. П. Кангле, подразумевается не сам государь, а подчиненные ему властители.

Окончательно проясняет текст параллельное место в «Нитисаре», автор которой, Камандака, объявляет себя последователем Каутильи, пересказывающим книгу учителя. Здесь (IV.7.54) «балиша» заменено словами «муркха» и «вьясанин», т. е. «глупый» и «порочный», а вместо «свамин» стоит «наяка» — обычное обозначение феодального правителя раннесредневековой Индии. В комментарии Шанкарарья к «Нитисаре» слово «наяка» поясняется синонимичным «махаттара» и приводится рассуждение целиком в духе «Артхашастры»: земля подобных властителей, глупых и порочных, может легко эксплуатироваться (бхогья) государем именно из-за их глупости. Шанкарарья вполне убедительно отвечает на недоумение Р. П. Кангле — что же хорошего в глупости подчиненных царю владык (ср. также комментарий И. Я. Мейера к его переводу «Артхашастры»).

Разбираемый фрагмент КА кажется чрезвычайно важным, так как в данной главе излагаются основные теоретические положения о внутреннем устройстве государства. Идеальная сельская местность мыслится составителями трактата как населенная «трудлюбивыми земледельцами» (преимущественно из низшей варны, т. е. шудр), имеющими глупых господ. «Господа», конечно, не простые чиновники, сменяемые центральной властью; видимо, они связаны постоянными отношениями с населением территории, и царь вынужден с ними считаться. Интересы «господ» и государя совпада-

ют во всем, что касается получения доходов с «трудолюбивых земледельцев», но не совпадают в вопросе о распределении их. Правитель предпочитает «глупых господ», дабы большая часть дохода поступала в его казну.

Второй фрагмент, привлекающий внимание, содержится в IV книге КА (13.8). Там сказано, что если остановившиеся на ночь в деревне купцы будут ограблены, то они могут получить возмещение с «господина деревни» (грамасвамин). Если же это произошло за ее пределами, то платят «надзиратель за пастбищами» (вивитадхьякша) или специальный чиновник, ведающий поимкой воров (чорараджука). Сама возможность дать компенсацию за ограбление купеческого каравана показывает, что речь идет о весьма состоятельном человеке, а не о простом земледельце. Еще существеннее, что обязанность возмещать потери вытекает из функций охраны (палана) территории и населения, а «охрана» эта, по индийским представлениям, теснейшим образом связана со взиманием податей. Нет сомнений в том, что «господин деревни» получает с нее доходы и потому наказывается штрафом за неисполнение своих обязанностей. Мы не в состоянии ответить на вопрос, кто именно «господин деревни»: может быть, это староста, именуемый обычно «грамика», «грамамухья» или «грамакута» (см. IV.4.9 и др.), но и в таком случае он практически неотличим от владельца деревни, поскольку собирает подати в свою пользу.

Термин «свамин» одинаково означает «хозяина-собственника» и «государя». Вряд ли будет слишком рискованным сопоставление «грамасвамина» со «свамином» предыдущего фрагмента (VI.1.8). «Господин деревни» на ограниченной территории выполняет как будто те же функции, что в более широких масштабах возлагаются на «надзирателей за пастбищами» или «чорараджука», а в пределах всего государства — на самого правителя. В отличие от «надзирателей» он, вероятно, не считается «чиновником» (аматья), однако и аматья, управляющие областями, не всегда должны расматриваться только как служащие административного аппарата.

Хорошо известная по древнеиндийским источникам практика земельных дарений засвидетельствована и в «Артхашастре». Претенденту на престол из царских родичей (таткулина) или царевичей (апаруддха) уступают часть земли (бхумьёкадеша — V.6.13), т. е. часть территории государства. При этом он вовсе не становится самостоятельным правителем и признает верховную власть законного царя. В случае мятежа государь старается привлечь родичей (кулья) на свою сторону посредством дарения земель (бхумидана — IX.3.16). Такие дарения предусматриваются и в обычное время (II.7.2). В главе о жалованье царским слугам, правда, не рекомендуется дарить им деревни (грама — V.3.32), но, видимо, практика эта была широко распространена. В царском архиве (акшапатала) хранились документы (II.7.2) о предоставлении «царским слугам» (раджопадживин) местностей (прадеша), права пользования (бхога — доходами с территории) и освобождении (парихара) уже имеющихся в их распоряжении земель от каких-либо

поборов. Несомненно, в качестве объекта дарения выступает не пустошь (шунья), которую необходимо освоить, и не отдельные поля (кшетра), на которых можно вести собственное хозяйство (это тоже предполагается в V.3.31—32, ср. также II.1.7), а часть государства, заселенная территория; ее новый владелец приобретает административную власть и право на сбор податей. Размеры дара, очевидно, могут быть различными — от одной деревни до значительного района. В первом случае получивший дар, вероятно, становится «господином деревни», во втором он в качестве господина целой области возвышался над массой «собственников деревень».

Социальная терминология «Артхашастры» отличается крайней расплывчатостью, напрасно было бы искать четкое обозначение слоя «сваминов». Некие общие тенденции тем не менее заметны, и они кажутся характерными. В тексте нередко встречаются понятия «горожане и сельские жители» (паураджанапада — XIII.5.19; II.1.16; IV.9.28 и др.), иначе они именуются «малые люди» (кшудрака — I.13.13, 26) или «простые» (пракроти — VII.5.36) и противопоставляются «большим», или «наилучшим», людям — «махаматра» (I.13.1), «махаджана» (IX.6.3), «прадхана» (I.13.26). Под «горожанами и сельскими жителями» подразумевается отнюдь не все население страны, а лишь то, которое платит подати (дандакара — I.13.3 и др.). «Большие люди» именуются также «мукхья» (начальствующие) — над лесными племенами, границами, городами и сельской местностью (I.16.7), над городами, сельской местностью и войском (XIII.5.15), над горожанами, сельскими жителями и войском (IX.7.68). Они объявляются настоящими господами в государстве даже при наличии царя (V.6.36).

Сам по себе термин «мукхья» лишен определенности и в разных контекстах означает то вельмож и высших сановников, то всех, кто не принадлежит к простолюдинам. Слова типа «начальствующие лица», или «наилучшие люди», относятся, очевидно, к разным категориям знати, как служилой, так и родовой. Сейчас важно отметить не это многообразие, а принципиальное противопоставление знати «маленьким людям». В самом общем виде оно, вероятно, совпадает с делением жителей сельской местности на «земледельцев» и «господ».

Для правильной оценки материала «Артхашастры» необходимо учитывать особенности ее политической терминологии. Государство рассматривается как домохозяйство, где царь выступает главой и «кормильцем» (бхартар), все же получающие жалованье из казны — «слугами» (бхритья), находящимися у него на содержании (анудживин, раджопадживин и т. д.). Отношения между царем и другими представителями власти осмысляются в словах, передающих личные отношения. Ближайшие к правителю лица именуются его друзьями, спутниками, помощниками и т. д. (сачива, сахая, сухрд, митра). В отрывках, где употребляются слова типа «друг» (митра, сухрд), порой неясно, идет ли речь о поданных правителя или его внешних друзьях-союзниках. Термин

«аматья», первоначально означавший «домашнего слугу» царя, в позднейших источниках, в частности в «Артхашастре», используется применительно ко всем представителям государственного аппарата. Иногда, однако, под «аматья» понимается только главный советник царя (мантрин) или узкий слой высшей администрации, называемый «друзья» и «помощники» царя. В число последних могут и не входить простые государственные служащие, определяемые часто словами «человек» или «слуга» (пуруша) и др.

Такого рода политическая терминология порой порождает возможность различных толкований текста. Трудно бывает решить, обозначает ли «друг» действительно лично близкого царю человека, или занимаемое им место в государстве выражается в терминах личной близости. Подобные сложности возникают, в частности, при истолковании слова «валлабха» (букв. «любимец» — см. VIII.4.23—24; XII.3.1 и др.). Тайное убийство «валлабха» царем (V.1.4) еще можно объяснять как устранение влиятельного фаворита; но в трактате есть отрывки, в которых, судя по контексту, «валлабха» является просто местным правителем или только могущественным человеком и едва ли связан какими-либо особыми отношениями с самим государем. Так, царь посылает сановника в конкретную область, приказывая отнять золото и дочь у тамошнего «валлабха» (V.1.39), защищает торговые пути от разбойников и «валлабхов» (II.1.38) и др.

«Царских слуг» и «друзей» нельзя считать исключительно государственными чиновниками. Среди «слуг» рядом с советником, военачальником, жрецом перечисляются ближайшие родственники царя — мать, сын-наследник, царица. Им устанавливается такое «содержание» (бхарана), чтобы они не склонялись к мятежу (V.3.3—4). О мятежах, поднимаемых царскими родственниками (таткулина, апаруддха, кулья, бандху), говорится довольно часто (I.13.15; X.6.60 и др.). По-видимому, обычно представители правящей фамилии владели определенными территориями и причиной выступлений нередко бывало недовольство размерами этих территорий. Один из способов предотвратить мятеж — расширение земель, подвластных бунтующему родственнику, даже уступка ему части царства (V.6.13). Получали содержание все сыновья правителя (кумара — V.3.7). Того, кто не был наследником, назначали на должность (карман — I.18.1) в том или ином ведомстве. К нему приставляли знающего человека — чиновника (пуруша), который и выполнял необходимые функции, а царевич лишь получал доход (лабха), часть которого шла на его «содержание», а остальное — в казну.

Царские родичи наряду с сановниками-мукхья участвовали в решении вопросов престолонаследия (V.6.36). Обращает на себя внимание, что в перечне «царских слуг», кормящихся из казны, не указаны братья государя и более далекие его родственники. Однако нет сомнений, что и они должны были иметь доходы, соответствующие их положению и близости к царю. Они, безусловно, являлись «господами» деревень или более крупных земель, им

давались доходные должности и титулы. Двор составляли преимущественно сородичи и свойственники (самбандханубандха — I.21.2) главы государства, и, очевидно, те, кто обозначены в тексте как «начальствующие лица», «сановники» или «вельможи»; «царские слуги» часто бывали не только руководителями отдельных ведомств, но и царскими родственниками.

Специальная глава «Артхашастры» посвящена образу действий царевича, лишённого наследства (апаруддха). Он уходит к другому государю, там получает казну и войско, заключает союзы, объявляет войны (I.18.6—7) и, наверное, приобретает статус местного правителя. Система государственного устройства древней Индии может быть понята лишь с учетом значительного социального слоя знати. Тема родovitости, происхождения (абхиджана, кула и т. п.) постоянно звучит в «Артхашастре». Отмечаются и традиции в среде самой знати (хина, тулья, вишишта), своего рода местнические споры (XI.1.11—12). Если у государя есть «вассал», то и родичам последнего предоставляются соответствующие почетные должности (патра — VII.16.27). Знатность происхождения, таким образом, при любом дворе должна была обеспечить пост с соответствующим уровнем дохода. Стоящие во главе тех или иных территорий либо ведомств «помощники царя» — аматьи, мукхьи были не просто должностными лицами, получавшими жалованье за службу; их положение и материальное обеспечение во многом связаны с принадлежностью к «благородным» фамилиям.

Заслуживает рассмотрения часто встречающийся в трактате термин «пакша», обозначающий совокупность сторонников, группировку или клику. При формировании подобных группировок, вероятно, огромную роль играли клановые связи. В одном фрагменте (II.9.25) разъясняется, из кого состоит «пакша» — из советников, союзников, «слуг» и родичей (мантримитрабхритьябандхупакша). Примечательно, что, хотя речь идет о внутригосударственных делах, терминология аналогична той, что употребляется при описании внешней политики. Думается, напрасно старания переводчиков (в том числе и Р. П. Кангле) различно передать термины здесь и в других книгах «Артхашастры». («советчик» вместо «советник», «товарищ» вместо «друг-союзник», «слуга» в буквальном смысле слова вместо «слуги-подданного» и т. д.). «Пакша» не только терминологически заставляет вспомнить о государстве в государстве. Правителю приходится считаться с «начальствующими лицами», имеющими пакшу, как с силой, в известной мере независимой от центральной власти. Он стремится противодействовать упрочению позиций группировки своего «сановника», прибегает к подкупу и слежке, ссорит «влиятельных людей» друг с другом, с их родственниками, соседями, вождями лесных племен, провоцирует восстания жителей в их владениях и т. д. (I.13, ср. V.1.3; IX.6.1 и др.). Привлечение их к себе осуществляется посредством даров и оказания почестей (артхамана — I.13.18).

Термин «пакша» применяется и во внешнеполитических делах (группировка родственников и друзей — VII.14.14, ср. VII.2.23

и др.). В «Артхашастре» «внутренняя» и «внешняя» политика рассматривается в разных книгах, но принципы в отношениях с иноземным правителем и с «сановниками» (махаматра, мукхья) в «собственных владениях» поразительно сходны.

«Слуги» нуждаются в опоре и покровительстве (ашрая), и с этой целью они обращаются к государю (V.4) и образуют его пакшу. Тот должен, в свою очередь, обладать «достоинствами, привлекающими слуг» (абхигамика гуна), и лишь тогда, расширяя пределы своей власти, он станет неодолимым. Основа основ государственной мудрости состоит в том, чтобы склонить «слуг» на свою сторону, причем речь явно идет не о массе «мелких людей» — подданных, а о круге «господ», «начальствующих». Показательно, что «приход» к царю в целях получения «поддержки» (ашрая) назван теми же словами, как «просьба о помощи» во внешнеполитических отношениях (ашрая — VII.6.7, самшрая — IX.3.39 и др.). Как правило, просят помощи либо самостоятельные владельцы, либо представители знати, рассчитывающие добиться соответствующей их происхождению власти. (Например, появление при дворе соседнего властителя царевича, находящегося в немилости у своего отца.) Власть не всегда обеспечивалась царским пожалованием, в качестве такового могло лишь утверждаться то, чем они владели прежде.

Сложен вопрос о том, насколько упоминаемые в «Артхашастре» государственные должности были именно должностями, а не почетными титулами, обеспечивающими известный уровень дохода. В политическом трактате различие между должностями и титулами не может выступать так же ясно, как в нарративных источниках. Добавим к уже сказанному два частных наблюдения. В трактате предусматривается продажа богачам за деньги (V.2.36) «мест» (стхана), зонтов и тюбанов. «Стхана», вероятно, не только пост, связанный с выполнением определенных обязанностей, в большей мере, это знак уважения, подобно «зонту и тюбану», свидетельство ранга знатности (ср. «стханамана» — букв. «место и почет» — IX.5.9). Допустимо думать, что почетные титулы и знаки достоинства гарантировали и некоторые материальные блага.

Несмотря на подробные перечни ведомств и занятых в них чиновников, действительно четкого разграничения функций в государственном аппарате (по крайней мере в верхних его слоях), видимо, не было. Предписания о взаимоотношениях царя и его «слуг» (V.1) предполагают, что любого сановника можно поставить во главе войск (притом что были специальные военачальники), послать собирать налоги (хотя есть особые сборщики налогов) или осуществлять другие государственные мероприятия. Возникает сомнение, что огромный штат «слуг», перечисленный в списках «получающих жалованье» (V.4), на деле выполнял те обязанности, на которые указывает наименование каждой должности.

Существование знати заставляет предполагать наличие зависимых земледельцев в качестве ее материальной основы, а представление о территории, населенной земледельцами, которые имеют

«господ», несовместимо с идеей чисто бюрократического управления государством.

Для обозначения территории его в «Артхашастре» употребляются разные слова — земля, страна, местность, область (джанапада, раштра, бхуми, вишая), — достаточно неопределенные по своему содержанию. «Свабхуми», «свадеша», «свавишая» можно переводить как «своя земля» или «свое владение» царя. Обычно при этом имеется в виду некое ядро государства (может быть, «мула» — VII.16.22 и др., т. е. его основа), исконные земли, на которые непосредственно простирается власть государя. За пределами собственных владений остаются земли «соседей» и «друзей».

В «Артхашастре» слово «сосед» (саманта) нередко встречается в значении «правитель соседней страны», однако в ряде случаев неравный в правах с государем. Идеальный правитель должен властвовать над соседями (шакьясаманта — VI.1.3). Выделяется целая категория «соседей, подобных слугам» (бхритьябхавин саманта — VII.7.18, 29), чаще всего именуемых «дандопаната». Царь попадает в положение «дандопаната», если он не в состоянии противостоять более могущественному государю (VII.2.9; VII.3.6). Перечисляется ряд неравноправных договоров (сандхи), согласно которым более слабый (хина) правитель становится зависимым (VII.3.26).

В аналогичной ситуации оказывается и тот, кто в тяжелых обстоятельствах добровольно прибегает к помощи более могущественного соседа (он тоже характеризуется словом «дандопаната» — VII.15.30). Заручившись покровительством (самшрая), такой царь ведет себя, подобно слуге (самаячарикавад — ср. V.5) по отношению к своему господину (бхартар — VII.15.21, 30). Его владения рассматриваются как кормление, полученное от более сильного владыки; он не должен без разрешения строить крепости, заключать брачные союзы, возводить сына на престол, совершать крупные жертвоприношения, устраивать празднества, отправляться в увеселительные поездки и обязан постоянно изъявлять свою преданность государю (VII.15.22). Может он попросить своего владыку и о том, чтобы ему дали другие земли вместо прежних (бхуми — VII.15.24). Не исключено, что именно эти «соседи» и попадают в разряд «начальствующих лиц» (мукхья) (V.6.14, 16), т. е. рассматриваются в качестве «слуг» или «чиновников».

Если у государя есть основания не доверять «зависимому царю», то он воспринимает его не как врага (шатру), а как изменника (душья) и использует методы, какие применяются к прочим «начальствующим лицам» в государстве (скажем, натравливает их друг на друга и т. д.). При этом рекомендуется на освободившийся престол сажать того из наследников зависимого царя, который проявил лояльность к государю (V.1.55). Таким образом, власть в стране первого все же остается наследственной. Эта тема разрабатывается и в другом разделе (VII.16): царь не должен претендовать на земли, имущество, сыновей и жен зависимого правителя, надлежит назначать родственников последнего на почетные

должности (патра) и после его смерти передать престол его сыну. В этом случае зависимые правители будут служить сыновьям и внукам царя (VII.16.29). Если же он станет посягать на земли, имущество, детей и жен зависимых правителей, то против него поднимется весь «круг государств» (мандала). Его аматьи, обладающие собственными землями (свабхуми), тогда либо прибегнут к помощи «круга государств, либо своими силами лишат его царства или жизни» (VII.16.31—32). Царь, который не вправе ничего предпринять без разрешения своего владыки и может быть даже переведен в другую область, весьма напоминает должностное лицо, чиновника. В то же время посягательство на его земли вызывает волнения всех должностных лиц (аматьев), сидящих «на своих землях» и проявляющих такое беспокойство за них, как будто они являются государями (ср. VII.16.33). Грань между чиновником-аматьей и зависимым царем оказывается весьма зыбкой. Сближаются они и в других частях «Артхашастры» (см., например, о «внешнем мятеже», поднятом «главой местности» или «зависимым царем» — IX.3.22 и др.).

В аналогичных контекстах употребляется и понятие «союзники» (друзья — митра). Наилучшим «союзником» считается такой, который «подчиняется» (вашья — VII.9.11, 38 и др.). Если же он выходит из повиновения, его следует лишить земли (бхуми — VII.18.33) с помощью претендентов на престол. У неверного союзника тоже может быть отнята его земля, его владения передаются другому (VII.18.39). Интерес представляет место, где говорится о заключении союза с тем «слугой» (бхритья) или «союзником» (митра), который отпал, а затем вновь вернулся (VII.6.22). Здесь эти категории почти неразличимы, причем «слуга» может отпасть и вернуться, образуя новый альянс, а применительно к «союзнику» царь именуется его господином (свамин — VII.6.24). Царские слуги порой походили на самостоятельных правителей, ищущих «поддержки» у государя, а лица, носящие царские титулы (саманта, митра), напротив, нередко оказывались на положении чиновников, подчиняющихся верховной власти правителя.

Согласно известной древнеиндийской концепции, государство (раджья) состоит из семи элементов (саптанга). Ученых всегда удивляло наличие в данной схеме седьмого элемента — союзника (митра).

По-видимому, это определялось своеобразной и чрезвычайно важной ролью зависимых царств. Обычно в перечислении их помещают в конец, поскольку сначала описывается структура «собственных владений» царя, но иногда (например, в XII книге «Махабхараты») о «союзнике» говорится раньше, чем об аматье. Причина заключается, вероятно, в том, что не всегда можно провести четкое разграничение между «царским слугою» — чиновником и зависимым от царя «союзником».

Уместно поставить и еще один вопрос, касающийся центрального понятия политической теории древней Индии «круга государств» — «мандалы». Нетрудно заметить, что в этом «круге» все-

гда кто-то доминирует. Учитывая характер отношений между главенствующим правителем и его «соседями», «друзьями», наверное, допустимо иногда рассматривать в качестве государства именно мандалу, а не «собственные владения» царя, являющиеся лишь ядром его державы.

Вероятно, рыхлостью политической структуры объясняется своеобразие, «размытость» терминов, обозначающих царство и правителя в КА. Более того, в трактате, посвященном управлению государством, нет даже термина, который можно было бы однозначно толковать как «государство». Слова типа «земля», «страна», «местность» слишком неопределенны и употребляются в тексте в разных смыслах. Столь же неопределенны и обозначения главы государства — понятия «хозяин», «господин» (свамин, бхартар) могут относиться не только к правителю. Понятие «царь» часто передается словом «атман» (сам), реже встречается «раджа». Причем отнюдь не всякий «раджа» правит государством. Достаточно указать на категорию зависимых властителей, выступающих фактически слугами (бхритьябхавин), но сохраняющих и царские титулы, и наследственное право на престол.

Вместе с тем упоминаются «республики», именуемые в «Артхашастре» «сангха», «шрени» (XI.1.4), т. е. так же, как общины и корпорации. «Республика» и есть своего рода община или политическое объединение знати, кшатриев, называемых иногда раджами. Владение каждого такого «царя» может быть обозначено словом «раджья», а государство в целом — «сангхой». «Раджья» применяется и к владению зависимого правителя, хотя, по сути, оно — лишь часть более обширного государства. «Республика» объединяет более или менее равноправных «царей», «монархия» же представляет собой более сложную иерархическую структуру с наследственной властью одного правящего царского рода. Термин, характеризующий одновременно и «монархии», и «республики», отсутствует (хотя различие государственных образований и племенных союзов вполне осознавалось, ибо вожди последних обозначались специальным термином — «атавика»). Слово «раджья» нередко приходится толковать не как «государство», а как «власть раджи» вне зависимости от того, является ли этот раджа самостоятельным государем, зависимым правителем отдельной области, верховным владыкой над другими раджами, наконец, участником союза или объединения равноправных «царей».

Авторы политических трактатов древней Индии имеют в виду весь обширный слой крупных и мелких владык. Вопрос о размерах государства не привлекал внимания составителей «Артхашастры». И крупное, и небольшое государство называлось «раджья», а главе его надлежало решать те же проблемы, что и массе подчиненных ему правителей. Крупная держава строилась по образцу небольшого государства, и цари, бывшие прежде самостоятельными, приобретали статус «друзей», «помощников», «слуг» правителя. Характер отношений в основной политической ячейке общества — владении отдельного мелкого властителя почти не менялся.

3. Собственность

Вероятно, общинный коллектив любого типа имел собственность. Применительно к некоторым типам (сангха, семья, деревня) об этом говорится прямо, в других случаях наличие ее следует допускать. Наиболее важной представляется, конечно, проблема собственности на недвижимость в территориальной общине, в первую очередь в деревне, которая служит образцом общины. Сам раздел (III.10.35—45) помещается сразу же за разделом «вастука», где разбираются главным образом споры между жителями деревни по поводу недвижимости¹⁵.

Понятие «васту» в КА, по-видимому, тождественно «бхумипагриграха» — «земельный участок» (III.9.1). Оно раскрывается как «дом», «поле», «сад» (роща—арама) или «водоем» (адхара) (III.8.2). Акт продажи всегда должен совершаться возле или у границ продаваемой недвижимости. Для него требуется согласие родственников, соседей и кредиторов, которые имеют преимущественное право покупки (III.9.1)¹⁶. Если у них нет претензий, назначается аукцион, причем приращение суммы поступает в казну вместе с налогом на сделку¹⁷. При продаже дома должны присутствовать в качестве свидетелей «саманта-чатваримшаткулях», другой недвижимости — «саманта-грамавриддхах» (III.9.3). Первый термин встречается еще раз в III книге (20.15) — если кто-либо доставляет им мучения, то штраф 48 пан. Исходя из контекста, можно считать, что речь идет о 40 соседних семействах (толкуется у Яджнавалкьи как самантакулика). Что под этим понимается, становится ясно из главы II.36.2, где речь идет о делении города на кварталы по 40 семейств (отдельная продажа дома вообще, вероятно, могла производиться главным образом в условиях города).

Итак, квартал из 40 семейств и образует тот круг «соседей» (саманта), которые должны выступать свидетелями и гарантами сделки. Все они, а не только ближайшие соседи имели право и на преимущественную покупку дома (III.9.1). Круг свидетелей при сделке о продаже другой недвижимости (поля, сада, пруда и т. д.) существенно иной — это соседи, почтеннейшие люди (вриддха), представляющие всю деревню¹⁸.

Следующая тема 9-й главы — споры о границах. В 10—14-й сутрах описывается спор между двумя селениями. «Граница» при этом обозначается термином «симан»¹⁹. Далее в 15—22-й сутрах говорится о спорах между жителями одной деревни. Здесь «граница» передана словом «марьяда» (букв. «межа») (как и в III.9.3 — о продаже недвижимости). За нарушение границы налагаются различные штрафы — если она разделяет две деревенские территории, взимается 1000 пан, если частные владения — значительно меньше: за перенесение знаков — первый штраф сахаса, за разрушение их — 24 паны. Вероятно, границы между селениями значили гораздо больше, чем между полями разных хозяев внутри деревни, поэтому и нарушение первых считалось более тяжким

преступлением. Резкое увеличение штрафа объясняется и тем, что он налагается на весь коллектив (ср. III.10.18). Безусловно, границы между деревнями были проведены точнее, отмечены специальными знаками (сету), которые нельзя было перенести; в данном случае свидетелем мог быть даже один человек (III.9.11). Напротив, споры о межах, разделяющих частные поля, решались большинством голосов (III.9.16).

Основное правило в делах о недвижимости сводилось к тому, что их должны решать соседи — саманта (III.8.1; 9.24). Но саманта — это не только ближайший сосед, чьи владения непосредственно примыкают к владениям конкретного хозяина; имеется в виду более обширная группа лиц. Мы видели, в частности, что «соседями» называли всех домовладельцев квартала, выступавших свидетелями при продаже дома. Территориальные споры между селениями решали объединения 5 или 10 деревень (III.9.10), внутри их — «почтеннейшие люди» (III.9.15). И те и другие суть соседи: при спорах между деревнями — «объединение, являющееся соседским для обеих деревень», при внутренних спорах — «соседи — почтеннейшие люди селения». Значение термина «саманта» зависит от ситуации: для домовладельца — это домовладельцы в пределах квартала (40 семейств), для землевладельца — землевладельцы деревни, для деревень — члены объединения 5 или 10 деревень. В этой связи уместно вспомнить шлоку Катьяяны (736): «Деревня для деревни считается соседской, поле для поля, дом для дома».

Принадлежность к саманта определяется не просто территориальной близостью. Дом владельца может стоять рядом с домом, принадлежащим другому кварталу, но не его хозяин называется «саманта», а более удаленные домовладельцы его квартала (из числа 40 семейств). То же и в сельской местности — хозяин поля, расположенного впритык, не будет считаться соседом, если это поле другой деревни, т. е. он не должен иметь права преимущественной покупки, участвовать в спорах о межах и т. д. Термин «саманта», несомненно, применяется только к живущим на территории данной общины (квартала, деревни, области и т. д. — в зависимости от объекта продажи или спора). Но, видимо, он прилагается и не ко всем жителям квартала, деревни и т. д. Помимо домохозяев были квартиросъемщики. Последние снимали помещение, могли в нем жить годами (см. III.8.24—25) и тем не менее, конечно, не считались соседями домовладельцев.

Вероятно, аналогичным образом дело обстояло и в сельской местности. Границы между деревнями определяют «почтеннейшие из земледельцев и скотоводов» (III.9.11) или посторонние (бахья), «которые прежде владели [участками земли]»²⁰. «Земледельцы и скотоводы» — в противоположность последним — это те, кто в настоящее время владеет землей, т. е. землевладельцы²¹. В число саманта, видимо, не включают деревенские слуги, торговцы и другие сельские жители, но имеющие собственной земли и, очевидно, не могущие ее иметь²². Если наши рассуждения верны, слово «саманта», по сути, должно обозначать владельцев недвижимости

в пределах общинной территории. Именно они решают споры о недвижимости (III.8.2; 9.10), обладают правом преимущественной ее покупки (III.9.1), составляют слой полноправных членов территориальной общины (квартала, деревни, объединения нескольких деревень).

Выражение «почтеннейшие жители деревни» свидетельствует о том, что и среди полноправных членов общины не существовало полного равенства. Термин «вриддха», вероятно, употреблялся не просто применительно к людям, отличавшимся особыми качествами; он нес социальную нагрузку — «общинная верхушка». Нужно думать, что важным для определения принадлежности к «почтеннейшим» было кастовое происхождение (ср. III.10.42—44 о положении брахманов в деревне).

Остановимся на некоторых проблемах, связанных с отношениями собственности на недвижимость внутри деревенской общины. Наибольший интерес представляет текст III.10.8—17. Чтобы правильно его интерпретировать, необходимо выяснить общее содержание этой части раздела. С 4-й по 34-ю сутру 10-й главы разбирается тема «Ущерб полю [или] дороге» (см. III.10.34). Тема «Ущерб дороге» охватывает 4—7-ю сутры; с 8-й начинается тема «Ущерб полю», и все содержание отрывка должно рассматриваться именно в этом аспекте. В конце изложения, с 20-й по 34-ю сутру, решаются вопросы, сопряженные с поправкой, — о месте, где следует пасти скот, о штрафах за поправку, о нанесении повреждений скоту, когда его прогоняют с поля, и т. д.

В сутрах 8—19 речь также должна идти о нанесении ущерба полю. Первая фраза, открывающая новую тему, как правило, является ключевой. Однако 8-ю сутру часто понимают (Ганапати Шастри, Е. Е. Обермиллер, Р. П. Кангле, М. Шетелих и др.) как характеристику отношений между собственником поля (кшетрика) и его арендатором (упаваса). Тот из них, кто нарушит договор (собственник отберет поле или арендатор откажется от его обработки), обязан заплатить штраф. Но при таком толковании сутра оказывается неуместной в данном контексте²³. Кроме того, неисполнение частного обязательства потребовало бы указания на возмещение потерпевшей стороне.

Обратим внимание на последующие сутры — речь идет о неспашке своего поля (14) и о проживании в другом месте, за пределами деревни (15). В 11—13-й сутрах, напротив, говорится о вступлении в деревенский коллектив²⁴, причем вступивший получает право на все имущество, за исключением дома (или практически на всю недвижимость, и особенно именно на поле). 14-я сутра повествует о судьбе невозделываемой земли, если она является «анадея» — «такой, которую нельзя отнять». Тут содержится явное противопоставление предыдущему. Поэтому выражение «пусть будет право на все имущество» тоже должно относиться к оставшемуся без обработки участку, но который не является анадея и который, значит, можно отнять. Иными словами, «вселяющийся в деревню» оккупирует земли, оставленные хозяином. Тогда и пер-

вую сутру темы (III.10.8) надо понимать иначе и отрывок целиком (8—20) интерпретировать как ущерб полю, заключающийся в невозделывании его.

Землевладельцы могут быть либо налогоплательщиками (карада), либо свободными от уплаты налогов (акарада), причем под вторыми подразумеваются только брахманы (брахмадеика) — владельцы земель брахмадея (ср. II.1.7). И те и другие имеют право распоряжаться землей — продавать ее или закладывать. Однако государство, заинтересованное в регулярных поступлениях, следит за тем, чтобы у налогоплательщиков не было земель, свободных от обложения, и чтобы лица, освобожденные от подати, не занимали облагавшихся налогами земель. Поэтому продавать или закладывать свои участки можно только лицам той же категории (III.10.10). (Наследуют земли брахмадея только брахманы, не платящие налогов, — II.1.7). По тем же причинам (и под угрозой такого же штрафа) налогоплательщику запрещено занимать пустующие земли (III.10.11)²⁵. Участки, освобожденные от обложения, может оккупировать лишь человек, не обязанный платить налоги, земли налогоплательщика — налогоплательщик. В сутре III.10.12 сказано, что налогоплательщик, захвативший оставленное без обработки поле, принадлежавшее налогоплательщику, получает на него право. Нужно думать, что упомянутое далее (III.10.14) поле, «которое нельзя отнять», принадлежало не налогоплательщику, а брахмадеике.

За «нанесение ущерба полю» в результате оставления его без обработки государство взимает одинаковый штраф с землевладельцев любой категории (III.10.8), но судьба оставленного хозяином и занятого другим полем складывается по-разному. Брахмадею нельзя приобрести посредством владения и нельзя потерять вследствие пренебрежения ею²⁶. Собственник может получить землю обратно, дав пользователю возмещение за труды, даже если тот пользовался полем в течение пяти лет (III.10.14).

Что означает этот срок и когда налогоплательщик утрачивает свои права на оставленный им и обрабатываемый другим участком?²⁷ Очевидно, пятилетний срок является тем временным рубежом, за которым человек, занявший заброшенный налогоплательщиком участок, становится его собственником. Наоборот, даже пользуясь брахмадеей в течение пяти лет, брахмадеика не становится ее собственником. В подтверждение правильности такого понимания можно привести сутру из предыдущей главы, где речь идет об оросительных сооружениях. Право собственности на них пропадает через пять лет, если ими не пользуются (III.9.32). Причину, по которой устанавливается именно такой срок, указывают дхармашастры. Участок, не возделываемый в течение этого времени, перестает быть обрабатываемой землей, зарастает, как джунгли, а джунгли не имеют собственника (см. Нарада XI.26: «Заброшенное на пять лет [поле] становится подобным лесу» — и комментарий Бхавасвамины: «...оно принадлежит царю. Кто в лесу с согласия царя поселится, тому это и будет принадлежать»). При-

мечательно, что собственность на дом не пропадает в случае оставления его владельцем; специально оговаривается: «...за исключением дома. Его же (т. е. дом) ему пусть отдаст» (III.10.12—13).

Между землевладельцами-налогоплательщиками и брахмадеиками есть еще одно различие. Первые живут в деревне, вторые же, по крайней мере некоторые, — в другом месте (III.10.15). Чтобы земля не терпела ущерба, они должны передавать свои участки в пользование и жить на доходы с них.

Вернемся вновь к началу темы (III.10.8). Уже отмечалось, что речь здесь идет не о взаимных претензиях кшетрики и упавасы по поводу одного поля, а об отношении каждого из них к своему участку. Кшетрика — владелец поля (кшетра); ничто не указывает на то, что он обязан сам жить в деревне и обрабатывать свой участок. Там, где сказано о безразличии хозяина, употреблен глагол «акшип» — «забрасывать». Если кшетрика не является налогоплательщиком, он может обитать где угодно и получать доход с поля. Он обязан следить, чтобы его земля кем-то обрабатывалась — это и значит «не забрасывать» ее²⁸. Напротив, упаваса живет в деревне и, видимо, сам возделывает поле. Об этом свидетельствует и этимология слова (букв. «поселившийся, поселенин, житель» — явное противопоставление «живущим в другом месте», т. е. брахмадеикам). Подтверждается это и формулировкой об «оставлении поля» (глагол «тъядж» — покидать) и сутрами 16—17 об обязанности упавасы сопровождать старосту, отправляющегося по делам деревни. Поскольку упаваса, оставивший землю, подвергается такому же штрафу, как и кшетрика, а поле, не обрабатываемое им, видимо, может быть занято другим земледельцем, надо думать, что упаваса — не арендатор, а владелец поля. Его отличие от кшетрики сутры III.10.8 состоит в том, что он живет в деревне.

В разделе «Вастука» разбирается вопрос о недвижимости (васту), принадлежащей частным лицам. Последние именуются «свамин» — «собственник» (дома — III.8.17, недвижимости — III.9.7, оросительного сооружения — III.9.32; 10.2—3). Этот перевод, однако, не вполне точен. Свамин — прежде всего лицо, обладающее властью над чем-либо. Данным термином обозначается господин, имеющий раба, по отношению к которому он выступает собственником (III.13.14 и др.). Свамин он также и по отношению к «слугам» (бхритья — III.11.32), для которых является скорее хозяином. Понятия «собственность» и «власть» в древней Индии не вполне дифференцированы. Под термином «свамин» нередко подразумевается царь, «господин» всего царства. В КА (IV.13.8) упоминается сочетание «грамасвамин» — скорее «господин деревни», чем собственник. Несмотря на то что царь выступает господином государства (и, стало быть, всей его земли), отдельные участки принадлежат частным лицам, тоже являющимся сваминами; если же участок не принадлежит частному лицу, то считается, что он не имеет свамина (III.9.17; 10.3).

Важнейший признак наличия «свамья» — возможность распоряжаться недвижимостью, продавать и закладывать ее. И если правитель жалуется на недвижимую вещь без права продажи и заклада (II.1.7), то она должна быть названа не собственностью (свамья), а только владением (бхога), в данном случае пожизненным. Однако свамья не всегда означает право свободной продажи и заклада.

Так, древний священный водоем собственнику запрещено закладывать или продавать под страхом наказания (III.10.2). Родственники, соседи и кредиторы имеют преимущественное право на покупку недвижимости.

Понятие собственности теснейшим образом связано с возделыванием земли и получением плодов. Необрабатываемая земля не принадлежит никому (или, что то же самое, принадлежит в качестве территории царю государства. Обрабатывавший участок становится его собственником (II.1.9; III.9.33—34 — освобождение от налогов и т. д.), и право это он сохраняет, пока поле возделывается²⁹.

Итак, поле можно продать (тем самым меняется обрабатывающий его земледелец), а покинуть его, оставить без обработки нельзя. Земля является чьей-то собственностью лишь до тех пор, пока она возделывается и приносит доход. Прав на освобожденную от налогов землю несколько больше, чем на тяглую, но частной, ничем не ограниченной собственности ни в том, ни в другом случае нет. При этом частные владения располагаются в пределах деревни-общины, хотя пахотная земля не является непосредственной собственностью общины. Владения, принадлежащие ей в целом, — обычно такие виды недвижимости, которые по самому своему существу должны быть общими: дороги, храмы, места сожжения трупов (III.9.23), иногда выгоны вокруг деревенских строений (III.10.20—21) и, возможно, пастбище (III.10.22) и оросительные сооружения³⁰. Но своей землей земледелец распоряжается лишь как участком общинной территории. Собственником поля можно быть лишь в качестве члена деревенского коллектива.

Владение землей в пределах общинной территории связано с рядом прав и обязанностей. Общинник имеет право на пользование общими угодьями, на защиту, участие в празднествах и обязан помогать коллективу работой, денежными и натуральными взносами (III.10.35—46). Он не может продать свое поле чужаку, если его хочет приобрести «сосед», и сам обладает правом преимущественной покупки, если землю продает «сосед» (III.9.1). Это не служит доказательством собственности общины на землю. Во-первых, правом преимущественной покупки обладают и родственники, во-вторых, в зависимости от характера продаваемой недвижимости разным будет круг лиц, имеющих его (для «дома» — 40 семейств, для поля — землевладельцы деревни и т. д. — III.9.1—2). Деревня не может произвольно распоряжаться участками своих жителей. Человека изгоняют из селения, только если он совершит тяжкое преступление (III.10.18—19). Земля, лишившаяся своего собственника, не

поступает в распоряжение общины, она считается выморочной, «ничьей» (т. е. зависящей от царя — III.9.17—18). Правитель может кому-либо передать ее или следить за ее обработкой сам (II.24), но при любых обстоятельствах она не изымается из общинного фонда; единство территориальной общины не нарушается. В последнем случае сам царь уподобляется ее члену, «проживающему в другом месте» (III.10.15). Между деревнями, по-видимому, не было никакой обрабатываемой земли (см. II.1.6), и при споре между ними правитель в крайнем случае проводил границу по собственному усмотрению, но не забирал спорную площадь себе (ср. III.9.14 и III.9.17—18).

Вообще достаточно бесплодны попытки определить, кто же — община в целом или отдельный ее член — собственник земли. Вероятно, именно понятие «собственность» в современном смысле слова в древности отсутствовало — отдельный землевладелец, с индийской точки зрения, был «хозяином поля», но, определяя его права на участок как «частную собственность», следует подчеркнуть, что она теснейшим образом была связана с членством в общинном коллективе.

4. Рабство и наемный труд

В III книге «Артхашастры» есть специальный раздел — «Дасакальпа» («Устав о рабах»), служащий наиболее важным источником сведений о рабстве в древней Индии. Сам термин «даса» в КА употребляется в широком и узком значении. Упомянутые в III.13.1—25 зависимые всех видов считаются даса в широком смысле, включая «заложенных» (ахитака), слуг (паричарака) и т. п. Однако иногда те же категории перечисляются наряду с даса, т. е. считаются не принадлежащими к последним (см. II.1.25 — даса и ахитака; III.1.1 — даса, ахитака и паричарака; IV.9.24 — даси и ахитика; II.24.2 — даса, ахитака и дандапратикартр — «отрабатывающий штраф»; II.23.2 — даси и дандапратикарини — «отрабатывающая штраф»). Разумеется, в указанных случаях применение одних и тех же правил к даса и ахитака свидетельствует о близости их общественного положения, но, если бы понятие «даса» всегда охватывало ахитака, паричарака и прочих зависимых, не было бы нужды оговаривать, что правило, относящееся к даса, распространяется и на остальных. Во всех подобных случаях этот термин употребляется в узком смысле (ср. [190, с. 295 и сл.]).

Соответственно «Дасакальпа» четко делится на две неравные части (сутры 1—19 и 20—25), каждая из которых начинается стереотипной формулой (в сокращенном виде она же заканчивает «Дасакальпу»).

В первой части речь идет об ахитака и других категориях зависимых, которые включаются в понятие «даса» лишь при широком толковании слова; во второй — о собственно даса. Они состав-

ляют так называемую чатурваргу (четыре категории): «купленный», «полученный по наследству», «рожденный в доме», «полученный в подарок». Чатурварга (ср. Нарада V.26—29, Брихаспати XV.22) употребляется взамен словосочетания «постоянный раб» (нитядаса, как в комментарии Бхавасвами к «Нарада-смрити» V.26), или «раб по рождению» (как в комментарии Асахан к «Нарада-смрити» — I.178). «Четыре категории» суть перечисление всех возможных способов приобретения раба данным хозяином и соответственно определение, кто считается собственно даса. Это раб по рождению, являющийся собственностью хозяина и приобретенный им теми способами, какими приобретается любое движимое имущество (IV.6.7—8, ср. [111, т. 2, с. 35]). По отношению к рабам наиболее полно совпадают понятия «господин» и «собственник», и описательная формула чатурварги, отвечающая понятию «агама», точнее передает идею собственности, чем «свамья» и аналогичные термины, выражающие, как говорилось, прежде всего идею власти. Описательная формула, таким образом, сводится к положению, что раб есть полная собственность другого.

Юридического различия между «полученными» и «купленными» и т. д., естественно, не было. «Полученный» мог быть прежде «куплен», а еще раньше «родиться в доме» и т. д.³¹ По отношению к ним хозяин обладает одинаковой, причем значительной, властью. Лишь продажа беременных женщин и малолетних детей ограничивается несколькими условиями (III.13.20). За признанием права даса на личное имущество (III.13.22) не следует никакого указания на возможность приобретать это имущество, никакого определения власти хозяина на труд и личность раба. Хозяин не вправе лишь нарушить договор об освобождении даса за соответствующий выкуп (III.13.21), но, видимо, вовсе не обязан вообще отпустить за выкуп, если не желает³². Единственное ограничение его прав на рабынь — требование освобождения даси, родившей ребенка от него самого (III.13.23).

Таким образом, хозяин не обладает абсолютной властью над даса, принадлежащим к «четырем категориям»; последний не считается только вещью и иногда выступает как субъект права, имеет личное имущество и семью. Все это, однако, не мешает нам признать его рабом в самом точном смысле слова³³. Интересно отметить, что римляне тоже описательно определяли раба (см. Квинтилиан. *Inst. or.* V.10.67: «Рабом является тот, кто родился в твоем доме, или куплен тобою, или получен по наследству, или захвачен у врагов и т. п.»).

Иначе обстоит дело с теми даса, которым посвящена первая, большая часть «Дасакальпы». Здесь представлены именно такие категории, различия между коими выражаются как в способах появления временной зависимости, так и в ее условиях³⁴. Но прежде чем остановиться на этом, надлежит выяснить содержание ряда понятий — «арья», «арьятва», «арьяпрана», «арьябхава» и «дасабхава».

Когда в тексте (III.13.21) говорится, что посредством уплаты

соответствующего выкупа раб по рождению становится арья, термин «арья» может иметь только одно значение — «свободный». Дети продавшего себя во временную собственность остаются свободными (III.13.13). Сам он, если возвращает полученную сумму, обретает арьятва — «свободу» (III.13.15). Нетрудно заметить, что и в других главах КА арья и даса противопоставляются друг другу³⁵. Так, в IV.9.26 сказано, что в случае насилия над рабыней преступник платит низший штраф сахаса, а в случае насилия над женщиной-арья — высший штраф. Естественно думать, что рабыне (или зависимой) противопоставляется не «арийская женщина», как в русском переводе, а просто свободная. Двумя сутрами ранее (IV.9.24) в сходном контексте говорится о даси и ахитике (заложенной), с одной стороны, и арья — с другой. Поскольку ахитика — не обязательно женщина низкого происхождения, «арья» здесь означает «лично свободная». Когда Каутилья упоминает «женщину благородного рода», он использует термин «куластри», а не «арья» (II.36.41).

Слово «арьяпрана» встречается в трактате трижды (III.13.1; 13.19; 16.28) и этимологически могло бы толковаться как «свободнорожденный». Первая фраза «Устава о рабах» свидетельствует, что этим термином обозначалась совокупность членов четырех варн: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Сравнение с 4-й сутрой показывает, что в том же значении применяется и термин «арья». Таким образом, арьяпрана (и иногда арья) употребляется в смысле сословно-кастовой принадлежности представителя любой из четырех варн в противоположность тем, кто стоит вне и ниже системы чатурварньи, а именно варварам (млечхам — III.13.4). Иногда арья противопоставляется членам низших каст — чандала (III.20.16), швапака (IV.13.35), которые приравниваются к лесным племенам (например, IV.10.2). Кроме них варварами, естественно, считались все иноземцы, не знавшие деления на варны (ср. Мбх. I.165.36—37, Ману X.44—45). Все три группы варваров тесно связывались, так как и отсталые лесные племена, и иноземцы воспринимались в качестве особых «смешанных каст».

Три сутры, содержащие термин «арьяпрана», демонстрируют общую тенденцию: III.13.1—4 запрещает продажу или заклад несовершеннолетних членов какой-либо из четырех варн; III.13.19 предписывает освобождать на льготных условиях военнопленных из этих варн; согласно III.16.28, не разрешается даже из вражеской страны вводить жителей — членов любой из четырех варн. В трактате нигде не осуждается сам институт рабства: запреты касаются лишь представителей чатурварньи³⁶, для варваров же рабство признается нормальным явлением (III.13.3—4).

Остановимся на терминах «дасабхава» и «арьябхава», каждый из которых по разу встречается в рассматриваемой главе КА. «Бхава» означает «состояние», «сущность»; и как противоположен смысл слов «арья» и «даса», должен быть противоположен смысл «дасабхава» и «арьябхава» (нельзя, подобно Ганапати Шастри, толковать дасабхава как «рабство» — III.13.4, а арьябхава как

«имущество ария» — III.13.7). В III.13.4 констатируется: «Для ария нет дасабхава». Под «арием», как мы выяснили, подразумевается член любой из четырех варн. Обычно считается, что дасабхава нужно передавать как «состояние даса», т. е. «зависимость», «рабство». Но уже в следующей сутре и далее речь идет о правилах, определяющих положение ариев, находящихся в зависимости, — об атмавикраине, ахитаке и пр. Причем зависимые всех категорий охватываются термином «даса» (ведь раздел называется «Дасакальпа»). Пока «заложный» (ахитака), «продавший себя» (атмавикраин) и прочие не выплалят полученной суммы, они являются не свободными, не ария, а даса. Поэтому, если принять, что «дасабхава» означает просто «состояние даса», получается, что автор главы декларирует правило, которое опровергается всем дальнейшим изложением.

Но если «дасабхава» понимать как «рабство», «зависимость», то «арьябхава» нужно переводить как «свобода», как тождественное «арьятва» (так и поступает, например, Д. Р. Чанана [102]). Однако единственное место, где встречается слово «арьябхава», гласит (III.13.7): «Для отнимающего арьябхава у даса — половинный штраф». У даса невозможно отнять свободу, ибо он ее не имеет. Очевидно, под арьябхава и дасабхава подразумевается нечто иное, чем просто «свобода» и «рабство». В III.13.3—4 дасабхава выражается в допустимости продажи или залога до достижения совершеннолетия, т. е. в свободном распоряжении личностью другого. Что понимается под словами «похитить арьябхава», ясно из того, что за такой проступок полагается «половинный штраф». Ранее о штрафах, от которых можно вычислять половину, речь шла в первых двух сутрах, предусматривающих наказание за продажу или заклад арьяпрана. Логично предположить, что половинный штраф назначается за аналогичное преступление, но по отношению не к свободному, а к рабу, т. е. за его продажу или заклад.

Дело в том, что это правило содержится в той части главы, где говорится о временной, условной зависимости для членов четырех варн. И даса, который здесь упоминается, не всякий раб, а именно человек, находящийся во временной, условной зависимости. Пока он продолжает быть зависимым, его рассматривают как даса, а не как арья. Он не имеет арьятва (свободы), но тем не менее сохраняет арьябхава. Лишить его арьябхава — значит продать или заложить его без его собственного согласия. Такое действие так же запрещено, как продажа и заклад свободных детей. Штраф в этом случае определяется принадлежностью пострадавшего к той или иной варне, но назначается в половинном размере от того, который налагался бы, будь данное лицо свободным. Иными словами, лишение арьябхава в III.13.7 — то же самое, что дасабхава в III.13.4, — свободное распоряжение личностью человека, вплоть до полного отчуждения. Нет сомнения, что положения III.13.7 и III.13.4 распространяются на членов четырех варн и призваны запретить обращение последних в полностью зависимых в резуль-

тате продажи родственниками малолетних или произвольного расширения прав хозяев применительно к временно зависимым лицам.

Тогда, в отличие от арьятва, арьябхава соотносится не с обычным значением арья (свободный), а с арья в смысле III.13.4 или с арьяпрана. Этот термин выражает сословно-кастовую принадлежность, которая определяется рождением и не изменяется при установлении зависимости. Дасабхава — статус рабов (даса в узком смысле), позволяющий свободно распоряжаться человеком (в частности, продавать его или закладывать), имеют только млеччхи, находящиеся вне системы варн. Арья могут попадать лишь во временную, условную зависимость.

В разделе о временно зависимых главы III.13 преимущественное внимание обращено на «заложённых». Неоднократно они упоминаются и в других главах, причем в контексте, позволяющем думать, что под «ахитака» понимаются все лица данной категории. Каутилья различает среди ахитака «заложившего себя» и «заложённого другим», но различие это несущественно и важно только в одном случае — за бегство «заложивший себя» карается несколько строже (III.13.6).

Первая сутра главы запрещает залог несовершеннолетних членов четырех варн (в сутре III.13.5 говорится о выкупе заложённого ребенка, т. е. при крайне бедственном положении семьи залог все же был возможен). Речь идет исключительно о несовершеннолетнем, и объясняется это тем, что для свободнорожденного нет дасабхава. Залог другого рассматривается как обычное явление. Закладывает его, очевидно, родственник, практически глава семьи. В обычных условиях в положении заложённых оказываются только младшие ее члены, уже достигшие совершеннолетия. Такое обращение с ними не означает утраты ими арьябхава. Причина, вероятно, в том, что они дееспособны и залог не может состояться вопреки их воле (ср. III.1.36, где прямо сказано о необходимости согласия человека на то, чтобы стать заложённым). Напротив, залог несовершеннолетнего (недееспособного) предполагает обращение со свободнорожденным как с вещью, лишение его статуса. Продажа свободнорожденного совершенно исключается, независимо от его возраста, поскольку такой акт означал бы потерю им статуса, полное распоряжение его личностью. Поэтому в разделе о временно зависимых упоминаются «заложивший себя» и «заложённый другим», но только «продавший себя»: «проданного другим» нет (разумеется, применительно к членам четырех варн; варвары могут продавать свое потомство — III.13.4).

Само слово «заложённый» указывает на то, что залогодатель получил известную сумму; после ее возмещения (работой или деньгами) заложённому возвращается свобода (III.13.15—16). Аналогично положение и «продавшего себя»: такая продажа не является продажей в современном значении слова, т. е. полной, безусловной передачей прав на личность.

Не случайно автор КА, подчеркнув, что это положение распространяется и на «заложённого», и на «продавшего себя» (III.13.16),

добавляет уже только в отношении второго: «Его выкуп соответствует полученной им сумме» (III.13.17). Иначе говоря, «продавший себя» получает свободу, если вернет целиком полученную сумму без учета процентов и проработанного у хозяина времени. Его работа засчитывается в возмещение не основного капитала, а лишь процентов на капитал. Это возможно в том случае, если основной капитал по величине соответствует средней цене раба. Можно предположить, что сумма, получаемая за «заложенного», меньше и работа его должна засчитываться в возмещение как процентов, так и основного капитала. В этом, видимо, и состоит главное различие между лицами указанных категорий. Зависимость «продавшего себя» не определяется оговоренным сроком, в принципе она бессрочна, до возвращения суммы. Зависимость другого устанавливается на обусловленное заранее время, по истечении которого он освобождается, а в некоторых случаях и раньше срока, если будет возвращена полученная сумма (см. III.13.5). Сопоставление правил о «заложенных» с общими положениями о залогах помогает квалифицировать «продавшего себя» как «неподвижный залог» (III.12.15). При залоге оговаривается не только время, но и объем или характер выполняемых работ. На это указывает, в частности, сутра III.13.20, запрещающая отдавать раба-ребенка в залог на низкие работы. Следовательно, залогодатель знает, на какие работы поступает «заложенный». Вероятно, объем работ ограничивается и для «продавшего себя», поскольку отмечается, что он может получить имущество, добытое своими силами, без ущерба для хозяина (III.13.14). Но описание характера работ было, наверное, самое общее, поскольку фиксируется запрет лишь на ритуально нечистые работы, а не на любые безусловные (III.13.9).

Не вполне ясны обстоятельства, при которых в зависимость попали лица, перечисленные в сутре III.13.9,— «дхатри» (кормилица), «паричарика» (служанка), «ардхаситика» (испольщица), «упачарика» (прислужница). Обычно считается, что все они принадлежат к заложенным, однако формальный анализ текста убеждает в том, что эти категории отличаются от ахитака. Во-первых, тогда часть 9-й сутры, посвященной дхатри и прочим, оказывается излишней, ибо раньше было сказано, что хозяин теряет цену, т. е. ахитака становится свободным; во-вторых, в сутре III.13.11 упоминаются «дхатри или ахитика»; в-третьих, в IV.13.31 паричарака назван наряду с ахитака (хотя упоминание их вместе подчеркивает сходство положения). Нет никаких указаний и на то, что ардхаситика и упачарика (III.13.10) рассматриваются как ахитака. Перед нами какая-то иная, чем «заложенные», категория зависимых, но близкая к ним по статусу. Нетрудно обнаружить некоторое различие между этой категорией и ахитака. При одних и тех же оскорбительных или оскверняющих действиях по отношению к ахитике хозяин теряет цену и та может уйти, а дхатри и прочие просто могут уйти (III.13.9). Очевидно, их связывала с хозяином не цена, не сумма, которую они должны были возвра-

тить, а иного рода кабальная сделка, возможно срок, который надлежало отработать³⁷. Для дхатри, например,— срок кормления и ухода за ребенком.

Наверное, немногим отличались от заложенных те, кто погасил работой не долг, а судебный штраф (дандапранита — III.13.18, ср. III.1.35). К временно зависимым особого типа относятся и свободнорожденные арии, попавшие в плен. Их тоже не могли обратить в постоянных рабов и должны были отпустить на свободу по прошествии известного срока или после возмещения половинной суммы выкупа (III.13.19).

Поскольку зависимость перечисленных категорий — «заложенных», «продавших себя» и других — в принципе оставалась временной, семейное положение и сословно-кастовая принадлежность зависимого не менялись. Его дети, в частности,— родились ли они до того, как отец стал заложенным, или после (III.13.13) — считались свободными.

Временно зависимые не теряют принадлежности к варне, поэтому запрещается принуждать их к выполнению ритуально нечистых работ (III.13.9). Правда, это отмечается лишь применительно к заложенным, а также кормилицам, служанкам и пр., но не касается «продавшего себя». Так как последний, возместив сумму, возвращается в прежнее состояние, возможно, и на него распространяется этот запрет. Действия хозяина, противоречащие статусу временно зависимого, влекут его освобождение (III.13.9). Правовой статус всех лиц данной категории (преимущественно членов системы варн) в общих чертах сходен, его можно детально сопоставить со статусом рабов по рождению.

Временно зависимые

Ограничение продажи и заклада

Члена любой из четырех варн нельзя заложить до достижения совершеннолетия (III.13.1—4), за исключением крайних случаев (III.13.5). После достижения совершеннолетия (т. е. с его согласия) можно заложить, но не продать. Совершеннолетний может сам себя продать (III.13.13), однако только во временную зависимость (III.13.13—17). Продавать и закладывать временно зависимых запрещено (III.13.7), но штраф в таком случае вдвое меньше, чем за свободных.

Условия освобождения

Возмещение полученной суммы деньгами или работой, независимо от воли хозяина (III.13.15—17).

Постоянно зависимые

Нельзя продавать и закладывать ребенка до восьми лет, заставлять его выполнять низкие работы, отрывать от родственников без согласия, посылать в отдаленную область; беременную рабыню без обеспечения ее в период беременности (III.13.20).

По-видимому, по воле хозяина. Нарада (V.29) указывает, что освобождение постоянно зависимых невозможно без желания хозяина. Но если он согласился на освобождение и принял соответствующий выкуп, то

Положение после выкупа

Такое же, как до состояния зависимости, — полноправный член варны (и соответственно общества).

Семья

Нет никаких оснований думать, что семьи временно зависимых отличались от семей свободных.

Дети свободны (III.13.13).

обязан выполнить соглашение (III.13.21).

Считается свободным человеком и в этом смысле назван «арья» в III.13.21, но чаще применяется термин «адаса» (нераб — III.13.23 и 24; IV.12.27, ср. [102] и Народа V.43), чтобы отличить от тех свободных, которые принадлежат к одной из четырех варн. Отдельной категории вольноотпущенников нет. Это объясняется тем, что члены четырех варн не могут быть в полном рабстве, не потеряв варны, а постоянные рабы, отпущенные на свободу, вливаются в состав млечххов, занимающих более низкое сословное положение.

Упоминание родственников (III.13.20, 21), брата, сестры и матери (III.13.24) свидетельствует о наличии родственных связей у рабов. Большинство из них, видимо, родились в доме и являются детьми раба и рабыни. Обращает на себя внимание отсутствие упоминания отца в той сутре, где речь идет об освобождении всех родственников женщины — конкубины хозяина. Вероятно, брачные отношения среди рабов не были прочными, рассматривались не как брак в полном смысле слова, а лишь как сожительство. Отцовство не всегда могло быть установлено.

Если дети родились от раба и рабыни, то они, несомненно, рабы; если от свободной женщины и раба, видимо, свободны и если от свободного мужчины и рабыни, тоже могли быть свободными. На это указывает упоминание дочери раба или рабыни, которая сама не является рабыней (IV.12.27), причем она называется адаси (ср. выше). Ребенок, родившийся от хозяина, свободен, как и его мать (если рабыня — сожительница хозяина, то освобождается вся ее семья — III.13.23—24).

Имущественное положение

Владеет имуществом, может быть, даже землей, на которой ведет собственное хозяйство.

Правила наследования те же, что и для свободных (III.13.14).

Единственным условием приобретения имущества является то, чтобы это приобретение совершалось без ущерба для работы на хозяина (III.13.14).

Запрещается принуждение к выполнению нечистых работ (III.13.9).

Запрещено грубое обращение с женщиной (III.13.9).

В случае насилия над ней хозяин платит штраф, хотя не такой, как за свободную женщину (III.13.11—12).

Имущество может быть, на это указывает правило о наследовании его (III.13.22), о возможности выкупа (III.13.21).

Наследуют обычно родственники. При отсутствии таковых — хозяин (III.13.22).

Прямых свидетельств нет, но, поскольку имущество имеется, допустимо предполагать и какие-то возможности его приобретения.

Нечистые работы не запрещены, т. е. в КА не предусмотрено никаких ограничений.

Ограничений нет.

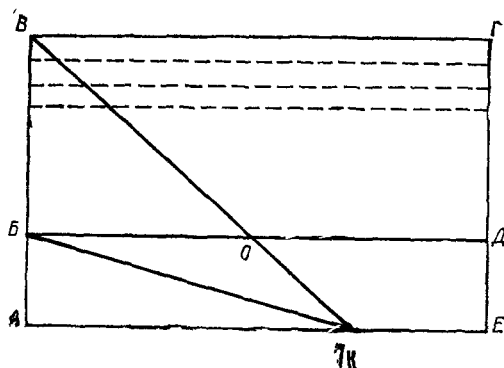
Единственное ограничение — правило об освобождении рабыни, если у нее рождается ребенок от хозяина (III.13.23).

Обращение хозяина с зависимыми

Итак, понятие «даса» объединяет всех, находящихся в рабском состоянии, являющихся рабами в данный момент. Но среди них выделяются собственно даса, не принадлежащие к системе варн, и кабальные, преимущественно из членов какой-либо варны. Они по ряду гарантированных обычаев и законом признаков отличаются от собственно рабов. По закону кабальный — это личность, которая даже в период пребывания в рабском состоянии не теряет принадлежности к варне и получает свободу независимо от воли хозяина³⁸.

Статус «заложного» так же отличается от статуса раба по рождению или купленному, как положение любого залога — чужой вещи, полученной на время, от положения вещи, принадлежащей хозяину на правах собственности. В случае, когда «залогом» выступает человек, «собственником» его он обычно сам и является. КА называет, правда, среди временно зависимых «продавшего себя», но, как уже говорилось, при этом фактически речь идет не о продаже, а лишь о бессрочном залоге. Самопродажи в рабство, по крайней мере для ариев, трактат не предусматривает. Вывод о специфике индийского рабства мог быть сделан в результате смещения предписаний, относящихся к собственно рабам и кабальным. Анализ терминологии и юридических норм, касающихся разных социально-правовых групп, позволяет составить представление о стратификации общества, согласно «Артхашастре». Схема получается настолько четкая, что ее легко выразить графически.

Общество делится прежде всего на две группы: 1) лиц, принадлежащих к четырем варнам, т. е. в полном смысле свободно-рожденных, и 2) лиц, не включаемых в систему варн. Первые располагаются в иерархическом порядке — от брахманов до шудр.

БВГД на нашей схеме соответствует системе четырех варн, а АБДЕ — варварам-млеччхам. Кроме того, существует иное, не совпадающее с предыдущим деление — по принципу реальной личной свободы и зависимости, причем надо думать, что вероятность попасть в зависимость находится в обратном отношении к варновой принадлежности. Линия ВК проходит так, что АВК соответствует категории даса в широком смысле.

Среди зависимых есть собственно рабы — даса в узком смысле слова, судя по тексту КА, отличающиеся от ахитака, паричарака и пр. Настоящими рабами становятся только варвары (в результате продажи и заклада, разрешенных III.13.3, военного плена или увода гражданского населения, ибо на них не распространяются правила III.13.19 и III.16.28, или по какой-то иной причине). Члены четырех варн могут попасть лишь во временную зависимость (обычно вследствие долговой кабалы, скрывающейся под отношениями залога, а также при отработке штрафа и вследствие военного плена). В разделе о временно зависимых автор КА выделяет прежде всего эту категорию (БВО на схеме). Но варвары могут быть свободными (в противном случае некому было бы продавать детей), могут находиться как в постоянной, так и во временной зависимости. БОК и соответствует последним, а АБК — постоянно зависимым, даса в полном смысле слова. Очевидно, чем ниже статус варвара, тем больше вероятность его попадания в разряд собственно рабов.

Четырехварновая система — это нечто вроде специфической формы гражданского коллектива, противопоставленного рабам, низшим кастам, отсталым племенам и чужеземцам. Хотя общее понятие раба (даса) объединяет рабов по рождению и многообразные категории временно попавших в кабалу, основные тенденции «Устава о рабах» в «Артхашастре» заключаются в запрещении полного порабощения членов чатурварнья, в ограничении прав хозяев на их труд и личность.

Конечно, надо думать, что грани, так четко обозначенные в правовой терминологии КА, в действительности были значительно менее определенными. Правовые нормы не всегда соблюдались и могли постепенно меняться под влиянием социально-экономических

сдвигов. Легко увидеть это на примере атмавикраина — «продавшего себя». В КА он в основном имеет статус временно зависимого, но время его зависимости не ограничивается. Условием его выкупа служит возвращение полученной суммы без учета того, что им отработано. Оставаясь фактически в постоянной зависимости, «продавший себя» должен был постепенно терять и статус временно зависимого. В частности, в «Нарада-смирти» атмавикраин приравнивается к постоянным рабам (V.37). Однако тем самым в число постоянных, полных рабов попадают варновы индийцы, теряя связанные с принадлежностью к варне привилегии. «Продавший себя» у Нарады именно потому и считается худшим из людей, что, продавая свою свободу, он теряет при этом варну.

Мы стремились восстановить социально-правовую, но не социально-экономическую структуру древнеиндийского общества. Классы не совпадают полностью с социально-правовыми группами. Несомненно, были формы эксплуатации, не нашедшие отражения в общей предложенной нами схеме. Одни и те же социально-правовые категории могут иметь разное классовое содержание. С данной точки зрения внимание вновь привлекает атмавикраин. В КА говорится, что его потомство, как и потомство «заложенного», следует считать свободным (III.13,13, 16). Речь, безусловно, не может идти о потомстве зависимых, родившемся до того, как отец попал в зависимость, ибо договор о продаже или закладе детей не был заключен (да и сам договор-то, по III.13 1, считался бы незаконным). Речь может идти лишь о детях, родившихся у человека после того, как он «продал себя». Уже выяснено, что, в сущности, он не продал себя, а лишь бессрочно заложил, стало быть, вполне естественно, что дети его считались свободными. Отметим другую деталь: будучи рабом и работая на хозяина, «продавший себя» (и «заложенный» тоже) живет с семьей. Отрабатывая сумму долга или проценты на нее, он сохраняет свое имущество, семейные и общественные связи. С экономической точки зрения способ эксплуатации «заложженных» не всегда рабовладельческий, хотя в социально-правовой структуре они уподобляются рабам (но не отождествляются с ними). Для отдельного «заложенного» или «продавшего себя» его зависимость может быть переходным состоянием к полному рабству, но исторически те же многообразные категории кабальных правомерно рассматривать и в качестве основы формирующегося класса зависимого крестьянства.

Наемный труд. В связи с рабством уместно поставить вопрос о наемном труде. Термины «кармакара» и «бхритака» историки часто толкуют однозначно — «наемный работник, рабочий». Вместе с тем в разных контекстах содержание этих понятий отнюдь не всегда одинаково. Иногда слово «кармакара» следует трактовать буквально — «выполняющий работу», несмотря на то что оно может относиться и не к человеку. Так, в главе о деятельности надзирателя за скотом говорится (II.29.45), что «количество корма для волов-кармакара (кармакарабаливарда) и для дойных коров устанавливается в зависимости от времени работы и от удоя соот-

ветственно». Представляется, что в том же значении употреблен термин и в главе о надзирателе за прядильным и ткацким делом (II.23.15); здесь сказано о работницах, которые, получив плату, не работают и совершают преступления (похищают сырье и т. д.). Им назначаются суровые телесные наказания. У кармакаров же штрафы в соответствии с провинностью вычитаются из заработной платы (ветана). Вряд ли следует считать кармакаров особой категорией работников (наемными) и делать вывод, что часть прядильщиц принадлежала к этой категории, а другая нет. Термин «кармакара», противопоставляемый слову со значением «неработающая», должен иметь смысл «выполняющая работу». Кстати, плату получали все работницы, включая и тех, что названы в тексте рабынями (II.23.2).

Словосочетание «кармакарабаливарда» встречается еще раз в КА II.1.22—23: «[Даже] если кто-либо будет уклоняться от общих работ на строительстве оросительного сооружения, его кармакарабаливарды должны работать [и] пусть он несет расходы, но не получает своей доли [доходов от построенного сооружения]». Несмотря на наличие приведенной ранее сутры (II.29.45), обычное толкование этого выражения в данном контексте — «работники [и] волю» — представляется правильным. Но и это место не указывает на наемный труд. Общий смысл предписания, на наш взгляд, заключается не в выделении условия, при котором можно уклониться от работы на строительстве оросительного сооружения (едва ли непременно требовалось личное участие в труде), а, напротив, в полном запрете уклоняться от работы и суровом наказании за попытку сделать это. Старающегося уклониться заставляют участвовать в работах и в расходах, но в наказание лишают права на долю доходов. Термин «кармакара» здесь должен относиться ко всем людям, работающим на данного домохозяина, независимо от отношений, которые их с ним связывают. Это могут быть наемные работники, зависимые разного рода, рабы или младшие родственники (ср. у Кумарилы: «Домохозяин сам не работает. Выполняющими работу за него (кармакарами) являются другие» [102, с. 178]).

Иными словами, «кармакара» тут правомерно толковать как «люди, выполняющие работу, рабочих (персонал)». В таком значении термин встречается и в других отрывках, например в II.12: «Надзиратель за рудниками [должен] иметь надлежащих кармакаров [и] инвентарь». Известно, что на рудниках трудились не только свободные, но и колодники (II.12.21). Независимо от различия в их положении они все могут быть объединены термином «кармакара» (работники, рабочий персонал). Таким образом, приведенные случаи употребления этого слова не свидетельствуют о наемном труде.

Не является термином, указывающим только на наемный труд, и «бхритака». Одно из значений глагола «бхар» — «содержать». Глагол и его производные часто встречаются в КА. Слово «бхритака» связано с рядом понятий, не имеющих отношения к наемно-

му труду. Считалось, что каждый домохозяин должен обеспечивать содержание своих домоладцев и родственников (III.6.21, ср. II.1.28). В свою очередь, те зависели от главы семьи (III.6.15; 1.12) и обязаны были наравне с рабами и заложеными слушаться его (см. II.1.25). Аналогично хозяином государства выступает царь, который в КА нередко называется «бхартар» (букв. «тот, кто содержит»).

«Бхрита» означает получающие содержание — жалованье. Но далеко не всякий получающий жалованье — «наемный работник». Этот термин может прилагаться даже к царю, поскольку он «получает жалованье в виде налогов» (I.13.7—8) и налоги могут рассматриваться как жалованье (ветана — X.3.27) правителю. Видимо, «бхрита» далеко не всегда подразумевает именно наемный труд, и само понятие найма для индийца было связано с отношениями других типов: домохозяина и его домоладцев, царя и его слуг.

Специально вопросы, касающиеся кармакаров и бхритаков, разбираются в 13—14-й главах III книги КА. Кармакарами здесь именуются мастера и ремесленники, актеры и лекари, сказители и слуги, пастухи, земледельцы, торговцы. Кармакарами признаются также проститутка (III.13.37) и жрец, приглашенный для совершения обряда (II.14.28—38), наконец, человек, спасший другого от пожара, наводнения, воров или хищников и получивший за это вознаграждение (III.13.35). Во всех перечисленных случаях речь идет о найме. Любой человек, выполняющий работу, оказывающий услугу за плату или вознаграждение, носит название «кармакара». Легко заметить, однако [190, с. 211—216 и сл.], что и тут этот термин далеко не всегда может быть переведен просто как наемный работник или наемный рабочий.

Рассмотрим несколько подробнее структуру и содержание 13-й и 14-й глав III книги КА. Составляющие единое целое, эти главы в рукописной традиции разбиты на два тематических раздела (пракараны): «Устав о даса и кармакарах», охватывающий всю 13-ю и половину 14-й главы, и «Товарищество» — конец 14-й. Половину первой пракараны занимает разобранный выше «Устав о рабах». Хотя другая половина должна относиться к кармакарам, та ее часть, которая входит в 14-ю главу, имеет самостоятельное наименование «Обязанности бхритаки». Терминология различна и в самих главах — в 13-й для обозначения работающего по найму употребляется «кармакара», а в 14-й — «бхритака» или «бхрита» (сангхабхрита). Вопрос о соотношении этих терминов уже не раз ставился в научной литературе. М. Шетелих [190, с. 211] считает, что понятие «бхритака» более узкое и указывает на особенно тесную связь работника с хозяином. Однако анализ композиции 13-й и 14-й глав свидетельствует, что данные термины, по существу, синонимичны. Конец 13-й главы (26—37) посвящен теме оплаты труда работающего по найму, искам по поводу неуплаты жалованья. Напротив, содержание подраздела «Бхритакадхикара» в 14-й главе — обязанность выполнить работу, если плата получена

(III.14.1—3) или по крайней мере заключен договор (III.14.3). В 14-й главе, таким образом, разбираются иски по поводу невыполнения работы (т. е. деление текста на главы проведено не по случайному или формальному признаку: в дхармашастрах иски о «невыплате жалованья» и «невыполнении работы» также разбираются в разных разделах).

Работники одних и тех же категорий могут фигурировать при описании той и другой ситуации (при невыполнении работы и при неуплате жалованья, исключение, пожалуй, составляют лишь спасатели — III.13.35, которые не могут получить плату вперед и отказать спасти утопающего и т. д.). Иначе говоря, различие между кармакарами в 13-й и бхритаками в 14-й главах чисто ситуативное. Такое различие наблюдается в другой книге КА (V.2.66—67). Здесь речь идет сначала о провокаторе-кармакаре, который во время работы в доме неугодного царю лица подбирает краденое имущество или воровские инструменты. Затем повествуется о том, как провокатор-бхритака подкладывает в полученное жалованье фальшивую монету. Существенно, что кармакара упомянут в связи с выполнением работы, а бхритака — в связи с получением жалованья, хотя, конечно, в обоих случаях может участвовать одно и то же лицо.

Содержание подраздела о неуплате жалованья (III.13.26—37) таково. Близкие должны быть осведомлены обо всем, что связано с работой кармакары (III.13.31). Необходимо придерживаться соглашения о размере жалованья. Если его не было, то жалованье выдается в зависимости от времени, затраченного на работу, причем, если доход от работы может быть определен количественно, работник (земледелец, пастух или торговец) получает $\frac{1}{10}$ дохода (зерна, масла, торговой прибыли — III.13.27—28), если же нет (например, актера, лекаря, слуги, ремесленника и т. д.)³⁹, то плата определяется в соответствии с обычными расценками за подобный труд или на основании решения сведущих в этом людей (при отсутствии принятых расценок). Если нет свидетелей, иск принимается лишь тогда, когда работа налицо (32). Штраф за неуплату жалованья составляет $\frac{1}{10}$ часть исковой суммы, но не менее 6 пан (33). Особым вариантом соглашения о вознаграждении служит обещание утопающего, гибнущего от пожара и т. д. отдать спасителю все, что у него есть (35). Так как обещание дается не в обычном состоянии (в состоянии аффекта), оно недействительно (ср. III.1.13; 15.4) и размер вознаграждения за услугу определяется третейским судом — сведущими людьми. Стих (37) об отказе в вознаграждении проститутке за злонравие и непослушание нужен в основном для формального завершения главы. Возможно, как многие другие стихи в КА, он заимствован из другого источника. Раздел делится надвое не из-за наличия стиха (не являющегося необходимым в данном контексте), напротив, стих потребовался, чтобы расчлнить пракарану. В подразделе «Обязанности бхритаки» (III.14.1—17) говорится прежде всего о том, что получивший жалованье вперед должен выполнить работу.

Особый интерес представляют сведения о работниках артелей, на которых распространяются все правила, относящиеся к индивидуальным работникам (III.14.12). Артель заключает договор с хозяином о выполнении определенной работы и назначает на нее по очереди каждого из своих членов сроком на неделю без права освобождения от работы кого-либо из них или привлечения другого работника без ведома хозяина. В 12—17-й сутрах разбираются отношения между артелью и хозяином, и потому они входят в раздел об обязанностях бхритики.

«Раздел о рабах и кармакарах», если следовать традиционному делению текста в колофоне, на этом завершается. На деле же следующая тема «Товарищество», по сути, продолжает предшествующую. Лица, «составляющие товарищество», выполняют работу на заказчика (III.14.34), получают плату (III.14.18), находятся на содержании (III.14.34). В тексте 14-й главы даже нет четкой грани между пракаранами. Подраздел об обязанностях бхритики заканчивается положениями, касающимися рабочих артелей, а некоторые правила раздела «Товарищество» относятся равным образом и к рабочим артелям (скажем, о разделе жалованья — III.14.18). Таким образом, «Товарищество» в данном случае может рассматриваться как часть большой темы о работающих по найму.

В разделе, посвященном кармакарам, регулируются отношения между заказчиком и исполнителями работы, а в разделе «Товарищество» — отношения между совместно работающими исполнителями (преимущественно распределение жалованья). Поскольку в качестве примера объединения, выполняющего работу, приводятся жрецы, приносящие жертву по заказу, постольку в последних сутрах и стихе (35—38) разбираются специфические условия отказа от работы жреца или заказчика, если его партнер недостоин совершать обряд. Такие правила касаются не только объединений, но и отдельных жрецов, поэтому по содержанию уже не соответствуют теме «Товарищество», а вновь поднимают общую проблему отношений с хозяином (правда, лишь для особой категории «рабочников»). Основанием для выделения темы товарищества служит, очевидно, то, что оно не обязательно означает работу на заказчика и не всегда связано с отношениями найма — соответственно регулирование отношений между его членами имеет и более широкое значение. Вероятно, именно этим товарищество отличается от «рабочей артели» (сангхи), всегда имеющей дело с заказчиком-хозяином.

Можно отметить и другие различия. Сангха, вероятно, существует как постоянное объединение, принимающее подряды. Посылая заказчику своих работников по очереди на определенный срок, она выступает как бы в качестве их коллективного хозяина.

Напротив, товарищество есть временная ассоциация, организуемая для определенной цели и на добровольной основе. Выход из объединения затруднен в период от начала конкретной работы и до ее окончания (III.14.19, 23). Члены товарищества, будь то земледельцы, торговцы или жрецы, трудятся все одновременно. На

место умерших в период работы членов могут быть взяты новые, добровольно изъявившие желание трудиться (ср. II.36.5). Члены товарищества, по крайней мере торгового, получают не только жалованье (как в III.14.18), но и прибыль с товаров (III.14.21).

Сами по себе отношения найма (по существу, предоставление тех или иных услуг за вознаграждение) еще не определяют положения человека в обществе; разумеется, статус жрецов и прститутток, мастеров и ремесленников, работавших на заказ, и домашних слуг был неодинаковым. Поэтому помешение в одном большом разделе правил, касающихся рабов и работающих по найму, объясняется не близостью социального положения названных двух категорий (наемного работника к рабам, как обычно считают [71а, с. 379], или рабов к наемным работникам, как думал Б. Брелер [112, ч. 2, с. 35]), а тем, что и тот и другой имеют хозяина. Для раба, даже временно находящегося в этом состоянии, в такой роли выступает господин (свамин), для бхритакы — работодатель, обеспечивающий содержание (бхартар). Но в любом случае речь идет о хозяине его труда, его времени или самой его личности.

«Устав о рабах и работниках» включает не все правила, затрагивающие рабов и работающих по найму, а лишь те, что регулируют их отношения с хозяином (поэтому, кстати, нельзя безоговорочно прилагать материал главы к ситуации в царском хозяйстве).

Те же термины — «кармакара» и «бхритака» — могут означать не только отношения найма, но и постоянный статус человека. Налоговый чиновник (гопа) при переписи жителей деревни (II.35.3) указывает число земледельцев, скотоводов, торговцев, ремесленников, кармакаров и даса. Представители самых разных профессий нередко работают по найму (особенно ремесленники). Кармакары — наемные работники, будучи земледельцами, пастухами или торговцами, тоже занимаются каким-либо делом (III.13.28). В нашем контексте, однако, существенным оказывается противопоставление самостоятельных хозяев, перечисляемых по занятиям, несамостоятельным лицам. К последним наряду с даса относятся и кармакары. Здесь они могут составлять определенную категорию населения — лиц постоянно и, видимо, наследственно работающих по найму, и мы без оговорок переводим это понятие как «наемный работник».

Термин «бхритака» в «Артхашастре» дважды употребляется для обозначения постоянного статуса человека, причем контекст весьма сходен. В первом фрагменте говорится, что доносчик по делу о казнокрадстве получает $\frac{1}{6}$ конфискованной суммы (II.8.29), а если он бхритака — $\frac{1}{12}$ (IV.1.51), во втором — что нашедший клад может получить $\frac{1}{6}$ его часть, но если клад нашел бхритака, то $\frac{1}{12}$. Итак, люди делятся на две категории — являющиеся бхритака и не являющиеся ими. Р. П. Кангле в обоих случаях переводит бхритака как «государственный служащий», но основания для такой дискриминации совершенно неясны. Кроме того, бхритака иногда бывает назван и бхрита (см. III.14.12), однако ни разу в КА бхрита — государственный служащий, чиновник не назван

бхритака. Думается, что уменьшенная вдвое ставка вознаграждения объясняется более низким социальным статусом, несамостоятельностью той категории населения, которая именуется «бхритака». Очевидно, имеется в виду лицо, постоянно работающее на других за пропитание или плату. Допустимо отождествить этого бхритаку с кармакарой в смысле определенного общественного слоя, как в II.35.3 (не исключено, что и даса в широком значении слова входят в понятие «бхритака» в данном контексте).

Подобное толкование термина, нам кажется, подтверждается материалами о грамабхритаке — деревенском бхритаке. Последний в обычных обстоятельствах не имеет земли и не может ее иметь (II.1.11). В указанном месте КА говорится, что царь отнимает участки у не обрабатывающих их налогоплательщиков и передает другим налогоплательщикам или землю возделывают торговцы (вайдехака) и деревенские работники (грамабхритака).

Таким образом, деревенские работники и торговцы могут возделывать землю, но не получить ее — наверное, потому, что занятия их были наследственными и связанными с определенным положением в обществе (кастовым статусом). Грамабхритака вместе с нищими собирает колоски на поле (V.2.11). Видимо, по причине несамостоятельности он не вправе давать свидетельские показания в суде (III.11.29). Плата осведомителю-грамабхритаке вдвое меньше, чем осведомителям, являющимся домохозяевами, торговцами, аскетами и т. д. (V.3.22—23), и равна плате осведомительнице-нищенке⁴⁰.

Социальное положение некоторых категорий наемных работников по ряду признаков действительно мало отличалось от рабско-го⁴¹, но причина крылась не в самих по себе отношениях найма, а в экономической несамостоятельности. Отсутствие средств производства и постоянная работа по найму должны были неизбежно вызываться тем обстоятельством, что земельная собственность была связана с членством в общинном коллективе, а последнее возможно лишь для представителей землевладельческих каст. Структура древнеиндийского общества обрекала определенные группы работников на постоянное и наследственное существование трудом по найму в чужом хозяйстве, порождала отношения своего рода коллективной зависимости.

Положение ряда категорий работников, по-видимому, было двойственным, имевшим признаки и наемного, и принудительного труда. Рассмотрим, например, термин «паричарака», несколько раз встречающийся в КА. Дважды (I.12.8 и VII.17.40) упоминается «удакапаричарака» — «слуга [приносящий] воду». В последнем случае контекст (VII.17.41) позволяет думать, что и другие лица, перечисленные наряду с удакапаричарака, также могут быть названы паричарака. Это повара, те, кто прислуживает за столом, банщики, массажисты, брадобрей, камердинеры, т. е. домашняя челядь. При расследовании случаев внезапной смерти (IV.7.14) допрашивают жен покойного, его родственников и паричаракаджана. Под этим словом нужно понимать весь штат домашней при-

слуги независимо от условий труда (наемного или подневольного). В аналогичном значении употребляется оно и в IV.6.18.

Социальный статус паричараки вообще низкий. Связь женщины с ним карается так же, как связь с рабом (постоянным или «заложённым»). Сын от служанки (паричарика) находится в том же положении, что и сын брахмана от шудрянки (парашава) (V.1.8). Из контекста и правил, относящихся к парашаве (III.6.22), вытекает, что сын служанки бывает наследником лишь тогда, когда нет других сыновей, да к тому же неполноправным наследником. Как явствует из сутры III.13.30, паричарака является наемным работником, получающим жалованье (кармакарой). Вместе с тем о служанке говорится в разделе III.13, посвященном положению даса (в части о временных рабах). «Артхашастра» предусматривает защиту паричарики и прочих временно зависимых от произвола хозяина: при дурном с ней обращении она может освободиться, уйти. Однако именно данное предписание свидетельствует, что она не может уйти в любой момент по собственной воле и в этом не отличается от других временных рабов.

К той же категории причисляются кормилица, прислужница и испошница (III.13.9). Между тем испошница, по существу, должна относиться к земледельцам, работающим из доли урожая и являющимся наемными работниками (III.13.28). Согласно КА III.11.23, жена не отвечает за долги, сделанные мужем: Исключение предусматривается только для пастухов и испошников. По аналогии логично предположить, что под пастухами в этом контексте подразумеваются также работающие из доли кармакары (как в III.14.28). Строгий анализ в каждом конкретном случае мог бы показать, к какой категории временно зависимых либо наемных относится тот или иной работник, но, видимо, реальное положение их часто было почти неразличимым.

В КА несколько раз встречается термин «бхритья». Когда речь идет о царском дворе или государстве в целом, он практически синонимичен «бхрита» — «царские слуги, чиновники, получающие содержание». В частном же хозяйстве «бхритья» не является обозначением любого работника, заключающего свободное соглашение. Между хозяином и его бхритья существует более тесная и постоянная связь. Долг домохозяина проявлять щедрость — «тъяга» — по отношению к ним (I.3.9, ср. I.13.17, где «тъяга» синонимично «дана»). Скупым считается тот, кто мучает себя и своих бхритья.

Этот термин, однако, не включает ближайших родственников главы семьи (II.7.5). Хозяин бхритья именуется «свамин»; отношения между ними уподобляются отношениям учителя и ученика, родителей и детей (III.11.32; I.9.10). Бхритья повинуются господину, бхритья и господин не обязаны давать свидетельские показания на суде друг против друга. В случае судебного иска одного из них господин, если он оказывается неправым, платит $\frac{1}{10}$ исковой суммы в качестве штрафа, а бхритья в такой же ситуации — вдвое больше (III.11.33). Он, несомненно, не раб, ибо господин, как пра-

вило, не судится со своим рабом, но при обычном соглашении о найме нет оснований для дискриминации работника. На бхритаку главы III.14 явно не распространяется упомянутое правило о двойном штрафе (III.11.33). Обыкновенные работники по найму не принадлежат, таким образом, к этой категории. Видимо, бхритья — получающий содержание постоянный слуга господина, находящийся под властью главы семейства, подобно его сыну или ученику. Термин «бхритья» не служит обозначением статуса человека и употребляется обычно вместе с термином «свамин», характеризующий отношения между слугой и его господином. Общим словом для частных бхритья, показывающим их социальный статус, может быть термин «бхритака», как он используется в разобранных выше текстах (II.8.29 и IV.1.51).

Итак, «кармакара» и «бхритака» не всегда отражают чисто юридические отношения найма, но иногда под ними подразумеваются и определенный социальный слой — лица, постоянно работающие на других. На практике, видимо, зачастую не делалось различия между разными категориями рабов и теми, кто работал на основе договора о найме. Отношение найма представляется не чем иным, как оказанием платной услуги. Но тот же найм, который становится постоянным, обеспечивающим человеку средства существования, связан с деградацией работника в социальной иерархии. Найм уподобляется закладу и самозакладу и порой стоит ближе к формам временной зависимости, чем к свободному контракту равных партнеров (ср. III.14.13).

Особого внимания заслуживает термин «дасакармакара», который упоминается во II книге КА при описании ведомств царского хозяйства. Он всегда толкуется как простое перечисление рабов и наемных работников. Но в соответствующих контекстах трудно обнаружить какое-либо различие между ними, недаром они объединены в одну группу (варга — II.15.63). Дасакармакары, занятые в ведомстве надзирателя за земледелием, получают одинаковое содержание натурой и сверх того одинаковую, твердо установленную плату — $1\frac{1}{4}$ паны в месяц (II.24.28). Пища их в равной мере низкого качества: надзиратель за кладовыми цельное зерно отдает поварам и кулинарам, а раскрошившееся — для похлебки дасакармакарам (II.15.61, ср. II.15.43—44). В качестве платы им могут выдаваться прокисшие напитки, которые иначе выливают свиньям (II.25.9).

Кармакары, о которых говорится здесь, очевидно, вовсе не заключают договора с надзирателем за земледелием; это не вольные наемные работники, получающие плату по соглашению (III.13.27) или из доли урожая. Ремесленники выполняют работы для надзирателя за земледелием (II.24.3) по найму (т. е. являются кармакарами в том смысле, который придан этому слову в главе III.13), но они, вероятно, не входят в число дасакармакаров. Во всяком случае, условия их работы совершенно иные — они получают содержание и денежную плату в зависимости от работы (II.24.29), в полном соответствии с III.13.27. В главе о надзирателе за кла-

довыми указывается, что он использует принудительный труд постоянного рабочего персонала (вишти — II.15.63). Данную сутру всегда понимают как простое перечисление: «Это уборщики, сторожа, те, кто носят, измеряют, выдают... принимают бирки, [и] категории дасакармакаров». При таком толковании получается, что сначала названы представители разных профессий, а затем лица определенного статуса. Неясно, однако, чем могут заниматься работающие в кладовых дасакармакары, если они не убирают, не сторожат, не носят и т. д. Думается, нужно читать сутру иначе: «Категория дасакармакаров, [являющихся] уборщиками, сторожами и т. д.». Тогда весь рабочий персонал, находящийся в ведении надзирателя за кладовыми, будет принадлежать к дасакармакарам и покрываться термином «вишти». Кармакара и здесь трудно отделить от даса, его нельзя рассматривать как свободного наемного работника. Аналогичным образом, на наш взгляд, надлежит трактовать сутру II.24—28.

Смысл соединения слов «даса» и «кармакара» может быть различным: если в III книге речь идет лишь о сходстве юридической ситуации (отношений найма) при совершенно несхожем социально-экономическом положении, то во II книге именно социально-экономическое положение их, видимо, одинаково.

Ни в одном из текстов, относящихся к дасакармакарам в царском хозяйстве, не говорится отдельно о даса и о кармакарах. Статус их настолько близок, что возникает вопрос, допустимо ли здесь вообще рассматривать последних как собственно наемных работников (напомним, что правила главы о наемных рабочих к ним неприменимы). Дасакармакары II книги — постоянные рабочие царского хозяйства, и, хотя первоначальный смысл выражения несомненно «рабы и работники, [не являющиеся рабами]», нельзя быть уверенным в том, что оно не стало пониматься как обозначение единой категории — «работники (кармакара) типа рабов (даса)». Ряд палийских текстов как будто подтверждает подобное толкование.

Противопоставление рабского и наемного труда возможно лишь в тех случаях, когда речь идет о свободном найме. В древней Индии наемный труд для многих категорий работников считался (и был в действительности) скорее формой временной зависимости, близкой к рабству или к патриархальной зависимости младших членов семьи. Он обуславливался низким социальным статусом работника, отсутствием собственности на средства производства и права на членство в территориальной общине, принадлежностью к низкой касте.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ПРАВА

1. Важнейшие правовые понятия

Термины, которые будут рассмотрены ниже, не исчерпывают всего юридического аппарата «Артхашастры», но они образуют ядро, вокруг которого группируются эти представления. Некоторые понятия, например «деша», «свакарана» и «сампурначара», типологически обнаруживают параллели в системе европейского права.

Нужно иметь в виду, что в КА отражена та же система правовых представлений, что и в дхармашастрах, и речь может идти о разных терминах, а не об их содержании. Но в «Артхашастре» право имеет две существенные особенности: во-первых, в отличие от дхармашастр, демонстрирует хронологически однородный пласт таких представлений [100], во-вторых, оно не формализовано, тогда как там подвергалось формализации, причем в тем большей степени, чем позже был составлен памятник (в этом отношении к нашему трактату ближе ранние «Ману-смити» и «Яджнавалкья-смити»).

В юридическом тексте «Артхашастры» термин «карана» имеет значения «причина», «основание», хотя в ином контексте он может толковаться довольно широко. Его правовое содержание сводится к следующему: причина, основание, позволяющие установить наличие какого-то факта (группы фактов) или освобождающие от ответственности какое-то лицо, если совершенное им действие ставится под сомнение с точки зрения существующих норм либо прямо им противоречит. Иногда (например, IV.10.17) «причина» приобретает более общий смысл (скажем, «пребывания в данном месте» — II.35.10; IV.7.24).

Под рассматриваемым термином подразумевается не всякая мотивация поступка, а лишь та, которая поддается оценке в рамках этических и юридических представлений древнего индийца; поступок должен иметь ценностную характеристику. Если карана и освобождает от ответственности, то только потому, что в понимании человека того времени осмысливается именно таким образом. В каждом отдельном случае она индивидуальна и как понятие емкое нуждается в конкретизации.

В КА (IV.8.9—11) это слово употребляется для обозначения признаков — орудия, коим было совершено преступление, советчиков, помощников, принимавших в нем участие, и т. д., — подтверждающих виновность подразумеваемого или, напротив, его невинность: «У попавшего под подозрение [прадештар] пусть выяснит [данные относительно] орудий [совершения преступления], советчиков, помощников [и] сообщников [в похищении] предмета. И пусть он сопоставит действия, [приведшие к краже имущества], с приходом [вора, способом] отчуждения имущества [и] разделом добычи. При несовпадении этих оснований болтуна следует считать невором».

В КА III.11.12 карана — веское основание, позволяющее кредиту не принимать выплачиваемый долг, при отсутствии основания он наказывается штрафом. Если в первом из рассмотренных случаев она, хотя и не является доказательством в узком значении слова, в его толковании индийскими юристами, тем не менее учитывается в судебном разбирательстве, то во втором — уважительная причина (возможно, болезнь), не имеющая к этому разбирательству отношения. В III.9.20 карана представляет собой уже bona fides — добросовестность землепользователя, неумышленно (не было пограничных знаков) обработавшего часть чужого поля и снявшего с нее урожай. Не будь подобной причины, он понес бы наказание как за воровство.

Центральным для системы правовой аргументации КА служит понятие «карана» — юридическое доказательство. Оно эквивалентно понятию «прамана», засвидетельствованному в литературе дхармашастр, а именно трехчленному юридическому авторитету (документ — свидетели — пользование). Это неперменный элемент всякого судебного дела, и, собственно, только в суде потенциальные доказательства — свидетели и документы — становятся таковыми в действительности. В 19-й сутре КА данное слово расшифровывается как письменные и устные свидетельства (деша, сакшья). Путем рассмотрения юридической аргументации сторон выносятся суждения по делу и приговор (ср. IV.8.13: «Поэтому пусть [прадештар] привлекает к ответственности, [когда] применены юридические доказательства»).

В некоторых случаях карана (обычно ответчика) выражается в виде «бхукти» — «бхога» — ссылки на долговременное пользование полем или другой собственностью истца (III.16.29). Обычно пользование считается аргументом, если подтверждается свидетелями, представляющими интересы пользователя (III.1.19). Непосредственно правовым аргументом бхога быть не может (в этом смысле примечательно противопоставление «деша» собственника «бхога» пользователя в III.16.29).

Карана не только доказывает наличие определенных прав, но и позволяет приобрести их, при заключении сделок постоянно выступает гарантом их законности и допускает распоряжение тем имуществом, права на которое подтверждает. Как раз отсутствие документа или свидетелей, призванных фиксировать сделку, превра-

щает в ненадежные договорные отношения между «никшептаром», т. е. человеком, вручающим никшепу (сырье, материал) для обработки, и ремесленником — «кару» (III.12.37—38).

Термин «прамана» в «Артхашастре» характеризует то, что авторитетно, важно, имеет значение, должно приниматься во внимание. В ряде случаев содержание его еще менее определено, но нетрудно заметить, что текст, в котором он встречается, всегда построен в виде одной и той же формулы (типичной уже для литературы дхармасутр) — нечто (некто) суть прамана (имеет значение, важно и т. д.). В дхармасутрах и «Ману-смрити» термин несет не юридический, а ритуальный смысл; здесь же приобретает юридическую окраску в правовом тексте, т. е. семантику термина определяет сам контекст (см. III.11.25—26; 19.19—21; 12.35 и др.).

Функцию юридического доказательства в трактате выполняет и «деша» — чаще всего документ (иногда подразумевается и свидетель). Нередко это слово толкуют как «место» (например, Б. Брелер [112, т. 2, с. 154]), но употребление его составителем памятника дважды, в том числе в выражении «шуддхадеша» (III.1.15) — это, конечно, не может быть случайным повтором — наводит на мысль, что в тексте под «деша» здесь понимается нечто иное, нежели в устойчивом словосочетании с термином «кала» (пространственно-временная характеристика).

Наряду с перечисленными в сутре III.1.15 понятиями этот термин означает необходимый компонент законного юридического действия, прежде всего сделки. Он засвидетельствован также в КА III.16.29, где говорится, что продолжительность пользования ведет к утрате доказательства права собственности на используемое имущество и расценивается в качестве такового.

Особенно существен для интерпретации термина текст КА IV.6.9: «Если потерявший [вещь] сообщает такие же [сведения], то следует иметь в виду, [что] вещь [принадлежит] тому, кто раньше и дольше пользовался [ею] или [располагает] честным свидетельством». Из текста вытекает, что законность сделки (приобретение имущества) подтверждается в суде двояким образом: посредством «честного свидетельства» («безупречного свидетельства» — III.1.15) либо с помощью ссылки на «долговременное пользование».

Надо полагать, что «шучир-шуддхадеша» «Артхашастры» — определенный аналог выражению «шуддхагама» дхармашастр. То, что в КА деша, — это прежде всего письменное свидетельство, подтверждается значением, которое термин получает в описании процессуальной процедуры (КА III.1.19): составитель понимает под «карана» документ и свидетеля. Такое же деление зафиксировано в близком по смыслу контексте III.IV.9.14—15: «Если судья не опрашивает того, кого надлежит опросить, или опрашивает того, кого опрашивать не следует, он платит средний штраф сахаса; если он не требует письменного документа, который надлежит предъявить во время судебного разбирательства, или требует письменное свидетельство, которое не следует приобщать к делу,

он платит высший штраф сахаса». В иерархии юридических доказательств деша тем самым ставится выше свидетелей, что знакомо и по текстам дхармашастр.

В процессуальном праве выделялись собственно «деша», т. е. документы, непосредственно относящиеся к данному делу и оформленные в соответствии с определенными правилами, «адеша» и «хинадеша». Адеша — документ, не касающийся данного дела и потому не рассматривающийся как юридическое доказательство, хотя при других обстоятельствах, возможно, он и становится таковым; хинадеша — документ, относящийся к данному делу, но оформленный не по правилам — скажем, без подписей свидетелей, указания места и времени его составления, объекта сделки и пр. (ср. Нарада. Вв. II.8: «[Относящийся] к разным субъектам и объектам и лишенный смысла, [указания] величины [суммы иска и] агамы, [содержащий] меньше [или] больше [сведений, чем необходимо], испорченный [документ] — [тем] объявлены недостатки [письменного] заявления в суд»).

Поскольку содержание 1-й главы III книги КА имеет общеправовой характер, понятие «деша», равно как и «сакшин» (свидетель), подразумевает юридические доказательства, которые применяются безотносительно к самому предмету иска и в зависимости от конкретной ситуации. Так как в КА (III.1.15) слово «деша» объединяет документ и свидетеля, оно в контексте (ср. IV.6.9) выступает и документом, и свидетелем. Однако здесь такое объединение определяется конкретной ситуацией. В общей системе юридической аргументации «Артхашастры» деша и сакшин различаются как письменный аргумент [96, с. 20] и свидетель.

Карана в целом и деша в частности по своей природе были универсальными юридическими доказательствами. Они применялись и тогда, когда дело попадало и к дхармастам (судьям), и к прадештарам — судебной и контролирующей инстанции, наделенной широкими полномочиями и занимавшейся также поддержанием общественного порядка (в понимании автора «Артхашастры»).

Законность сделки (агамы) тоже подтверждалась посредством деша. Но поскольку в число таких сделок в КА (IV.6.8) включены закладывание, купля, получение дара, постольку деша может пониматься либо как доказательство права собственности (т. е. дарственная при дарении и купчая при купле-продаже), либо как доказательство права владения объектом тяжбы.

В отличие от понятия «агама» дхармашастр, «агама» в КА — источник законного приобретения, законная сделка. В этом значении данный термин употребляется в III.12.51 — судья в сомнительном случае должен исследовать агаму (здесь права на используемое имущество), признаки сделки, в результате которой оно было приобретено (ср. КА IV.6.13), и обоснованность иска. Сделка может иметь целью приобретение имущества в собственности и во владение (КА IV.6.7—8); в памятнике они дифференцированы.

Помимо документа и свидетелей (естественно, «чистых», т. е. документа, составленного по правилам, и дееспособного свидетеля) законность приобретения доказывалась в суде ссылкой на давность пользования (III.16.29; IV.6.9), не в результате сделки с контрагентом.

Понятие «свакарана» в юридическом контексте выступает то как собственно свакарана (этимологически «доказательство права собственности», по смыслу, вероятно, тождественно агаме в значении «делание своим»), то как законное основание для совершения юридического действия, или дееспособность (III.1.15). На последнем понятии мы остановимся дальше, ибо с правовой точки зрения оно больше тяготеет к понятию «сампурначара».

Если деша — абстрактный юридический аргумент в том отношении, что это, например, документ, могущий служить подтверждением имущественных прав или факта совершения определенного правового действия (в особенности когда деша — свидетель), то свакарана — только тот юридический аргумент, который доказывает права собственности на имущество: обычно к нему апеллируют в тех случаях, когда предметом тяжбы становится имущество. Так, в III.16.17 отмечается, что собственник пропавшего имущества способен вернуть его с помощью свакараны. Точно так же нашедший клад получает его в свое распоряжение, если доказывает свои права на него свакараной (IV.1.54). Согласно КА II.36.7, купцы должны оповещать власти о случаях, когда товар продается не в установленном месте и в неположенное время, а также без права собственности; в КА IV.2.1 говорится, что надзиратель за торговыми площадями должен производить заклад и продажу старых вещей, у которых нет хозяев («лишенных свакараны»), на базарах.

Носителями ее были документы и свидетели (приобретение в собственности движимости обычно не сопровождалось оформлением документа, гарантами законности сделки были свидетели, присутствовавшие при ее заключении; впрочем, это условие не всегда соблюдалось).

Иногда свакараной являлось бхога-бхукти, т. е. пользование, которое обычно подтверждалось свидетельскими показаниями, а не документом. Эквивалент свакараны — агама дхармашастр и бхукти там дифференцируются, даже если пользование выполняет приобретательные функции агамы (права собственности на имущество — см. Яджнавалкья II.175 и комментарий Вишварупы, ср. КА IV.6.9). В «Артхашастре» свакарана и бхукти, видимо, тоже различаются (см. III.16.29).

В КА III.1.15 она и ее носитель — деша — предстают как бы двумя понятиями. Это объясняется тем, что свакарана и деша — функциональное выражение одного юридического аргумента, скажем, документа о двух объектно-правовых ситуациях. Свакарана — это законным образом составленный документ, позволяющий собственнику заключать сделки, отчуждать объект, права на который в нем зафиксированы; деша — это свакарана при предъявлении ее

в суде, когда требуется доказать права на фигурирующее в документе имущество.

Уже говорилось, что аналогом свакараны «Артхашастры», выраженной через посредство юридического аргумента деша, является агама дхармашастр. Примечательно, в частности, употребление Говиндараджей в комментарии к «Ману-смрити» (VIII.200) понятия «чистая агама». Оно встречается и в комментарии Вишварупы к «Яджнавалкья-смрити» (II.29). В шлоке Яджнавалкьи II.171, текст которой параллелен КА III.16.17—18, свакарана непосредственно заменяется агамой: «[Право на] пропавшее [имущество] надлежит доказать агамой [или] пользованием, в противном случае, если [оно] ими не доказано, $\frac{1}{5}$ часть его [следует дать] царю».

Древнеиндийскому праву было известно понятие дееспособности, однако употребление в «Артхашастре» терминов «сампурначара» (полная дееспособность) и «свакарана» (в широком смысле законное основание совершения юридического действия) нуждается в более детальном их разъяснении.

Под «полной» или «неполной» дееспособностью понимается не принципиальная возможность или невозможность совершить конкретное правовое действие, а те обстоятельства, которые делали в принципе дееспособное лицо в данный момент фактически дееспособным или недееспособным. В качестве примера временно недееспособных составитель перечисляет лиц, находящихся в состоянии аффекта (гнев, горе), опьянения, потери рассудка, подчиняющихся принуждению (III.1.13). Иначе говоря, сампурначара — фактическая дееспособность на данный момент. От нее нужно отличать принципиальную возможность для конкретного лица совершить определенное юридически значимое действие — свакарну, т. е. законную правовую основу этого действия. Термин включает и санкцию на совершение действия, если таковая необходима; в последнем случае именно она будет свакараной. Анализ построения сутры III.1.15 — ее компоненты последовательно раскрываются в предыдущем изложении — показывает, что составитель подразумевает под этим словом разрешение отца-домохозяина на совершение сыном какого-то действия, касающегося семейного имущества и т. д. Если при такой санкции сын будет соответствовать требованиям, предъявляемым, с точки зрения сампурначара, он считается дееспособным (скажем, при отчуждении семейного имущества).

Что касается свакараны в КА III.1.12, то здесь имеется в виду правовая основа юридически значимого действия (не обязательно сделки — см. III.11.28), которая наличествует или отсутствует, в зависимости от характера самого действия и осуществляющего его лица. Составитель «Артхашастры» перечисляет тех, чья дееспособность ограничена: будучи лишены свакараны, они не могут совершать юридически значимые действия по собственной инициативе. К ним принадлежат сын, зависящий от отца, отец, зависящий от сына, раб, «заложный», не достигший совершеннолетия, пере-

ступивший предельный возраст и пр. По словам автора КА, действия этих лиц получают правовую основу, если санкционируются.

И другие материалы трактата доказывают, что в III.1.12 речь не идет о лицах полностью недееспособных. Так, взрослые дети могут свидетельствовать в суде по делам родителей (III.11.32). Некоторые из перечисленных лиц, не будучи безусловными свидетелями, при определенных обстоятельствах могли давать показания в суде, причем без видимой санкции со стороны другого юридического лица (III.11.28). Судья по КА III.13, «заложенный» был дееспособен во всем, что не касалось имущества и деятельности хозяина, — мог наследовать, приобретать имущество, вступать в брак (III.13.16 и предшествующие сутры).

Санкция же на совершение того или иного действия требовалась тогда, когда лицо, совершающее таковое, зависело от другого юридического лица, причем предполагается юридическое действие с имуществом последнего (например, распоряжение семейным имуществом с разрешения его собственника — домохозяина). Полностью недееспособным был, видимо, лишь несовершеннолетний.

В отличие от рассмотренных выше понятий, «варга» — категория прежде всего логическая и остается ею в юридическом тексте. Это группа (разряд) однородных элементов, объединение которых проводится с точки зрения определенного логического уровня или параметра. Уровни-параметры могут быть самыми разными, соответственно весьма многообразны и многочисленны варги в «Артакшастре».

Обычно этот термин обозначает категорию, охватывающую по определенному признаку тех или иных юридических лиц, причем само объединение в варгу (или разделение на варги) обуславливается потребностями юридической ситуации. Например, в КА III.11.29 перечисляются лица, могущие быть свидетелями в суде по делу человека, принадлежащего к их собственной варге, т. е. ученый брахман свидетельствует по делу ученого брахмана, деревенский работник по делу деревенского работника, чандала — по делу чандалы и т. д.; ученый брахман не может быть свидетелем по делу чандалы, деревенского работника и т. д. Деление на варги здесь осуществляется по социальному признаку, включая сакрально неполноценных. В III.13.30, напротив, несколько лиц, принадлежащих, видимо, к различным общественным слоям, объединяются в одну варгу — наемных работников, которая строится по принципу характера оплаты их труда. Для них не существует жестких норм, регламентирующих срок контракта, размер вознаграждения и пр.; все зависит от места, времени выполнения контракта, специфики самого труда и, наконец, традиции.

Согласно КА III.1.15, юридически значимое действие, прежде всего договорного характера, т. е. сделка, законно тогда, когда место и время его совершения соответствуют варге данных контрагентов. Тут речь идет вовсе не о социальной принадлежности, не о социальных уровнях. Во 2—9-й сутрах указывается, что те или иные лица в зависимости от рода своей деятельности и характера

правового акта, от физического состояния способны совершать действия и в разное время суток (как днем, так и ночью) и в разных местах, причем не обязательно публично. Одни не могут совершать эти действия ночью, но другие вследствие специфики их профессии могут.

Появление варг вызвано тем, что обычное и важнейшее условие законной сделки — гласность — не всегда соблюдалось. Деление на них должно было привести в соответствие с существующими правовыми нормами многообразие правовых ситуаций.

2. Суд и процесс

Согласно «Артхашастре», отправление правосудия осуществляли дхармастхи (судьи) и прадештары. III книга памятника посвящена деятельности судей¹, а 4—13-я главы IV книги — прадештаров².

В КА III.1.1 говорится, что судьи, являющиеся аматьями (чиновниками), трое в каждом месте, должны вести дела, сопряженные с вьявахарой на границе джанапады (т. е. в населенных пунктах, расположенных на ее границе)³ — в санграхане, дронамукхе и стхании⁴. В IV.1.1 указывается, что являющиеся чиновниками прадештары, трое в каждом месте и, очевидно, в тех же административных центрах (ср. КА II.35.7), должны вести дела, связанные с «кантакашодханой» (букв. «искоренение шипов»).

Сфера деятельности судей охватывает дела, сопряженные с вьявахарой. Это слово имеет в «Артхашастре» несколько значений. В VI.7.23 «вьявахарин» — человек, общавшийся с умершим насильственной смертью, а в следующей шлоке «вьявахара» — занятия умершего. Тот же термин в смысле «общение», «контакты» в повседневной жизни употреблен в IV.8.28, где говорится, что на лоб совершившего тяжкое преступление брахмана ставится клеймо осужденного, дабы воспрепятствовать его контактам с другими людьми. В ряде случаев под «вьявахара» подразумевают занятия, профессию человека, причем сопоставление текста IV.7.24 с IV.8.1 и II.35.5 позволяет думать, что здесь это понятие синонимично понятию «карма» (см. также IV.4.20; II.4.9; I.12.6; V.3.7).

В III книге «Артхашастры» слово «вьявахара» получает юридическое содержание. И. Я. Мейер считает «вьявакаркартха» гражданскими судебными делами [60, с. 237]. Б. Брелер не согласен с ним и утверждает, что вьявахара III книги — юридическое действие, обычно выражающееся в договорном праве (Vertragsrecht), образцом которого для КА служит купля. На его взгляд, вьявакаркартха — не тяжбы, подлежащие урегулированию в суде, а дела, основанные на договорном праве [112, т. 2, с. 133].

Представляется, что речь идет о правовом действии, совершаемом частным лицом или лицом, состоящим на службе у государства, но выступающим в качестве частного (см. III.11.22)⁵.

В III.5.19—20 эпитеты «апраптавьявахара» и «праптавьявахара»

ра» обозначает соответственно человека, не достигшего совершеннолетия, т. е. недееспособного, и достигшего совершеннолетия, т. е. дееспособного.

Вьявахара в III книге имеет и более узкий смысл — правовое действие, которое предполагает наличие двустороннего соглашения контрагентов и заключение сделки в целях принятия определенного обязательства (залоговые, депозитные и прочие отношения) или приобретения имущества в собственность. Не случайно здесь правовое действие демонстрируется прежде всего на примере сделки, и образец полноценной с юридической точки зрения вьявахары подразумевает сделку контрагентов (III.1.15).

Однако важно подчеркнуть, что вьявахара охватывает не все случаи договорного права и не все уголовные преступления, связанные с обращением в суд потерпевшей стороны, а только те, которые традиционно составляют восемнадцать предметов судебного разбирательства. Так как она в III книге предстает то в виде одностороннего действия (обычно в уголовном праве), то в виде двустороннего — сделки, возникающие на этой основе дела разбираются в суде дхармастхи в ходе тяжбы после подачи иска потерпевшей стороной. На это указывает, в частности, общее описание процессуальной процедуры (см. III.1.17 и следующие сутры), где упоминаются истец и ответчик (ведака — аведака, вадин — пративадин). Именно частное право, являющееся областью деятельности судей и объединяющее материал III книги, рассматривается в данной работе. Все, что выходит за его рамки, по нашему мнению, должно быть предметом особого анализа.

В трактате (и в литературе шастр в целом) частное право представлено в виде традиционных предметов, судебного разбирательства (например, нанесение ущерба пастбищу или полю). Суть его формулируется негативно — как нарушение чего-либо или неисполнение некоего обязательства. Позитивная формулировка в главах 13 (устав о рабах и работниках), 14 (раздел о работниках за плату и совместное мероприятие), а также некоторых других III книги не меняет картины в целом: иски, перечисленные в первых сутрах глав, *не могут не формулироваться негативно*. Иначе не пришлось бы говорить ни о самих исках, ни о связанных с ними правовых отношениях. Совершенно ясно, что предметы разбирательства, которые в литературе порой интерпретируются как «возвращение долга» и «возвращение дара», нужно понимать в противоположном смысле — «невозвращение долга», «недача дара». В противном случае было бы крайне затруднительно объяснить, как логически сочетаются в рамках одной традиции частного права «недача платы», «невыдача данного» с «возвращением долга».

Термин «кантакашодхана», обозначающий сферу деятельности чиновника прадештара, часто переводят «уголовный суд» (по выражению Б. Брелера, *Strafgerichtswesen* [112, т. 2, с. 128]), но ряд уголовных преступлений (грабеж и оскорбления) были подведомственны судьям (дхармастхам). В «Артахаштре» собственно кан-

такашодхана включает выявление мошенников, обнаружение и задержание преступников, расследование случаев внезапной смерти, допрос словесный и с применением пытки и т. д.

Согласно IV книге КА, прадештар выполняет три важные функции: находит и устраняет лиц, занимающихся тайными промыслами и имеющих нелегальные источники доходов (IV.4), борется с должностными преступлениями чиновников (IV.9), ведет следствие по тяжким преступлениям — воровству, убийству, насилию и пр. (IV.10—13). Эти три направления деятельности прадештара могут иногда совпадать (так, выявляя чиновника-взяточника, он одновременно устраняет и лицо, имеющее тайный и незаконный источник дохода и совершившее должностное преступление).

Вероятно, в отличие от судьи, который должен урегулировать дело таким образом, чтобы удовлетворить истца, прадештар карает преступника, т. е. цель его прежде всего в наказании и вовсе не обязательно в удовлетворении иска потерпевшей стороны (которого могло и не быть). В глазах властей карающая функция перевешивала другие выносимые этим судом постановления, в частности о возмещении ущерба потерпевшей стороне.

Надо думать, прадештары подчинялись главному сборщику налогов (самахартра), в ведении которого находилась кантакашодхана. Об этом сказано в IV.4.2: «[Теперь] мы будем говорить о его (т. е. самахартра.— Авт.) кантакашодхане». Судя по IV.9.1, они вместе призваны были держать под наблюдением надзирателей за отдельными ведомствами и их штат, причем это прежде всего вменялось им в обязанность. В книге «Адхьякшапрачара» (II.35.13) отмечается, что шпионы, выдающие себя по указанию главного сборщика налогов за аскетов, должны устанавливать честность или нечестность земледельцев, скотоводов и торговцев, а также надзирателей (ср. IV.4.4).

Наряду с гопой (администратором 5 или 10 деревень) и стханикой (администратором четвертой части сельской местности страны) и в пределах той же местности прадештары вели поиск воров, грабителей и подобных им преступников; в городе это входило в функции градоначальника (IV.6.20). Согласно КА II.35.7, они, хотя и не подменяли гопу и стханику (в первую очередь налоговых чиновников), все же контролировали жизнь и деятельность населения, в том числе следили за ходом уплаты налогов и выполнением разного рода работ, особенно вишти — общественных работ в пользу государства.

Сходство функций чиновников разных категорий, обязанных выявлять лиц, имеющих тайные доходы, вероятно, не случайно: в конечном счете все определялось интересами казны, которая не должна была нести ущерба. (Примечательно, что в «Артхашастре», описывающей семь факторов государства — царя, министра, сельскую местность, город, казну, войско и союзника, — «казна» выступает одной из самых обширных тем памятника: ей посвящены II и III—IV книги.)

Прадештар, в отличие от судьи, мог по собственной инициати-

ве, т. е. без заявления потерпевшего, проводить расследование и выносить приговор. Он разбирал также дела, которые иногда начинали рассматриваться в суде дхармастхи, а затем передавались ему (на это указывает и III.19.15 — нанесение оскорбления действием, сопряженным со смертельным исходом, и III.4.21, где речь идет о прелюбодеянии⁶).

Занимался прадештар и делами, поступавшими в его суд непосредственно (например, в случае кражи имущества), а также теми, когда обвиняемыми были работники корпораций, контролировавшихся государством (вероятно, шрени см IV.1, ср. V 3.16), а обвинителем — частное лицо.

Функции судьи и прадештара различались еще в ряде отношений: как говорилось ранее, второй расследовал преступления чиновников и назначал калечашие и денежные наказания. Так, штраф на надзирателей над ведомствами, по II книге КА, налагал именно он. Наиболее распространенным преступлением было хищение царского имущества. Если чиновник брал принадлежавший правителю товар и стоимость его превышала 10 пан, то выносился смертный приговор. Когда должностное лицо похищало имущество частного лица стоимостью 10 пан, назначался первый штраф сахара, стоимостью не более 20 пан — штраф равнялся 200 панам, при стоимости 40 пан — 1000 панам, а при стоимости до 50 пан виновного ждала смертная казнь (IV.9.9). За хищение имущества чиновник наказывался гораздо строже, нежели обычный человек.

Дхармастха тоже имел право назначать телесные наказания и штрафы (правда, к первым он прибегал сравнительно редко — см. III.3.27), но только частным лицам (см., например, IV.9.18).

Телесные наказания по желанию обвиняемого (IV.10) заменялись денежным штрафом.

Совершившего должностное преступление судью, подобно другому чиновнику, вероятно, судил прадештар. Он вел допрос, аналогичный тому, который вел судья, и тоже допрашивал свидетелей. Но судья приводил их к присяге (КА III.11.34—37), и трудно сказать, мог ли он для установления истины назначить ордалию. Прадештар же мог применить пытку (IV.8.6 и др.). Ее удавалось избежать лишь совершившим незначительные преступления, детям, старикам, больным, пьяным, помешавшимся, страдающим от голода, жажды и долгого пути, тем, которые сами сознались в совершении преступления и людям, физически слабым (IV.8.14); независимо от вины не должен был подвергаться пытке брахман (IV.8.27), но его подвергали клеймению (IV.8.28).

Прадештар пользовался услугами шпионов (IV.8.15). Как и судья, он имел право возбуждать и прекращать дело (IV.9.20).

Разрешалось задерживать обвиняемого до выяснения обстоятельств дела и вынесения соответствующего приговора, причем прадештар, судя по всему, задерживал его даже только по подозрению в совершении преступления, обычно уголовного характера (см. IV.8.5).

Осужденные по ведомству прадештара отбывали наказание в

бандханагаре, а по ведомству судьи — в чараке (IV.9.21), и надо думать, что в первую были заключены преступники, виновные в более тяжких преступлениях: лицо, освобождающее или способствующее побегу узника из чараки, наказывалось средним штрафом сахаса и возмещало сумму иска, а узника бандханагара — конфискацией имущества в пользу казны и смертной казнью (ср. IV.9.27).

По-видимому, пребывание в чараке могло носить как временный характер — нечто вроде предварительного заключения до вынесения приговора по делу, так и постоянный — до выплаты суммы иска потерпевшему (см. текст выше, ср. КА III.11.38).

Слово «бандханагара» имеет в «Артхашастре» и общее значение — «тюрьма». Устройством ее в столице занимался казначей (II.5.1). В КА II.5.5 поясняется, что тюрьмы находились в ведении судей и в ведении прадештаров. Камеры, отдельные для женщин и для мужчин, хорошо охранялись.

Материал памятника и его III книги позволяет сделать вывод, что самым частым видом наказания были штрафы, выраженные в денежной единице — панае. Чтобы установить ее покупательную способность, потребовалось бы специальное исследование, но легко прослеживается тенденция возрастания штрафов за более тяжкие преступления. На основании данных трактата можно определить принцип наложения наказаний в тех или иных случаях юридической практики и его меру в каждом конкретном случае, в зависимости от обстоятельств, при которых совершалось преступление, личности преступника и потерпевшего и, что важно, судебной инстанции, разбиравшей данное дело.

В III книге КА упоминаются штрафы размером до 1 паны, в несколько пан, в 12, 24, 48, 54 паны, первый, средний и высший штрафы сахаса, а также штраф за воровство (стеяданда). Редко налагались штрафы величиной до 1 паны (например, при потраве — $\frac{1}{4}$ паны с хозяев верблюдов или буйволов, $\frac{1}{8}$ — с хозяев коров, лошадей, ослов и т. д. — см. III.10.22), 3 паны на жену, участвующую, несмотря на запрет мужа, в увеселениях — III.3.20, или 6 пан (в частности, на женщину, бежавшую из семьи мужа, — III.4.1, за спуск воды из оросительного сооружения вне очереди — III.9.38). Один раз говорится о штрафе 10 пан (его наложили на человека, похитившего вещь во время драки, — III.19.23).

Наиболее распространенными были штрафы, кратные 12. Штраф в 12 пан встречается 40 раз, в 24 паны — более 20 раз. Первый, вероятно, считался неким изначальным штрафом, который налагали при невыполнении принятого обязательства — когда кредитор не берет выплачиваемый должником долг (III.11.11), некто использует вклад (III.12.3), работник не выполняет работу, за которую уже уплачено (III.14.1), торговец не отдает покупателю оплаченный последний товар (III.15.1) или покупатель не забирает купленный им товар (III.15.9).

Нечасто упоминаются штрафы величиной 48 и 54 паны (соответственно III.19.12 и III.3.30; 18.10; 10.5).

Первый штраф сахаса назван в III книге около 20 раз — имеется в виду сумма от 48 до 96 пан. Кроме того, засвидетельствованы штрафы в 100 (III.4.7; 20.16) и 106 пан (III.10.5) и дважды — в 96 пан (III.2.44; 15.14); обычно его налагали в случае совершения незаконной сделки (III.1.2; 11.2), при переносе границы чужого поля (III.9.21) или нарушении должного течения воды для орошения (III.10.1).

Средний штраф сахаса — от 200 до 500 пан — упомянут в III книге около 10 раз. Он назначается за отчуждение священного водоема (III.10.2), поношение касты или объединения (III.18.12), нанесение тяжких телесных повреждений (III.19.14) и т. д. Два раза назначен штраф 200 пан, составляющий нижний предел среднего штрафа сахаса (при нарушении продавцом договора о продаже недвижимости — III.9.9 и запахивании дороги, ведущей к деревне или месту сожжения трупов, — III.10.5), и 1 раз — 500 пан — его верхний предел (при запахивании дороги, ведущей к административному центру — дронамукхе, — III.10.5).

Высший штраф сахаса — от 500 до 1000 пан — упоминается в III книге всего несколько раз, причем трижды он равен его верхнему пределу (III.9.12; 10.5.18). Он налагался на лиц, не соблюдавших пограничные знаки между землями деревень (III.9.12, ср. III.9.13) или поносивших богов и святых (III.18.12). Иногда штраф достигал величины большей, чем высший штраф сахаса (например, при перепахивании дорог государственного значения — от 2000 до 4000 пан — III.10.6).

Кроме названных выше в III книге встречается «штраф за воровство» (стеяданда), причем в III.2.18, видимо, имеется в виду штраф, равный штрафу за воровство, а в остальных случаях — собственно штраф за воровство (III.9.19; 16.6, 14, 16; 20.9). Так карается насильственное присвоение недвижимости (III.9.19), продажа краденого имущества (III.16.14, 16).

По нашему мнению, этот штраф не имеет определенной величины: устанавливается в зависимости от ценности похищенного, что вытекает из текста главы III.17 (в 1—2-й сутрах дается определение грабежа и кражи), в которой приводятся примеры похищения имущества различной ценности и соответствующие наказания, полагающиеся за него. Судя по III.9.19, стеяданда нужно понимать шире, чем просто наказание за кражу: это наказание за отчуждение чужой собственности насильственным или ненасильственным путем. Близость контекста КА III.17 и IV.9—10 позволяет предположить, что в зависимости от характера подобного преступления дело могло попасть как к дхармастхе, так и к прадештару, хотя в целом складывается впечатление, что последний был более высокой судебной инстанцией. При совершении очень тяжких преступлений судья мог приговаривать преступника к смертной казни, но, надо думать, происходило это в исключительных случаях (III.13.2). Вынесение смертного приговора было прежде всего прерогативой суда прадештара.

Кроме фиксированных в точных размерах денежных штрафов

существовали штрафы, величина которых устанавливалась пропорционально сумме иска и размеру понесенного ущерба. В частности, указывается (III.1.20—21), что сторона, дающая в суде ложные показания, должна уплатить $\frac{1}{5}$ суммы иска, если это было установлено в ходе судебного разбирательства, и $\frac{1}{10}$, если виновный сознавался в совершении преступления на первой стадии (ср. III.11.33, см. также III.11.33).

Штраф, исчисляемый пропорционально величине понесенного ущерба, упоминается в III.9.28 и налагается при причинении ущерба роще, орошаемому полю или оросительному сооружению (см. также III.9.37; 16.18; 19.23).

Ряд факторов влиял на характер и тяжесть наказания. Наличие некоторых из них приводило к полному освобождению от ответственности по суду. Другие трактовались (по современной терминологии) как смягчающие илиотячающие вину обстоятельства. Если преступление — обычно оскорбление словом и действием — совершалось в состоянии аффекта, опьянения или умопомрачения, на что обвиняемый имел право сослаться в суде, назначался штраф вдвое меньше того, который полагался при отсутствии смягчающего вину обстоятельства (III.18.10; то же в случае грабежа — III.17.14). При нанесении ран оружием налагался высший штраф сахаса, но, если это произошло в состоянии опьянения, преступник наказывался отрубанием руки, а вследствие умопомрачения — штрафом 200 пан (IV.11.3—4).

Когда преступление совершал подчиненный по прямому указанию лица, в зависимости от которого он находился, на первого налагался штраф вдвое меньше, чем на второго. Так, с пастухов взимаются штрафы вдвое меньше, чем с собственников скота, пасущих его на чужой земле (III.10.27). Объединение работников, которое, не уведомив хозяина, заменяет работника, подвергается штрафу 24 паны, что же касается последнего, то с него берется штраф вдвое меньше (III.14.16—17).

Иногда смягчающим вину обстоятельством считались беда или несчастье (апад). Например, если жену какого-либо человека принимали в доме другого, штраф выражался в 100 панах, но не во время бедствия, когда женщина могла пренебречь обычными правилами и просить защиту и покровительство в чужой ей семье (III.4.7).

Существенным было также, сознает ли человек факт совершения им проступка или же совершает его, не подозревая о том. Так, если жена укрывалась в чужом доме, а хозяева не знали об этом, они не несли ответственности (имело значение, оставалась женщина вопреки их воле или с их согласия — III.4.8).

В качестве частного случая можно упомянуть наказание свидетелей, присутствовавших при заключении незаконной сделки, — штрафы с них брались в половинном размере от величины штрафа, налагавшегося на контрагентов (см. III.11.2).

Но бывали исключения из правила — свидетеля, присутствовавшего при совершении незаконной сделки, наказывали так же, как

контрагента или даже еще строже, когда участники сделки не только совершали серьезное преступление, но и игнорировали законы морали (III.13.2, ср. III.13.20). Иногда подобное поведение рассматривалось как святотатство — например, при продаже или закладе священного водоема штраф со свидетелей превышал штраф с отчуждающего его собственника (III.10.2).

На характер и меру наказания влияло социальное и варновое положение преступника; отшельники и пашанда штрафа не платили, кроме случаев оскорбления, грабежа, воровства или прелюбодеяния (именно эти преступления по сравнению с прочими считались тяжкими), а вместо выплаты штрафов соблюдали посты и выполняли обряды (III.16.38, 40).

Наконец, иногда штраф вовсе не налагался на человека определенного высокого общественного статуса: согласно III.10.44, брахманы могут не повиноваться главе деревни, предложившему общепольное мероприятие, в то время как лица, принадлежащие к более низкому варне, подвергались штрафу 12 пан (III.10.40).

Ряд случаев освобождения от ответственности при совершении преступления рассмотрен ранее, при разборе содержания понятия «карана».

Были обстоятельства, которые равным образом могли смягчать или отягощать вину. Так, при неповиновении главе семьи мужчина обязан был платить 24 паны, а женщина — 12 пан (III.3.2); при предосудительном поведении обоих штраф, налагавшийся на мужчину, был вдвое больше по величине (III.3.25, ср. III.3.26; 3.30): имело значение, что он занимал более высокое положение, нежели женщина. Что же касается случая, описанного в КА III.4.17—18, — связь с мужчиной, который ниже женщины по варне, — то, поскольку эта связь противоречила установленному порядку, мужчина подвергался более строгому наказанию, чем тогда, когда он равен или выше ее по варне.

Более высокий статус преступника по сравнению со статусом потерпевшего способствовал смягчению наказания, а более низкий — утяжелению. Муж, оскорбивший жену словом или действием, платил штрафы вдвое меньше тех, которые были бы взяты с него за аналогичный проступок по отношению к мужчине, равному ему по варне (III.3.9). Но оскорбление чужой женщины наказывалось штрафом вдвое большим, чем при оскорблении равного ему по варне мужчины (III.18.5; 19.4). Более высокое социальное положение одного из тяжешчиков тоже ведет к уменьшению наказания, когда дело оказывается им проигранным: из содержания сутры III.11.33 следует, что дающий ложные показания (парокта) платит в казну в качестве штрафа сумму, равную $\frac{1}{10}$ части суммы иска, если он занимает более высокое место в социальной иерархии, чем его противник, иначе (правило находит подтверждение в III.13.33—34) проигравший тяжбу платил штраф в размере $\frac{1}{5}$ части суммы иска.

Когда потерпевший выше преступника по варне или по социальному положению, штрафы неодинаковые, равно как и тогда,

когда он ниже потерпевшего. Это видно по крайней мере из того, что при оскорблении словом варны, к которой принадлежал потерпевший, штрафы были тем больше, чем выше оскорбителя стоял он, и, напротив, чем выше положение второго, тем меньший штраф платит он за нанесенное им оскорбление (III.18.7).

В частных случаях имеет значение как варна потерпевшего, так и связи (скажем, родственные) между ним и преступником. Если несовершеннолетнего представителя какой-либо варны продавал или закладывал родственник, это рассматривалось как смягчающее вину обстоятельство (несчастье вообще освобождало его от ответственности — III.13.5) и он подвергался штрафу меньшему, чем тогда, когда в такой роли выступал неродственник (12, 24, 48, 96 пан для первого; первый, средний, высший штрафы сахаса и смертная казнь для последнего — III.13.1—2, ср. Ману VIII.198 и комментарий).

Учитывается и связь оскорбления действием (независимо от того, терпят ли вследствие этого ущерб человек либо его имущество) с ритуальным осквернением или отсутствие таковой (см. III.19.2; 8.22). Поношения типа «прокаженный», а также умышленное использование предметов, явно оскверняющих, тоже вызывали наказания тяжелее обычного (III.18.3—4; 19.2).

При оскорблении действием отягчающим вину обстоятельством считается кровопролитие (III.19.12, ср. III.19.26), групповое преступление (III.19.16, ср. III.10.41).

Иногда суд рассматривал как оскорбление действием нанесение ущерба общественно значимым объектам или царской собственности (см. III.19.30). Трудно сказать, какой суд судил правонарушителя за причинение вреда последней. Для решения этого вопроса материал III книги явно недостаточен, а в IV указания на сей счет фрагментарны (IV.10.12, 14; 11.7, 11.21; 13.33). Однако данные такого рода можно обнаружить во II книге КА. Допустимо предположить по аналогии с содержанием IV книги, что подобные преступления рассматривал суд прадештара. Кроме того, право налагать штрафы имели высшие должностные лица и надзиратели за отдельными ведомствами, вероятно если преступление было незначительным, не нуждалось в специальном расследовании и, значит, в привлечении аппарата прадештара, а преступником был мелкий чиновник или работник царского предприятия (мастерской, рудника и т. д.).

Вполне возможно, что иногда надзиратели за ведомствами могли налагать наказания на совершивших преступление частных лиц (коль скоро предположение верно, то в главе III.20 штрафы за мошенничество в игре и нарушение ее правил назначают и берут в пользу казны надзиратели за игорным делом, а не судьи). Представляется, что «идеальная» правовая модель КА в сфере только частноправовых отношений вряд ли адекватна реальности в том смысле, что правосудие отправлялось различными инстанциями, даже несудебными, и четко разделить их функции в конкретной обстановке было затруднительно.

Между судебными инстанциями судей и прадештаров существовала определенная и весьма тесная связь. Ранее уже отмечалось, что некоторые попавшие к дхармастхе дела (прелюбодеяние и оскорбление действием, приведшим к смертельному исходу) переходили затем к прадештарам. Это свидетельствует о том, что оба они должны были быть хорошо осведомлены о характере дел, подведомственных близкому по роду деятельности суду, и уметь правильно квалифицировать то или иное действие преступника. Есть основания полагать, что как у судьи, так и у прадештара в подчинении находился судебно-следственный аппарат, мало различающийся по своему составу.

Бывали случаи, когда дело от прадештара могло попасть к дхармастхе — на это указывает текст IV.13.13, где говорится, что если кто-то сооружает непрочное жилище, строит повозку без главных опор, оставляет оружие, не принимая мер предохранения, оставляет неприкрытыми колодцы и волчьи ямы, то в случае причинения ущерба это следует считать оскорблением действием (ср. III.4.21).

Вероятно, близость текста III.16.10—22 к IV.6.7—9 и особенно к IV.6.13—15 нужно объяснять тем, что приобретение оставленного, пропавшего и прочего имущества новым собственником могло произойти вследствие кражи, и тогда дело попадало в суд прадештара. В последнем фрагменте, в частности, сообщается, что овладевший предметом, оставленным пропавшим или бежавшим (животное, человек), считается «чистым» (обычное в индийском праве обозначение невиновного), если показания о месте, времени и характере приобретения вещи соответствуют действительности. Виновный же, т. е. не сообщающий обстоятельства приобретения вещи, возмещает ее собственнику и вносит в пользу казны штраф, равный стоимости вещи. Вероятно, он выплачивает ее стоимость собственнику и вносит в казну штраф за воровство.

В КА III.16.14, 16 тоже отмечается, что виновный в зависимости от обстоятельств дела может заплатить стоимость вещи и штраф за воровство, т. е. не исключено, что функции судей и прадештаров перекрещивались.

Сутра IV.13.13 заставляет думать, что включение ее в контекст кантакашодханы свидетельствует об избирательности материала, вошедшего в главу III.19 и вообще в III книгу «Артхашастры». Речь идет именно о модели, совокупности примеров из практики частноправовых отношений.

Трудно объяснить, почему предписанные суду прадештара наказания обычно значительно суровее налагаемых на близкие по характеру преступления в суде дхармастхи. Видимо, то, что к прадештару обыкновенно попадали дела обвиняемых в совершении тяжких преступлений, могло повлиять и на размеры штрафов в целом. Так, за похищение рабов и крупного скота в суде дхармастхи берется средний штраф сахара — от 200 до 500 пан (III.17.9), в суде прадештара — штраф в 600 пан или отрубается обе ноги (IV.10.11). Или судья за нанесение тяжких увечий нала-

гает средний штраф сахаса (III.19.14), а по приговору суда прадештара-виновного в таком же преступлении должны были сажать на кол (IV.11.7). Определенная параллель прослеживается между сутрами III.20.9 и IV.10.9: в первом случае подмена во время игры в кости раковин и костей наказывается штрафом 12 пан, а при плутовстве в игре — первым штрафом сахаса и возвращением выигранного; во втором — если дело, связанное с жульничеством во время игры подложными раковинами, костями, кожаными половосками, пластинками и обманными движениями рук, попадало к прадештару, наказание выражалось в отрубании руки или штрафе 400 пан.

Анализ материала «Артхашастры» — фигурирующие в ней случаи юридической практики, подробный разбор их, мелочная регламентация наказаний — убеждает в том, что перед нами схема, которой судья должен был придерживаться при рассмотрении дела. Безусловно, он (равно и прадештар) следовал не букве, а духу положений дхармастхи, расценивая их как руководство к действию, но не как правила, которые нужно неукоснительно выполнять. Маловероятно, что судья толковал эти указания буквально. Важно было соблюсти определенные *принципы*, лежащие в основе *системы права* трактата. Буквальное толкование указаний составителя КА было, попросту говоря, невозможно: текстом III книги в ее настоящем виде вообще нельзя пользоваться в качестве судебного. Нужно, в частности, заметить, что юридические казусы нередко описываются независимо от обстоятельств, значительно влияющих на решение дела, и в виде многочисленных поправок и дополнений, рассеянных в тексте памятника. При этом ряд обстоятельств и не могли быть учтены из-за избирательности материала: одни, почти не повторяясь, вводятся в текст применительно к ситуации, другие же просто опущены. Некоторые существенные элементы самого права, скажем развернутое описание дпроса и следствия по делу, не вошли в III книгу (они даны в IV.6). Наконец, поскольку речь идет о модели, система права не может быть законченной и полностью адекватной той реальности, на материале которой (определенно преобразованном и, видимо, в значительной мере заимствованном из других источников, правда однотипных) она строится. Не включенными в нее оказываются некоторые социальные факторы.

На приговор по судебному делу влиял обычай, принятый в данной местности, деревне или городе, касте или объединении (гане, сангхе), причем, надо заметить, обычай зачастую налагались друг на друга. Так, согласно III.20.20, судья назначает разные по тяжести наказания, учитывая характер преступления и личность преступившего закон. В подтверждение сказанного можно сослаться на шлоку III.7.40, по которой судья устанавливает дхарму (т. е. правила) наследования в зависимости от дхармы (обычая) данной страны, касты, объединения или деревни. Впрочем, вероятно, именно в наследственном праве вмешательство дхармастхи было весьма ограничено, и все зависело от традиции. Недаром в главах

III.5—6 не предусматриваются отступления от норм, наказуемых с точки зрения права КА. Запрещение изгнанному из касты и его потомку, импотенту, слабоумному, умалищенному, слепому и прокаженному участвовать в разделе отцовского имущества первоначально, конечно, фиксировалось обычаем и затем вошло в юридическую систему, как это происходило, очевидно, во многих других случаях (III.5.30).

Судя по данным III книги «Артхашастры», хранителями обычаев выступают чаще всего старейшины деревни (грамавриддха), но не приходится сомневаться, что в индийском городе существовал близкий по характеру и функциям институт. Старейшины выступали от имени деревни как лица юридического, наделенного определенными правами и в ряде случаев подсудного царскому суду. Например, не только отдельные люди, но и селения должны содержать в порядке священные водоемы, когда собственники их отсутствуют (III.10.3). Деревня может изгонять вора или прелюбодеев; если же она поступает так по отношению к человеку, не являющемуся ни вором, ни прелюбодеем, суд наказывает ее высшим штрафом сахаса, а деревенского старосту — штрафом в размере 24 пан (III.10.18). Это свидетельствует о самостоятельности деревни и о том, что своими правами она может пользоваться независимо от деревенского старосты и не обязательно через его посредство. Однако немаловажность участия старейшин в деревенском собрании представляется очевидной.

Старейшины, а не судьи принимают решение о проведении границы между землями двух селений или участками общинников-землевладельцев и регулируют пограничные споры (III.9). Вероятно, только в тех случаях, когда они были не в состоянии это сделать, они обращались в суд.

Что касается внутриобщинных дел, то они, безусловно, решались на основании обычая (см. III.10.35—44), причем, видимо, сама община налагала наказания на человека, игнорировавшего интересы коллектива или действовавшего вопреки нормам обычного права (III.10.35).

В III книгу включен также материал, говорящий об определенной юридической автономии сангхи, и, хотя он относится к объединению работников (III.14.25—26), можно думать, что нормы поведения членов тех или иных каст, местностей, семей опирались на обычай (ср. III.10.45, см. также Яджнавалкья 1.360, Нарада. Вв. 1.7, Брихаспати 1.92, где говорится, что должно руководствоваться правовыми нормами, принятыми в семьях, кастах, объединениях и местностях, при расследовании дела и вынесении приговора).

Функции судей, как мы увидим ниже, зачастую перекрещивались с функциями старейшин. Вероятно, именно последние выполняли эти обязанности на низовых уровнях судебной иерархии⁷. Характер дела и обычай влияли и на приговор в суде прадештара (IV.10.17—18). К слову сказать, и шкала штрафов сахаса варьировалась в довольно широких пределах, что делало систему на-

ложения их более гибкой и приспособленной к местным условиям, позволяло регулировать наказания с учетом смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, социального положения преступника, потерпевшего и пр.

Исходя из материалов КА (III.1.1 и IV.1.1), допустимо предполагать, что оба института — и судей и прадештаров — были коллегиальными, т. е. в рассмотрении дел принимали участие трое судей и прадештаров. В III книге судьи упоминаются почти исключительно во множественном числе. В III.4.35 они освобождают от ответственности невесту, ждущую жениха, после чего она по желанию может выйти замуж вторично, в III.20.22 говорится, что судебные дела ведут дхармастхи, а, согласно III.12.14, видимо, тоже с их санкции кредитор продает заложенное имущество, но это толкование уже не так бесспорно. В II.1.30' неспособный к производству потомства уходит в аскеты, испросив разрешение у судей. Вместе с тем, согласно сутре III.16.10 (см. следующие две сутры), напротив, собственник, обнаружив пропавшее имущество, побуждает судью взять его, и тот допрашивает его, чтобы выяснить происхождение имущества. И из данных раздела кантакашодхана видно, что судья один ведет допрос (IV.9.16) и налагает штраф на преступника (IV.9.18).

Складывается впечатление, что судьи выступают коллегиально не всегда и не при разборе тяжб (неконкретные — III.20.22, 24 вместе с III.1.1, заключающие в рамках всю дхармастхию, в данном случае вряд ли стоит принимать во внимание), а при рассмотрении таких дел, когда они скорее являются защитниками обычая и морали. Впрочем, и тогда они санкционируют совершение определенного правового действия.

Собственно тяжбы разбирает дхармастха, но, видимо, в присутствии своего рода заседателей. В шлоке III.15.19 они называются «сабхасада» (заседающие в суде), а в сутре III.16.5 — «кушала» (сведущие). Прозаический текст почти буквально повторяет стихотворный, однако термин «сабхасада» заменен в нем на «кушала»; это позволяет считать, что одни и те же лица названы по-разному.

Слово «кушала» употребляется в «Артхашастре» только во множественном числе. В III книге сведущие люди упоминаются трижды помимо III.15.19 и III.16.5. Согласно этим последним, сабхасада-кушала должны так расторгать сделку, объектом которой является купленное или подаренное имущество, чтобы никто из контрагентов не понес ущерб.

Кушала устанавливают (примечательно, что в этой связи чаще используется глагол kṛ — «устанавливать», а применительно к судьям — kṛ — «делать», «решать») плату наемным работникам — кармакарам (III.13.30) размер вознаграждения за спасение, например, утопающего (III.13.35), участвуют как эксперты в разборе дел, когда, например, требуется определить качество окраски материи (IV.1.21).

По всей вероятности, кушала могли функционировать и помимо

судей. Возможно даже, что некоторые спорные дела, не связанные с наложением штрафов и прочих наказаний, находились в их ведении. Но едва ли в этом качестве выступали одни и те же лица, независимо от характера судебного или просто спорного дела. Скорее, специфика его диктовала и состав кушала. Коллегиальность их, наверное, объяснялась стремлением избежать субъективного подхода, как и в случае со свидетельскими показаниями. В таком смысле они играли роль третейского суда, как, впрочем, и сам дхармастха, скажем, при урегулировании пограничных споров (см. III.16.3). Он опирается на мнение большинства свидетелей, свидетелей наиболее честных или принимает компромиссное решение (III.11.39). Из III.9.15—16 вытекает, что свидетелями в данном случае были деревенские старейшины.

Допускаем, что выражение «по трое» в сутрах III.1 и IV.1 нужно понимать не в том смысле, что судьи и прадештары должны разбирать определенные дела втроем, а в том, что в каждом административном центре, начиная с санграханы, должны присутствовать и решать подведомственные им дела вне связи друг с другом трое судей и трое прадештаров, причем институт судей иногда действительно мог быть коллегиальным. Что до прадештаров, то из материала IV книги не следует, что при рассмотрении судебных дел в присутственном месте их было трое (см. КА IV.4.6—8: шпион провоцирует на совершение должностного преступления дхармастху и прадештара, от которых зависит приговор).

Институты судей и прадештаров были иерархичны: имелись высшие по рангу чиновники и менее высоких рангов. Из приводившейся уже сутры II.5.1 можно заключить, что в столице находились судья и прадештар в ранге аматьи. Согласно I.10.13, царь назначает чиновников из числа аматьев на дела дхармастхия и кантакашодхана, а также на должности главного сборщика налогов и казначея.

Термин «аматья» в данном контексте может читаться как министр (и в I.10.9; V.6.36; XIII.2.2; 3.8), но в других случаях засвидетельствовано его употребление в смысле «сановник», «чиновник высокого ранга» (V.6.37; VIII.2.7; XIII.1.12). Известны и тексты, в которых под этим словом подразумевается чиновник вообще, независимо от занимаемого им положения (в II.9.1 сказано, что к работникам должны приставляться все надзиратели, способные, обладающие качествами аматьи; в III.1.1, IV.1.1 термин обозначает чиновников разных рангов, из которых одни, вероятно, были подотчетны другим, как главному сборщику налогов и казначею — чиновники их ведомств).

В КА I.12.6 прадештар высшего ранга упоминается в числе восемнадцати наиболее важных должностных лиц государства — «махаматров» (ср. I.12.20, а также I.13.1; V.1.5, 9; 6.34). Иногда слово «махаматра» становится эпитетом прадештара (см. IV.6.2; в II.5.5 «махаматрия» — термин, производный от махаматра, т. е. инстанция подведомственна махаматру-прадештару). Этот же главный прадештар упоминается в списке, где указывается жало-

ванье чиновников (V.3.9),— его годовое содержание выражается в сумме 8000 пан, подобно жалованью начальников отдельных родов войск (для сравнения: главный сборщик налогов и казначей получают по 24 000 пан — V.3.5). По-видимому, этот прадештар находился в подчинении у главного сборщика налогов.

Судья в отличие от кушала тоже был чиновником (III.1.1), и следовало ожидать, что по аналогии с прадештаром главный дхарматха должен быть назван среди махаматров и в упомянутом списке должно быть указано его жалованье. Однако ни там, ни тут о нем не говорится.

Отсутствие сведений о вознаграждении главного судьи в V.3 можно было бы объяснить тем, что этот список не является исчерпывающим, в нем нет, в частности, сведений о жалованье стханики, гопы и других чиновников средней руки и более низких рангов.

Сложнее объяснить тот факт, почему главный судья не упомянут среди махаматров. Полагаем, что в первом списке о нем не сказано потому, что он наряду с подчиненными ему судебными исполнителями получал определенные отчисления от суммы иска в виде судебных издержек, которые и составляли его жалованье (III.1.22). Эти отчисления, а также подорожные — в случае, если обстоятельства дела требовали разъездов судебных исполнителей,— шли от стороны, проигравшей дело (III.1.24). Размер отчислений и подорожных определялся характером дела и, конечно, суммой иска (III.1.23). В «Артхашастре» эта величина не указана, так как была непостоянной. Возможно, свидетели и кушала — в особенности если должны были приезжать в суд из другого района (III.11.50) — тоже получали известное вознаграждение из тех же отчислений.

Четырехчленное деление процесса (иск, ответ на иск, рассмотрение аргументации сторон, приговор) в «Артхашастре» не выражено так четко, как в поздних дхармашастрах типа «Нарада-смирти» и «Брихаспати-смирти», но отнюдь не оттого, что не было известно (составитель памятника вообще избегает классификаций объекта). В КА оно тоже прослеживается.

Вначале в присутствии судьи и тяжбщиков, а если в том была необходимость,— кушала (экспертов), в суде, где рассматривается дело,— адхикарана (согласно II.5.13; 9.19, 31 и другим текстам, «должностное место», «присутствие»), писец (лекхака) должен был зафиксировать год, время года, месяц, половину месяца, день, само дело, указать «должностное место», величину суммы иска. Затем в документ заносились данные о местности, селении, касте, готре, имени и занятиях тяжбщиков, выставивших соответствующих поручителей.

Есть основания полагать, что тяжбщиками в суде выступали как отдельные лица, так и юридическое лицо вроде деревни (например, при урегулировании пограничных споров), объединения (при урегулировании спорного дела с работодателем), храмов (по III.20.33, судьи ведут дела богов) и пр.

Вероятно, несовершеннолетние, хотя и не были дееспособны, признавались субъектами права, в частности, в суде: в III.20.22 указывается, что дхармасти должны вести дела несовершеннолетних. Здесь может иметься в виду иск кредитора по долговым обязательствам покойного должника. Часть наследства несовершеннолетнего шла на покрытие долга; невыполнение подобного обязательства, равно как и несоблюдение условий долгового соглашения, могло стать предметом иска (III.5.20).

На первой стадии судебного разбирательства подавалось исковое заявление. Потом ответчик отвечал на иск. Судье полагалось наблюдать за ними, поскольку уже на этой стадии разбирательства он по поведению тяжбщиков способен был определить правого и виноватого (III.1.18). Вынесение приговора зависело исключительно от судьи, а не от кушала, имеющих право рекомендовать вынесение того или иного приговора (примечательно, что шпион провоцирует на получение взятки судью, но не кушала — последние в этой связи нигде не упоминаются) (см. IV.6.6—7; 9.13—16). Ход дела зависел также от писца, который, как и судья, был государственным чиновником, и в его власти было представить дело в его истинном свете или исказить.

Совершившие должностные преступления судья и писец подлежали серьезному наказанию: «Если судья тяжбщику угрожает, оскорбляет [его], изгоняет или вымогает [деньги], следует назначить ему [наказание в размере] первого штрафа сахаса; при оскорблении словом — вдвое больше. [Если] не спрашивает того, кого нужно опросить, опрашивает того, кого опрашивать не нужно, или, после того как опросил, удаляет, научает, [что говорить], напоминает [о том, что должно сказать], или отдает [кому-то] предпочтение, следует назначить ему [в качестве наказания] средний штраф сахаса. [Если] не требует письменного юридического доказательства, которое надлежит представить [в суд], требует такое, которое представлять не нужно, затягивает дело, привлекая то, что не является письменным юридическим доказательством, переносит [слушание дела], прибегая к обману (ср. III.20.22.— Авт.), отвлекает [от него] уставшего [тяжбщика] путем проволок, игнорирует показания, которые помогли бы следствию, оказывает давление на свидетелей, [высказывая свое] мнение, вновь поднимает уже исчерпанный вопрос,— следует назначить ему высший штраф сахаса. При повторном преступлении — вдвое больше и снятие с должности.

Если писец не записывает сказанное, записывает несказанное, записывает сказанное неправильно, уничтожает в записи сказанное должным образом, извращает суть дела, ему нужно назначить [в качестве наказания] первый штраф сахаса или в соответствии с преступлением» (IV.9.13—17).

Материал «Архашастры» подтверждает высказанную нами ранее мысль о развитости и широком распространении частноправовой документации в древней Индии середины I тысячелетия до н.э. [95, с. 104]. В обществе, представленном в КА, документ прева-

лирует над устным показанием, его предпочитают, к нему, по-видимому, обращаются при оформлении разного рода сделок.

Уже в момент подачи иска истец должен был указать, публично или втайне совершалось действие, присутствовали ли при этом свидетели и т. д. Коль скоро сделка совершалась в условиях, при которых она не считалась законной, иск отклонялся, а на истца и ответчика налагались соответствующие штрафы. Равным образом было важно, составлялся или не составлялся документ при заключении сделки (это влияло на аргументацию сторон), имел ли право истец распоряжаться данным имуществом, был ли он дееспособен, учитывался еще ряд обстоятельств (III.1.2—14), в зависимости от которых дело принималось или не принималось к рассмотрению и которые влияли на ход судебного разбирательства.

В процессе расследования пять оснований судебного разбирательства позволяли вынести суждение по делу и соответствующий приговор: очевидная вина, собственное признание, честный допрос обеих сторон, логика и клятва (III.1.46), из них три первых имели первостепенное значение.

Очевидная вина и собственное признание подразумевали, что в рассмотрении обстоятельств дела нет необходимости. Честный допрос включал правильную организацию следствия и опроса свидетелей (пример см. в IV.6). Под логикой, возможно, понималась «анумана» — «заключение», которое неоднократно упоминается в шастрах, в частности, у Брихаспати I.4, но засвидетельствовано и в ранних шастрах (см. Ману VIII.44). Речь идет, по-видимому, об умении путем сравнения и сопоставления фактов приходиться к правильным выводам. В дхармашастрах анумана наряду с документом и свидетелями — одна из основ судебного разбирательства, позволяющая установить истину и вынести справедливый приговор.

Клятва (шпатха) также встречается у Брихаспати (I.4.15). Однако примечательно, что здесь она, хотя является, по сути, разновидностью ордалии, тождественна «дивья» (в тексте множественное число). Вероятно, термин «шпатха» в КА тоже нужно толковать шире (включая сюда и ордалию), но «суд божий» в ней не описывается и по некоторому впечатлению просто игнорируется.

Первостепенное значение придавалось свидетельским показаниям (см., например, III.11.25). Дело считалось проигранным, если отмечались противоречия в показаниях (ср. III.1.19), если виновность обвиняемого устанавливалась свидетелями, а также если обвиняемый пытался бежать из-под стражи, где он содержался до вынесения приговора, тем самым изобличая себя (III.1.47).

После подачи искового заявления и ответа на него рассматривалась юридическая аргументация сторон, т. е. документы или показания свидетелей (как правило, ответчик не мог предъявить встречный иск — III.1.25, в суде не разбирались и заявления по двум искам — III.1.26, исключение отсюда — III.11.19). Свидетелей перед дачей показаний приводили к присяге (см. III.11).

Судебное дело не всегда проходило через все четыре ступени процесса. Ответчик мог признать свою вину сразу после возбуждения дела. В этом случае он именовался «сваямвадин» (III.1.21); дающие ложные показания истец и ответчик назывались «парокта». Связанные с этим обстоятельства описаны в том разделе, где дается характеристика парокта (III.1.19).

Четвертой стадией судебного разбирательства был приговор (неизвестно, существовало ли право апелляции в более высокую судебную инстанцию; по крайней мере предположить это можно). Проигравший тяжбу выплачивал сумму иска потерпевшей стороне, а также платил в казну штраф в размере $\frac{1}{5}$ данной суммы, если его вина устанавливалась в ходе следствия, или $\frac{1}{10}$, если обвиняемый признавал свою вину. Кроме того, он покрывал судебные издержки (III.1.20—21, 24, ср. III.13.33: здесь помимо суммы иска — платы наемному работнику — удержавший ее работодатель выплачивает штраф в размере $\frac{1}{10}$ этой суммы).

Однако штраф в размере $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ устанавливался при совершенно определенной ситуации, не покрывавшей остальные случаи частного права. Речь идет о невыполнении обязательства по выплате денежной суммы, прежде всего долга, причем предполагается социальное равенство контрагентов (ср. III.13.33—34) и намеренно оставляются в стороне обстоятельства, корректирующие размер штрафа. Более того, корреляции могли быть настолько существенными и, видимо, распространенными (см. III.13.33—34; 11.33), что установление величины штрафа в соответствии с принципом — сознался сам или вина доказана в ходе следствия и в пропорции $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ суммы иска (т. е. «чистый» вариант) — если и встречалось, то довольно редко.

В КА об этом не говорится, но из материалов других источников вытекает, что судебные исполнители занимались поисками проигравшего дело тяжбщика и возвращали его, чтобы выполнить решение суда (ср. III.1.21, 32—33, ср. Нарада. Вв. II.32). Когда он вследствие смерти или какого-либо несчастья не мог явиться в суд или продолжить начатое дело, его интересы представляли свидетели и решение принималось на основании их показаний (III.1.34).

Вероятно, нередко ответчик (например, должник) оказывался в имущественном отношении несостоятельным. Индийское право допускало при этом несколько вариантов: истец мог, заплатив за него штраф, принудить его отработать в своем хозяйстве (III.1.34—35, ср. III.13.18); мог позволить ему найти себе заместителя — отдать в залог своего родственника или человека не из этой семьи; причем «заложенный», видимо, должен был быть совершеннолетним, коль скоро требовалось его согласие на акт заклада (III.1.36). Если выяснялось, что проигравший тяжбу не в состоянии возместить и сумму иска (соответственно в 5 или 10 раз больше величины штрафа), истец мог заставить его самого или его заместителя отработать исковую сумму. Брахман в любом случае освобождался от необходимости отрабатывать штраф или

сумму иска в хозяйстве того человека, который выиграл процесс (III.1.37).

Право последнего принудить ответчика отработать в своем хозяйстве было важным моментом. Наверное, это объяснялось тем, что долговые отношения не обязательно связывались с залоговыми.

Наконец, когда истец не мог или не хотел, чтобы ответчик отработывал сумму иска в его хозяйстве, того заключали в тюрьму по ведомству дхармастха и он находился там до выплаты. Ответчик мог попасть в тюрьму еще до принятия судебного решения, а после его вынесения пребывание в заключении продолжалось до погашения штрафа и суммы иска. Вполне возможно, что проигравший дело отработывал штраф и в самой тюрьме (II.36.46) или в хозяйстве царя (II.23.2; 24.2).

3. Имущественное право и его понятия

Составитель «Артхашастры» рассматривает имущественные отношения в двух аспектах: долговые, т. е. между должником и кредитором, и обязательства, связанные с передачей имущества одним лицом другому на какой-то срок во владение; в последнем случае речь идет прежде всего о вкладах.

Нужно также иметь в виду, что Каутилья, особенно в III книге памятника, оперирует блоками представлений, которые кажутся ему наиболее важными для характеристики традиционных имущественных отношений и которые потому юридически не являются исчерпывающими. В подтверждение этого допустимо сослаться, в частности, на тот факт, что составитель вводит такой образец (задолженность) в описание процессуальной процедуры (III.1.17 — традиция, общая для шастр, хотя истоки и характер ее неясны); в соответствии с этим долговые отношения и далее остаются в центре его внимания.

То, что мы сочли необходимым остановиться подробнее именно на случаях невозвращения долга и на вкладах, отчасти объясняется стремлением следовать логике составителя. Учитывалось также, что данный материал отражен в трактате довольно полно, нефрагментарно. Кроме того, думается, этот материал позволяет лучше понять специфику правоотношений в древней Индии.

Долговые отношения. Невозвращение долга — казус, в некотором роде типичный для индийского судопроизводства. Едва ли автор руководствовался какими-то субъективными соображениями, акцентируя внимание прежде всего на взаимоотношениях должника и кредитора. Вероятно, причина кроется в глубокой имущественной дифференциации общества в середине I тысячелетия до н. э. Можно сделать вывод, что индийские судьи чаще рассматривали иски по задолженности, нежели какие-либо другие.

Известно, что долговые отношения возникают вследствие дачи кредитором ссуды должнику. В КА ссуда обозначается термином

«мулья» (III.11.4, 6—7; 12.9—10, 13, 15; 13.12). Согласно III.13.12, лишивший девственности «заложенную» теряет ссуду, платит брачный выкуп, а также штраф в казну в двойном размере выкупа. Наряду с этим «мулья» в памятнике употребляется в первичном значении «сумма» (III.9.27; 13.15, 19), а в некоторых случаях как «цена», «стоимость» (III.12.6, 16, 25—27, 30; 16.14, 16). Это и та сумма, которая выплачивается держателем вклада его собственнику, если по вине первого вклад утрачен (и тогда стоимость вклада, вероятно, равняется покупной цене, за которую он мог бы быть реализован в результате продажи), и сумма, непосредственно выражающаяся в рыночной цене (ср. III.13.8) и, следовательно, колеблющаяся в зависимости от местных условий и прочих факторов, когда речь идет о торговых сделках (III.12.25 сл.) и т. д.

Долговые отношения характеризуются также процентом — «вриддхи» и залогом — «адхи», который передается должником кредитору под обеспечение ссуды.

Каутильа различает процент ростовщический и торговый. Первый фиксируется в размере 1,25 паны на 100 в месяц (1,25%). Когда деньги даются на торговую операцию, процент ежемесячно возрастает в пропорции 5:100, если торговля ведется в обычных условиях, не сопряженных с риском, 10:100, если торговые пути пролегают в лесах, 20:100, если товары доставляются морем (III.11.1).

Коль скоро ростовщик берет более высокий процент либо побуждает согласиться на таковой должника, на него налагается первый штраф сахаса, а на присутствующих при заключении сделки свидетелей (не менее двух — III.11.27) — половинный штраф (III.11.2).

Поскольку кредитор обычно требовал обеспечения ссуды, постольку в закладной, оформлявшейся при совершении сделки, указывались размер ссуды и процента, срок выплаты долга, а также при срочной ссуде, данные о залоге и имена контрагентов и свидетелей. Впрочем, составление документа, видимо, не было обязательным, и тогда гарантами законности сделки выступали свидетели.

Общее традиционное правило — процент не может возрастать до размера больше основного капитала (удвоенной мульи). При 1,25%, если он не погашается, удвоение ссуды должно произойти через шесть лет и восемь месяцев. Соответственно срочной ссудой считалась такая, срок выплаты которой истекал до удвоения основного капитала, а бессрочной — срок выплаты которой совпадал с моментом удвоения основного капитала.

Независимо от типа ссуды, если она обеспечивалась залогом, не приносящим прибыли кредитору, а предназначенным для хранения, практика выплаты была такова: должник, видимо, ежегодно вносил процент на ссуду, а в назначенный срок возвращал ее. Но по договоренности с кредитором он мог и не выплачивать процент ежегодно, а выплатить ссуду с процентом сразу, но не позже времени, оговоренного при заключении сделки.

Когда процент выплачивался зерном (неизвестно, давал кредитор деньги или зерно, вероятно, бывало по-разному), процент во время сбора урожая доходил до половины ссуды. Затем он обращался в основной капитал. Удвоение последнего (увеличение втрое по сравнению с первичной суммой — ср. Яджнавалкья II.39.57) было предельным (КА III.11.4). Таким образом, возвращая долг во время сбора урожая, должник обязан был вернуть полторы ссуды. Крайний срок выплаты долга в таком случае неясен — возможно, он наступал через год после получения, и должнику надлежало выплатить ссуду в тройном размере. Но указание на урожай, видимо, не случайно: оно означает, что обычно долг возвращался именно в это время и в размере полтора мулы, т. е. процент в зерне был значительно выше денежного и выплачивался в более сжатые сроки.

От описанных здесь отношений следует отличать те, при которых совершался ежегодный расчет прибылью. Б. Брелер полагает, что чаще всего это происходило с зерном — кредитор возвращал свой капитал в размере половины выращенного и собранного урожая [112, т. 2, с. 87] — III.11.5. Должник, который долго отсутствовал и потому не вносил процента с капитала или который задерживал платежи, принуждался (вероятно, с помощью властей) к выплате удвоенного основного капитала (III.11.6).

Внесение процента по ссуде могло производиться в отсутствие свидетелей, причем, наверное, не только самим должником, как правило домохозяином, но и специально уполномоченным лицом (III.1.6). Однако кредитор обязан был вручить должнику или человеку, представляющему его интересы, расписку в получении.

Если в государстве случались какие-то беспорядки и власти не имели возможности контролировать ход заключения сделок, контрагентам надлежало довольствоваться договоренностью. Видимо, она допускает отклонения от установленных в III книге величин ростовщического процента в сторону их увеличения (III.11.3).

Смерть должника не освобождала от возвращения долга его наследников, которыми чаще всего были сыновья и прочие получающие наследство наследники, лица, бравшие в долг ссуду совместно с умершим, наконец, поручители (III.11.14). Потенциальные наследники, естественно, не несли ответственности по долговым обязательствам покойного.

Ручательство за неимущего и несовершеннолетнего должника было необходимо — прежде всего потому, что по разным причинам они не в состоянии были покрыть задолженность: неимущий не обладал имуществом, а несовершеннолетний, даже если обладал, не мог им распоряжаться (III.11.16). В данном случае на дееспособность и недееспособность поручителя не влиял тот факт, что задолженность могла погашаться из имущества умершего до достижения совершеннолетия его наследником.

Когда ссуда была бессрочной, она выплачивалась сыновьями, внуками и лицами, получившими наследство должника, видимо, по удвоении ее величины (III.11.17).

Иногда поручитель давал поручительство по выплате бессрочной ссуды, характер которого неясен. Наверное, оно было связано с принесением клятв или совершением каких-то обрядов. Такую ссуду должны были вернуть кредитору или его наследникам — сыновья или внуки, — что было исключением из правила, по которому сыновья и прочие не несли ответственности по поручительству, сделанному отцом (III.11.18, ср. III.16.9).

Отношения кредитора и должника одновременно были отношениями залогодержателя и залогодателя. Залогам, согласно существовавшим в древнеиндийском праве нормам, могли быть и движимости, например, скот, люди, и недвижимости (васту) (ср. III.12.15) — дом, поле, оросительное сооружение и т. д. Они делились также на «сопакара», т. е. приносящие доход, и «нирупакара» — не приносящие дохода (III.12.9—10). Сопакара, в свою очередь, подразделялись на «пхалабхогья», или те, которые могли быть использованы путем потребления плодов, и «праясабхогья» — использовавшиеся посредством приложения труда. Пхала — плоды пользования имуществом — следует толковать расширительно: под ними понимаются не только продукты растениеводства или животноводства, но и, скажем, плата за наем помещения, выплачиваемая его хозяину. Праяса — приложенные усилия, трудовые затраты (III.14.14; 14.11), ведущие к получению определенного дохода (III.9.20). Праясабхогья — это орудия труда, тягловый скот, вероятно, оросительные сооружения и пр.

Сопакара подразумевает не всякий доход с заложенного имущества, а лишь тот, который в процессе пользования получает кредитор-залогодержатель. Поэтому к категории «нирупакара» относились и такие залого, которые по своему характеру не могли принести прибыли кредитору, и такие, которые могли приносить ее; в данном случае было важно, что вследствие договора с должником эти залого не мог использовать кредитор. Если бы несанкционированный пользователь попытался вопреки соглашению извлечь из залога какую-то материальную выгоду, он был бы наказан штрафом, вероятно, в размере 12 пан (ср. III.12.3, 8) и обязан вернуть должнику чистый, т. е. за вычетом издержек, доход (III.12.16).

Если кредитор получал в свое распоряжение сопакару, будь то поле, огород, сад, тягловый скот, проценты на ссуду, для обеспечения которой передавался залог, не нарастали (III.12.9). В качестве процента засчитывался не весь доход от пользования залогом, а чистый (например, без затрат на содержание скота, поддержание в порядке жилища или оросительного сооружения). Именно его лишался кредитор при не санкционированном собственником пользовании.

Должник не терял сопакару (III.12.9), даже если не возвращал ссуду в срок. Долговые отношения, когда ссуда обеспечивалась этим типом залога, прекращались автоматически, едва только она переходила в руки кредитора (в отличие от ссуды, обеспеченной

нирупакарой). Но и в ином случае пределом ее возрастания тоже было удвоение основного капитала, после чего должнику возвращался залог, т. е. чистая прибыль от пользования им шла на погашение и процента, и ссуды (см. об этом Яджнавалкья II.64 и комментарий Виджнянешвары). По-видимому, обычным явлением было, что чистая прибыль несколько превышала величину процента на ссуду. При чистой прибыли 5 пан на 100 в месяц и из процентной ставки 1,25 ссуда и процент погашались параллельно приблизительно через три года, если должник не возвращал в назначенное время ее остаток.

Другим типом долговых, залоговых отношений был тот, при котором в процессе пользования сопакарой категории «стхавара» погашался лишь процент, но не ссуда, которую должник обязан был вернуть кредитору (III.11.15). Термин «стхавара», по мнению Б. Брелера [112, т. 2, с. 113], характеризует не тип залога, а лежащие в основе договора отношения задолженности. Тогда чистая прибыль от пользования залогом шла на погашение одного процента («пхала», по терминологии составителей шастр, т. е. доход равнялся в этом случае вриддхи — проценту). Когда же с наступлением срока выплаты ссуды задолженность не погашалась, чистая прибыль от пользования залогом шла на погашение процента и ссуды. Естественно, что при таких отношениях должник-залогодатель получал назад свой залог позже, чем при тех, о которых говорилось ранее.

Иначе обстояло дело с нирупакарой. Если должник ею обеспечивал ссуду, проценты не погашались во время пользования залогом, а нарастали (III.12.10). Должник, не возвращающий в срок ссуду с процентом, терял залог, и его собственником становился кредитор, который получал все права на него, хотя до того момента был его владельцем и не мог распорядиться им по своему усмотрению. Поэтому отчуждение залога (продажа, закладывание) или присвоение в собственности (подмена, утаивание) наказывались, причем наказание за подмену было выше, чем за продажу, закладывание или утаивание (III.12.6—7).

Уже отмечалось, что при не санкционированном собственником пользовании залогом кредитор лишался чистого дохода и (по аналогии с несанкционированным использованием вкладом) платил штраф 12 пан. Когда в процессе пользования залог утрачивался или уничтожался, штраф составлял 24 паны. Кредитор обязан был возместить стоимость залога должнику, который, однако, не освобождался от необходимости выплачивать ссуду залогодавцу.

Кредитор не нес ответственности в случаях, когда залог утрачивался вследствие непредвиденных обстоятельств (влияние на судьбу человека и вещей факторов, которым нельзя противодействовать). В качестве примера автор ссылается на гибель вклада или залога в результате нашествия вражеского войска или нападения лесных племен, разбойников и т. д. (III.12.2). Кредитор не обязан был компенсировать залог собственнику, если заложенные животное или человек умирали либо с ними случалось несчастье.

К должнику возвращается залог (неясно, могло ли заложенное им имущество оставаться в его владении или нет, например поле и т. д.), когда долг выплачивался или погашался при пользовании залогом. Кредитор был обязан вернуть залог после получения соответствующей суммы. Иначе он подвергался штрафу 12 пан (III.12.11).

Если кредитор отсутствовал, а должник хотел отдать долг, он мог, вероятно, с помощью свидетелей, закреплявших сделку, и в присутствии старейшин деревни (в городе, вероятно, в присутствии лиц, выполнявших сходные функции) установить размер выкупной суммы и вручить ее старейшинам. Взамен он получал залог (III.12.12).

Залог нирупакара утрачивался, если с наступлением срока выплаты ссуды с процентами по бессрочной (т. е. по удвоении основного капитала) или срочной (в силу договоренности контрагентов) ссуде долг не погашался. Кредитор по истечении некоторого периода становился собственником залога. Этому предшествовало следующее: какое-то время должник еще имел право выплатить ссуду с процентом и получить залог (см. Брихаспати X.48—49). Лишившись ссуды с процентом и не будучи собственником залога, кредитор продолжал нести за него ответственность перед залогодателем. Он мог оставить залог у себя или передать в руки лиц (вероятно, старейшин), выступавших гарантом его сохранности (III.12.13).

Впрочем, кредитор не всегда удовлетворялся присвоением в собственность заложенного имущества. Он мог устроить распродажу его с торгов, желая выручить в ходе аукциона сумму большую, чем рыночная цена этого имущества. Присутствие должника освобождало от необходимости просить разрешения у судей на проведение торгов. Если же должник отсутствовал, санкция судей была обязательна. Залогодержатель имел право распорядиться залогом и иначе, например заложить. Это юридическое действие в отсутствие должника тоже нуждалось в санкции судей (III.12.14).

Вклады (аупанидхика). Данное понятие, производное от термина «упанидхи», который обозначает разновидность вклада, т. е. имущества, переданного одним лицом на хранение другому, рассматривается в III книге «Артхашастры» особенно обстоятельно. Другой разновидности вклада, никшепе, с точки зрения отношений контрагентов уделяется меньше внимания.

Ряд предписаний главы III.11 касаются невозвращения вклада собственнику (ср. III.12.1, 2 и сл.). Предусматривается, что держатель, не возвращающий вклад вкладчику, платит штраф 12 пан (III.11.11, ср. III.12.11). К этому казусу могут относиться положения, зафиксированные в сутрах III.11.13—16; 11.17—20, и, конечно, все предписания о свидетелях.

Здесь еще раз нужно подчеркнуть, что составитель охватывает отнюдь не все такого рода случаи, некоторые он опускает или проводит параллели с другими, в чем-то однотипными.

Поскольку отношения между вкладчиком и держателем вклада

Были совершенно иными, нежели между кредитором-залогодержателем и должником-залогодателем, первые не могут быть описаны с помощью понятий «ссуда» — «процент». Так как вклад не обеспечивался ссудой, а передавался на хранение и довольно часто, вероятно, без указания срока возврата (когда вкладчик долгое время отсутствовал), он не мог быть потерян для него, независимо от того, пользовался им держатель или нет. Но, в отличие от залогов, упанидхи обычно не мог использоваться его держателем. Это явствует из того, что составитель КА, предусматривая для залоговых отношений альтернативу (пользование санкционировано и пользование не санкционировано), для упанидхи ее не допускает (III.12.3). Тем не менее есть основания полагать, что и вклад данного типа по договоренности между контрагентами использовался. Так, согласно III.12.3, держатель, который пользуется им вопреки соглашению с вкладчиком, возмещает ему плату за пользование «бхогаветана», например, скотом или человеком, а также штраф 12 пан. Значит, такой вариант в принципе не исключался.

На то же указывает другой фрагмент «Артхашастры», где говорится, что упанидхи, а также никшепа, используемые их хранителем легально, не теряются для собственника (III.16.32).

Еще одним отличием от залоговых отношений было то, что вкладчик и его контрагент оформляли свою сделку не обязательно в присутствии свидетелей, а иногда и сознательно без них, желая обеспечить тайну вклада (III.1.7). В этой сутре речь идет о вкладах обоих типов. Поскольку вкладчик и его контрагент совершали сделку втайне, никшепа и упанидхи могли быть лишены юридических доказательств, подтверждающих права вкладчика на переданное им имущество (III.12.38); в качестве таковых должны были выступать свидетели.

Однако, по нашему мнению, некоторые сделки с вкладом совершались публично, в присутствии свидетелей. Это происходило тогда, когда на хранение передавалось ценное имущество — дом, скот, люди — и в особенности когда имущество по договору могло использоваться держателем вклада. То, что вкладом могли быть люди и скот, вытекает из сутр III.12.4—5, 7.

Установить разницу между категориями упанидхи и никшепы довольно затруднительно. Сделки по передаче их на хранение обставлялись одинаково. Вклады обоих видов могли использоваться держателем, а могли и не использоваться. Однако упанидхи включал более широкий круг материальных ценностей — дорогая вещь, человек, животное или дом.

Никшепа — это предмет (дравья — III.12.39, 42, 45, 51), небольшой по размеру (мог быть опознан в доме человека, подозреваемого в присвоении вклада, — III.12.49), менее ценный, чем упанидхи, но не деньги: составитель дифференцирует понятия «хиранья» и «никшепа» (V.2.55, ср. V.2.47). От никшепы-вклада следует отличать никшепу-сырье, переданное для обработки ремесленнику (в «Артхашастре» подробно описывается, как нечестные держатели никшепы испытываются с помощью подставных лиц, избира-

жающих вкладчиков, — III.12.38 и сл.). Передавалось оно так же, как и имущество на хранение, т. е. в отсутствие свидетелей (III.12.37), что объясняло ненадежность подобного рода договорных отношений. Если ремесленник присваивал материал заказчика, судья должен был учитывать прецеденты в прошлом. Ему надлежало полагаться на честность заказчика и, возможно, на те доказательства, которые он способен был привести в подтверждение своих слов (III.12.35). Во избежание недоразумений заказчику и вкладчику рекомендовалось передавать никшепу в присутствии свидетелей (КА III.12.58).

Сделки (вьявахара). Сутра III.1.15, на содержании которой мы останавливались ранее, подразумевает любое правовое действие, но прежде всего сделку. Примечательно и естественно, что зафиксированная здесь формула не дифференцирует акты отчуждения (приобретения) имущества в собственность и во владение. Она универсальна, и дифференциация эта выражается лишь в ее компонентах, которые в разном юридическом контексте получают разный смысл. Универсальность формулы проявляется и в том, что она учитывает объекты сделок нескольких типов: прамана (размер) может иметь отношение и к движимости, и к недвижимости, но характеристика («рупа» — форма), по-видимому, касалась лишь движимости, например животных (см. IV.6.10).

Сделка признавалась законной, если заключалась в пределах места и времени, которые соответствовали варге — категории данных контрагентов; опиралась на свакарану, например на документ, подтверждающий право собственности на отчуждаемый объект, совершалась фактически дееспособными (сампурначара) контрагентами; подтверждалась соответствующими гарантами — свидетелями или документом, фиксирующими в то же время те права, которые в отношении объекта приобретал, скажем, покупатель (коль скоро речь шла о купле-продаже), причем свидетели и документ должны были соответствовать определенным требованиям, в результате чего их свидетельства становились законными (шуддхадеша); предварительно оговаривались форма — рупа, признаки — «лакшана», размеры — прамана (например, земельного участка — см. III.9.3) и качество — гуна объекта сделки. Они должны быть очевидными для обоих контрагентов (а главное, для приобретающего имущество) и указывались в документе или фиксировались в памяти свидетелей.

Некоторые из этих характеристик объекта, скажем размер земельного участка или форма предмета, не нуждаются в специальных пояснениях, как, впрочем, и его признаки (в III.12.39, 42, 45 подставной вкладчик, проверяющий честность контрагента, возможно, наносит на никшепу знак, который впоследствии позволяет опознать объект, — ср. IV.5.8). На характеристике гуна мы остановимся ниже.

Несоблюдение одного из перечисленных условий не всегда влекло наказание, ибо в индийском праве различались сделки добросовестные и недобросовестные. Если один из контрагентов дей-

ствовал без злого умысла, не зная, в частности, о том, что его партнер не является собственником отчуждаемого имущества, он освобождался от ответственности. Аналогичные случаи упоминаются в дхармашастрах (см. Ману VIII.202). Когда оба контрагента невольно нарушали правила или не соблюдали установленных условий заключения сделки, она просто расторгалась и имущество возвращалось тому лицу, которое его отчуждало (III.1.5). Судя по всему, добросовестность предполагала публичность сделки [95, с. 91].

В шастрах в качестве образца выявахары приводятся купля-продажа и дарение. Последнее описывается и в первых девяти сутрах 16-й главы III книги КА, хотя мало дает для понимания подоплеку взаимоотношений контрагентов. Исключение составляют две сутры. В III.16.1 указывается, что к теме о недаче данного имеют отношение некоторые предписания раздела о невозвращении долга, но трудно сказать, какие именно. Смысл сутры III.16.2, видимо, сводится к тому, что если акт дарения осуществляется лицом, не имеющим на это права, то сделка расторгается. Вероятно, сутра подразумевает дарение без права собственности. Кроме того, считаются недействительными дарение, продажа и закладывание подаренного, проданного и заложенного имущества его первоначальным собственником. Правда, в III.1.16 отмечается, что первый акт имеет силу только для случаев распоряжения (адеша) и закладывания, т. е., кажется, не предусматривает дарение и продажу, однако параллельный текст у Яджнавалкьи (II.23), в котором говорится, что для закладывания, продажи и дарения действителен первый акт, свидетельствует об обратном. Следовательно, в «Артхашастре» и тут приводится только образец действия, и текст III.1.16 не является юридически исчерпывающим.

Разъясняя положение о первой и вторичной операциях с одним и тем же имуществом, Виджнянешвара в комментарии к упомянутой выше шлоке Яджнавалкьи пишет, что закладывание уже заложенного имущества невозможно из-за отсутствия права собственности (сватва) на него залогодателя. Согласно нормам индийского права, последний оставался номинальным собственником залога, лишаясь вместе с актом закладывания фактического права собственности, выражавшегося прежде всего в распоряжении и составлявшего важнейший элемент права собственности (наиболее распространенные и обычно приводимые примеры — продажа и дарение). Подобное положение зафиксировано и в «Артхашастре» — лишивший девственности девицу может за нее свататься и не обязан платить возмещения ее отцу, так как она выходит из-под власти родителей, препятствовавших ее браку (IV.12.8—9). Очевидно, что фраза «уходит из-под власти» означает: отец теряет право распоряжаться судьбой дочери, которым он обладал до ее замужества. В пользу этого соображения говорит и то, что Виджнянешвара усматривает утрату сватвы безотносительно к тому, отчуждается имущество в собственность или во владение, несмотря на то что в первом случае собственник лишался своих прав, а во втором

залогодержатель, получая заложенное имущество, их не приобрел (примечательно указание Апарарки в комментарии к «Яджнавалкья-смити» II.23: «Пусть при закладывании право собственности не прекращается, оно тем не менее ограничивается»). Вероятно, если собственник отдавал в залог поле, рощу и прочее, то залогодержатель становился их пользователем (см. III.9.36, ср. III.12.15).

Индийское право выработало группу понятий, обозначающих факторы, которые освобождали контрагента от выполнения взятого на себя обязательства (лучше сказать, они вообще освобождали от ответственности любое лицо, коль скоро их вмешательство препятствовало выполнению чего бы то ни было) и от ответственности за имущество, владельцем которого по договоренности оно являлось, когда имущество утрачивалось. Эти понятия — «доша», «бхреша», «упанипата», «авишахья». Иногда они выступают в виде трехчленной формулы: доша — упанипата — авишахья (III.10.8; 15.2.9), иногда фигурируют вместе бхреша — упанипата (III.12.23, 29; IV.1.6). Они не были жестко сочленены друг с другом. Каждое понятие-фактор представлено в той юридической ситуации, к которой оно могло иметь отношение, и наоборот: если в конкретных обстоятельствах действие того или иного фактора невозможно, он, как правило, не упоминается.

Термин «доша» означал недостаток товара либо другого неодушевленного предмета (то, что в этой связи обыкновенно упоминается товар, понятно). В отличие от бхреша — естественной порчи товара по разным причинам, под «доша» подразумевается, например, дефект в изделии ремесла, который выявляется уже в процессе изготовления, или в продукте, предназначенном для употребления в пищу. Недостаток мог быть также следствием чего-либо, заложенного в предмете еще до того, как приступили к его изготовлению (дефект материала); мог выявиться и по прошествии какого-то времени (некачественное орудие труда и т. д.).

«Упанипата» в «Артхашастре» объясняется как препятствие со стороны царя, воров, огня и воды (III.15.3). Речь идет не столько о препятствии, сколько об обстоятельствах, могущих привести к утрате имущества (см. III.12.2; 23 или IV.1.6). Это понятие более узкое, чем несчастье (апад), которое может совпадать с упанипата (III.13.35 и, вероятно, III.20.16), а может и не быть с ним связано (III.4.30; 13.5).

Слово «авишахья» подразумевает то, что невыполнимо, неприемлемо — либо лишенное нескольких качеств имущество, товар, либо нечто, сделанное, совершенное человеком, попавшим в беду, страдающим (III.15.4).

Упомянутая ранее гуна, на наш взгляд, означает качества вещи, необходимые для полноценного ее использования. Отсутствие этих качеств позволяет контрагенту расторгнуть сделку (то же самое, что и в III.1.15). Она рассматривается как законная, если очевидны достоинства объекта. Такие показатели, как форма, признаки, размеры товара, были количественными и касались рав-

но движимости и недвижимости, но предметов неодушевленных; важнейшей же характеристикой людей и животных, выступающих объектами сделки, были гуны. Так, в КА II.18.4 применительно к вещам даются все характеристики, за исключением гуны. И не случайно составитель наряду с прочими понятиями раскрывает смысл «авишахья» именно в 15-й главе III книги: примеры, иллюстрирующие расторжение сделок, предусматривают и те случаи, когда оно происходило вследствие отсутствия важных качеств у людей и животных (III.15.16). Здесь гуны противопоставляются ниргуна — недостаткам, которые применительно к вещам передавались термином «доша». Подобные ниргуны имеются в виду в III.15.12—15.

Выражение «артакрита», которое ряд авторов, следуя толкованию Г. Шастри, понимают как «сделанное, изготовленное большим», на наш взгляд, нужно интерпретировать иначе. Более убедительной кажется точка зрения И. Я. Мейера, согласно которой речь идет не о предмете, вещи, изготовленных большим человеком, а о правовом действии (в частности, сделке), совершенном человеком, с коим случилось несчастье (арта). Поскольку он находится в состоянии аффекта, постольку является временно недееспособным (см. III.1.13), как, например, в III.13.35—36, когда сделку с контрагентом расторгает третейский суд (кушала).

В сутрах III.15.1, 9 говорится, что продавец и покупатель получают право аннулировать сделку, если налицо доша, т. е. недостаток товара, упанипата — фактор, препятствующий соблюдению условий сделки или уничтожающий ее объект, авишахья, означающая, что одушевленный объект имеет существенные недостатки или что сделка совершается человеком в состоянии аффекта (в случае болезни, особенно влияющей на рассудок, в состоянии отчаяния и пр.). Согласно III.10.8, земледелец, забрасывающий поле или покидающий его, не несет ответственности перед властями, если его принуждали к этому некоторые обстоятельства: доша, т. е. недостаток в самом поле (засоленность почвы, отсутствие воды и т. д.), упанипата — обычно наводнение, авишахья — участок забрасывал арта, которого здесь можно сопоставить с «ашакта» дхармашастр — человеком, физически немощным, не имеющим средств и возможности вести хозяйство. Последний термин употребляется и в «Артхашастре», в частности, в смысле «большой», «попавший в беду», «испытывавший несчастье» (III.14.2, ср. III.18.10).

4. Древнеиндийское право — проблемы формирования и эволюции

Как говорилось, дошедший до нас трактат, приписываемый Каутилье, основывался на длительной литературной традиции, что вытекает уже из традиционности его положений. В свою очередь, эта традиционность предполагает, что в «Артхашастре» показано

идеальное общественное устройство. Однако ее идеал — не то же самое, что идеал дхармашастр: наставления в дхарме имели иное происхождение и иные целевые установки.

Общество, представленное в КА, несет множество примет реальности. Картина, нарисованная автором, кажется более достоверной, нежели отраженная в дхармашастрах. Своего рода миниатюры (но не детали), составляющие эту картину, в некоторых случаях, наверное, не находили места в конкретно-исторической обстановке. Пользуясь историческим материалом, КА рассказывает о том, что было, в оптативном ключе и призвана показать, *что и как может быть*. Она предлагает временами такие ситуации, которые на практике едва ли были возможны, но которые отражают то, что *могло* произойти в *данной* ситуации. Отсюда, например, описание условной деревни, жители которой представляют все социальные группы и профессии (см. II.35.4), или селения, располагавшего всеми упоминающимися в трактате типами сельскохозяйственных угодий. Тем не менее в совокупности образец такой деревни включал микромоделли существующих деревень. Составитель КА не стал бы говорить о том, чего не могло быть в действительности, равно как традиция артхашастры никогда не вобрала бы в себя того, чего не было на деле.

«Артхашастра» Каутильи — руководство царю и чиновникам по управлению государством с его администрацией, фиском, системой судопроизводства. Нужно еще раз подчеркнуть, что речь идет не о более или менее адекватном освещении жизни какого-то конкретного государства (это противоречило бы самому жанру артхашастры), а о полнокровном и внутренне непротиворечивом описании общества, образцы для которого (описания) поставляла в конечном счете социальная и политическая практика ряда индийских государств. Именно непротиворечивость этих характеристик, несомненно не могущих быть плодом усилий даже гениального редактора-унификатора, повышает наше доверие к сведениям трактата. В дхармашастрах, напротив, в рамках одного памятника сочетаются разные представления и зачастую разные характеристики общественных отношений, на которые вдобавок сильно влияют развитые дидактические установки и определенная тенденциозность в освещении главным образом социальных отношений.

Хотелось бы остановиться также на особенностях текста КА. Если в дхармашастрах материал для анализа социально-экономической и правовой структуры приходится черпать из многих частей одного и того же памятника, нередко различающихся между собой хронологически, терминологически, обнаруживающих текстуальные и логические несоответствия, заимствования из других источников⁸, то в КА его дают преимущественно II—IV книги, которым свойственны логическая унифицированность, единообразие терминологии и сравнительно ограниченная многозначность терминов. Это обуславливает внутреннюю непротиворечивость текста (что весьма важно при рассмотрении принципов его построения), а следовательно, и содержащихся в нем сведений. Кроме того, отсюда

вытекает, что КА включает хронологически однородный пласт правовых представлений. Так, по ряду причин, не всегда ясных, лежащая в основе III—IV книг традиция передает представления, сложившиеся в один сравнительно ограниченный промежуток времени. Уже говорилось, что они сложились еще до оформления первых метрических дхармашастр — «Ману-смрити» и «Яджнавалкья-смрити» — и, будучи помещенными в них, не являются оригинальными хотя бы потому, что инкорпорируются из более древних сочинений иного жанра.

Из артхашастр заимствуется частноправовой материал, который организуется предметами исков в царском суде. Практика, связанная с брачно-семейными и наследственными отношениями, получила непосредственное отражение в дхармасутрах. Она органична для дхармашастр из-за своего ритуально-обрядового характера. Соответственно сам факт ее отражения в этих текстах свидетельствует о том, что такая практика складывалась под влиянием прежде всего традиции, закрепленной в поведении человека, согласно нормам обычного права. Именно эта традиция представлена в большинстве дхармашастр, избежавших воздействия артхашастры (чего, повторяем, нельзя сказать о «Ману-смрити» и «Яджнавалкья-смрити», в которые интенсивно включается вьявахара, смоделированная в артхашастре).

Речь, таким образом, идет об интеграции двух литературных жанров, повлиявшей на дхармашастры как в композиционном плане, так и с позиции употребляемой в них правовой терминологии. Думается, соединением материала сочинений двух жанров объясняются по крайней мере некоторые особенности текста ряда дхармашастр. Нелишним будет еще раз отметить, что по своей природе они менее всего относятся к правовой литературе, даже тогда, когда речь идет о «Нарада-смрити», ибо право вырастает из рамок (а композиционно иногда помещается в них) ритуально осмысливаемых обязанностей царя (с варновым же построением дхармашастр — царя-кшатрия). С точки зрения истоков и логики эволюции жанра материал вьявахары следует воспринимать в русле всей дхармической традиции. На это же указывает то, что в множестве дхармашастр вьявахара вовсе не нашла себе места. В дхармашастрах нужно видеть отражение только тех аспектов социально-экономических отношений, которые проявляются в праве этих произведений со всеми его особенностями и подаются в соответствии со спецификой жанра — вне времени и пространства. Включающие вьявахару дхармашастры, начиная с самых ранних и кончая поздними, по природе своей не могут содержать материал о развитии общественно-правовых отношений, и если они все-таки его содержат, то вопреки законам жанра. В принципе древнеиндийское право в смысле комплекса известных понятий и юриспруденция сложились задолго до того, как оформилась «Ману-смрити».

Правовой материал здесь по сравнению с таковым в КА отнюдь не богат. Но, строго говоря, у Нарады он не богаче. И в бо-

лее поздних, чем «Ману-смрити», дхармашастрах наблюдается соединение правового ядра, центральных понятий и правил с правовой периферией (подробнее см. [100]). Примечательно, что в них, в отличие от ранних шастр, практически отсутствует нетрадиционный юридический материал. На наш взгляд, поскольку именно Ману и Яджнавалкья воспринимали материал артхашастры особенно интенсивно, постольку столкновение жанров и интеграция разнородных сведений при одновременном становлении варновой композиции дхармашастр приводили к определенным «возмущениям» в тексте, и сам этот процесс мог сопровождаться привлечением весьма конкретного правового материала. На уровне микросюжетов это в большей степени касается моделирования раджадхармы с включением либо отдельных микромоделей (ср. КА II.1 и Ману VII.114 и сл.⁹), либо деталей или конструкций (конструкция у Ману VII.126 обнаруживает параллели во II книге КА) из артхашастр. На данный факт обращает внимание Д. Дерретт, имея в виду, в частности, комментарий Бхаручи (добавим, и Медхатитхи) к «Ману-смрити» VII.81 [6, т. 2, с. 60, примеч. 3]. Источником для Ману, а равно для комментаторов, безусловно, послужили памятники жанра артхашастры. Это, а также помещение в контекст вывахары любых примеров, которые нарушают абстрактность построения и вносят элемент конкретики, — одно из свидетельств интеграции жанров (см. Ману VIII.215 — скажем, упоминания штрафов за совершение тех или иных проступков. В поздних шастрах штрафы немногочисленны, а главное, сама система наложения их почти не напоминает ту, что представлена, в частности, и в КА).

Что касается «деталей», то мы не склонны объяснять факт их появления в тексте ранних дхармашастр одним только заимствованием. Вполне возможно, что с инкорпорацией материала артхашастры для его иллюстрации вводились отдельные образцы или примеры из какого-то иного источника. Допустимо думать, что правовая конкретика могла попадать в них из реальной жизни.

Хотя составители КА и дхармашастр, естественно, оперируют тождественными понятиями, система юридической терминологии в них различна, причем в одних случаях приходится говорить о разном содержании одного и того же термина («прамана» в дхармашастрах — это трехчленный юридический авторитет, юридическое доказательство, в КА — абстрактный юридический авторитет, лишенный смысловой нагрузки вне определенного контекста, семантика его здесь близка к обычной его семантике в дхармасутрах), в иных — о замене одного термина другим с сохранением за ним значения первого («прамана» — «карана». Слово «карана» с тем же значением — юридическое доказательство — зафиксировано в литературе дхармашастр, но его функции в поздних шастрах чаще выполняет «прамана»). Иногда употребляются разные слова («деша» и «свакарана» в КА, «ликхита» и «агама» в дхармашастрах; термин «агама» встречается и в «Артхашастре», но в смысле «сделка», «законное приобретение», в отличие от дхармашастр, где он многозначен, в том числе передает понятие права частной соб-

ственности, как у Ману VIII.200 и в первой полушлоке у Яджнавалкьи II.27; он и «свакарана» семантически восходят к одному корню — приобретение, делание своим).

Использование авторами дхармашастр разнородной правовой терминологии свидетельствует о том, что терминология артхашастры известным образом оказывала воздействие в процессе объединения жанров, что особенно заметно в ранних дхармашастрах. Тем не менее, несмотря на общий круг понятий, следует говорить о двух разных терминологических традициях.

Данный вопрос требует специального исследования, однако здесь хотелось бы высказать некоторые соображения предварительного характера, нуждающиеся в дополнительной аргументации и статистическом анализе. Кажется целесообразным описать их схематически в настоящей книге; уместность подобного подхода определяется проблематикой данной главы.

Юридическая терминология дхармической литературы зафиксирована уже в дхармасутрах, а возможно, и в более ранних произведениях именно как комплекс определенных представлений. Примером может служить формула прамана у Васиштхи (XVI.10), общая для дхармасутр, несмотря на сравнительно позднее составление памятника, по сравнению с Баудхаяной и Апастамбой. Существенно то, что правовой эта терминология стала не сразу, а лишь с включением в сутры юридического материала. Первоначально она носила ритуальный характер.

Терминологические традиции дхармашастр и артхашастр сложились приблизительно в одно время. Отметим еще раз, что и там и тут имелись аналогичные понятия, из которых наиболее важными были право собственности («агама» дхармашастр, «свакарана» артхашастр) и юридическое доказательство («праманам тривидхам» и «карана»). Вероятно, тогда же начался процесс взаимовлияния, видимо обусловленный включением в дхармашастры вьявахары. Так или иначе, нужно допустить возможность воздействия традиции дхармашастры на артхашастру, чтобы объяснить факт появления в источниках КА термина «прамана», семантически весьма близкого к «карана».

Само употребление слов «агама» и «прамана» в источниках КА, а следовательно, в иной терминологической системе легко объяснить тем, что оба слова довольно многозначны в правовом смысле. Однако они не дублируют юридические термины КА, что связано с длительным развитием традиции артхашастры, при котором знаковая система информации стала стереотипом, исключающим использование терминов-знаков, аналоги которой уже имеются в данной системе. То же явление наблюдалось в дхармашастрах, когда с интенсивной интеграцией жанров стала складываться собственно правовая ветвь их. Насыщение дхармических сочинений материалом вьявахары, заимствованным из артхашастр, неизбежно должно было повлечь за собой и активную инкорпорацию знаков-терминов, что и произошло, например, с термином «карана». Первоначально этот интенсивный процесс приводит к тому, что у

Ману «карана» заменяет общее для традиции дхармашастры слово «прамана». Последнее появляется у Яджнавалкьи, где традиция дхармашастр возрождается в II.22, возможно, как определенная реакция на включение материала артхашастр, в частности КА. Затем сбалансированность информационной системы дхармашастры (подобная той, о которой говорилось выше на примере артхашастры), но при аморфной правовой структуре и ином функционировании права ведет к тому, что у Нарады и Брихаспати «прамана» употребляется наряду с «карана», хотя первый гораздо чаще и именно как стереотипный элемент системы. Термин же «карана» получает приблизительно тот же смысл, что и «прамана» в КА, т. е. абстрактный юридический авторитет. Наблюдается тот же процесс (он рассматривался ранее), характеризующий взаимовлияние терминологических традиций артхашастры и дхармасутр. Соответственно «прамана» по своей семантике становится тождественным «карана» в КА.

Термин «агама» в дхармашастрах присутствует постоянно, он функционирует у Ману и в более поздних шастрах, «свакарана» же утратил свое значение с упадком артхашастры, в рамках которой он использовался, упадком, отмеченным после включения материала въявахары в дхармашастры (там этот термин не встречается).

Можно говорить о различной семантике юридических терминов, меняющейся в зависимости от контекста и от эволюции самого жанра, о сравнительной древности тех или иных представлений (см. [100]), но нельзя считать, что правовые идеи КА древнее таковых в дхармашастрах; сложившиеся в один и тот же период, они просто выражены разными терминами и в рамках разных традиций. Методологически неверно подчеркивать большую или меньшую древность права КА или дхармашастр, ибо это одно и то же право, возникшее и до КА, и до дхармашастр.

Юридические дефиниции трактата кажутся нам более четкими, логичными, а главное, более практически необходимыми в тексте, чем терминология дхармашастр. Это видно, в частности, на примере понятия «сампурначара»; хотя временная недееспособность или полная дееспособность на данный момент в дхармашастрах принимаются во внимание, тождественный по смыслу термин в них не засвидетельствован, равно как и термины, передающие другие, более общие понятия. Достаточно упомянуть определение юридически значимого действия — «въявахары» или «варги» — категории контрагентов в соответствии с характером сделки и обстоятельствами ее совершения.

Но дело даже не столько в этом, сколько в том, что в тексте III книги «Артхашастры», например, расширенная дефиниция «въявахары» несет чрезвычайно важный юридический смысл, *ориентирована на правовую реальность* и имеет в виду понятия, лежащие в основе всего индийского права и узловые для юридической системы КА. Их отсутствие разрушало бы логику подобного текста и саму данную систему. С этой точки зрения право трактата

весьма развито. Однако развитость не нужно рассматривать как свидетельство более совершенной юридической системы КА по сравнению с таковой в дхармашастрах.

В последних применительно к тому кругу понятий, которыми мы здесь оперируем, за редким исключением, дефиниции вообще не даются. Что до формул типа описанных в КА III.1.2, то они не «работают» в данной системе права, так как, констатируя запрет, чаще всего этим запретом и ограничиваются. Примечательно, что в поздних шастрах термины, скажем, «карана» и «кáрана» часто сближаются и употребляются в одном смысле. Этот момент весьма важен с точки зрения функционирования права дхармашастр, и мы на нем еще остановимся.

III книга трактата никогда не рассматривалась как действующий судебник, текст ее — наставление судьям касательно общих принципов организации суда и отправления правосудия, точно так же как остальные книги передают опыт государственной жизни и рассчитаны на конкретных лиц. Эта чистая модель права в определенной степени все же учитывает коррективы, которые вносились в право КА социальными, экономическими отношениями и обычным правом. В действительности их влияние на правоотношения, лежащие в основе модели, конечно, было сильнее, и исследование III—IV книг КА позволяет сделать подобный вывод. Вместе с тем упоминание об общих принципах судопроизводства (в частности, при описании процессуальной процедуры), тесно увязанных с юриспруденцией, заставляет думать, что система права КА при известном и естественном схематизме не была искусственным построением в том смысле, что ее материал довольно точно отражал реальную, жизненную практику. Варновые, кастовые и другие социальные характеристики налагаются на право, конкретизируя и включая его в социально-экономическую структуру.

В период раннего средневековья дхармашастры стали авторитетными юридическими текстами. С «Артхашастрой» Каутильи дело обстоит иначе. В то время как первые были в некотором роде учебными пособиями, наставлениями в дхарме брахманских учеников и лишь со временем и благодаря заимствованию вьявахары из сочинений артхашастры начали играть не предначавшуюся им роль юридических трактатов, КА отнюдь не была практическим руководством. Само развитие жанра артхашастры имело следствием усиление степени абстракции; менялись и его целевые установки, причем тем больше, чем дальше хронологически эти сочинения отходили от основообразующих компонентов жанра.

«Артхашастра» — живой правовой материал и мертвая система права¹⁰. Она мертва в том своем качестве, что если судья и обращался к правовым текстам памятника (а эволюция жанра и сам факт появления КА должны были отвечать чьим-то, пусть узкоспециальным, потребностям), то лишь как к научному трактату, на практике ориентируясь на иные источники права, не обязательно письменные. Тем не менее мы полагаем, что судья должен был исходить из юридических представлений, близких к отраженным в

КА, поскольку, повторяем, ее схема верно передает основы древнеиндийского права, которые ко времени появления трактата стали традиционными и вряд ли потом претерпели серьезные изменения.

Все сказанное о высоком уровне абстракции системы права «Артхашастры», синтезированной искусственно, однако из блоков «живых» правоотношений, не должно подвести читателя к выводу, что право дхармашастр в этом смысле обладает какими-то преимуществами, или наоборот.

Дхармашастры закрепляли привычные нормы поведения человека, включая то, что принято называть традиционным индийским правом, т. е. брачно-семейные отношения и наследственное право, а также *вьявахару* в узком значении слова. Сама по себе она отнюдь не была чужда духу дхармашастры, и помещение ее в памятники этого жанра никак не противоречило его установкам. Суть заключается в другом — вероятно, нужно допустить наличие двух уровней организации права. Дхармашастры, как уже указывалось, фиксируют обычай в оппозиции «человек — община», при которой юридические вопросы решаются традиционно, вне царского суда, а сам обычай не может быть представлен в виде *системы* права. Аморфная правовая структура дхармашастр опирается на множество правовых норм. «Артхашастра» демонстрирует иной уровень организации права, который существует в оппозиции «человек — государство» и при котором право может быть объектом регулирования со стороны государства, потому и принимает вид системы.

О том, что право дхармашастры функционирует на ином уровне, чем право артхашастры, свидетельствуют нечеткая терминология, отсутствие важных дефиниций, разъяснений и уточнений, аморфность правовой структуры, абстракция и нивелирование права по мере увеличения правил и норм как общеправового, так и частноправового характера. Однако нужно отметить, что в поздних дхармашастрах типа «Нарада-смирита» и «Брихаспати-смирита» право подвергается формализации и выглядит более организованным, чем в ранних дхармашастрах. Оно приобретает вид системы (правда, не в такой степени, как в КА). У Нараты и Брихаспати вводятся многочисленные и зачастую расплывчатые, но все же дефиниции общего характера, посредством которых связываются разные правила или нормы индийского права. Здесь разъясняется то, что в III книге КА остается между строк и не нуждается в специальном пояснении. Некоторые общие дефиниции мы относим к теории права. Они действительно позволяют выявить логику и некоторые особенности индийского права. Однако несомненно и то, что система права в поздних дхармашастрах функционирует иначе, чем в КА.

Дхармашастры в средние века не были источником действующего права. Они освящали его своим авторитетом. Они могли выполнять эту функцию, во-первых, потому, что моделировали право на уровне традиционных норм-обычаев, во-вторых, потому, что оно получало сакральную ценностную характеристику, в-третьих,

потому, что нивелировка юридического материала и аморфность структуры дхармашастр позволяли использовать их как текст, пре-дусматривающий альтернативные решения.

Комментарии типа «Митакшары», а равно и другие прежде все-го фиксировали текст памятника, что свидетельствовало о пре-вращении его в авторитетный текст; а кроме того, благодаря пра-вилам интерпретации, разработанным мимансаками, они станови-лись своего рода транслятором (усилителем), толкуя текст в соот-ветствии с существующими нормами обычного права. Наконец, они предлагали решения, которыми можно было руководствоваться в тех или иных случаях юридической практики. Касаясь этой проблемы, Р. Ленга замечает, что интерпретатор предпочитал ту трактовку, которая больше соответствовала нуждам времени и принятому обычаю. Взятое из смрити правило, подкреплявшееся практикой, приобретало особую силу, ибо религиозное предписа-ние оказывалось, таким образом, связанным с предписанием социальным и становилось юридической нормой; обычай был своего рода тестом при интерпретации текста [161, с. 167—168].

Право дхармашастр тоже одновременно мертвое и живое: мертвое — ибо, перенесенное из реальности и выраженное в виде линии поведения, оно было только слепком каких-то отношений, закрепленных в тексте традиционностью жанра. Живое — ибо тра-диционность жанра обусловлена и традиционностью этих отноше-ний, регулируемых тем же обычаем, и в I тысячелетии до н. э., и в I тысячелетии н. э. С этой точки зрения нормы, зафиксирован-ные в дхармашастрах, остаются тем же регулятором поведения человека.

Источником права был обычай. Пока трудно ответить на во-прос, почему дхармашастры для государства стали авторитетными текстами, а также на некоторые другие. Что же касается того, почему в поздних дхармашастрах произошла формализация права, то ключ к этому, видимо, следует искать в эволюции их как сочи-нений ритуальных, т. е. в сфере функционирования текста.

Хотя право КА, что вполне естественно, существует как бы обособленно от обычая (поскольку представлено здесь в чистом виде), право древнеиндийского общества, послужившее материа-лом для конструирования данной юридической системы, не могло не взаимодействовать с обычаем, из которого оно выросло и который его формировал, как не могло не испытать влияние всей социальной структуры.

Текст III и IV книг трактата позволяет говорить о развитых частноправовых отношениях в обществе, описанном в КА, оно лишь отчасти регулировалось обычным правом, главным же обра-зом правосудием, отпавлявшимся государством в лице его чинов-ников.

Ряд указаний КА заставляет предполагать, что государствен-ный суд взаимодействовал с другими общественными институтами, которые сохраняли свою юридическую автономию и в ряде случаев решали спорные вопросы, опираясь на обычай, традицию, закреп-

ленную в практике решения подобных дел, а зачастую в уставах и установлениях (когда речь шла о разного рода корпорациях, объединениях, кастах и общинных организациях других типов). Они строились в основном по принципу совместной деятельности (занятий), родства, территории.

Хотя государственная власть стремилась передать такие дела в ведение чиновников-судей (это кажется совершенно естественным, если учесть характер и тенденции трактата), на что, возможно, указывает помещение некоторых примеров в текст III книги (всякого рода самáя — регуляторы внутриобщинных отношений на разных уровнях), последние в тех случаях, когда подобные дела по традиции находились в их компетенции, руководствовались в первую очередь практикой рассмотрения их вне царского суда (например, III.10.35—44; 14.23—26).

Правовая система КА не учитывала и не могла учесть местные обычаи и региональные особенности, которые наверняка значительно влияли на характер судопроизводства. Кроме того, вероятно, функции судей, особенно на низовых уровнях, выполняли старейшины — главы тех или иных общинных организаций, иногда приговор по делу (скажем, при пограничном споре деревень) выносился объединением нескольких деревень. Вообще модель права «Артхашастры» как бы проецирует систему суда высоких уровней на всю судебную систему до самых низов, в данном случае явно выдавая желаемое за действительное. По-видимому, нет оснований сомневаться, что царь и царский суд были высшей судебной инстанцией. По мнению автора КА, в идеальном государстве следственные и судебные органы подчиняются правителю, от его лица выносятся приговор и функции судей выполняют царские чиновники.

Эта модель не может затрагивать (она создается применительно к высокому уровню общественной организации) и почти не затрагивает племенную периферию. Смыкавшиеся с кастами и, вероятно, превращавшиеся в касты при включении в сословно-варновое общество, племена не входили в брахманизированную систему. Как в политическом, так и тем более в правовом отношении они оставались независимыми от этой макромоделли. КА лишь допускает существование такого права и рекомендует царскому суду в том случае, когда в его юрисдикцию попадает дело, связанное с племенем, учитывать принятые в этом последнем обычаи.

Разумеется, III книга не может не отражать некоторые особенности общественных отношений в их юридическом аспекте (особенно показателен в этой связи материал III.13—14), однако речь должна идти о традиции 18 предметов судебного разбирательства (аштадашапада), весьма древней и выработанной впервые, вероятно, в школах артхашастры. Впрочем, как это видно на примере самого трактата, в сочинениях этого жанра текст юридического характера оформлялся в виде более крупных тематических блоков (типа «вастука» — «недвижимость», см. Введение). Это отнюдь не значит, что при таком построении не учитывается деление на аш-

тадашапада. Но несомненно и то, что в качестве структурообразующего принципа это деление выступает только в дхармашастрах.

Модель 18 предметов тяжб внутренне непротиворечива: она не корректируется практикой правоотношений. Коррективы не вводятся по двум главным причинам: во-первых, речь идет именно о модели, схематически передающей в виде образцов-блоков не все аспекты и случаи частного права, а только те, которые закреплены традицией в артхашастре и впоследствии в дхармашастре. На их примере показано действие юридического аппарата в обществе КА. Уже включение такого примера — иска по задолженности — в описание процессуальной процедуры заставляет составителя трактата следовать этой логике и в дальнейшем, когда он формулирует в рамках той же системы общие принципы наложения наказания (III.1.20—21). Они отвечают прежде всего иску по задолженности, но не отвечают ряду других казусов (скажем, оскорбления), не учитывают необходимые поправки. Само это право традиционно моделируется в КА в аспекте долгового права и, по сути, из него вырастает. В дхармашастрах дело обстоит аналогичным образом. Во-вторых, эти коррективы и не могут быть введены в модель права, поскольку сама она традиционна и избирательна и не имеет и не может иметь в виду конкретное общество и государство. Наконец, выделение аштадашапада условно и не в состоянии охватить всю частноправовую практику, как условна любая другая фиксированная правовая система древнего Востока. Вероятно, традиционная система индийского права, в том числе в условном ее изображении, предназначена не только для ориентации в общих принципах организации права и юридической аргументации; она отражает действительно доминантные для данной системы случаи юридической практики, через посредство и с учетом которых судебная инстанция рассматривает другие — периферийные, но типологически близкие.

Внутреннее логическое единство в изложении системы права КА, ее элементов и принципов организации позволяет предположить, что составитель имел перед своими глазами нечто более живое и наглядное, чем просто литературную традицию школы артхашастры. Мы допускаем, что КА — единственный компендиум подобного рода, вышедший из этой школы. При построении внутренне непротиворечивой системы частного права возможны два пути: она может инкорпорироваться в законченном виде из другого сочинения или сочинений артхашастры. В каждом из таких случаев она должна подвергнуться определенной переработке, чтобы быть приведенной в соответствие с логикой построения памятника, и особенно с его II и IV книгами (несомненно, между III и IV книгами существует текстуальная и терминологическая и логическая связь), причем, надо думать, эта переработка должна быть тем более существенной, чем большее число сочинений при несомненной их общности лежит в основе построения системы права КА. Кроме того, из сочинений артхашастры может быть заимствована некая правовая база. Мы затрудняемся сказать, каким образом

складывалась модель «Артхашастры» Каутильи, но склоняемся в пользу первого предположения — правовая модель типа той, которую мы видим в КА, была представлена в источниках последней, и III книга опирается на один-два подобных текста. Вместе с тем, как представляется, в таком законченном виде, интегрированная в схему саптанга (семи факторов государства) политической теории артхашастры, правовая модель артхашастры была включена именно и только в наш трактат. Оказав влияние на дхармашастры, она содействовала принципиальным изменениям в этом жанре литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дошедшая до нас «Артхашастра» составлена, по-видимому, в начале нашей эры. Она принадлежала к сочинениям развитого в древности литературного жанра и, подобно дхармашастрам, содержит преимущественное изложение «науки политики», имеющей вековую традицию, корни которой восходят к домаурийской эпохе. Трудности датировки шастр не случайны: эти тексты не являются ни авторскими сочинениями в точном смысле слова, ни произведениями, призванными отразить реальность какого бы то ни было периода истории Индии. Особенность шастр и ценность их в качестве исторических источников состоит именно в том, что они дают обобщенную картину общества и государства, игнорируя бесконечное разнообразие условий места и времени.

Вместе с тем не вызывает сомнения, что отражение действительности здесь достаточно сложно. Шастры позволяют понять прежде всего, как сами индийцы представляли свое общество и государство; лишь отходя от этих представлений, мы можем характеризовать специфику социальных и политических отношений в древней Индии. При изучении этих текстов акцент должен делаться не на проблеме датировки отдельных памятников (да и проблема не может иметь однозначного решения), на первый план выдвигаются вопросы истоков и формирования данной литературной традиции, общий смысл произведения и та точка зрения, с которой в ней рассматривается реальность.

В данной работе анализируется главным образом юридический материал КА. Обычное определение «Артхашастры» как трактата о политике не точно, а когда он противопоставляется «законоведческой» литературе дхармашастр, и прямо неверно. Памятник посвящен проблемам царской власти и управления государством — политики внешней и внутренней, администрации и финансов, наложения наказаний и решения судебных дел. Вопросы судопроизводства составляют органическую часть КА и артхашастры как дисциплины. Они не привлекали достаточного внимания ученых исключительно потому, что этот памятник не считался авторитетным в средневековом индийском праве, ориентировавшемся на дхармашастры. Однако для историка древнего периода сведения КА о праве ценнее сведений дхармашастр.

Традиция, отраженная в юридических главах трактата, демонстрирует единство и систематичность изложения и, вероятно, полнее и достовернее, чем дхармашастры, воссоздает общую картину

жизни древнеиндийского общества. Этому способствовала как «философия артхи» — мирской и государственной целесообразности, так и использование в произведениях жанра артхашастры документального материала (записи обычаев, инструкций и указов и т. п.). Дхармашастры часто несамостоятельны, неточны и тенденциозны при освещении юридических вопросов. Разные части даже одного и того же сочинения обнаруживают терминологические и логические несоответствия, вызываемые несогласованностью источников текста. Особенно значительны противоречия между разделами, разрабатывающими темы, которые изначально принадлежали области дхармашастры (преимущественно ритуалу), и правовыми, восходящими к иным источникам. Анализ композиции дхармашастр и установление в ней места правовой проблематики показывают, что широкое внедрение в них юридического материала было связано с качественными изменениями характера самого текста; материал этот включался с большими трудностями и не стал ни основной, ни даже органической частью данной литературной традиции.

Индийское право базировалось главным образом на обычаях, издавна принятых в той или иной местности, касте или родственной группе. Поэтому письменный текст не может рассматриваться как свод законов, обязательных на всей территории Индии в какой-либо период. Юридические главы КА — не судебник, а обобщение обычного права, оформленное в духе определенной политической доктрины и, вероятно, с учетом практики царской судебной администрации. Детали юридической регламентации КА, возможно, несущественны, однако важны выраженные тут принципы древнеиндийской юридической мысли. Изучение терминологии и содержания соответствующих книг трактата позволяет определить социально-правовую структуру древней Индии, а в какой-то мере и ее социально-экономическую структуру.

Значение трактата не исчерпывается тем, что он представляет традицию, отличную и независимую от дхармашастр и, по всей видимости, более полно и достоверно отражающую действительность. Есть все основания говорить о влиянии артхашастры на изложение права в дхармашастрах (начиная с «Ману-смирти» и «Яджнавалкья-смирти») и тем самым на формирование классического индийского права средневековья. В КА можно обнаружить более древний пласт юридических представлений (и множество более совершенных юридических дефиниций). Не только история отдельных правовых институтов, но и вся история индийской правовой литературы в свете этого источника получает новое освещение.

Применительно к социальной истории древней Индии в «Артхашастре» наиболее существенны проблемы общины и рабства.

Община понимается чрезвычайно широко — как местность и деревня, каста и семья, объединение-сангха. Примечателен и сам перечень их — он встречается несколько раз практически без изменений и содержит, по сути, древнеиндийскую типологию общины.

Община каждого вида руководствуется своими обычаями, со-

глашениями и установлениями, записи коих могут храниться в государственном архиве, причем судьи должны следовать этим обычаям. Нарушителя традиционного порядка наказывает сама община, во главе которой стоит руководитель, обязанный блюсти ее интересы в целом и в случае выполнения этого условия обладающий правом отдавать распоряжения ее членам. По-видимому, любой общинный коллектив мог иметь и свой имущественный фонд. Эти основные признаки позволяют индийцу считать близкими такие понятия, как местность, деревня, каста, семья, объединение. Ни один из этих разнородных социальных организмов не исключает другого, и человек может одновременно входить в состав нескольких.

Образцом общины для индийца служит деревня. На основании сведений КА мы уверенно можем говорить о совместных работах ее жителей, о натуральных и денежных взносах, взимаемых с них на коллективные празднества, о регламентации всей жизни общинников. Принципы отношений между деревенской общиной в целом и ее отдельными членами распространяются также и на коллективы иных типов. Сведения трактата об «областях» и объединениях нескольких деревень позволяют считать их не только административными единицами, но также и большими самоуправляющимися общинами, занимающими определенную территорию и осознающими свое единство, что выражается в общих установлениях, работах и празднествах.

В том контексте, в котором речь идет об общинных структурах, появляется в КА и термин «джати», употребляющийся в ряде фрагментов в значении реально функционирующего коллектива со своими традиционными обычаями и самоуправлением. Этимология термина и место, занимаемое им в перечнях общин (не говоря уж о позднейшем словоупотреблении), свидетельствуют, что под ним понимается общность, объединяемая родственными связями, происхождением и более обширная, чем род-готра. Можно думать, что джати есть не что иное, как эндогамная совокупность экзогамных родов. Такая характеристика целиком отвечает понятию «каста», а она в период оформления традиции артахашастры была, очевидно, полностью сложившимся институтом.

В иных контекстах памятника «джати» означает скорее племя. Дело, вероятно, не в простом совпадении терминов или внешнем сходстве структуры коллективов двух типов, между ними вообще нельзя провести четкой грани. Допустимо предполагать, что каста часто восходит к племени, сохранившему прежнюю структуру, но выполняющему иные функции в новых социальных условиях. Важен материал трактата, косвенно свидетельствующий о кастовой неоднородности деревни.

Более мелким, чем каста, общинным коллективом является кула. Обычное содержание этого понятия в КА — семья, семейная община, но также и совокупность нескольких или многих родственных семей, т. е. патронимия. Терминологического различия между семьей и патронимией не отмечается, покольку последняя

и представляет собою в конечном счете разделившуюся большую семью.

Во главе большой семьи, судя по данным КА (и по дхармаштрам), мог стоять отец семьи или один из братьев (как правило, старший), и все остальные члены обязаны были им повиноваться. Однако известно и о семьях более «демократического» типа, когда братья, разделив отцовское имущество, затем объединяются для совместного ведения хозяйства.

Допустимо говорить о патронимиях разного порядка — более узких, включающих только близких родственников (сапинд), и более широких, включающих практически всех родственников (кулья). Между сапиндами существуют тесные экономические и религиозные (культ предков) связи, некоторые поддерживаются и всеми сородичами.

Еще одним типом общины, упоминаемым в «Артхашастре», является сангха. Это понятие здесь подразумевает постоянные объединения — монашеские, политические (сангхи кшатриев — республиканские олигархические образования) и т. д. «Сангха», по-видимому, служит и общим термином для обозначения профессиональных ремесленных и торговых корпораций (называемых также «шрени» и, возможно, «пуга»). По сути, во всех случаях она выступает постоянным объединением лиц, занимающихся одним видом деятельности. Соотношение сангхи и джати нельзя назвать определенным, поскольку профессиональный признак не является основным при характеристике касты.

Непросто решается вопрос о соотношении общинных структур и государственной власти. Цель политики, по свидетельству источников, состояла в поддержании общин любого типа как действительной основы государства. Человек, вносящий раскол и нарушающий традиционный порядок, подлежит суровому наказанию вплоть до изгнания из общины или из пределов государства. Однако в политической теории содержится мысль, что для полноты власти царя необходима разъединенность людей, и автор КА дает рекомендации, направленные на ограничение активности различных объединений.

Общинный коллектив мог иметь собственность. Материал трактата позволяет говорить о том, что недвижимость разного рода (дома, поля, сады и оросительные сооружения) находилась преимущественно в частной собственности. В источнике нет указаний на переделы земли или чье-либо вмешательство в хозяйствование собственника на своем участке. Земля была предметом купли-продажи. Выморочное имущество доставалось казне. В то же время нужно отметить ряд ограничений прав собственности на землю. Прежде всего участки должны были возделываться, и за необработку поля собственник подвергался наказанию. В случае же, если он на длительный срок (пять лет) оставлял деревню, не заботясь о своем участке, то, как правило, терял на него право собственности и поле переходило к тому, кто занимал его (видимо, с согласия деревенской общины). Отсутствовала и полная свобода от-

чуждения недвижимости, поскольку право преимущественной покупки принадлежало родственникам, соседям и кредиторам. Под «соседями», вероятно, подразумевались все землевладельцы деревни, т. е. полноправные общинники. Учитывая ее кастовую неоднородность, нужно думать, что не всякий ее житель мог стать землевладельцем. Точно так же в городе право преимущественной покупки дома имели, видимо, домовладельцы данного квартала (в КА объединения 40 семей). Приведенные факты не подрывают верность тезиса о частной земельной собственности, а лишь позволяют утверждать, что она теснейшим образом связана с членством в территориальном общинном коллективе.

Общие юридические нормы, зафиксированные в письменных текстах, в частности в КА, свидетельствуют о том, что отец семейства, производя раздел имущества, не только не мог обычно без достаточной причины лишить сына доли, но не должен был устанавливать и неравные доли в наследстве. Хотя имущество называлось «отцовским», оно на деле являлось общесемейной собственностью. Наряду с этим женщины и взрослые дети имели личное имущество, не подлежащее разделу в случае распада большой семьи.

Домовладыка, стоящий обычно во главе семьи, распоряжался и ее имуществом, и ее младшими членами. Они обязаны были оказывать ему повиновение, подобно рабам и кабальным. Иногда права домовладыки на детей выражались термином «свамья» (собственность). Употребление этого термина для обозначения власти над домочадцами объясняется, очевидно, тем, что понятия «собственность» и «власть» в древней Индии не вполне дифференцировались. Слово «свамин» нельзя переводить лишь как «собственник». Применительно и к людям, и к неодушевленным предметам оно указывает прежде всего на господство, власть. Близки до тождественности термины, под которыми подразумевается домохозяин — собственник своих домочадцев, семейного имущества и царь — владыка подданных и государства.

Идеи собственности и власти совпадали, когда речь шла о рабах. В КА ясно выражена идея, что раб — это лицо, приобретенное всеми теми способами, какими приобретаетась собственность, т. е. он — собственность в точном значении слова. Термин «даса» нередко используется и в более широком смысле, охватывая множество категорий личной зависимости. При всем сходстве положения кабальных должников, других зависимых и статуса раба между ними есть и явственное различие. Для пребывающего в рабском состоянии временно хозяин не является собственником в полном смысле слова. Кабальный остается личностью, и его зависимость оговаривается рядом условий. Конкретные формы ее могут быть весьма разнообразны; вероятно, основной была кабала «заложеного» за долги. Положение его в доме хозяина так же разнится от положения раба по рождению или купленного, как статус любого залога — чужой вещи, данной на время, — от статуса вещи, принадлежащей кому-то на правах собственности. В случае, когда

«залогом» выступает человек, «собственником» его обычно он сам и является. С точки зрения социально-правовых представлений кабальные — это лишь широкая «периферия» вокруг «ядра» собственно рабов, хотя социально-экономическое содержание кабалы может существенно отличаться от рабства.

Из сказанного о кастовой структуре древнеиндийского общества вытекает, что рабовладельческие отношения развивались не безотносительно к системе варн и каст. Согласно данным КА, рабы в узком значении термина «даса» должны были рекрутироваться лишь из числа вневарновых, из тех каст и социальных групп, которые находились ниже шудр по сословной иерархии (если понимать под ними, в духе КА, низшую варну арийского общества). Члены чатурварньи попадали лишь в такую зависимость, которая не являлась собственно рабством. Неизвестно, насколько строго соблюдалось это ограничение, но такая тенденция должна была прослеживаться и в действительности.

В связи с рабством постоянно ставится проблема наемного труда. «Артхашастра», как и многие древнеиндийские сочинения, часто упоминает рабов (даса) и работников (кармакара) рядом; обычным является и сочетание «дасакармакара», переводимое «рабы и работники». На наш взгляд, смысл сближения данных категорий в разных контекстах принципиально различен. В ряде случаев подразумевается отношение выполняющего работу к хозяину-работодателю, и это позволяет рассматривать сначала рабов, а затем иного типа работников. Термин «кармакара» тогда несет чисто юридическое содержание и не имеет никакой социальной определенности. Врач и прислуга, ремесленник и батрак, жрец и проститутка, наконец, человек, выручающий кого-либо из беды, — всех объединяет это понятие, поскольку речь идет о вознаграждении за труд. Разумеется, все кармакары не могут быть близки рабам, да и эксплуатируемыми всех их назвать никак нельзя. Наем сам по себе, в такой же степени не есть форма эксплуатации, как долговые отношения или аренда, с которыми связан раздел «О дасакармакарах» в III книге. Наем здесь — лишь платная услуга.

Но если сама по себе услуга еще не свидетельствует о низком социальном статусе работника, то обслуживание других в качестве постоянного занятия, в качестве способа жизни — это выражение социального неравенства и оно сопряжено с неполноправием работника, на что указывает ряд текстов КА, где упоминаются «работники» (кармакара и бхритака).

В некоторых фрагментах «дасакармакара» употребляется для обозначения фактически одной категории. Между даса и кармакара в этих случаях невозможно заметить какое-либо различие. Они предстают постоянными работниками в конкретном хозяйстве, и, по-видимому, в их состав не входят собственно наемные работники, заключающие свободный (с юридической точки зрения) договор на определенных условиях. В «Артхашастре» эта категория упоминается только в связи с царским хозяйством, но, вероятно, потому, что собственно экономические вопросы в КА и решаются лишь

применительно к царскому хозяйству. Материал о дасакармакарах в таких контекстах, очевидно, не характеризует наемный труд в древней Индии в целом. Неясно вообще, имеем ли мы тут дело собственно с наймом; так или иначе, речь идет о работниках, находящихся, по существу, в рабской или полурабской зависимости.

Но и там, где несомненно нужно говорить о наемном труде, заметна тенденция известного сближения рабского и нерабского труда. Положение некоторых категорий работников затрагивается в разделах и о рабах, и о наемных работниках. Вероятно, положение многих из них, формально не являющихся рабами, можно охарактеризовать как полурабское (слуги, издольщики и т. п.). Сам наемный труд для ряда категорий работников считался (и был в действительности) как бы формой временной зависимости, сходной с рабством или патриархальной зависимостью младших членов семьи. Нередко он свидетельствовал о низком кастовом статусе работника.

В обществе, построенном по общинному принципу, возможности развития рабства должны быть крайне ограниченными. Из-за иерархической структуры территориальных общин потребность в эксплуатации рабов была, наверно, невелика. Вместе с тем следует подчеркнуть, что многообразные формы зависимости в хозяйствах больших семей осмыслялись в рабских терминах, а неполноправие низких каст создавало условия для полурабских форм эксплуатации.

Согласно трактату, основное податное население составляла варна шудр (охватывавшая множество каст и кастовых групп), которые рассматривались как низшая варна «чистого» индусского общества (в отличие от неприкасаемых и варваров-млеччхов). Возможно, земледельческий труд часто ассоциировался с представлением об известной приниженности, несамостоятельности (работа на других), что и позволяло причислять большую часть земледельцев к шудрам.

Для государства, отраженного в КА, характерно наличие социального слоя знати, господствовавшего над жителями сельской местности и существовавшего за счет собираемых с них податей. Структура государства была крайне рыхлой. Немалую роль играли группировки, формировавшиеся на основе клановых связей. Подробные перечисления должностей и ведомств создают представление о развитом бюрократическом аппарате, однако более внимательный анализ подводит к заключению, что имеются в виду скорее титулы, чем реально выполняемые функции. Грань между чиновником, назначенным царем для управления областью, и правителем, владевшим территорией по праву наследования, была весьма неопределенной. Крупные государства возникали в результате внешних комбинаций как сложные иерархические структуры с наследственной властью царского рода, которому подчинялись местные князья. Стиль отношений в основной политической ячейке общества — владении мелкого властителя — почти не менялся с образованием державы.

В изученном трактате представлена оригинальная система правовой терминологии, разрабатывавшаяся в школах артхашастры задолго до составления самого памятника. Можно назвать такие понятия, как «карана» (юридическое доказательство), «свакарана» (доказательство права собственности), «деша» (документ как доказательство в суде), «сампурначара» (полная дееспособность), «сопакара» и «нирупакара» (залог, приносящие и не приносящие прибыли кредитору) и др. В дхармашастрах обычно употребляются иные термины, например «прамана» (юридическое доказательство), «агама» (право собственности), «ликхита», «лекхья» (документ), «бхогья» и «гопья» (залог, предназначенные для пользования и хранения) и т. д. Складывание терминологической традиции дхармашастры прослеживается достаточно наглядно по данным дхармасутр (Апастамба, Баудхаяна, Васиштва). Обе терминологические системы отличаются стабильностью, что отчетливо проявляется в процессе взаимодействия сочинений обоих жанров. Оно начинается уже между ранними артхашастрами и дхармасутрами и выражается в заимствовании последними материала артхашастры и ее терминологии.

Взаимовлияние сочинений двух жанров особенно интенсивно происходит на рубеже эр, накануне и после составления КА, что особенно заметно на примере «Ману-смирита» и «Яджнавалкья-смирита».

При всей стабильности юридических систем в сочинениях названных жанров нужно отметить специфику их функционирования. Право КА довольно совершенно, оно предусматривает разнообразные казусы и точно устанавливает соответствующие наказания за те или иные преступления. Однако эта завершенность свидетельствует о предшествующем длительном развитии традиции, в том числе и складывавшейся в школах юридической науки. В данном случае мы имеем дело с научным трактатом, автор которого привлек несколько сочинений подобного рода. В таком качестве текст является наставлением, касающимся общих принципов отправления правосудия, но не практическим руководством. Дхармашастры, напротив, постепенно начинают играть роль авторитетных правовых текстов, поскольку ориентируются на традиционные нормы обычного права (в рамках ритуально осмысливаемого «ачара» — добродетельного поведения). Это сказывается и на праве дхармашастр, отличающемся аморфностью, которая делает возможным применение его в конкретных условиях — в той или иной деревне, местности, религиозной и других общинах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Выделяя в КА «авторские» слои (вслед за Т. Траутманом), нельзя недооценивать единство КА и по содержанию, и по композиции. Текст отдельных книг не мог быть простым сокращением первоначально самостоятельных произведений. Изложение внутри книг подчинено общему для всего сочинения плану.

Согласно Д. Ч. Сиркару, во II книге речь идет о серебряных панах, а в III размеры штрафов, как и в дхармаштрах, даются в медных. Но с этим трудно согласиться. Штрафы за насилие, например, во II и IV книгах совпадают (II.35.41; IV.9.24). В то же время за аналогичные преступления в IV книге предусматриваются не меньшие, а большие штрафы. Точка зрения Д. Ч. Сиркара явно определяется неверным представлением о приоритете дхармашастр в области разработки вопросов права. Т. Траутман принимает ее, поскольку она кажется подтверждающей теорию гетерогенности текста трактата, однако ученый не видит, что она противоречит мнению о взаимоотношениях текстов КА и «Яджнавалкья-смитри».

² Исходя из статистического анализа, Т. Траутман делает вывод, что IV книга по стилю несколько отличается от III и от II и, не исключено, принадлежит другому автору. Однако и по содержанию, и по стилю IV книга не является цельной. Нам кажется, нужно считаться с возможностью составного характера некоторых книг (помимо IV укажем на I).

³ Способ изложения II книги КА также легко допускает рамочные конструкции. Некоторые главы ее включают фактически резюме специальных сочинений по архитектуре, сельскому хозяйству, рудному делу, ссылки на которые встречаются здесь же.

⁴ Ср. также последовательность изложения в КА III.9—10: «граница», «межа», «ущерб» и «договор» (прежде всего во время общинных праздников и зрелищ) с V.1.43: «Ссоры между городами, деревнями, семьями по поводу границ, межей на поле, гумна и построек, в связи с имущественным ущербом и по поводу зрелищ и праздников».

Глава 2

¹ Ср. комментарий Вишварупы к «Яджнавалкья-смитри» (II.191—192): в случае нарушения самая царь должен взимать штраф только в пользу данного объединения (самуха).

² Ср. Яджнавалкья II.188: «Должно быть выполнено то, что укажут говорящие полезное для общины». За невыполнение налагается штраф. Уже следующая шлока объясняет, что под «говорящими полезное для общины» понимаются руководители. Аналогично у Брихаспати (XVII.10): «Два, три или пять человек должны стать руководителями общины (букв. „говорящими полезное для общины“), и их указания должны исполняться деревней, корпорацией (шрени), объединением (сангха)». См. также Брихаспати XVII.20, где речь идет о случаях спора общин с их руководителями (мукхья).

³ Разумеется, если он, в свою очередь, не действует вразрез общим интересам. «Сарвахита» тождественно «самухахита» у Яджнавалкьи и Брихаспати и также «юктиюкта» — «разумному» у Катьяяны (33.795). Стих, завершающий этот раздел КА, перечисляет те виды работ, которые поощряются царем: строитель-

ство важных для данной местности оросительных сооружений и мостов на дорогах, того, что способствует украшению и защите деревни.

⁴ Глагол «хан». Ср. Катъяяна в комментарии Апарарки к «Яджнавалкья-смити» [33, с. 794] «юктиюктам... ханьят». Мы видим, что, вопреки мнению Р. П. Кангле, этот глагол имеет и другие значения кроме «бить», «убивать» и т. д.

⁵ Обычное увеличение штрафа вдвое при совершении группового преступления (ср., например, III.9.16; IV.13.38—39).

⁶ Термин «джати» в КА для обозначения варны не употребляется (если не считать довольно неопределенного выражения «джативишишта» — «высшая по джати», которое может означать брахманку — IV.12.40).

⁷ См. в одной из рукописей КА (D) I.3.9 о запрещении браков между членами той же готры.

⁸ В данном контексте можно переводить это выражение просто как «разного рода млечхи». В таком значении слово «джати» в КА тоже встречается. Существа дела это, однако, не меняет, ибо отличительные черты млеччхов и будут характеристикой их этноса, т. е. касты, проявлением внутренней и внешней «кнейрийской природы» (IX.4.25). Не случайно в трактате в одном ряду перечисляются варвары и горбатые, варвары или разбойники и немые, евнухи и пр. (I.12.21; XIV.1.2—ср. «пракрити» в значении «происхождение» и «сущность», «каста» — III.18.7; XIII.5.15).

⁹ КА VII.11.21: «...земля, населенная преимущественно людьми низшей варны, поскольку она приносит все виды доходов... населенная земледельцами, поскольку [таковая обеспечивает] изобилие и постоянство земледелия» и т. д.

¹⁰ Ср. «Нитисара» (VII.52) о заселении земли, «большинство жителей которой составляют шудры... где живут усердные земледельцы». Шанкарарья комментирует это место полностью в духе КА: первое способствует увеличению казны, второе предохраняет страну от голода.

¹¹ Нужно подчеркнуть, что позиция КА применительно к шудрам отличается исключительным постоянством в самых разных по тематике и стилю книгах трактата. Это тем более примечательно, что такого рода тенденция отнюдь не является обычной в санскритской литературе.

¹² Так иногда толкуют соответствующие тексты и средневековые комментаторы дхармашастр.

¹³ Впрочем, как уже отмечалось, сангхой считалась и монашеская община, имевшая, естественно, особую структуру.

¹⁴ Оговорка о «традиционной общине» необходима. Отношения государственной власти с общинными организациями были, вероятно, достаточно сложными, о чем свидетельствует и то, что теоретики политического искусства отдают предпочтение областям с разобщенным населением (VII.11.18—20), поскольку здесь легче установить прочную власть царя.

В этом плане можно рассматривать и политику веротерпимости, проводимую императором Ашокой (т. е. терпимости по отношению ко всем религиозным общинам), с одной стороны, и меры для предотвращения раскола буддийской сангхи — с другой. Ср. у Яджнавалкьи (II.192): «Пусть защищает их [объединения] царь от раскола и охраняет их прежний образ жизни». Аналогично у Брихаспати, Катъяяны, Ману об изгнании раскольников. Нарада (X.6): «Особенно следует наказывать тех, кто вносит раздоры в общину. Ведь они, подобно болезни, чреватые страшной опасностью, будучи оставлены без внимания».

¹⁵ Раздел заканчивается темой нанесения ущерба (химса). Нарушение самой тоже квалифицируется как нанесение вреда. В то же время «нарушение договора» служит переходом к теме о неисполнении обязательств.

¹⁶ Ср. у Катъяяны 702: «Без согласия родственников и прочих, находящихся поблизости... не может быть купли-продажи земли».

¹⁷ Процедура та же, что и при продаже любого товара (см. II.21.7—9). Оснований говорить о принудительной продаже нет. Кредиторы упоминаются лишь как возможный случай.

¹⁸ Как говорит Катъяяна (744), «вриддха» — это те, кто преисполнен достоинств, будь он старый или не старый.

¹⁹ Тем же термином обозначается и граница территории города (пура — V.1.43). Текст дает возможность предполагать наличие у последнего сельской округи с обрабатываемыми полями и другой недвижимостью. Дважды встречаю-

щийся в тексте КА термин «нагарастхана» (IX.2.5—6; V.1.21) можно толковать как «территория, подчиненная городу», «город с сельской округой», а не просто «область, находящаяся под контролем градоначальника», согласно обычному переводу (но это подразумевается тоже).

²⁰ Противопоставление «соседа» и «постороннего» указывает на то, что понятие «соседства» распространялось на всю территорию общины и не выходило за ее пределы (ср. противопоставление V.2.13). Есть надписи, свидетельствующие о том, что правом преимущественной покупки участка пользовались все жители деревни [175, с. 229].

²¹ Так же в дхармаштрах: если нет саманта, обращаются к тем, кто прежде владел землей, потом к «живущим в лесу». Саманта противопоставляется, таким образом, прежнему саманта и «живущим в лесу» и, следовательно, может означать всех землевладельцев деревни, а не только ближайших соседей (Брихаспати XIX.12.26, 38).

²² В КА (II.1.11) говорится, что они должны обрабатывать заброшенный земельцем участок, но не могут получить его в собственность. Ср. также у Брихаспати (XIX.13), где саманта противопоставляется не только пастухам, охотникам и другим людям, «живущим в лесу», но и работникам (кинаша), ремесленникам (шилпин), слугам (бхритака) и т. п., несомненно обитающим в деревне (ср. также XIX.54).

²³ К тому же, согласно 16-й сутре, старосту, отправляющегося по делам деревни, сопровождают по очереди упавасы. Здесь это слово едва ли следует понимать как «арендатор поля» у частного лица. И. Я. Мейер, по сути, правильно интерпретирует в данном случае «упаваса» как Dorfgenosse, а Шамаштри — как viNager.

²⁴ Глагол «павиш» означает «вступление» в коллектив, а не приход в деревню и т. д. (ср. III.3.4).

²⁵ Видимо, тема занятия пустующих земель разных категорий вызвала появление в этом контексте предписаний о категориях земли (обложенной и не обложенной налогами). 9-я и 10-я сутры говорят об ущербе скорее казне, чем самому полю.

²⁶ Ср. III.16.32 — имущество ученых брахманов, как и имущество царя, нельзя приобрести посредством пользования.

²⁷ Вряд ли есть основания думать, что он теряет право собственности сразу. Наказание было бы слишком сурово, вспомним, что штраф за оставление поля составляет только 12 пан. В дхармаштрах также не предусматривается потеря права собственности на оставленный участок немедленно (ср. Нарада XI.24).

²⁸ Виды пользования недвижимостью перечисляются в предшествующей главе: это аренда, наем, залог, пользование из доли.

²⁹ В этом отношении право собственности на землю и оросительные сооружения отличается от прав не только на движимость, но и на дом: строение принадлежит хозяину даже в том случае, если он в нем не живет (III.10.12—13).

³⁰ В КА говорится об орошении водой главным образом небольших прудов, принадлежащих частным лицам. Строительство оросительных сооружений осуществляется обычно также ими (III.9.33.35), хотя, конечно, были и сооружения, возводимые общиной или областью (II.1.20—24; III.10.46). Лишь стих III.9.38 свидетельствует о совместном пользовании оросительным сооружением, но и в этом случае «совместное» не обязательно «общинное». Речь может идти даже о частном водоеме, сданном в пользование нескольким хозяевам (ср. III.9.36—37).

³¹ У Нарады и в других поздних источниках они перечисляются, правда, как четыре из пятнадцати категорий рабов (V.25—40), но при этом относящиеся к ним правила абсолютно тождественны (V.29), и потому с юридической точки зрения они составляют одну категорию. Нарада во многих случаях заменяет первоначальные и более точные определения КА схематичными и схоластическими.

³² Об этом свидетельствует выражение (IV.12.28) «рабья, которая может выкупиться на свободу», хотя остается рабыней (ср. Нарада V.29).

³³ Б. Брелер, отрицавший наличие рабства в древней Индии, придавал большое значение свидетельству Мегасфена. Ученый не считал возможным отождествлять «даса» с греческим «дулос». Однако в греческом переводе эдикта Ашоки понятие «даса» передано термином «дулос».

³⁴ По непонятной причине Р. П. Кангле считает, что раздел о временно за-

висимых заканчивается на 12-й сутре (видимо, под влиянием Нарады—V.37, где «продавший себя» имеет совершенно иной статус). Согласно КА, положение его подобно положению «заложненного» (ахитака). Сутра 16 прямо связывает сутры 13—17 с предшествующими. И правила в отношении «отрабатывающего штрафа» (дандапранита) и «военнопленного» (дхваджахрита) указывают на временный характер их зависимости, хотя эта зависимость особого рода.

³⁵ Ср. в буддийской литературе («Маджхима-никая» II.149): «У греков (йона) и камбоджей только две варны: свободный (аййо) и раб (даса)». Палийское «айира» (санскр. «арья») употребляется в значении «хозяин», «господин», в том числе «рабовладелец» (например, в джатаке VI.300.2: «Айира ведь... господин раба», ср. V.257.18).

³⁶ Так можно истолковать и свидетельство Мегасфена (Арг. Indica X.9), подчеркивающего, что в Индии «никто другой не является рабом, а тем более никто из индийцев». Индиец — это, несомненно, человек, следующий обычаям брахманизма и, значит, принадлежащий к системе четырех варн.

³⁷ Если действительно речь идет о работе на срок, до истечения которого они считались зависимыми людьми, то их можно сопоставить с категорией Нарады (V.33), названной крита или критакала, т.е. «ставший даса на определенное время». Как поясняет Апарарка в комментарии к Яджнавалкье (II.182), «крита — это тот, кто приходит, говоря: „Я буду твоим даса на такое-то время“». Сделка подобного рода упоминается и у Брихаспати (VI.16): «Считается документом о зависимости (дасапатра), если кто-то в стесненных обстоятельствах, лишенный одежды и пищи, напишет: „Я буду исполнять работу на тебя!“». Он отличается от документа залога (адхилекхья), что ясно из «Брихаспати-смрити» (VI.9). Общее между заложенными и зависимыми такого типа состоит в том, что все они должны выполнять работу на хозяина в течение известного срока, а различие в том, что ахитака при этом отрабатывает полученную сумму, а кормилица и прочие никакой суммы заранее не получают. С точки зрения автора КА, эти работники причисляются именно к даса, а не к кармакарам, так как существенно не то, что они выполняют работу, а то, что находятся в зависимости.

³⁸ Ср. у Квинтилиана (VII.3.26—27) о различии между собственно рабом и аддиктом, «который находится в рабстве по тому же праву, что и раб»: аддикт получает свободу независимо от воли хозяина, имеет три имени и приписан к трибе, закон считает его личностью, и, получив свободу, он становится не либертином, а свободнорожденным. Три имени и триба для римлянина значат то же, что варна для индийца.

³⁹ Мнение Р. П. Кангле [56, т. 2, с 275], что в 30-й сутре перечисляются более высокие категории работников, нельзя принять хотя бы потому, что среди них упоминается и слуга (паричарака).

⁴⁰ Х. Шарфе [193, с. 239] справедливо замечает, что так называемые шпионы, описанные в КА,— это простые осведомители из числа тех же домохозяев, торговцев, аскетов и пр.

⁴¹ Призывы Ашоки быть милостивыми по отношению к даса и бхритакам (в греческом тексте «дулос» и «мистхотес») тоже свидетельствуют о том, что «наемный работник» — в данном случае неравноправный партнер и может быть поставлен на одну ступень с рабом.

Глава 3

¹ Возможно, однако, что материал, касающийся деятельности судей, фрагментарно представлен и в других книгах трактата. Так, II.1.28 хорошо вписывается в контекст III книги (ср. III.20.22), см. также (II.1.30).

² Первые три главы IV книги, хотя и заключены по традиции в общую рамку раздела «Кантакашодхана», по содержанию близки ко II книге «Адхьякша-прачара» — «Область деятельности надзирателей» (ср., например, IV.2 и II.16, IV.1 и II.14).

³ Джанапада (ср. II.1.5; XII.4.1) в данном случае — страна.

⁴ Объединения 10, 400 и 800 деревень (ср. КА II.1.4). В отличие от IV.1.1, в III.1.1 пропущена «карватика» — объединение 200 деревень, что, вероятно, является случайностью. К тому же в обоих фрагментах перед нами модель адми-

нистративного деления государства, которая уже поэтому не может претендовать на полноту; в частности, трудно объяснить отсутствие промежуточных административных единиц между санграханой и карватикой.

⁵ Когда преступление совершало должностное лицо, на него налагали штраф руководители соответствующего ведомства или его судил прадештар.

⁶ О прелюбодеянии и полагающемся за него наказании говорится в IV.12.35. Оно считается тяжким преступлением.

⁷ Все сказанное находит аналогию в современной Индии, на что обратил внимание, в частности, Д. Дерретт. Согласно данным одного обследования, проведенного в Южной Индии, там еще в 60-х годах рассмотрение проступков членов каст и вынесение приговора находилось в ведении кастовых панчаятов, а иногда и так называемых мата — религиозных институтов, тесно связанных с кастовой организацией и освящавших своим авторитетом принимаемые панчаятом решения. Суд мата авторитетен в вопросах, касающихся наследования, раздела имущества, заключения браков и других дел, традиционно разбиравшихся внутри общины. Примечательно, что, когда гуру мата выносили приговор, они руководствовались обстоятельствами дела и местным обычаем в дополнение к предписаниям шастр. «На практике это означало, что обычай зачастую превалировал над шастрой, хотя последняя традиционно и до настоящего времени считается сакральным авторитетом (так, в 1961 г. мата Кумбаконан допускала столь распространенные в Тамилнаде кросскузенные браки, несмотря на то что они противоречат шастрам)» [118а, с. 589—590].

⁸ Здесь переплетаются представления и идеи как самих дхармашастр, так и артхашастр.

⁹ На близости текста, в данном случае КА и «Ману-смрити», мы уже останавливались, ссылаясь на комментарий Нанданы к «Ману-смрити» (VII.119). Он, а также комментарии Бхаручи и Медхатитхи свидетельствуют о том, что трактуется материал артхашастры [94, с. 122].

¹⁰ Хотим подчеркнуть, что речь идет именно о праве. Впрочем, иногда сама организация материала в смысле расположения его, как, например, в «Дасакальпе» (III.13), отвечает общим принципам стратификации древнеиндийского общества. Но подобное встречается редко. Важно отметить, что, за небольшим исключением, практический смысл имеют все указания текста III книги КА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Издания текстов

1. Apastambiya Dharmasūtra with the Commentary of Haradatta. Ed. by A. S. Shastri. Benares, 1932.
2. Arthaśāstra of Kauṭilya. Vol. 1—2. A New Edition by J. Jolly and R. Schmidt. Lahore, 1923.
3. Arthaśāstrapadasūci. 1—3. By Shama Shastri. Mysore, 1923—1925.
4. Avadānaśataka. A Century of Edifying Tales Belonging to the Hīnayāna. Ed. by J. S. Speyer. Hague, 1958.
5. Das Baudhāyanadharmasūtra, Hrsg. von E. Hultzsch. Lpz., 1922.
6. Bharuci's Commentary on the Manusmṛti (the Manu-śāstra-vivarāṇa, Books 6—12). Text, Translation and Notes. Vol. 1. The Text. Vol. 2. The Translation and Notes. Ed. by J. Duncan M. Derrett. Wiesbaden, 1975.
7. Bṛhaspatismṛti. Reconstr. by Rangaswami Aiyangar. Baroda, 1941.
8. Brihaspatīsūtra or the Science of Politics According to the School of Brihaspati. Ed. by E. W. Thomas. Lahore, 1921.
9. The Chandogya Upanishad with the Commentary of Sankarācārya. Poona, 1890.
10. Dīgha Nikāya. Ed. by T. Rhys Davids and J. E. Carpenter. Vol. 1—3. L., 1890—1911.
11. Gautamadharmasūtra with the Commentary of Haradatta. Ed. by L. Srinivasacarya. Poona, 1931.
12. Kāmandaki. The Nītisāra or the Elements of Polity. 1—2. Calcutta, 1864—1884.
13. Kāmandakiya Nītisāra. Ed. by Gaṇapati Shastri. Trivandrum, 1912.
14. Kātyāyana Smṛti on Vyavahāra (Law and Procedure). Ed. with Reconstructed Text, Transl., Notes and Introduction by P. V. Kane. Bombay, 1933.
15. Kauṭaliyam Arthaśāstram. 1—3. With the Commentary of T. Gaṇapati Shastri. Trivandrum, 1924—1925.
16. The Kauṭīliya Arthaśāstra. P. 1. A Critical Edition with the Glossary. Ed. by R. P. Kangle. Bombay, 1969.
17. The Mahābharata. Critical Ed. by V. S. Sukthankar. Poona, 1927—1966.
18. Majjhima Nikāya. Ed. by R. Chalmers. Vol. 1—2. L., 1951.
19. Mānavadharmasāstram (Institutes of Manu), with the Commentaries of Medhātīthi, Sarvajñanārāyaṇa, Kullūka, Rāghavānanda, Nandana and Rāmachandra, and an Appendix. Vol. 1—3. Ed. by V. N. Mandlik. Bombay, 1886.
20. The Manusmṛti with the Commentary Manvarthamuktāvali of Kullūka. Ed. with Critical and Explanatory Notes etc. by Narayan Ram Acharya «Kavyatīrtha». Bombay, 1946.
21. [Nārada]. The Institutes of Nārada Together with Copious Extracts From the Nāradaśāstram of Asahāya and Other Standard Commentaries. Ed. by J. Jolly. Calcutta, 1885.
22. Nāradiyamānusamhitā with the Bhāshya of Bhāvasvāmin. Ed. by K. S. Shastri. Trivandrum, 1929.
23. Parāśarasasmṛti with the Commentary of Mādhava. Ed. by C. Tarkalamkara. Calcutta, 1890—1899.
24. [Skrība K.] Die Fragmente des Pitāmaha. Text und Übersetzung. Lpz., 1902.
25. Sukranītisāra or the Elements of Polity. Ed. by Oppert. Madras, 1882.

26. [Vasiṣṭha]. Aphorisms on the Sacred Law of the Āryas, as thought in the School of Vasiṣṭha. Ed. by A. A. Führer. Bombay, 1883.
27. Vasiṣṭhadharmasūtra with the Commentary of Kṛṣṇapaṇḍita. Benares, 1875.
28. Viṣṇusmṛti with the Commentary of Naṇḍapaṇḍita. 1—2. Ed. by V. Krishnamacharya. Madras, 1964.
29. Vyavahāra-Bālabhāṭṭi. Ed. by B. B. Payagunde. Benares, 1914.
30. Vyavahāracintāmaṇi of Vacaspatimiśra. A Digest of Hindu Law on Legal Procedure. Ed. and Trans. by L. Rocher. Gent, 1956.
31. Vyavahāramayūkha of Nilakaṇṭha. Ed. and Transl. by V. N. Mandlik. Bombay, 1880.
32. Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und Deutsch von A—F. Stenzler. B.—L., 1849.
33. Yājñavalkyasmṛti with the Commentary of Aparārka. Ed. by H. N. Apte. 1—2. Poona, 1903—1904.
34. Yājñavalkyasmṛti with the Commentary Bālakrīḍā of Viśvarūpācārya. P. 1—2. Ed. by Gaṇapati Shastri. Trivandrum, 1922—1924.
35. Yājñavalkyasmṛti with the Commentary of Vijñāneśvara and Mitra Miśra. Ed. by N. S. Khiste. Benares, 1924—1930.
36. Yājñavalkyasmṛti of Yogiśvara Yājñavalkya with the Commentary Mitākṣarā of Vijñāneśvara. Ed. with Notes by Narayan Ram Acharya. Bombay, 1949.

Переводы

37. Артхашастра, или Наука политики. М.—Л., 1959.
38. Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М., 1962.
39. Вишакхадатта. Мудрараکشаса. Пер. В. Г. Эрмана. М.—Л., 1959.
40. Дандин. Приключения десяти принцев. Пер. Ф. И. Щербатского. М., 1964.
41. Законы Ману. Пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. М., 1960.
42. Панчатантра. М., 1958.
43. Страбон. География. М., 1964.
44. Чхандогья-упанишада. М., 1965.
45. Apastamba. Trans. by G. Bühler.—SBE. 1879, vol. 2.
46. Baudhāyana. Transl. by G. Bühler.—SBE. 1882, vol. 14.
47. Further Dialogues of the Buddha. Transl. by R. Chalmers. 1—2. L., 1927.
48. Gautama. Transl. by G. Bühler.—SBE. 1882, vol. 2.
49. The Institutes of Bṛhaspati. Transl. by J. Jolly.—SBE. 1889, vol. 33.
50. The Institutes of Nārada. Transl. by J. Jolly.—SBE. 1889, vol. 33.
51. The Institutes of Vishnu. Transl. by J. Jolly.—SBE, 1880, vol. 7.
52. The Jātaka, or Stories of the Buddha's Former Births. Ed. by E. B. Cowell. Vol. 1—4. Cambridge, 1895—1913.
53. Jolly J. Das erste Buch des Kauṭīliya Arthaśāstra.—ZDMG. Bd 74. Lpz., 1920.
54. Kāmasūtra des Vatsyāyana. Übersetzt von R. Schmidt. Lpz., 1900.
55. Kauṭīliya's Arthaśāstra. Transl. by R. Shamashastri. Mysore, 1951.
56. The Kauṭīliya Arthaśāstra. P. 2. An English Translation with Critical and Explanatory Notes. Ed. by R. P. Kangle. Bombay, 1963.
57. The Laws of Manu. Transl. by G. Bühler.—SBE, 1886, vol. 25.
58. The Laws of Manu with Bhasya of Medhātīthi. Vol. 1—5. Transl. and Notes by G. Jha. Calcutta, 1922—1929.
59. Mahābhārata of Kṛiṣṇa Dwaipāyana Vyāsa. Publ. by P. Ch. Roy. Vol. 1—2. Calcutta, 1884—1896.
60. Meyer J. J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben. Das Arthaśāstra des Kauṭīliya. Lpz., 1926.
61. Ordinances of Manu. Transl. by G. Bühler and E. W. Hopkins. Ed. by E. W. Hopkins. L., 1884.
62. Vasiṣṭha. Transl. by G. Bühler.—SBE. 1882, vol. 14.
63. Yājñavalkyasmṛti. Ed. and Transl. by V. N. Mandlik. Bombay, 1880.

64. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни. М., 1976.
65. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.
66. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1973.
67. Бонгард-Левин Г. М. К выходу в свет русского перевода «Артхашастры».— ПВ. 1960, № 3.
68. Бонгард-Левин Г. М. Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев (источники и проблематика).— История и культура древней Индии. М., 1963.
69. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
70. Бонгард-Левин Г. М. К проблеме земельной собственности в древней Индии.—ВДИ. 1973, № 2.
71. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская культура и материализм (Каутилья и локаята).—ВДИ. 1977, № 1.
- 71а. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
72. Вигасин А. А. Брак-купля в древней Индии.—Проблемы всеобщей истории. М., 1971.
73. Вигасин А. А. Источниковедческие проблемы изучения «Артхашастры».—ВДИ. 1972, № 1.
74. Вигасин А. А. О развитии эндогамии древнеиндийских варн.—Индийская культура и буддизм. М., 1972.
75. Вигасин А. А. [Рец. на:] Т. R. Trautmann Kaṭīliya and the Arthaśāstra. Leiden, 1971.—ВДИ. 1973, № 2.
76. Вигасин А. А. «Устав о рабах» в «Артхашастре» Каутилья.—ВДИ. 1976, № 4.
77. Вигасин А. А. Артхашастра, входящая в дхармашастру.—АоФ. 1976, № 4.
78. Вигасин А. А. Юридическая тематика в композиции дхармашастр.—Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979.
- 78а. Вигасин А. А. Монеты и цены в «Артхашастре Каутилья».—Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии. М., 1981.
79. Вигасин А. А., Романов В. Н. Наблюдения над композицией дхармашастр.—Древний Восток и античный мир. М., 1980.
80. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Важные проблемы социально-экономического строя древней Индии (о книге E. Ritschl, M. Schetelich. Studien zum Kauṭīliya Arthaśāstra. В., 1973).—ВДИ. 1977, № 3.
81. Ильин Г. Ф. Особенности рабства в древней Индии.—ВДИ. 1951, № 1.
82. Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии.—История и культура древней Индии. М., 1963.
83. Кальянов В. И. Артхашастра. Политико-экономический трактат древней Индии.—ВДИ. 1939, № 2.
84. Кальянов В. И. О датировке Артхашастры.—ВДИ. 1953, № 3.
85. Кальянов В. И. О времени составления Артхашастры. Доклад на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1954.
86. Кальянов В. И. Новые труды индийских ученых по истории индийской культуры.—ВДИ. 1964, № 2.
87. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
88. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
89. Медведев Е. М. Кармакара и бхритака. К проблеме формирования низших каст.—Касты в Индии. М., 1965.
90. Мсерианц Л. [Рец. на:] O. Stein. Megasthenes und Kauṭīliya. Wien, 1921.—НВ. 1924, № 5.
91. Ольденбург С. Ф. О документе в феодальной Индии.—Сообщения ГАИМК. Л., 1932, № 9—10.
92. Римское частное право. М., 1948.
- 92а. Романов В. Н. О социальной значимости дхармашастр.—Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979.

93. Самозванцев А. М. Проблемы социально-экономических отношений в трудах В. Рубена.—НАА. 1974, № 4.
94. Самозванцев А. М. Об интерпретации главы «Артхашастры» Джанапандивеша.—ВДИ. 1975, № 3.
95. Самозванцев А. М. Теория собственности в древней Индии. М., 1978.
96. Самозванцев А. М. Теория собственности в древней Индии.—ВДИ. 1978, № 2.
97. Самозванцев А. М. Временно зависимые в древнеиндийском праве (по «Артхашастре»).—Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979.
98. Самозванцев А. М. О термине ударадаса в «Артхашастре».—ВДИ. 1979, № 4.
99. Самозванцев А. М. Важные проблемы древней и средневековой Индии в трудах индологов ГДР и Польши.—НАА. 1981, № 5.
100. Самозванцев А. М. К вопросу об эволюции древнеиндийской теории собственности.—Узловые проблемные истории Индии. М., 1981.
101. Самозванцев А. М. Некоторые проблемы изучения древнеиндийского права.—Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии. М., 1981.
102. Чанана Д. Р. Рабство в древней Индии. М., 1964.
103. Шетелих М. О некоторых терминах, определяющих отношения зависимости в «Артхашастре».—Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
104. Adhya G. L. Early Indian Economics. Studies in the Economic Life of Northern and Western India, 200 b. c.—300 a. d. L., 1966.
105. Agrawala V. S. India as Known to Pāṇini. Lucknow, 1953.
106. Banerjee P. An Introduction to the Study of Indian Economics. Calcutta, 1951.
107. Banerjee P. A. Study of Indian Economics. Calcutta, 1957.
108. Basak R. G. History of Nord-Eastern India from the Foundation of the Gupta Empire. Calcutta, 1967.
109. Bhandarkar R. G. Some Aspects of Ancient Hindu Polity. Benares, 1929.
110. Bose N. C. Social and Rural Economy of Northern India, cir. 600 B. C.—200 A. D. Vol. 1—2. Calcutta, 1961.
111. Breloer B. Zum Kauṭaliya-Problem.—ZII. 1929, Bd 7, H. 2.
112. Breloer B. Kauṭaliya-Studien. Bd 1—3. Bonn—Leipzig, 1927—1934.
113. Breloer B. Megasthenes (etwa 300 v. chr.) über die indische Gesellschaft.—ZDMG. 1934, Bd 13, H. 2.
114. Charpentier J. Sagengeschichtliches aus dem Arthaśāstra des Kauṭilya.—WZKM. 1914, Bd 28.
115. Derrett J. D. M. A Newly-Discovered Contact between Arthaśāstra and Dharmasāstra: the Role of Bharucī.—ZDMG. 1965, Bd 115.
116. Derrett J. D. M. Religion, Law and the State in India. L., 1968.
117. Derrett J. D. M. History of Indian Law (Dharmaśāstra). Leiden, 1973.
118. Derrett J. D. M. Dharmaśāstra and Juridical Literature. Wiesbaden, 1973.
- 118a. Eichinger Ferro-Luzzi G. Religious Institutions and Caste Panchayats in South India.—«Anthropos». Freiburg, 1979, Bd 74.
119. Foy W. Die königliche Gewalt nach den altindischen Rechtsbüchern. Lpz., 1895.
120. Führer A.-A. Darstellung der Lehre von den Schriften in Bṛhaspati-Dharmaśāstra. Würzburg, 1879.
121. Gampert W. Die Sühnezeremonien in der altindischen Literatur. Prag, 1939.
122. Gangopadhyaya R. Some Materials for the Study of Agriculture and Agriculturists in Ancient India. Serampore, 1932.
123. George D. Johann Jacob Meyer.—ZDMG. 1968, Bd 118, H. 2.
124. Ghoshal U. N. Contributions to the History of the Hindu Revenue System. Calcutta, 1929.
125. Ghoshal U. N. A History of Indian Political Ideas. Ox., 1959.
126. Gopal L. Sāmanta—Its Varying Significance in Ancient India.—JRAS. 1963.

127. Gopal L. The Economic Life of Northern India, cir. A. D. 700—1200. Delhi, 1965.
128. Hertel J. Literarisches aus dem Kautilyasastra.—WZKM. 1910, 24.
129. Hillebrandt A. Über Kautilyasastra und Verwandtes (86 Jahresbericht der schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur). Breslau, 1908.
130. Hillebrandt A. Zu Kautilya.—ZDMG. 1915, Bd 69.
131. Hillebrandt A. Aus Alt- und Neuindien. (Indische Politiker, Erziehung der indischen Prinzen zur Politik). Breslau, 1922.
132. Hillebrandt A. Die Altindische Politik. Jena, 1923.
133. Hopkins E. W. Epic Mythology. Strassburg, 1915.
134. Jacobi H. Zur Frühgeschichte der indischen Philosophie. SKPAW, 1911.
135. Jacobi H. Kultur, Sprach- und Literaturhistorisches aus dem Kautilya.—SKPAW. 1911, Halbband 2.
136. Jacobi H. Über die Echtheit des Kautilya.—SKPAW. 1912.
137. Jayaswal K. P. Purāṇa Coins and the Date of Manusmṛiti.—JBORS. 1931, 17.
138. Jayaswal K. P. Manu and Yājñavalkya. Calcutta, 1950.
139. Jayaswal K. P. Hindu Polity. Bangalore, 1955.
140. Jolly J. Über die Systematik des indischen Rechts.—ZvR. 1878, Bd 1.
141. Jolly J. Die juristischen Abschnitte aus dem Gesetzbuch des Manu.—ZvR. 1881, Bd 3.
142. Jolly J. Recht und Sitte. Strassburg, 1896.
143. Jolly J. Ein altindisches Lehrbuch der Politik.—Vorhandlungen der ersten Hauptversammlung der internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre. B., 1912.
144. Jolly J. Lexikalisches aus Kautilya Arthasastra.—IF. 1912—1913, Bd 31.
145. Jolly J. Arthasastra und Dharmasastra.—ZDMG. 1913, Bd 67.
146. Jolly J. Kollektaneen zum Kautilya Arthasastra.—ZDMG. 1914—1915, Bd 68—69.
147. Jolly J. Textkritische Bemerkungen zum Kautilya Arthasastra.—ZDMG. 1916—1918, Bd 70—72.
148. Jolly J. Eine neue indische Rechtsquelle.—ZvR. 1919, Bd 37.
149. Jolly J. Staatliches und soziales Leben in Indien.—LO. 1922.
150. Jolly J. Gaṇapati Sastri's Kommentar zu Kautilya. Arthasastra.—Festgabe H. Jacobi. Bonn, 1926.
151. Jolly J. Hindu Law and Custom. Calcutta, 1928.
152. Jolly J. Über die alte politische Literatur Indiens und ihre Bearbeiter.—ZvR. Bd 41.
153. Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. 1—5. Poona, 1930—1962 (2nd Ed. vol. 1., P. 1, Poona, 1968).
154. Kangle R. P. The Kautilya Arthasastra. Vol. 3. A Study. Bombay, 1964.
155. Kangle R. P. On the Date of Gautamadharmasūtra.—Melanges d'indianisme a la memoire de Louis Renou. P., 1968.
156. Keith A. B. The Authenticity of the Arthasastra.—JRAS. 1916.
157. Konow S. Kaṭalya Studies. Oslo, 1945.
158. Kosambi D. D. The Text of Arthasastra.—JAOS. 1958, vol. 78.
159. Law N. N. Studies in Ancient Hindu Polity. 1—2. London—New York—Bombay—Calcutta, 1914.
160. Lingat R. Les Sources du Droit dans le Systeme traditionnel de l'Inde. P., 1967.
161. Lingat R. The Classical Law of India. Los Angeles, 1973.
162. Losch H. Die Yājñavalkyasmṛti. Ein Beitrag zur Quellenkunde des indischen Rechts. Lpz., 1927.
163. Mabbett J. The Date of the Arthasastra.—JAOS. 1964, 94.
164. Madan A. P. Stridhana or Woman's Property in Indian Law.—VIJ. 1971, vol. 9.
165. Maity S. K. The Economic Life of Northern India in Gupta Period (cir. A. D. 300—550). Calcutta, 1957.
166. Majumdar R. C. The Corporate Life in Ancient India. Calcutta, 1922.
167. Meyer J. J. Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kautilya. Lpz., 1927.

168. Meyer J. J. [Рец. на:] B. Breloer. Kauṭaliya-Studien. Bd 1.—DLZ, 28.VII.1928.
169. Meyer J. J. [Рец. на:] B. Breloer. Kauṭaliya-Studien. Bd 2.—ZII. 1929, Bd 7, H. 2.
170. Meyer J. J. [Рец. на:] B. Breloer. Kauṭaliya-Studien. Bd 2.—DLZ, 27.VII.1929.
171. Meyer J. J. *Gesetzbuch und Purāṇa*. Breslau, 1929.
172. Monahan F. J. *The Early History of Bengal*. Ox., 1925.
173. Mookerji R. K. *Local Government in Ancient India*. Calcutta, 1922.
174. Mookerji R. K. *Hindu Civilization. From the Earliest Times up to Establishment of Maurya Empire*. Delhi, 1950.
175. Mookerji R. K. *Chandragupta Maurya and His Times*. Delhi, Bombay, 1952.
176. Mookerji R. K. *Indian Land-System Ancient, Mediaeval and Modern*. Alipore, 1958.
- 176a. Mukherjee P. *Some Observations on the Forms of Marriage in the KA.*—NI. B., 1970.
177. Nag K. *Les Theories Diplomatiques de l'Inde ancienne et l'Arthaśāstra*. P., 1923.
178. Nath P. *A Study in the Economic Condition of Ancient India*. L., 1929.
179. Nath P. *The Date of the Compilation of Kauṭilya's Arthaśāstra.*—IA. 1931, 60.
180. Nath P. *Was the Kauṭilya's Arthaśāstra in Prose or in Verse.*—IA. 1931, 60.
181. Nilakantha Sastri K. A. *History of India*. P. I. *Ancient India*. Madras, 1950.
182. Nilakantha Sastri K. A. *Age of Nandas and Mauryas*. Banaras, 1952.
183. Nilakantha Sastri K. A. *A Comprehensive History of India*. Vol. 2. *The Mauryas—Satavahanas—325 b. c.—300 a. d.* Bombay, Calcutta, Madras, 1957.
184. Rangaswami Aiyangar K. V. *Rājadharmā*. Adyar, 1941.
185. Rangaswami Aiyangar K. V. *Some Aspects of the Hindu View of Life According to Dharmasāstra*. Baroda, 1952.
186. Raychaudhury H. C. *Political History of Ancient India*. Calcutta, 1950.
187. Renou L. *Sur la forme de quelques textes sanskrits.*—JA. 1961, 248.
188. Ritschl E., Schetelich M. *Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse (speziell an Grund und Boden) im Kauṭilya Arthaśāstra.*—MIO. 1966, Bd 2, H. 2.
189. Ritschl E., Schetelich M. *Zu einigen Problemen der frühen Klassengesellschaft in Indien.*—NI. B., 1970.
190. Ritschl E., Schetelich M. *Studien zum Kauṭilya Arthaśāstra*. B., 1973.
191. Rossbach A. *Untersuchungen über die römische Ehe*. Stuttgart, 1852.
192. Ruben W. *Die gesellschaftliche Entwicklung im alten Indien*. Bd 1—6. B., 1967—1974.
193. Scharfe H. *Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kauṭilya*. Wiesbaden, 1968.
194. Schetelich M. *Asvatantṛa in der altindischen Literatur.*—AoF. 1977, Bd 5.
- 194a. Schlingloff D. *Arthaśāstra-Studien.*—WZKSOA. 1965, Bd 9, 1967, Bd 11.
195. Sen-Gupta N. Ch. *Evolution of Ancient Indian Law*. Calcutta, 1950.
196. Sharma R. Sh. *Sūdras in Ancient India*. Delhi—Varanasi—Patna, 1958.
197. Sharma R. Sh. *Indian Feudalism: c. 300—1200*. Calcutta, 1965.
198. Sharma R. Sh. *Light on Early Indian Society and Economy*. Bombay, 1966.
199. Stein O. *Megasthenes und Kauṭilya*. Wien, 1922.
200. Stein O. *Σπριγς and surungā.*—ZII. 1925, Bd 3.
201. Stein O. *Pāṇḍyakavaṭa.*—IHQ. 1928, Bd 4.
202. Stein O. *Versuch einer Analyse des śāsanādhikara.*—ZII. 1928, Bd 6.
203. Stein O. *Neuere Forschungen zur altindischen Sozialgeschichte, Rechts- und Staatsrechtsliteratur.*—AO. 1933, vol. 5; 1934, vol. 6.
204. Stein O. *Arthaśāstra und Silpaśāstra.*—AO. 1935, vol. 7; 1936, vol. 8; 1938, vol. 10.
205. Sternbach L. *Juridical Studies in Ancient Indian Law*. P. 1—2. Delhi—Varanasi—Patna, 1965—1967.

- 205a. Thapar R. Aśoka and the Decline of the Mauryas. L., 1961.
206. Trautmann T. R. Kautilya and the Arthaśāstra. A Statistical Investigation of the Authorship and Evolution of the Text. Leiden, 1971.
207. Udgaonkar P. B. The Political Institutions and Administrations of Northern India during Medieval Times (from 750 to 1200 A. D.). Delhi-Varanasi-Patna, 1969.
208. Voigt J. H. Nationalist Interpretations of Arthaśāstra in Indian Historical Writing.—St. Anthony's Papers, № 18. Ox., 1966.
209. Wilhelm F. Das Wirtschaftssystem des Kauṭaliya Arthaśāstra.—JESHO. 1959, vol. 2.
210. Wilhelm F. Politische Polemiken im Staatslehrbuch des Kauṭalya. Wiesbaden, 1960.
211. Wilhelm F. Die Beziehungen zwischen Kāmasūtra und Arthaśāstra.—ZDMG. 1967, Bd 116.
212. Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Bd 3. Lpz., 1922.
213. Winternitz M. Āditya, the Supposed Author of an Arthaśāstra.—IHQ. 1926, 2.
214. Winternitz M. Ānvikṣikī und Ātmavidyā.—IP. 1929, Bd 1.
215. Zachariae Th. Beiträge zur indischen Lexikographie. B., 1883.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
НАА — Народы Азии и Африки
НВ — Новый Восток
ПВ — Проблемы востоковедения
АоF — Altorientalische Forschungen
АО — Archiv Orientalní
DLZ — Deutsche Literaturzeitung
IA — Indian Antiquary
IF — Indogermanische Forschungen
IHQ — Indian Historical Quarterly
IP — Indologia Pragnesia
JA — Journal Asiatique
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JBORS — Journal of Bhandarkar Oriental Research Society
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
LO — Licht des Ostens
LIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
NI — New Indology
SKPAW — Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften
VIJ — Vishveshvaranand Indological Journal
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands
WZKSOA — Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik
ZvR — Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ¹

- Агама — сделка, источник (способ) приобретения имущества 184
- Адхипала — залогодержатель 115, 116
- Аматья — чиновник 145—151, 201
- Апад — беда, несчастье 194, 215
- Атмавикраин — «продавший себя» в кабалу, категория «рабствующих» 165, 166
- Арья — свободный человек 161—165
- Арьяхавя — статус свободнорожденного 161—165
- Арьятва — свобода 161—165
- Арьяпраиа (арья) — член одной из четырех варн, «свободнорожденный» 161—165
- Ахитака — «заложный» 161—171
- Брахмадеика — собственник земли типа брахмадея 159, 160
- Брахмадея — земля, свободная от податей 159, 160
- Бхреша — порча (объекта сделки) 215
- Бхритака — «получающий жалованье», наемный работник 173—179
- Бхритья — постоянный слуга господина; царский слуга 148—153, 178, 179
- Бхукти — пользование 182, 183
- Варга — группа, категория (контрагентов) 187, 188
- Васту — недвижимость, земельный участок 155—160
- Вьявахара — правовое действие, сделка 213
- Грама — деревня, сельская община 130, 131, 155—161
- Грамика — деревенский староста 130, 131, 147
- Гуна — качество (объекта сделки) 216
- Даса — раб; временно зависимый («рабствующий») 161—171
- Дасабхавя — рабский статус 163—165
- Дасакармакара — «рабы» [и] работники»; категория зависимого населения 171—180
- Даси — рабыня (см. даса)
- Деша — местность, объединение деревень 131
- Деша — документ как доказательство в суде 183, 184
- Джаги — каста; племя 131—136
- Доша — недостаток (объекта сделки) 215, 216
- Дхармастха — судья 188—206
- Карана — юридическое доказательство 182
- Караиа — причина, основание, повод 181, 182
- Кармакара — «выполняющий работу», наемный работник 171, 180
- Кшетрика — «хозяин поля» 157—159
- Кула — семья, патронимия 137—144
- Кулья — дальний родственник, член патронимии (кула) 143—144
- Кушала — «сведущие люди», выступающие третейскими судьями (или экспертами) на суде 200, 202
- Млечча — варвар 133, 163
- Мулья — сумма, цена, стоимость 206—207
- Никшепа — вклад; материал, сырье 212
- Нирупакара — залог, не приносящий прибыли 210, 211
- Паричарака — слуга, находящийся в личном услужении 177, 178
- Паричарика — служанка (см. паричарака)
- Прадештар — чиновник судебно-следственной инстанции, в ведении которого находились дела, в основном уголовного характера, а также должностные преступления 189—191, 197, 200, 201
- Прамана — авторитетность, важность 183
- Пхала — плоды, доход 209

¹ Даются страницы работы, на которых специально рассмотрены данные термины.

- Саманта — «соседи», члены соседской общины; правители соседнего государства, зависимые правители 152—157
- Самая — общинное «соглашение» — обычай 129—137
- Сампурначара — полная дееспособность 186
- Сангха — «объединение» лиц одной профессии, корпорация, «артель», работающая по найму 136, 137, 175, 176
- Свакарана — доказательство права собственности, основание совершения правового действия 185, 186
- Свами — господин-собственник 145, 148, 159—161
- Свамья — власть, собственность 159—161
- Сопакара — залог, приносящий прибыль 203
- Стридхана — особое имущество женщины в семье 139—142
- Упаваса — «поселенец», житель деревни 157—159
- Упанидхи — вклад 211, 212
- Упанипата — бедствие 215
- Шапатха — клятва, произносимая в суде 191
- Шулка — брачный выкуп; шулка («вторая») — брачный дар 139—143
- Шрени — объединение: ремесленные и торговые корпорации 136, 137

SUMMARY

Central to the work is a newly made commented translation of Book Three of Arthashastra (KA) devoted to legal questions. The translation follows chapters which set forth the history of the study of the treatise and consider questions of primary importance in terms of source study. In the concluding part the text of the monument (predominantly its legal chapters) is analyzed from the point of view of the social structure and legal history of Ancient India.

The authors assume that the KA text was compiled at the beginning of our era. At the same time, since the sources of the «science of politics» — arthashastra — go back to the pre-Mauryan age the material of the treatise cannot be presumed to date from that period.

Arthashastra's legal chapters are distinguished by their unity and systemic character and, apparently, reflect the specific features of the society and state of Ancient India more fully and authentically than the dharmashastras. This is accounted for both by the general world outlook of the KA compilers («philosophy of artha») and, most probably, by the use of documentary material (recordings of customs, royal edicts, etc.) in the literature of this genre.

As applied to the social history of Ancient India, particular attention is given to two problems — the community and slavery. In the authors' opinion, the data contained in KA show that the social structure of the period was represented by communal system being understood as territorial, kin and vocational units. The authors identify signs which make it possible to bracket these different social organisms into the integral notion of «community» and analyze the internal structure of its most characteristic forms — rural or territorial. As a special type of communal organization related to the clan and patronymy is considered the caste (jati). Society thus appears as a system of large and small communities which formed part of each other of overlapped. Each individual was a member of a joint family, a rural community, a vocational association, a caste, etc. simultaneously.

An important problem for the understanding of socio-economic relations — that of property (primarily in land) — should be considered in the light of the communal structure of society as a whole. According to the authors, KA reflects the existence of private (more exactly, all-family) property but it was closely connected with the

membership of, and to varying extents was limited to, a communal collective (the right of preferential purchase of a plot of land, etc.).

The unique material of the treatise on slavery is appropriately connected with the problem of the structure of society as determined by its castes and social estates.

KA defines a slave as a «two-legged property» acquired by all expedients whereby property was acquired. At the same time, the term «slave» (*dasa*) is sometimes used in a broader sense showing the presence of numerous categories of personally dependent people. The most important of these was the *ahitaka* (pledged). The position of the latter in his master's house is as different from that of a born or purchased slave as the status of any deposit from that of a thing which belongs to its owner as property. KA reflects the striving to keep the varna system members from becoming slaves and limit the master's rights with respect to the temporarily bonded category (i. e., not slaves in the full sense of the word).

In the context of slavery is discussed the problem of hired labour. The term «*karmakara*» usually implies all who give others paid services. They did not form a specific social category at all. At the same time, hired work as a regular occupation and *modus vivendi* points to social inequality and the absence of ample rights in a worker. For a number of relevant categories hired work, as it were, was a form of temporary dependence close to slavery or the patriarchal dependence. It was determined by the worker's low social (caste) status.

A society based on the communal principle had to have extremely limited possibilities of the development of slavery. Due to the territorial communities' own hierarchical structure the requirement in the exploitation of slaves was apparently none too great. It is worth noting, however, that the manifold forms of dependence in the economies of extended families were conceptualized in terms of slavery whereas the underprivileged status of the lower castes created possibilities for semi-slave forms of exploitation.

The main tax-paying population, according to KA, was formed by the varna known as *shudras*. They were regarded as the lower varna of «pure» Indian society (in distinction from the untouchable castes and barbarians — the *mlecchas*). Possibly, agricultural labour itself was frequently associated with a certain measure of dependence, like work for others, which was precisely what made it possible to categorize the greater part of the agriculturists as the lower varna.

The structure of the state as described in the treatise was distinguished by extreme looseness. It was characterized by the presence of the social stratum of the aristocracy, which dominated the inhabitants of the rural locality and existed at the expense of the taxes levied of them. A big role was played by groupings formed on the basis of clan connections. The detailed enumerations of offices and departments contained in KA give some conception about the developed bureaucratic apparatus which was then in existence. However,

a closer analysis makes it possible to arrive at the conclusion that it was a question of titles rather than of actually performed functions. The boundary between an official appointed by the king for the administration of a locality and the ruler who owned a territory by the right of inheritance was fairly vague. Vast states resulted from external combinations as complex hierarchical structures with the hereditary authority of one ruling clan to which the local princes were subordinated.

The work treats of some problems of Ancient Indian law — the system of legal terminology as used in KA compared to that which was used in the dharmashastras, the court of law and property relations, the specific features of the evolution of law as outlined in works of the arthashastra and dharmashastra types. In particular, the study of the treatise brings one to the conclusion that it has represented in it an original system of legal terminology which was evolved by the arthashastra schools long before the compilation of the monument itself.

The formation of the dharmashastra terminological tradition can be traced on the basis of the data of ancient dharmasutras. Both terminological systems exhibit stability, which can be clearly observed in the process of interaction between works of the two genres. It originated at a very early date — already between the early arthashastras and dharmashastras — and was expressed in the borrowing by the latter of the arthashastra material. It is important to note that some ritual terms of the dharmashastra, as regards their significance (agama, pramana, etc.), first, acquired a legal semantic colouring and, second, became clear notions which organize the arthashastra material. Its terms are not included in the dharmashastra and if some did get there they changed their semantics and did not duplicate the notion of dharmashastra. A similar change was undergone by the dharmashastra terms which got into the arthashastra texts.

The mutual influence of works of the two genres was particularly intensive at the boundary of the eras, before and after the compilation of KA, which is particularly noticeable in the case of Manusmṛti and Yajñavalkya-smṛti. Their texts concentratedly included the material of the KA sources and of the treatise itself as well as the arthashastra terms.

In spite of all stability of the arthashastra and dharmashastra legal systems one should point out the specific features of their functioning. The KA law exhibits a fairly high degree of perfection providing for a variety of cases and accurately prescribing punishments for specific crimes. However, this completeness shows the long preceding development of the arthashastra tradition, including of the legal science which evolved in its schools. The treatise was an instruction to judges pertaining to the general principles of the administration of justice but not a practical guidebook. The dharmashastras, on the contrary, gradually began to play the role of authoritative legal texts being oriented to the traditional norms of common

law (within the framework of the ritually conceptualized virtuous behaviour). This also exercised an influence on the dharmashastras' legal model, which showed amorphousness and levelling thus making it possible to use it in the concrete conditions — those of some concrete village (locality, religious and other communities).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
1. Очерк истории изучения «Артхашастры»	6
2. Истоки и характер традиции артхашастры	26
3. Дхармашастры и «Артхашастра» Каутильи	37
4. III книга «Артхашастры»	49
<i>Глава 1. «Область деятельности судей» — III книга «Артхашастры»</i>	55
1. Перевод	55
2. Комментарий	88
<i>Глава 2. Общество и государство</i>	129
1. Община, каста, семья	129
2. Государство	145
3. Собственность	155
4. Рабство и наемный труд	161
<i>Глава 3. Проблемы древнеиндийского права</i>	181
1. Важнейшие правовые понятия	181
2. Суд и процесс	188
3. Имущественное право и его понятия	206
4. Древнеиндийское право — проблемы формирования и эволюции	216
Заключение	228
Примечания	236
Список литературы	241
Список сокращений	248
Указатель основных терминов	249
Summary	251

*Алексей Алексеевич Вигасин,
Андрей Михайлович Самозванцев*

«АРТХАШАСТРА»
(проблемы социальной структуры и права)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Редактор Л. Ш. Фридман
Младший редактор О. А. Осипова
Художник Б. Л. Резников
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Л. Н. Дегтярева*

ИБ № 14970

Сдано в набор 28.11.83. Подписано к печати 11.05.84. А-05473. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,0. Уч.-изд. л. 18,87. Тираж 3000 экз. Изд. № 5137. Зак. № 838. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28